М. А. Усманов

ЖАЛОВАННЫЕ АКТЫ ДЖУЧИЕВА УЛУСА XIV–XVI вв.

М. Г. ГОСМАНОВ

XIV—XVI ГАСЫР ҖУЧИ УЛУСЫНЫҢ ЯРЛЫКАШ АКТЛАРЫ

КАЗАН УНИВЕРСИТЕТЫ НӘШРИЯТЫ
1979

М. А. УСМАНОВ

ЖАЛОВАННЫЕ АКТЫ ДЖУЧИЕВА УЛУСА XIV—XVI вв

ИЗДАТЕЛЬСТВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1979

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Казанского университета

Научный редактор доктор исторических наук С. М. КАШТАНОВ

У $\frac{10601-049}{075(02)-79}$ 12—79

© — Издательство Казанского университета, 1979 г.

ВВЕДЕНИЕ

История тюркоязычных и других народов средневековой Евразии связана с судьбой империи Джучи, или Золотой Орды, при распаде которой в XV—XVI вв. возникли самостоятельные государственные образования — Большая Орда, Ногайская Орда, Астраханское, Казанское, Крымское, Сибирское, Казахское, Узбекское и другие ханства.

При изучении истории всего Джучиева Улуса или откоповшихся от него ханств историки опираются на ценнейшие известия арабских, персидских авторов XIII—XVI столетий, тюркских историков более поздних времен, русских летописателей, западноевропейских путешественников и дипломатов, а также привлекают данные археологии, этнографии и лингвистики. Что же касается собственно золотоордынских нарративных письменных источников, то мы их сегодня имеем не больше, чем во времена Х. М. Френа, который вынужден был констатировать с огорчением: „напрасно в продолжение 25 лет я искал такую специальную историю Улуса Джучи" [Цит. по: 418,24].

Такие исторические сочинения, очевидно, были во времена существования ханств, но они или погибли безвозвратно, оставив лишь незначительные реликты в тюрко-татарских исторических произведениях более поздних эпох, или же, по крайней мере, еще не обнаружены. Поэтому историкам преимущественно приходится иметь дело с письменными источниками внешнего происхождения, то есть с известиями авторов, которые или записывали свои впечатления при кратковременных посещениях ими интересующего нас региона, или пользовались сведениями из вторых рук. Нередко факты и события фиксировались издалека, причем, исходя из политических устремлений, выборочно, однобоко.

Естественно, что от подобных источников трудно ожидать более или менее полного освещения внутренней политической жизни, социального строя, хозяйства, состояния культуры. Эти источники приближаются по своим качествам к иностранным материалам дипломатического происхождения, которые, правильно фиксируя отдельные факты и события, подвергают их однобокой, тенденциозной интерпретации. Словом, исследователи сталкиваются с целым рядом трудностей источниковедческого характера, связанных, главным

образом, с отсутствием материала для контрольной критики. Чтобы преодолеть хотя бы частично эти трудности, необходимо, наравне с усовершенствованием методических и методологических приемов исследования известных материалов, усилить изучение других видов автохтонных письменных памятников, аутентичных исследуемой эпохе. Речь идет о ярлыках и посланиях, то есть об официальных актах Джучиева Улуса и выделившихся из него государств.

Как известно, актовые источники являются наиболее достоверными и надежными документами при изучении различных аспектов общественно-политической и социальной истории.

Отдельные образцы золотоордынских и крымских ярлыков были введены в научный оборот еще в первой половине и середине XIX в., когда Й. Хаммер, Я. О. Ярцов, В. В. Григорьев, И. Н. Березин опубликовали с небольшими исследованиями ярлыки Тимур-Кутлуга, Токтамыша, Саадат-Гирая, Менгли-Гирая и др. Эти публикации и исследования, хотя и носили предварительный характер, открыли новые возможности для изучения социально-политического и общественного строя Золотой Орды. В качестве примера можно назвать известные труды И. Н. Березина, Г. С. Саблукова и др. Последующие исследования В. В. Радлова, А. Н. Самойловича и др. дали значительные сведения о литературном языке и письменной культуре золотоордынской эпохи, раскрыли ее истоки и традиции.

Ярким примером того, как много могут дать ярлыки для изучения социально-экономической истории татарских ханств, являются исследования ярлыка казанского хана Сахиб-Гирая (1523 г.) Ш. Ф. Мухамедьяровым, который установил наличие суюргальной, то есть военно-ленной системы в Казанском ханстве. Эти исследования внесли ясность в изучение структуры феодального общества, аграрных отношений Казанского ханства.

Значительные материалы дают и дипломатические послания государей Джучиева Улуса. Так, опубликованные А. Н. Куратом письма Улуг-Мухаммада, Ахмада, Менгли-Гирая дали возможность К. В. Базилевичу выяснить взаимоотношения между различными государствами [50, 108—112]. Немало ценной информации извлекли из ярлыков и посланий такие исследователи истории Золотой Орды как Й. Хаммер, Б. Шпулер, А. Ю. Якубовский, М. Г. Сафаргалиев, Г. А. Федоров-Давыдов и др.

Естественно, при всем этом акты не могут заменить все виды источников. В то же время актовый материал, „характеризующий правовые взгляды и учреждения феодального общества, как надстроечные явления, помогает... изучению

базиса феодального строя, испытывавшего активное воздействие надстройки" [410, ч. 24].

Итак, крупное значение тюркоязычных актов Джучиева Улуса для изучения его социально-экономической, политической и культурной истории не вызывает сомнений. Однако весьма сомнительна степень их изученности. Например, первые и основные публикации ценнейших ярлыков XIV—XVI вв. были выполнены И. Н. Березиным в 50—60-е гг. XIX в., когда научная тюркология переживала период становления, а текстология тюркоязычных материалов делала лишь первые шаги. Об этом свидетельствуют как признания самого Березина относительно допущенных им неточностей, так и исследования В. В. Радлова, А. Н. Самойловича, которые внесли существенные исправления и уточнения в его прочтение текстов. Как показали наши контрольные прочтения, и сейчас имеются еще неисправленные ошибки.

Все это, естественно, создает ряд трудностей для историка-исследователя, не владеющего соответствующими навыками и знаниями в области языка и текстологии ярлыков.

Другой значительный недостаток ярлыковедения заключается в том, что до сих пор эти документы изучались разрозненно. Правда, некоторые позднейшие исследователи пользовались опытом своих предшественников, но это делалось лишь в необходимой им степени или же делалось явно недостаточно.

Разрозненность в изучении и разбросанность публикаций по различным изданиям, порою трудно доступным, мешали местным историкам более активно привлекать материалы ярлыков в свои труды. Кроме того, в прежних исследованиях преобладало филологическое начало; археографическому, палеографическому, сфрагистическому обследованию не уделялось достаточного внимания. А изучение джучидских ярлыков и посланий в плане дипломатики, если не учитывать частных наблюдений В. Котвича, А. Н. Курата, А. К. Боровкова и отдельных опытов А. П. Григорьева, вообще выпадало из поля зрения. В целом со стороны историков к ярлыкам и посланиям доминировало более потребительское отношение, нежели источниковедческо-теоретическое.

Отсутствие обобщающих специальных исследований по дипломатике тюркоязычных актов продолжает быть причиной путаницы, которая существует в определении подвидов и групп официальных актов Джучиева Улуса. Не только авторы прошлого, но и ряд исследователей наших дней не видят различий между ханскими дипломатическими посланиями, с одной стороны, и собственно ярлыками — с другой. На самом деле послания (*битики*) — это официальные письма, адресованные золотоордынскими или другими государями к равноправным по положению, независимым от них монархам, а ярлыки —

письменные указы, приказания, повеления, предписания собственным подданным или главам зависимых (возможно, лишь фиктивно) стран.

Нельзя признать ярлыками письма беков, мирз или других лиц не ханского происхождения, адресованные иностранным государям, хотя в древних русских переводах или архивных записях применительно к ним может стоять термин „ярлык". Не могут они считаться ярлыками и в том случае, когда в них самих фигурирует такое определение, ибо это может быть результатом или безосновательной претенциозности автора, или же малокомпетентности составителя письма в правилах делопроизводства татарских ханств.

Не только письма беков и мирз вообще, но и послания политически зависимых от других государств ханов, адресованные монархам стран-сюзеренов не могут называться ярлыками. Например, не являются ярлыками многочисленные послания Менгли-Гирая к турецкому султану, так же как письма Мухаммад-Амина к Ивану III, писанные в период русского протектората над Казанским ханством. В то же время письма того же Менгли-Гирая к Ивану III являются ярлыками как по форме, так и по содержанию, что подтверждается не только формулами самих ярлыков, но и материалами русских грамот, исходящих из канцелярии великого князя от его имени.

Таким образом, официальные государственные акты Джучиева Улуса, составляя в целом комплекс источников, должны делиться на подвиды: послания и ярлыки. К посланиям (*битикам*) могут быть отнесены как письма татарских ханов к другим независимым монархам, так и письма беков, мирз — предводителей племен к иностранным государям.

Собственно ярлыки, исходя из функции и различия адресатов, также делятся на более мелкие разновидности: на жалованные ярлыки, выданные собственным подданным (в том числе подданным зависимых стран) и на ярлыки-послания, адресованные вассалам.

Жалованные ярлыки, в свою очередь, включают тарханные, суюргальные, льготные, служилые, охранные и другие разновидности, из них более изучены и известны специалистам лишь тарханные. Относительно суюргальных и других разновидностей этого, к сожалению, нельзя сказать. Поэтому до сих пор о суюргальной системе землевладения в ханствах Джучиева Улуса ученые судили в основном по косвенным данным тарханных ярлыков или же нарративных источников внешнего происхождения. Таким образом, имеется существенный пробел в изучении, осмыслении одной из значительных и ценных групп золотоордынских письменных источников — суюргальных ярлыков, выданных, в отличие от тарханных, на земельные владения — суюргалы. Об изученности

других разновидностей жалований не приходится говорить вообще.

Как видно из этого краткого обзора, в области исследования тюрко-татарских актовых источников в целом имеются существенные пробелы и недостатки.

В то же время было бы несправедливым, если бы эти и другие недостатки мы свели лишь к субъективным факторам, например, к степени подготовленности и компетентности своих предшественников. Определенную роль сыграли не только цели и возможности исследователей-первопроходцев, имело существенное значение количество и качество объектов исследования, то есть объем материала, находившегося в распоряжении ученых. Следовательно, наравне с усовершенствованием метода изучения уже имеющихся источников, необходимы выявление и ввод в научный обиход новых и новых документов. Приступая к настоящему исследованию, автор ставил перед собою прежде всего именно такую задачу. Как будет видно, поиски дали положительные результаты: вместо восьми документов, известных ученым по тюркоязычным версиям, мы располагаем ныне тюркскими оригиналами уже шестидесяти одного документа.

Вместе с тем качество прежних материалов и объем вновь выявленных источников позволяют расширить намечаемый круг задач, от выполнения которых зависит успех будущих изысканий в этой области. Изложим их суть в полном (желаемом) виде.

I. Изучение тюркоязычных официальных актов XIV—XVI вв. должно осуществляться не по узко-локальному принципу, когда в центре внимания находится лишь группа документов, относящихся к истории или собственно Золотой Орды, или лишь Казанского ханства, а по всему комплексу актов, относящихся к различным областям Джучиева Улуса. Одновременно внутри комплекса необходимо выделять разновидности, группы и учитывать их специфические особенности. Иными словами, этот комплекс должен изучаться как единое целое, состоящее из конкретных частей; при этом и само изучение должно носить всесторонний характер.

Преимущество такого комплексного подхода обуславливается тем, что, например, пока нам известны лишь один-два тарханных ярлыка по Казанскому ханству, тогда как собственно от Золотой Орды в целом мы располагаем, кроме тарханных ярлыков, несколькими образцами ханских посланий; от Крымского государства, кроме вышеназванных разновидностей, сохранилось несколько десятков суюргальных, служилых, льготных и прочих жалований. Эти документы, вместе взятые, дополняя друг друга, создают возможность для взаимной конкретизации, уточнений. Это, во-первых.

Во-вторых, такой подход оправдан не только исторически, но необходим и методологически. Ареалы прежних социальных явлений, общественных категорий не всегда совпадали и совпадают с этническими границами поздних эпох, особенно с границами расселения народов в новые и новейшие времена, хотя более поздние данные этнополитической карты можно объяснить лишь фактами общественно-политических отношений прошлого. Поэтому при решении проблем истории какого-либо конкретно взятого народа, обращаясь к далекому прошлому, мы должны осмыслить это прошлое в целом, всесторонне как во времени, в пространстве, так и во взаимосвязях с другими явлениями той отдаленной эпохи. „Весь дух марксизма, — писал В. И. Ленин, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории" [12, 329]. Следовательно, изучение как общих, так и частных проблем должно осуществляться в тех масштабах и рамках, в которых возникали, существовали и развивались те или другие общественно-политические институты, социальные категории. Как писал В. И. Ленин, диалектика „требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого" [9,286].

В-третьих, такой широкий подход спасает нас от опасности искусственной „национализации", то есть этнико-однобокой локализации прежних над- и донациональных явлений. Изучая тюрко-татарские акты средневековья, мы занимаемся прошлым не только одного народа, скажем, казанских татар или ногайцев, но одновременно занимаемся в той или иной степени материалами по истории и других народов Евразии, как-то: башкир, казахов, караимов, каракалпаков, крымских татар, кумыков, узбеков, туркмен, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов и, конечно, русских.

Например, можно ли в полном объеме представить историю феодальных отношений, в том числе различных категорий жалований на Руси XIII—XVI вв. без осмысления содержания и особенностей института тарханства в Джучиевом Улусе?! Нет.

В конце концов, мы изучаем не этническую историю, тем более не национальные реликвии, связанные с именами „своих" или „чужих" государей, а собираемся исследовать источники, непосредственно свидетельствующие о многих аспектах социальных, общественных и производственных отношений. Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, „... понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму

общения — то есть гражданское общество, на его различных ступенях — как основу всей истории...“ [4, 36—47].

Словом, „расширение“, точнее восстановление и конкретизация географии объекта исследования необходимы как исторически, так и методологически, ибо в данном случае это единственный путь соблюдения принципов историзма: „Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса, — писал В. И. Ленин, — является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране..., учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи“ [11, 263—264].

II. Немаловажное значение имеет исторически оправданное определение хронологических рамок исследования.

Джучиев Улус возник в XIII столетии. С конца XIV в. начинается процесс распада империи. В XV столетии на территории этого государства возникают несколько политических образований: Большая Орда — прямая наследница Золотой Орды в территориальном отношении, Крымское, Казанское, Астраханское и другие ханства. Эти государства, несмотря на этническую неравнозначность, даже обособленность их населения, в политическом и общественном отношениях в той или иной степени продолжали традиции Джучиева Улуса. В середине XVI в. пали Казанское, Астраханское ханства, а в Крыму еще до этого установилась протекция Турции. Поэтому наиболее вероятной хронологической рамкой применительно к понятию „Джучиев Улус“ были бы XIII—XV вв. Однако, в силу ряда объективных и субъективных причин, необходимо за эту границу брать XIV—XVI вв.

Дело в том, что наиболее ранние ярлыки, дошедшие до нас в тюркских оригиналах, относятся лишь к XIV в., следовательно, начало хронологических рамок определено самими материалами. Что касается верхнего потолка — XVI в. —, то для него также имеются объективные причины. Во-первых, названные ханства и после распада империи в той или иной степеин продолжали, обновляя, развивать некоторые элементы прежних общественно-политических и социальных традиций. „Так называемое историческое развитие, — писал К. Маркс,— покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе...“ [1, 732]. Поэтому вполне закономерно, что в актах XV, XVI, даже начала XVII вв. мы находим традиционные элементы прошлых эпох, сохранившиеся как архаизмы, реликты.

Во-вторых, начиная со второй половины XVI в., в Крыму происходит процесс туркизации, то есть „османизации“ во многих сферах жизни, в том числе и в сфере официального делопроизводства внутреннего назначения; следовательно, здесь мы сталкиваемся с элементами не только тюрко-татар-

ских письменных традиций. Однако это должно квалифицироваться не как недостаток, а как своеобразие, способное рельефнее показать архаичные элементы и реликты прошлого, которые при ретроспекции помогут воссоздать недошедшее и забытое. В силу всего этого конечной датой является стык XVI—XVII столетий, после которого процесс туркизации крымско-татарского делопроизводства завершился почти полностью (последний документ наш датируется 1010/1601 годом).

Наконец, нужно учитывать, что принятые хронологические рамки относятся не к самим социальным институтам тарханства, суюргала и др., а лишь к тому конкретному комплексу документов, в которых содержится необходимая для нас информация.

III. Охватить в одном исследовании все дошедшие до нас тексты официальных актов Джучиева Улуса практически трудно и неоправданно методически. Трудно потому, что это ведет к попытке объять необъятное; неоправданно по той причине, что, не осмыслив части чего-то большого, невозможно полноценно освоить его в целом. Поэтому объем материала на данном этапе изучения ограничивается двумя аспектами: во-первых, **тюрко-язычной оригинальностью**, во-вторых, **конкретной разновидностью** жалованных ярлыков.

Первое ограничение связано с тем, что в исследовании, в котором основной задачей является установление соотношения формы и содержания и проникновение через форму в суть содержания, старинные ненаучные переводы утерявшихся уже документов не могут быть надежным материалом. Второе ограничение оправдано в том отношении, что оно будет способствовать не только углубленному осмыслению особенностей конкретно взятой разновидности, но также и выработке методики исследования. Таким образом, в нашем исследовании основным объектом изучения являются тюрко-татарские жалованные ярлыки, сохранившиеся в оригиналах, как в подлинниках, так и в копиях.

Строгое определение круга исследуемого материала даст возможность „... брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...“ [14, 351].

Разумеется, по мере необходимости и возможности будут привлекаться данные и тех ярлыков, которые представлены в переводах и тех актов, которые в жанровом отношении выходят за рамки жалований.

IV. После того как были определены регион, хронологические рамки и объем исследуемого материала, становится возможным вести речь о конкретных задачах — о введении текстов жалованных ярлыков в активный научный оборот. До сих пор полностью освоенными в научном отношении

можно считать лишь **восемь** ярлыков, частично — **шесть**. Следовательно, из известных на сегодняшний день 61 документа неосвоенными являются 47, из них совершенно неизвестны науке — 24 акта [подроб. см.: 385]. Имея в распоряжении такое значительное количество документов, было бы целесообразнее вводить их в научный оборот не по частям, а издать вместе в виде цельного корпуса. Наиболее правильным было бы опубликовать тексты на основе письменности оригиналов и в обязательном порядке представить переводы всех текстов на русский язык.

Разумеется, издание оригиналов, переводов должно сопровождаться соответствующим текстологическим комментарием, историко-филологическим анализом. Привлекая данные аутентичных тюркоязычных письменных памятников, а также материалы живых тюркских языков, необходимо устанавливать смысловые значения, семантические оттенки целых фраз, отдельных слов, терминов и даже грамматических форм, хотя такие филологические исследования не должны превратиться в лингвистическую самоцель, а должны играть в данном случае вспомогательную роль.

V. Текстологическому изучению ярлыков, являющемуся в определенной степени завершающим этапом введения материалов в научный оборот, должно предшествовать археографическое обследование и описание их с установлением общности и различий между отдельными документами или их группами. Это, с одной стороны, даст дополнительный материал для правильного осмысления содержания документов; с другой, поможет установить, на основе поздних копий, особенности оформления утерявшихся подлинников; в-третьих, позволит выявить характерное и случайное в тюрко-татарском официальном делопроизводстве, и, наконец, дополнит наше знание о путях и этапах развития культуры делопроизводства в Джучиевом Улусе в целом.

VI. Наравне с археографическим описанием ярлыков немаловажное значение имеет и общая палеографическая характеристика их. Выяснение особенностей языковой и графической ситуации, общий анализ письма различных групп документов, локальных районов и отдельных периодов, установление своеобразия почерков, накопление знаний о материалах письма, наблюдения за взаимосвязями письменной культуры региона и других мусульманских стран — все это позволит глубже осмыслить многие аспекты духовной и материальной культуры народов, входивших в состав Джучиева Улуса. Кроме того, палеография позволит решить и другой важный вопрос — вопрос о подлинности ряда документов.

VII. Подлинники жалованных ярлыков и посланий должны подвергаться также сфрагистическому обследованию, ибо в ярлыках и посланиях имеется значительный материал для

изучения формы, содержания и назначения различных удостоверительных знаков — квадратных тамг разных цветов, перстневых печатей, также гербов — родовых знаков и, наконец, тамговых титулов государей.

VIII. Один из основных разделов исследования, после археографо-палеографических, сфрагистических изысканий, должен быть посвящен изучению ярлыков в плане дипломатики, с выявлением характерных статей, основных формул, устойчивых или изменчивых компонентов с установлением их содержания и назначения. Такое формальное, на первый взгляд, исследование на самом деле является наиболее верным и кратким путем для осмысления содержания изучаемых документов. Установление типов формул и статей, традиционных элементов, выявление нововведений (неологизмов), исключений или случайностей дадут возможность более уверенного толкования содержания документов.

Без теоретического осмысления этих проблем трудно практическое решение введения ярлыков в научный оборот — осуществление их перевода, комментирования и т. д.

Подобное формально-дипломатическое исследование призвано так же решить вопрос об истоках и позднейших традициях делопроизводства Джучиева Улуса, что даст возможность осветить некоторые стороны культуры и административных традиций тюркоязычных народов средневековья.

Наконец, дипломатико-типологическое изучение жалованных ярлыков создаст условие для осуществления классификации официально-актовых источников внутри жанра (научная классификация еще не полностью освоенных материалов не должна предшествовать в качестве вводной части или априорных решений исследованиям, а должна исходить из их результатов).

IX. Завершающим этапом изучения ярлыков в плане вспомогательных исторических дисциплин должно быть их исследование в широком источниковедческом отношении; при этом особое внимание следует обратить на содержание социальных, общественных и других специальных терминов. Такое исследование призвано сформировать конкретные представления о социальной структуре, политическом строе, юридических и правовых нормах тех обществ, к истории которых имеют отношение изучаемые документы. Одновременно необходимо уделить должное внимание выявлению парных терминов с одинаковым содержанием, терминологических синонимов, ибо в результате их превращения в самостоятельные понятия возникает лишь путаница.

Таковы, вкратце, те основные задачи, которые стоят ныне перед исследователями жалованных ярлыков и посланий — этих пока единственных аутентичных и автохтонных письменных источников, изучение которых, как мы старались доказать,

должно носить комплексный и системный характер. Лишь при таком широком и всестороннем научном подходе они могут дать исследователям дополнительные сведения по тем или иным вопросам общей истории, социального строя и культуры тюркоязычных и других народов средневековой Евразии.

Все, что изложено выше, касается общих, так сказать, генеральных задач изучения тюрко-татарских официальных актов, в том числе и жалованных ярлыков. Естественно, в одном исследовании с ограниченным объемом и теоретически, и практически невозможно решение всех указанных задач. Поэтому в настоящей монографии, являющейся относительно самостоятельным исследованием, берется лишь часть вышеперечисленных проблем. Из указанных пунктов первые три (I, II, III), в которых определяются регион, хронологические рамки и объем изучаемых материалов, составляют некоторые общие аспекты методической и методологической основ исследования. Из остальных шести насущных — собственно ярлыковедческих проблем — в задачу монографии входят пункты V, VI, VII и VIII, то есть проблемы археографии, палеографии, сфрагистики, дипломатики (включая вопросы классификации).

Таким образом, конкретной задачей исследования является, выражаясь кратко, внешняя критика жалованных ярлыков в широком смысле слова, включая сюда условно и формальную дипломатику. (Формальную дипломатику к внешней критике отношу по той причине, что она является не конечной целью, а служит инструментом для углубленного освоения содержания, то есть для полного осуществления внутренней критики источников).

Решение же других актуальных проблем, например, создание корпуса текстов жалованных ярлыков с соответствующими исследованиями их (IV), осуществление широкого источниковедческого анализа (IX), то есть внутренней критики, в целом, должны быть темами для будущих самостоятельных изысканий; иначе говоря, они в нашу задачу на данном этапе не входят.

В таком резком отделении внешней критики от внутренней нет ничего странного. Если невозможно полноценное освоение содержания источников без достаточного знания их формы, то специальное изучение последней имеет полное право на осуществление.

Разумеется, что более или менее точное определение круга задач еще не гарантирует их успешного решения. Успех зависит не только от плана или желаний, но и от ряда объективных условий, как то: объем материала по данному вопросу, степень решенности других смежных проблем и др. Поэтому предлагаемый труд, являясь лишь первой попыткой в

этой области, имеет следующую специфическую особенность: основной задачей его является осмысление жалованных ярлыков прежде всего внутри жанра; следовательно, широкое сравнительное изучение их с привлечением материалов по актам на других языках и по другим регионам оставляется на будущее и другим специалистам.

В то же время невозможно было бы изучать жалованные ярлыки Джучиева Улуса в изоляции от других разновидностей официальных актов этого государства. Учитывая это, историю изучения ярлыков, опубликованную в виде отдельной статьи [387], мы рассматривали не только в плане исследования одних жалованных документов, а значительно шире, охватывая и дипломатические послания, то есть официальные акты в целом. Поэтому принцип „внутри себя" имеет в некоторой степени не видовой, а регионально-хронологический характер. (Не названные в только что указанной историографической статье или позднее опубликованные по теме новые работы учтены в данной монографии).

* * *

Одной из сложных проблем методики научного исследования являются вопросы терминологии. Как известно, содержание терминов постоянно меняется; отмирают старые, возникают новые, иногда, по необходимости, в старое словесное оформление понятий привносятся новые оттенки, порою же в одни и те же слова — определения представители различных специальностей вкладывают различное содержание. В результате возникают несущественные по сути дела недоразумения. Особенно часто встречаются такие „разногласия" в области относительно новых научных разработок. Чтобы исключить подобную несогласованность, хотя бы определенную часть ее, нахожу целесообразным оговориться относительно содержания некоторых терминов и определений.

С другой стороны, в исторической литературе царит разнобой в написании ряда старинных, прежде всего нерусских по происхождению слов, терминов и собственных имен. Одни ученые следовали или следуют традиции старых письменных источников; другие при озвучании средневековых тюркских, в том числе казанско-татарских или ногайских слов руководствуются правилами новой и новейшей турецкой орфоэпии. Поэтому считаю необходимым, не навязывая свою позицию другим, сказать несколько слов и по вопросу правописания специальных терминов, собственных имен.

Начнем с терминов.

Джучиев Улус (Джучи Улус, Улус Джучи). В этот термин вкладывается содержание „Золотая Орда" в широком значении понятия, то есть вся территория „империи Бату-

Токтамыша" и отколовшихся от нее ханств (Астраханское Казанское, Крымское и т. д.), являющихся в политическом и общественном отношениях — но не этногенетическом, хозяйственном и бытовом планах — своеобразными частями Улуса Джучи. Во-первых, это устраняет возможность сведения термина „Золотая Орда" лишь к узкому региону — центральной части государства, тем более к Большой Орде конца XV и начала XVI вв. Во-вторых, такое условное объединение необходимо и правомерно при разработке общих вопросов источниковедения средневековой истории ряда тюркоязычных народов СССР.

Компóзита тюрко-татарское привлекается для более четкой локализации материала и, прежде всего, актовых материалов, в отличие от таковых по Средней Азии, Восточному Туркестану и Турции. Иначе говоря, в нее вкладывается не обобщающее, собирательное значение — "тюркское" вообще, как это неудачно делалось прежде [подроб. см.: 108], а условно привносится новое, конкретизирующее содержание: тюркское по роду и татарское по виду [см.: 387, 118, прим. 4].

Ярлыки, послания (битики). В литературе тюрко-татарские жалованные акты вообще и ханские послания в частности, называют иногда собирательным термином „грамоты", что допустимо в неспециальных, то есть нетюркологических работах. В данном же исследовании, учитывая чрезвычайную полисемантичность последнего термина и расплывчатость его содержания [106], ханские жалованные акты мы будем называть собственным названием — ярлыками, а ханские письма дипломатического характера — посланиями или битиками.

Акты. В советской исторической литературе существует два понимания термина „акты": более широкое в смысле „исторические остатки" (в отличие от „исторических преданий") и более узкое в значении „документы договорного, сделочного характера" [200, 6—7]. В настоящем исследовании термин „акты" употреблен в широком значении; применительно к ханским ярлыкам и посланиям нахожу более удобным условное определение: „официальные акты", „официальные актовые источники". Такой подход продиктован необходимостью рассматривать (возможно, пока) различные подвиды и разновидности ханских ярлыков и посланий как единый комплекс.

В отличие от западноевропейской и русской дипломатики в тюркологии не разработаны специальные термины, обозначающие компоненты условного формуляра. Применяемая в литературе латинская номенклатура без переводов создает ряд трудностей, в том числе технического порядка. Учитывая все это, в данном исследовании я применяю их русские транскрипции или в качестве синонимов их русские экви-

валенты, предложенные С. М. Каштановым [200, 27 — 28]: следует отметить, что это предложение было поддержано практически и другими исследователями джучидских ярлыков [см.: 151, 151а; 355 и др.] Специфические отклонения будут оговорены в ходе работы.

Как было отмечено выше, в исторической литературе наблюдаются факты орфографической „пестроты" в написании тюркоязычных слов, например, таких как: *мурза, морза, мирза; дептер, дефтер, давтар; тархан, таркан, торкан; союргал, сиургал, суюргал* и т. д., а также собственных имен вроде — *Ахмад, Ахмат, Ахмет, Ахмед; Сеадет-Гирей, Сеадат..., Саадет..., Саадат-Iарай; Сагип..., Сахип..., Саип..., Сеип..., Магомет, Махомет, Мухамет, Мухамат, Мехмет; Эминь, Имин, Аминь, Тахтамыш, Токтамыш, Тухтамыш* и т. д. Нет надобности доказывать, что такие разнописания затруднительны. К тому они несправедливы и фактически: одни из них являются результатами буквальной транслитерации с арабописьменного изображения их, другие суть механического переноса закономерностей, норм огузско-турецкой орфоэпии на кыпчакско-татарское произношение подобных специальных терминов и собственных имен. Поэтому при огласовке подобных слов и имен автор **в своем тексте** будет исходить, учитывая опыт текстологов-тюркологов, из особенностей наречий кыпчакской языковой группы, с одной стороны, и графических данных самих ярлыков, с другой. Поэтому пишется *мирза, тархан, суюргал, дафтар; Ахмад, Саадат, Сахиб, Мухаммад, Амин, ...-Гирай* и т. д.

По техническим причинам тюркоязычные цитаты даются в облегченной транскрипции, где дополнительными знаками являются ə (= ä), ɵ (= ö), ɣ (= ü), ң = (нг), ’(= „айн") и *h*.

Арабописьменные образцы текстов представлены в таблицах, каллиграфическому исполнению которых автор обязан выпускнику Казанского университета Р. М. Кадырову.

Пользуясь случаем, я хотел бы выразить свою благодарность работникам рукописных отделов и архивов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, библиотеки факультета восточных языков ЛГУ, Центральной научной библиотеки АН УССР (Киев), научной библиотеки Казанского университета, Центрального государственного архива древних актов (Москва), государственного музея ТАССР (Казань), Матенадарана (Ереван), оказавшим большую помощь автору при выявлении, первичной обработке текстов изучаемых источников. Приятно мне вспомнить гостеприимное радушие сотрудников Крымского областного государственного архива в Симферополе, благодаря организационной помощи которых удалось за короткий срок просмотреть огромное количество архивных дел и выявить новые документы, значительно обогатившие источниковую базу исследования.

Весьма признателен автор доктору исторических наук С. М. Каштанову, докторам филологических наук Х. У. Усманову, А. Т. Тагирджанову, кандидатам исторических наук И. П. Ермолаеву, Ш. Ф. Мухамедьярову, А. Г. Мухамадиеву, прочитавшим труд в рукописи и сделавшим ряд ценных предложений и замечаний. Благодарен я также своим коллегам и товарищам по кафедре истории СССР, по историко-филологическому факультету Казанского университета за их постоянную помощь и содействие в процессе сбора материала по теме и работы над настоящим исследованием.

Автор посвящает свой труд родной *alma mater* — Казанскому университету.

I. АРХЕОГРАФИЯ

Специальных описаний, археографических осмыслений актов Джучиева Улуса, в том числе и жалованных ярлыков, еще нет. Имеющиеся краткие археографические справки по отдельным документам или небольшой группе их весьма разнородны, и, нося сугубо вспомогательный характер, разбросаны по различным изданиям, порою являющимся библиографической редкостью. Поэтому осуществление описания всех известных ныне ярлыков — в подлинниках и копиях — представляется весьма необходимым.

Вместе с тем, следует еще раз отметить, что в представляемой ниже археографической характеристике основных коллекций и описаниях самих документов речь идет лишь о жалованных ярлыках, сохранившихся в тюркоязычных оригиналах.

Спорные вопросы подлинности, атрибуции и датировки, а также вопросы количественного соотношения сохранившихся документов выносятся в самостоятельные разделы.

Глава первая

ОСНОВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ЯРЛЫКОВ В СССР

Исследуемые ярлыки, как ранее известные, так и недавно выявленные [385], сосредоточены группами или по отдельности в следующих библиотеках, архивах и музеях СССР:

1) рукописный отдел библиотеки Ленинградского отделения института востоковедения АН СССР (далее — РО ИВАН);

2) Архив востоковедов при том же учреждении (АВ ИВАН);

3) рукописный отдел библиотеки факультета восточных языков Ленинградского государственного университета (РО ФВЯ);

4) Государственный музей Татарской АССР, г. Казань (ГМТР);

5) Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА);

6) Крымский областной гос. архив, г. Симферополь (КОГА);

7) Центральная научная библиотека АН УССР (ЦНБ УАН);

В перечисленном здесь порядке дадим характеристику ярлыковым коллекциям с кратким освещением истории их возникновения.

I. **РО ИВАН.** Коллекция состоит из двух частей, из них первая включает подлинники двух ярлыков — Токтамыша 1392 г. и Саадат-Гирая 1524 г. (в описании: №№ 1, 15). Поступили они в Академию наук в 1843 г., о чем на их оборотах имеются специальные записи Я. О. Ярцова. Судя по сохранившейся переписке между министром иностранных дел К. В. Нессельроде и генерал-губернатором С. М. Воронцовым, еще в конце 30-х годов царское правительство, возвращая 63 документа, в том числе и жалованные акты, для раздачи их владельцам, изъявило желание приобрести ярлыки Токтамыша и Саадат-Гирая и просило вести переговоры с их владельцами [36, № 1436, л. 13—62].

Весьма богат и разнообразен состав второй части коллекции, которая по „Инвентарной книге № 1 документального фонда" носит ошибочное название „Турецкие фирманы". Здесь находятся более 90 подлинников и копий крымских ярлыков, данных между 864 /1459—1197/1783 гг. Из них к нашему периоду, то есть до конца XVI в., относятся только 20 документов. Это: **один** ярлык Хаджи-Гирая (по оп. № 5), **три** жалования Менгли-Гирая (№№ 7, 10, 11), **один** акт Сахиб-Гирая I (№ 23), **четыре** ярлыка Даулят-Гирая I (№№ 26, 29, 33, 35), **три** жалования Мухаммад-Гирая II (№№ 35, 37, 46), **три** ярлыка Газы-Гирая II (№№ 52, 54, 56).

Кроме них представлены образцы еще неизученных султанских жалований: по одному ярлыку Мухаммад-Гирай-султана I (№ 12), Адиль-Гирай-султана (№ 28), Мухаммад-Гирай-султана II (№ 31), Мехри-султан-хани (№ 51) и Фатх-Гирай-султана (№ 57).

Сложна история образования этой части коллекции. Судя по публикациям В. Д. Смирнова, А. Н. Самойловича, ряд документов принадлежал вначале Таврической ученой архивной комиссии; другие были извлечены из различных дел архивного фонда Таврического дворянского депутатского собрания; некоторые документы, возможно, хранились ранее в других архивных фондах Крыма. После Октябрьской революции часть этих документов находилась в Архивном управлении Крыма. В дальнейшем все они оказались в фондах РО ИВАН. Обо всем этом свидетельствуют оттиски печатей, штампов, представленные на оборотах самих актов.

Таким образом, в РО ЛО ИВАН хранится всего 22 документа, из них 17 представлены в подлинниках (№№ 1, 5, 11, 15, 23, 26, 29, 31, 33, 35, 36, 37, 46, 51, 52, 54, 56), один в аутентичной заготовке (№ 7) и 5 в копиях (№№ 10, 12, 28, 50, 57). В то же время из этих 22 документов полностью

освоены в источниковедческом отношении, то есть опубликованы в тюркском оригинале с научным переводом и соответствующими исследованиями лишь два ярлыка — №№ 1 и 15; имеют научные переводы шесть жалований (№№ 5, 7, 11, 36, 37, 56); в старых канцелярских переводах изданы тексты двух актов (№№ 31, 38). Следовательно, тексты 12 ярлыков (№№ 10, 12, 23, 26, 28, 29, 35, 46, 51, 52, 54, 57) еще неизвестны широкой научной общественности.

II. **АВ ИВАН.** В личном архиве В. Д. Смирнова (ф. 50, ед. хр. 6, 87) хранятся копии нескольких крымских ярлыков, присланных ему Ф. Ф. Лашковым и Н. Мурзакевичем. Значение оригинала имеют лишь две копии (остальные известны нам по подлинникам). Это суюргальное жалование Сахиб-Гирая (№ 22) и тарханный ярлык Газы-Гирая II (№ 50). Качество копий плохое.

III. **РО ФВЯ.** Настоящая коллекция состоит из трех рукописных сборников (Ms. 0.1231 и Ms. 0.903, Ms. 0.904), в них представлены копии и переводы более 40 жалованных актов XIV—XVIII столетий.

Однако из этого комплекса значение оригинала имеют лишь 13 копий (остальные известны по подлинникам или же выходят за хронологические рамки нашего исследования). Они принадлежат следующим правителям XVI в.: **три** ярлыка Сахиб-Гирая (по оп. №№ 16, 17, 24), **три** жалования Даулят-Гирая I (№№ 30, 32, 34), **по два** акта Мухаммад-Гирая II (№№ 38, 44), Ислам-Гирая II (№№ 47, 49) и **три** ярлыка Газы-Гирая II (№ 58, 59, 61).

Все три рукописных сборника (далее — Сб. 1231, Сб. 903, Сб. 904) являются частями одного большого собрания копий ярлыков, находившихся ранее во владении Я. О. Ярцова и В. В. Григорьева. Первый из них является собранием беловых списков копий различных ярлыков; второй содержит черновые варианты этих и других ярлыков; третий включает русские переводы ряда документов.

Чтобы выяснить историю происхождения этой коллекции и установить достоинства каждого сборника, дадим развернутые описания первых двух сборников (третий не содержит тюркоязычных текстов).

Сборник 1231 (инв. 3900—3909), носящий название „Ханские ярлыки", в тонкой зеленоватой картонной обложке, состоит из 18 листов, с размерами 22,5 × 35 *см* (лл. 1,3—7,12, 14—17) и 20 × 34,5 *см* (лл. 2, 8—11, 12, 18). Бумага российская, второй четверти XIX в. Количество строк на листах различно. Чистыми оставлены лл. 1об, 12об, 17об, 18об. Чернила двух цветов — синие и черные. На широких полях, с правой стороны текстов, имеются карандашные пометки:

нумерация листов, перевод дат с хиджры на новое летоисчисление и т. д. Почерк — разборчивый бытовой насх с элементами настаалика. Сохранность хорошая.

Первоначально Сб. 1231 представлял из себя 9 самостоятельных двойных листов, на что указывает инвентарная нумерация ОР ФВЯ 1934 г.— от 3900 по 3909. Имеются также фиолетовые оттиски круглой печати: „Петроградский государственный университет. РСФСР". В инвентарном каталоге, хранящемся отдельно в виде карточек, есть следующая запись: „В 1882 г. приобретено у вдовы В. В. Григорьева; в 1927 г. от вдовы В. Д. Смирнова поступило в библиотеку при содействии А. А. Ромаскевича".

В сборнике содержатся копии следующих 19 ярлыков: 1) л. 1, Сахиб-Гирай, 956 г. х.; 2) лл. 2, 2об, он же, 957 г. х.; 3) лл. 3, 3об, Даулят-Гирай I, 981 г. х.; 4) 4, 4об, Мухаммад-Гирай II, 985 г. х.; 5) лл. 5, 5об, Даулят-Гирай II, 984 г. х.; 6) лл. 6, 6об, Мухаммад-Гирай II, 989 г. х.; 7) лл. 7, 7об, [Ислам.Гирай II], 993 г. х.; 8) лл. 8, 8об, Каплан-Гирай, 1143 г. х.; 9) л. 9, Ислам-Гирай II (в рукописи ошибочно: Селамат-Гирей), 994 г. х.; 10) л. 9об, Мухаммад-Гирай II, 987 г. х.; 11) л. 10 (не назван), 1107 г. х.; 12) л. 10об (не назван), того же года; 13) лл. 11, 11об, Даулят-Гирай, 984 г. х.; 14) л. 12, Газы-Гирай II, 1005 н. х.; 15) л. 13; он же, тот же, то есть повторный текст; 16) л. 13об., он же, тот же год, но другой ярлык; 17) лл. 14, 14об, 15, 15об, Салямат-Гирай I, 1017 г. х.; 18) лл. 16, 16об, Салямат-Гирай II, 1152 г. х.; 19) л. 17, Шагин-Гирай, 1192 г. х.; 20) л. 18, он же, 1193 г. х.

Следовательно, из этих девятнадцати ярлыков к нашему периоду отнбсятся 12 текстов, однако значение оригиналов имеют 11 единиц. Они, согласно порядковой нумерации сборника, следующие: 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 13, 14, 16 (по оп. соответственно: №№ 17, 22, 30, 38, 32, 47, 49, 44, 34, 58, 59). Что касается ярлыка Мухаммад-Гирая 989 г. х. (л. 6), то имеется его подлинник (оп. № 45).

Копии из этого сборника в целом удовлетворительны. В ряде текстов отражено наличие оттисков удостоверительных знаков (синей и алой тамг), так как оставлены свободные места (лл. 1, 2, 12), хотя в остальных случаях этот принцип не соблюдается. Намека на почерковые особенности подлинников нет. Количество строк в копиях не соответствовало таковому в подлинниках.

Почти во всех копиях имеются пропуски — заключенные в скобки чистые места для непрочитанных слов или многоточия (лл. 6, 9, 13 и др.); имеются исправления и зачеркнутые слова (лл. 2, 3, 4, 8, 11об и др.) Словом, автор копии чувствовал себя не всегда уверенным, особенно при чтении относительно ранних ярлыков.

Текстологическая малоподготовленность Я. О. Ярцова прослеживается и в том, что он местами допускал вольность в передаче орфографических особенностей памятников [см. табл. 1]. Как показывают две половины таблицы, Я. О. Ярцов допускал ошибки, нарушал орфографию как при снятии копии с подлинника, так и при составлении двух списков одного и того же текста. Но, защищая его честь, можно допустить, что иногда он имел дело не с оригиналами, а с копиями, снятыми до него другими лицами.

Сборник 903, носящий название „Турецко-татарская рукопись из коллекции В. В. Григорьева“ (инв. 1918/71), состоит из 50 листов (1—49), твердый картонный переплет с кожаным корешком, размеры основной части рукописи — 22,5 × 36 *см*; вклеенные после переплетения тетради листы имеют неодинаковые размеры: 14 × 21,5 (лл. 5, 6), 21,5 × 33 (лл. 13, 16), 18,5 × 22 (л. 15), 12 × 18 *см* (л. 37).

Таблица I

Часть 1		Часть 2	
Ярлык Мухаммад-Гирая II, №45, подлинник.	Тот же ярлык в копии Ярцова Сб. 1231, л. 6.	Копия ярлыка Сахиб-Гирая, Сб. 1231, л. 2.	Копия того же ярлыка по Сб. 903, л. 29.
اوغلانلرينكا	اوغلانلر بيكلرينكا	قومان ليك	قومان بيك
اقتي	اقين	اوغلالر	اوغلانلر
يرليغ شريفمني	يرليغ شريفمين	بيتكاجى	بيتكاچى
انيسي واوغللرى	ايتين واوغللرى	بارچاغا	بارچه غا
آل نشانليغ	آلنشانليغ	بيلكلار	بلكلار
شريفمنى	شريفمين	بسا	بزم
قوي قوزسيندن	قوى قوزيندن	جراق	جرلق
اولاق ايلماك	اولاق اك	اون بيش ليك	اون بيش ميكه
كوچ بآسنچ	كوج باسنج	ايكى ليك	ايكى ميك
يرليغ نى كوره	يرليغ كوره	سا ( ) متوم	بزم منوم
يو نچوغ	يونجوغ	كوينده ( )	كويندن
تيكوركانلرغه نه	تيكوركانلر نه	كم سه	كمى سه

Бумага российская, разного качества, второй четверти XIX в., чернила разных цветов и оттенков. Количество строк на страницах различное; из 100 стр. (50 лл.) 37 оставлены чистыми.

Подавляющая часть текстов арабописьменная, незначительная (перечень копий, заглавия разделов, документов, пояснительные записки к текстам и т. д.) — русская. Основная часть арабских текстов составлена насхом и настааликом. Судя по характеру письма, большинство копий принадлежит Я. О. Ярцову и лишь незначительная — другим лицам.

О принадлежности копий Я. О. Ярцову свидетельствуют повторяющиеся записи: „С подлинного древнего почерка джелли сделал транскрипцию на общеупотребительное письмо М. И. Аз. Департ. первый драгоман Я. Ярцов. Май 1843 г." (лл. 18об; 19об; 23об, 26об).

Рукопись эта попала в библиотеку ФВЯ в прошлом столетии, о чем говорит оттиск круглой гербовой печати: „Библиотека С. Петербургского университета" (л. 1). До этого она находилась во владении В. В. Григорьева, о чем дополнительно свидетельствует перечень документов — „Список турецких и татарских рукописей коллекции Григорьева",— состоящий из шести разделов, обозначенных латинскими литерами, **A, B, C** и т. д.

Однако содержание сборника не полностью соответствует этому перечню. Например, первый подраздел перечня озаглавлен: „**A**. Копии факсимиле на прозрачной бумаге". Под ним дано перечисление двадцати ярлыков (Саадат-Гирая 930 г. х.; Сахиб-Гирая 956, 957 гг. х.; Даулят-Гирая 981, 984, 985 гг. х.; Мухаммад-Гирая 985, 987, 989 гг. х.; Ислам-Гирая 993 г. х.; Салямат-Гирая 996 [?!] г. х.; Газы-Гирая 1005 и опять 1005 гг. х.; Хаджи-Гирая II 1107, еще раз 1107 гг. х.; Каплан-Гирая 1143 г. х.; Салямат-Гирая 1152 г. х.; Шагин-Гирая 1192 и 1193 гг. х.), хотя ни в самом Сб. 903, ни в других просмотренных до 1977 г. рукописях обнаружить эти копии не удалось.

Не содержатся в Сб. 903 и те документы, которые перечислены под заглавиями „Переводы султанских фирманов...", „Переводы ханских ярлыков и других документов в количестве 18 штук...", „Выписки из крымского статейного списка...". Все они представлены в Сб. 904. Следовательно, только пункты **B** и **C** соответствуют содержанию описываемого сборника. В то же время подраздел **C** — „Фирманы султанские и другие документы турецкие" — тематически выходит за пределы нашего исследования.

Таким образом, интерес представляет лишь раздел **B** — „Копии простые на обыкновенной бумаге". В свою очередь, он делится тематически на три подраздела:

1) семь ярлыков крымских ханов: Сахиб-Гирая 956 г. х.; Газы-Гирая 988 г. х.; его же 1010 г. х.; Салим-Гирая 1116 г. х.;

Арслан-Гирая 1164 г. х.; его же 1166 г. х.; Шагин-Гирая 1192 г. х.; напротив них на полях рукой В. В. Григорьева написано: „копии, имеющие значения оригиналов".

2) тексты, переводы уже опубликованных ярлыков (Тимур-Кутлуга, Токтамыша, Саадат-Гирая); на полях читаем: „копии с ярлыков, изданных проф. Березиным и Григорьевым".

3) девять ярлыков: Сахиб-Гирая 956 и 957 гг. х.; Даулят-Гирая 981 и 982 гг. х.; Мухаммад-Гирая 985 и 987 гг. х.; Ислам-Гирая 993 и 994 гг. х. и Шагин-Гирая 1192 г. х., напротив них написано: „факсимиле которых имеются в категории под литерою **А**".

Таким образом, в Сб. 903 представлены списки различных по происхождению актов XIV—XVIII вв. Из них значения оригиналов имеют лишь **два** текста, это: а) ярлык Сахиб-Гирая 956 г. х. (по оп. № 16) и б) жалование Газы-Гирая II 1010 г. х. (№ 61).

Разумеется, отрицать значение повторных текстов, хотя они не всегда качественны, не следует, ибо они, при отсутствии подлинников, могут быть полезными для сравнения и текстологической критики.

Подводя итоги всему вышеизложенному, следует сказать, что в этих весьма сложных по содержанию и качеству двух сборниках представлены копии 13 ярлыков, тексты которых имеют значение оригиналов. Из них четыре (оп №№ 16, 34, 49, 61) до сих пор неизвестны научной общественности, а остальные были опубликованы в свое время в предварительных переводах Я. О. Ярцова (№№ 17, 24, 30, 32, 38, 44, 47) и в искажающих содержание чиновничьих переложениях в книге Ф. Ф. Лашкова (№№ 58, 59).

IV. **ГМТР.** В республиканском музее ТАССР под инвентарным № 5757 (редкий фонд) хранится подлинник тарханного ярлыка Сахиб-Гирая 1523 (№ 14). Ярлык был обнаружен в 1912 г. археографом С. Г. Вахидовым в деревне Мамалаево Мамадышского уезда (ныне Сабинский район ТАССР) у Рахматуллы Ахмарова, который хранил его как лечебный талисман. Памятник был приобретен С. Г. Вахидовым после революции и в дальнейшем передан им музею.

V. **ЦГАДА.** В фонде 1173 хранится дело за 1685 г. (оп. 1, ед. хр. 196, 6 лл.), по которому татарин деревни Танылмас Казанской дороги Уфимского уезда (ныне Танылмас входит в Мензелинский район ТАССР) Кутлумухаммад (Кутлуметка) Кутлугушев получает от русского царя оберегательную грамоту, ибо предки его при „бусурманском царе" были в служилых тарханах. Копия (оп. № 9) тарханного ярлыка Казанского хана Ибрагима (1467—1479 гг.) была предъявлена Кутлугушевым в качестве подтвердительного документа о тарханстве своих предков. Ярлык был выявлен в 1963 г.

Р. Н. Степановым. В деле представлен приблизительный русский перевод, исполненный абызом Артыком Иманаевым и обработанный Стенькой Васильевым.

VI. **КОГА.** В результате просмотра в декабре 1974 г. более 850 единиц хранения двух фондов (ф. 24 — „Комиссия по разбору споров о землях Таврической губернии“ и ф. 49 — „Таврическое губернское дворянское депутатское собрание“) Крымского областного гос. архива мной были выявлены тексты следующих ярлыков: **четыре** ярлыка Сахиб-Гирая (по оп. №№ 18, 19, 20, 21), **два** жалования Даулят-Гирая I (№№ 25, 27), **пять** актов Мухаммад-Гирая II (№№ 39, 40, 41, 42, 43), **одно** жалование Ислам-Гирая II (№ 48) и **три** ярлыка Газы-Гирая II (№№ 53, 55, 60) [см.: 385].

Весьма сложна история происхождения и образования этой коллекции, однако попытаемся изложить ее хотя бы в общих чертах.

В силу того, что присоединение Крыма происходило мирным путем, царское правительство, исходя из помещичье-классовой сущности своей политики, было заинтересовано в привлечении на свою сторону местных феодалов. Одним из основных мероприятий в этом плане было признание феодально-дворянского достоинства и привилегий местной аристократии. Последним необходимо было лишь доказать свое „высокое происхождение“, привилегированное положение в прежние времена. Для этого достаточно было предъявить соответствующие юридические документы. Поэтому в Таврическое губернское дворянское собрание и предъявлялись различного рода актовые документы — ханские ярлыки в подлинниках, копиях и турецкие фирманы. (При отсутствии таковых достаточно было и свидетельства, заверенного подписями уже признанных в дворянстве местных помещиков).

Владельцы действительных документов признавались дворянами, вносились в дворянскую родословную книгу и им выдавались специальные русские грамоты на пергаменах. Именно подобные дела составляют значительную часть вышеназванного фонда 49, состоящего из 6048 дел.

По этому фонду просмотрено более 600 дел, объемом от 5 до 500 лл. и выявлено по XVI в. 10 ярлыков (№№ 18—20, 25, 27, 39—42, 48); из них пять — подлинники (№№ 18—20, 41, 42).

Царизм, наравне с признанием привилегий местных феодалов, проводил активную колонизаторскую политику, поэтому всячески поощрял проникновение в край русского помещичьего землевладения. Пришлые помещики, наравне с освоением целинных и пустующих земель, пытались завладеть и обрабатываемыми земельными участками, в особенности садами, виноградниками. В попытках захвата таких угодий особенно отличались представители высшего военного

сословия. При такой ситуации местные феодалы предпринимали меры для защиты своих интересов; они обращались в судебные инстанции, предъявляя в качестве доказательства своих прав различные документы, в том числе и ярлыки. Обилие подобных спорных дел привело к созданию специальной комиссии, которая в 1800—1810 гг. занималась разбором различных споров. Мною было просмотрено более 250 дел из фонда 24 — „Комиссия по разбору споров о землях Таврической губернии" — и выявлено по XVI в. пять ярлыков в подлинниках (№№ 21, 43, 53, 55, 60).

Таким образом, в фондах КОГА выявлены тюркские оригиналы пятнадцати ярлыков, из которых пока известны устаревшие, то есть чиновничьи, русские переложения лишь пяти текстов (№№ 18, 25, 40, 42, 48). Следовательно, остальные десять документов являются совершенно новыми.

VII. **ЦНБ АН УССР.** В рукописном отделе ЦНБ АН УССР хранятся подлинники трех ярлыков: Менгли-Гирая, Мухаммад-Гирая I и Мухаммад-Гирая II (№№ 6, 13, 45), из них на основе плохой копии был опубликован текст лишь первого документа.

Эти ярлыки ранее хранились в музее Одесского общества истории и древностей, основная часть рукописной коллекции которого погибла во время Второй мировой войны; другая была вывезена в Румынию. При возвращении документов в СССР названные выше ярлыки осели в Киеве. Следовательно, есть основания полагать, что хранившиеся ранее в Одесском обществе суюргальные жалования Улуг-Мухаммада 15 апреля 1420 г. (по оп. № 3) и Менгли-Гирая 30 сентября 1468 г. (№ 8) погибли безвозвратно или попали в другие хранилища.

Таковы основные коллекции ярлыков, хранящихся в СССР. Если присовокупить к ним два ярлыка, которые сохранились в копиях и находятся в Вене (Тимур-Кутлуга, № 2) и в Стамбуле (Хаджи-Гирая, № 4), то общее количество всех известных ныне нам жалованных актов ханств Джучиева Улуса XIV—XVI вв. достигнет 61.

Само собою разумеется, что это число в дальнейшем может значительно увеличиться за счет новых открытий как в СССР, так и за рубежом. Особенно перспективными могут оказаться тщательные поиски в архивах Турции, прежде всего в музее Топкапы в Стамбуле.

Глава вторая

ОПИСАНИЕ ЖАЛОВАННЫХ ЯРЛЫКОВ

В предлагаемом описании ярлыки расположены строго хронологически. Не имеющие сейчас по той или иной причине даты ярлыки будут расположены в конце микрохронологической

группы. Документы, которые подвергались повторным подтверждениям со стороны поздних государей, но без изменения основного текста, располагаются по первоначальной дате.

В тех случаях, когда по тексту и легенде удостоверительных знаков не известно имя правителя, атрибуция производится по датам или другим косвенным показателям.

Каждая статья описания начинается с кратких паспортных данных — имен контрагентов, даты, разновидности жалования с указанием на изначальность или подтвердительность, характера сохранности и, наконец, места и шифра хранения.

Во второй части описания даются археографо-палеографические данные документа с указанием на его индивидуальные черты. В статьях, посвященных ученым копиям, то есть текстам из уже описанных сборников 1231 и 903, такие сведения опускаются.

В самом конце описания, после перечисления выходных данных — места издания и, при наличии имен ходатаев, писцов — упоминаются позднейшие посторонние тексты.

К каждому описанию прилагается краткий справочный аппарат с указанием на характер публикации: особенности воспроизведения оригинала, перевод, описание, аннотации, специальные исследования и т. д. (некачественные повторные публикации текстов на одном и том же языке или упоминания в общих исследованиях не отражаются).

Сведения о внешних данных двух ярлыков, находящихся в зарубежных хранилищах, и двух уже утерянных после издания актов представлены по материалам публикации.

№ 1

Токтамыш — Бек-Хаджию, 24 зулькаада 794/12 окт. 1392 г.; тарханный, изначальный, подлинник; РО ИВАН, D 222/I.

Свиток в 25,2 × 119 *см* из четырех склеенных листов по длине 33, 36, 35,5 и 18 *см* соответственно. Бумага плотная, желтоватая, лощеная с обеих сторон, без филиграни; по происхождению восточная. Размеры текста 21 × 90 *см*, справа поля около 5 *см*. Длина полных строк до 21, коротких до 11 *см*. Почерк изящный, дивани-джали, исполненный вязью; концы строк приподняты кверху. Средняя высота букв по алифу 1,5—2, максимальная высота (в инвокации) от 4 до 6 *см*; расстояние между строками 6—7 *см*, а между инвокацией (богословием) и интитуляцией, то есть обозначением адресанта (далее для краткости — адресант), также между адресантом и основным текстом составляет 10—12 *см*. Чернила черные, выцветшие от времени; твореным золотом писаны: инвокация, адресант, слово „хан“ и заменяющие его местоимения.

Два удовлетворительных оттиска алой тамги квадратной формы (12 × 12 *см*): первый находится напротив 7—8-ой строк

справа (на склеенном стыке II и III кусков), второй — на концах 14—15-ой строк слева, на IV куске бумаги. Корроборация, то есть текстовое удостоверение: „ярлык с алой тамгой".

Сохранность плохая, хотя текст представлен полностью; несмотря на реставрацию в 1970 г., он находится в более обветшалом состоянии, чем в 1843 г., когда с него снимали факсимильную копию. Видимо, утерян небольшой кусок без текста, и, возможно, приклеенный кусок кожи, служивший футляром.

Ярлык дан при пребывании Орды на Дону; дата написана арабскими словами с указанием года по тюркскому циклическому календарю — „год обезьяны".

На обороте имеется оттиск круглой печати ученого отделения Библиотеки востоковедения Министерства иностранных дел и помета Я. О. Ярцова от 3 мая 1843 г.

Библиография: [154; 101; 329] — описание, факсимиле, оригинал, рус. перевод, комментарии, исследования.

№ 2

(по публикации)

Тимур-Кутлуг — Мухаммаду, 6 шаабана 800/24 апр. 1398 г.; тарханный, подтвердительный, копия (XV—XVI вв.); Вена, быв. Королевская библиотека.

Свиток в 23 × 265 *см*. Бумага лощеная, всего 54 строки; справа, напротив второй и третьей строк оставлено место для тамги.

Текст двухписьменный — уйгурский и арабский. Уйгурская версия текста написана черными чернилами „красивыми и крупными буквами". Угловатые буквы „исполнены камышом с очень широким кончиком и написаны справа налево". Под каждым словом „уйгурского текста находится транскрипция очень красивым арабским шрифтом, исполненная красной краской. И эта транскрипция писана так тщательно, что никак нельзя предположить, чтобы она была сделана впоследствии" (В. В. Радлов). Почерк арабской версии, по А. Н. Самойловичу, насталик; по моему же мнению, судя по факсимиле, в нем преобладают элементы насха.

Удостоверение: „ярлык с золотым нишаном и алой тамгой".

Ярлык дан в Мучуране (Муджаваране?) на берегу реки Днепр. Дата по хиджре и „год барса" написаны по-тюркски.

Библиография: [101; 136; 330; 455] — факсимиле, оригинал, переводы на немец. и рус. языки, комментарии, исследования.

№ 3

(по публикации)

Мухаммад (Улуг-Мухаммад)—Туглу-бию, Хзыру, нач. раби II 823/15 апр. 1420 г.; суюргальный, подтвердительный, копия (XIX в.); подлинник утерян.

И. Н. Березин, согласно литографированной копии, отмечал: на ней „изображена и ханская печать с арабским текстом куфическими буквами"; в копии имеются „приписки" (поздние?), взятые в кружки. Удостоверение: „Ярлыки с золотым нишаном и алой тамгой".

Текст сильно искажен при литографировании; многие фразы и обороты, термины доведены до неузнаваемости. И. Н. Березин, на основании предположения, дату 823 исправил на 923/1517 г. и относил акт к Мухаммад-Гираю I.

Дата написана по-татарски, параллельно назван „год мыши", место выдачи — „благословенный Крым".

Библиография: [103] — оригинал, рус. перевод, краткие замечания; 150] — переатрибуция.

№ 4

(по публикации)

Хаджи-Гирай — Хакиму Яхье, 26 сафара 857/7 марта 1453 г.; тарханный, изначальный, копия (XV—XVI вв.?); Стамбул, архив музея Топкапы.

Свиток в 26,3 × 475 *см*. Желтоватая мягкая бумага. Всего 53 строки, из них 5—7-ая строки имеют длину по 13, остальные — по 20 *см*; поля 6,3 *см*; чернила черные; инвокация и адресант писаны золотом. Почерк — разборчивый крупный дивани.

Оттиски алой тамги (упоминаемое в тексте — „ярлык с золотым нишаном и алой тамгой") отсутствуют, хотя отступление 5—7-ой строк влево указывает на предполагаемое место для тамги. А. Н. Курат за удостоверительный знак принимает украшение в начале текста наподобие турецкой тугры с размерами 14 × 21 *см*.

Судя по данным фотокопии, бумага местами пожелтела от сырости и сильно помята, сморщена.

Ярлык дан в Крык-Ере. Дата написана словами по-татарски; назван и „год курицы". Ходатайствовал Мауляна Садр-Джихан, писал Али-бахши.

Библиография: [468] — описание, фотокопия, оригинал, турецкий перевод, исследования; [224; 457] — рус. и немец. переводы.

№ 5

Хаджи-Гирай—населению Крык-Ера, 1 сафара 864/27 ноября 1459 г.; тарханный, подтвердительный, подлинник; РО ИВАН, Т306.

Свиток в 29 × 146 *см*; плотная тонкая белая бумага итальянского происхождения, наклеенная позднее на тонкий белый картон (35 × 150 *см*). Первоначально свиток состоял из пяти склеенных кусков, из которых первый, содержащий 3—4 строки, утерян и его длина неизвестна (остальные: 37—41 — 39 и 28 *см*). При „реставрации" между строками 17 и 18 выдавливанием отмечены контуры филиграни (два кружка с пересекающимися линиями). Размеры текста 23 × 120 *см*, поля — 5—5,5 *см*.

Длина полных строк 23—25,5 *см*; расстояние между ними от 5 до 8 *см*; строки ровные, лишь с незначительным подъемом к концу. Чернила черные; слово „хан" и его местоимения с оборотами писаны желтыми красками, то есть „золотом". Почерк — крупный сульс; высота букв по алифу 1,5—2 *см*.

Характерная особенность письма — отсутствие диакритических точек, что, однако, не затрудняет чтение.

Имеются три четких оттиска алой тамги (12,5 × 12,5 *см*); первый раз напротив строк 2—3-ей справа и находится на II куске бумаги, затем на концах строк 12—13 на стыке III—IV кусков, наконец, на началах строк 18—19 справа и приходится на стыке IV—V кусков бумаги. Корроборация: „Ярлык с нишаном".

Сохранность плохая; до консервации утерян первый кусок бумаги, содержащий 3—4 строки (инвокация, адресант и часть адресата). Начинается: ...*Крык Йерниң Шаһ Мәрдан Хәлил башлык*...

Ярлык дан в Крык-Ере; дата написана словами по-татарски.

Посторонние тексты на обороте: штампы ЦАУ Крыма (где была произведена консервация) и ИВАН; под картоном прослеживается оттиск штампа ТУАК; порядковый „№ 1".

Библиография: [348, № 1] — описание, рус. перевод.

№ 6

[Менгли-Гирай] — Ходжа-бию, 15 мухаррама 872/16 авг. 1467 г.; тарханный, изначальный, подлинник; ЦНБ АН УССР, ОР, ф. 5, № 49249.

Свиток в 27 × 148 *см*, состоявший первоначально из 5 склеенных листов, из них сохранились 4, каждый по 37 *см* длиной. Бумага такая же, как у ярлыка № 1. Всего 13 строк, из них последняя (сведения о ходатае и писце) написана на

обороте; длина полных строк по 22,5 *см*, коротких — 14—15 *см*; расстояние между 1—2-ой строками 10 *см*, между 11—12-ой — всего 5 *см*; в остальных случаях от 13 до 15,5 *см*; поля — 4,5 *см*; подъем концов строк незначителен. Почерк — убористый сульс, высота букв по алифу от 1 до 1,5 *см*. Чернила черные; „хан" и соответствующие ему обороты написаны желтой краской.

По особенностям письма очень похож на ярлык № 5.

Представлены 4 оттиска алой тамги отца издателя, то есть Хаджи-Гирая (прочтение И. Н. Березина ошибочно) с размерами 12,5 × 12,5 *см*. Первый оттиск, находившийся справа, сохранился частично; все оттиски находятся на стыках склеенных кусков. Удостоверение: „Ярлык с золотым нишаном и алой тамгой".

Сохранность плохая: утеряно начало, содержащее инвокацию, адресант, часть адресата, то есть инскрипции; порвана правая верхняя часть из сохранившегося II куска. Начинается: *Ич кәнтләрнең даруга бикләренә...*

Составлен акт в Крык-Ере по ходатайству Мухаммад-бека, писали хафиз Ахмад и мауляна Байрамшах; дата писана словами, по-татарски.

Посторонние записи: напротив первой строки „№ 6"; на обороте: „№ 3. 339 лет когда писано" и экслибрис ООИД. Имеется также фрагментарный арабописьменный текст, не имеющий отношения к содержанию.

Библиография: [102] — оригинал, рус. перевод, исследование; [443] — оригинал, тур. перевод, комментарии.

№ 7

[Менгли-Гирай] — населению Крык-Ера, 20 зульхиджжа 872/11 июля 1468 г.; тарханный, подтвердительный, заготовка; РО ИВАН, Т310.

Свиток в 30 × 108,5 *см*, состоящий ныне из трех склеенных кусков (22,5 *см*, 45 и 30 *см*). Бумага европейская, плотная, белая, пожелтевшая от клея, так как ветхий свиток был наклеен на толстую бумагу типа ватмана с размерами в 36 и 114 *см*. Филиграни сейчас не прослеживаются, однако между строками 7 и 8 имеется карандашная прорись единорога.

Длина сохранившихся 10 строк по 24—25 *см*, поля около 4,5 *см*, расстояние между строками от 11 до 14 *см*. Почерк — крупный сульс, высота букв по алифу 1—1,5 *см*. Чернила черные; „хан" и его местоимения — желтой краской („золотом"). По характеру письма похож на ярлык № 5.

Оттисков тамги, печатей нет; удостоверение по тексту: „ярлык с нишаном".

Сохранность плохая: утеряна значительная часть в начале; судя по нумерации строк, части текста терялись дважды:

если сейчас сохранились десять пронумерованных строк (5—14), то во время работы В. Д. Смирнова были все 14, однако и тогда не хватало 4—5 строк. Начало по Смирнову: *„...мутасаррифам, тамгачам, мостовщикам, всему-всему народу как есть, знайте“;* по оригиналу: *Бабаңыз Крык Йерниң халкыны суйургап...“*

Таким образом, из первоначального текста потеряна почти половина, то есть около 10 строк, следовательно, и первоначальная длина ярлыка была значительной (около 2 *м*).

Место выдачи — Крык-Ер; дата названа по-татарски.

На обороте имеются штампы ЦАУ Крыма, ИВАН.

Библиография: [348, № 2] — описание, рус. перевод; но атрибуция ошибочна.

№ 8

(по публикации)

Менгли-Гирай — Махмудеку, 12 раби I 873/30 сент. 1468 г.; суюргальный, подтвердительный, копия (XIX в.); оригинал утерян.

Копия составлена двумя почерками, первый из которых, „по-видимому, очень точно передает самый характер письма, но окончание ярлыка написано другим, скорописным почерком и притом во второй половине находится пропуск, видимо, двух строк, а может быть и того менее, только, к сожалению, пропуск этот приходится на весьма интересном месте“. Далее: „именно интересные места с трудом поддаются переводу“ (И. Н. Березин).

Удостоверение в тексте: „ярлык с нишаном“.

Дан ярлык во время пребывания Орды в Мараше; дата названа по-татарски.

Библиография: [103] — оригинал по копии, рус. перевод и комментарии.

№ 9

Ибрагим — Гульбустан-хатун, нач. рамазана 800(?)/1467—1479 гг.; тарханный, подтвердительный, копия-имитация XVII в.; ЦГАДА, ф. 1173/I, оп. 1, ед. хр. 196, л. 1.

Небольшой лист в 16,5 × 27,3 *см*, белая лощеная бумага без филиграни; видимо, европейского происхождения. Всего 12 строк, длина полных строк около 14 *см*; почерк настаалик; высота букв по алифу 0,5—0,8 *см*; строки писаны косо. По обеим сторонам текста оставлены поля в 1—1,5 *см*. Чернила черные.

Оттиск небольшой и неточной по форме квадратной тамги (4,8 × 5 *см*) ярко фисташкового цвета.

Сохранность листа и текста очень хорошая.

Выдано жалование в кремле (Казани); при написании даты после „восемьсот" пропущены слова, обозначающие десятилетия. Написан ярлык хафизом (писцом) по имени Хаджи-Курбан.

Библиография: [436] — фотокопия, оригинал, перевод на татарский язык, комментарии; [467] — турецкий перевод.

№ 10

[Менгли-Гирай] — населению Крык-Ера, 883/апр. 1478 — март 1479 гг.; шертный (договорный), изначальный, копия XVII—XVIII вв., РО ИВАН, Т307.

Свиток в 20,4 × 31,5 *см*; бумага белая, тонкая, европейская; филиграни не прослеживаются, так как лист с обратной стороны обклеен другой бумагой аналогичного размера. Всего сохранилось 23 строки, длина их различная (от 10 до 16,5 *см*). Написан мелким разборчивым почерком насх, обильно снабженным вспомогательными знаками огласовки. Чернила черные; перо тонкое.

Об удостоверительных знаках не упоминается.

Сохранность плохая: нет начала, сильно пострадала вся первая строка и концы строк 2 и 4. Начало: *...бә'дә-л-һәмду ли-вәлийиһи...*

Место составления договора не указано; дата названа дважды: словами, по-татарски, и цифрами.

№ 11

Менгли-Гирай — Ибрагиму, 21 раджаба 890/3 авг. 1485 г.; тарханный, изначальный, подлинник; РО ИВАН, Т309.

Свиток в 17,5 × 86 *см*; сохранившаяся часть состоит из двух склеенных кусков длиной по 43 *см*. Плотная матовая бумага европейского происхождения, пожелтевшая от буроватого клея, которым ветхий ярлык был наклеен на толстый лист (36 × 92,5 *см*); филиграни не прослеживаются. Размеры сохранившегося текста 23,5 × 71 *см*; всего 15 строк (последняя на обороте) длиной по 23—24 *см*, поля 3,5—4 *см*. Почерк заглавный сульс; расстояние между строками 1—9 по 7,5—8 *см*, между строками 9—14 по 3 *см*; высота букв по алифу 1—1,5 *см*. Чернила черные; „золотом", то есть желтой краской писаны традиционные слова и обороты.

По характеру письма и орфографии похож на ярлыки №№ 5, 6, 7.

Три не очень ясных оттиска зеленовато-желтого цвета квадратной тамги (6 × 6 *см*) с именем издателя ярлыка; текстовое удостоверение: „ярлык с золотой тамгой". От первого оттиска осталась часть, так как тамга была приложена на стыке I и II кусков бумаги.

Сохранность плохая; сильно пострадала начальная часть, откуда утеряно, видимо, как минимум 6—7 строк (по В. Д. Смирнову, „не достает 2—3 строк“, что явно неправильно), так как недостаёт не только инвокации, адресанта, но и развернутого адресата, который сам иногда занимает 4—5 строк. Поэтому вполне возможно, что первоначально ярлык состоял не из 3, а 4—5 склеенных кусков бумаги и имел общую длину около 2 *м*. Начало сохранившегося текста: *...бу йарлыгны алып турган Ибраһимгэ...*

Дан ярлык во время пребывания Орды в юрте Турбуга; дата по хиджре, по-татарски, и по циклическому календарю: „год змеи“. Ходатайствовал Мухаммад-бек; писал секретарь — *катиб* Муртаза-бахши (на обороте).

Посторонние тексты: черной тушью — „№ 4“; штампы ЦАУ Крыма и ИВАН.

Библиография: [348, № 3] — описание, рус. перевод.

№ 12

Мухаммад-Гирай-султан — Кадыр-Берди и др., нач. мухаррама 908/нач. июля 1502 г.; тарханный, изначальный, копия (XVIII в.); РО ИВАН, Т373а.

Лист в 21 × 34,5 *см*; бумага 1797 г. (по филиграни) зеленовато-серого цвета. Всего 18 строк ярлыкового текста; почерк скорописный настаалик; чернила черные. Строки 16—18 писаны вертикально по отношению к основному тексту. В тексте много ошибок, искажений.

Указаны места трех оттисков перстневой печати султана. Корроборация: „Ярлык с перстневой печатью“.

Копия составлена неким Мустафой Челеби и представлена в июле 1799 г. в Акмечитинский уездный суд. Внизу текста по-русски: „Жалованная грамота от Мегмет-Гирей султана, сына Менгли-Гирей хана, коею муллы Гасан предок Кадыр-Берды... и родственники его... освобождены от всяких нарядов и податей“ (см. оп. № 28, 57).

Ярлык составлен в Орде на берегу Заю (?); дата писана как по хиджре, по-татарски, так и по циклическому календарю („год собаки“). Ходатайствовал аталык Шайх-Алак-бек, свидетелями были Тауаккаль-мирза, Махмуд-бек, аталык Джабалак-бий, Баубек; писал „бедный и нижайшай Хафиз...“

№ 13

Мухаммад-Гирай I — населению Крык-Ера, конец раби I 921/нач. мая 1515 г.; тарханный, подтвердительный, подлинник; ЦНБ АН УССР, ОР, ф. 5, № 49250.

Свиток в 24,3 × 114 *см*, состоящий из трех кусков (1—30 *см*, II и III по 43 *см*); начало порвано. Бумага европейская,

белая, лощеная, с филигранью (весы в гербовом щите). Сохранилось всего 14 строк, длина полных строк по 20—21 *см*, коротких — 13—14 *см*; поля — 4,3 *см*; расстояние между строками от 8,5 до 10 *см*. Почерк — убористый дивани; высота букв по алифу — 1—1,3 *см*, концы строк приподняты кверху. Чернила черные, с золотым порошком; традиционные слова, например, „хан" и др., писаны яркожелтой краской.

Имеется один оттиск некачественной синей тамги (6,3 × × 6,3 *см*) справа напротив строки 3, хотя в удостоверении сказано: „ярлык с алым нишаном и золотой тамгой".

Сохранность плохая, кроме утерянной части (инвокации, адресанта) пострадали строки в начале и конце свитка; бумага изъедена червями, есть пятна от сырости. Начало текста: *...Крык Йерниң Аппак башлык даруга бикләриңә...;* написан в местности Даулят-сарай; дата названа по-татарски.

На обороте поздняя запись: „№ 2".

№ 14

Сахиб-Гирай — Шайх-Ахмаду и др., 13 сафара 919/1 января 1523 г.; тарханный, подтвердительный, подлинник; ГМТР, редкий фонд, № 5757.

Свиток в 17,7 × 76 *см*, из двух склеенных листов (41 и 36 *см*). Бумага восточная, неровной толщины. В начале утеряна некоторая часть. Всего 23 строки, начиная с адресанта (от которого сохранилась лишь часть); длина строк 14—16 *см*, поля — 3—3,5 *см*; расстояние между строками от 2 до 2,5 *см*; от адресанта до второй строки 3,5 *см*. Почерк упрощенный дивани с элементами рикъа; концы большинства строк слегка приподняты. Чернила черные, без золота.

Несколько собственных имен с отчествами, пропущенные в основном тексте, написаны на полях.

Имеется ясный оттиск квадратной алой тамги в 13,5 × × 13,5 *см*, находящийся в конце текста. Напротив строки 15, на полях, на самом конце первого листа имеется небольшое овальное (10 × 8 *мм*) красное пятно, идентичное по цвету алой тамге, сделанное, возможно, кончиком пальца. Удостоверение: „ярлык с алым нишаном".

Сохранность плохая: весьма обветшала начальная часть и сильно пострадала левая сторона свитка. Часть бумаги была потеряна позднее — после осуществления публикации текста.

В настоящее время документ находится в консервированном виде между двумя цельными стеклянными листами; причем от клея образовались серые пятна, значительно испортившие вид бумаги, которая и ранее имела потемневшие от влаги места. До поступления в музей ярлык был, видимо, пришит к материи, так как по краям имеются дырочки — иголочные проколы.

Дата написана по-татарски; место выдачи не указано.

На обороте рукой С. Вахидова сделана запись на татарском языке: „Ярлык, найденный Сайидом Габдулманнановичем Вахиди".

Библиография: [124; 125; 269; 485] — фотокопия, оригинал, исследования, переводы на рус. и турец. языки.

№ 15

Саадат-Гирай — Алп-Кара и др., сер. джумада I 930/март 1524 г.; тарханный, изначальный, подлинник; РО ИВАН, D 222/II.

Свиток в 28,5 × 141 *см* из четырех листов (29,5; 43,5; 43,5 и 26 *см* соответственно; начало порвано). Бумага белая, плотная, европейская, филигрань — весы в гербовом щите. Сохранилось 14 строк (последняя на обороте). Длина первых трех строк по 16—17 *см*, остальных по 22,5 *см*, поля — 6 *см*. Почерк—убористый дивани-джали, вязью; расстояние между строками 10—12 *см*; высота букв по алифу 1—1,5 *см*, концы строк относительно к началу приподняты на 10—11 *см*. Чернила черные; золотом писаны „хан" и заменяющие его местоимения. Отличительной чертой является каллиграфическая тщательность и изящество почерка.

Три ясных оттиска алой тамги (12,5 × 12,5 *см*) с именем Хаджи-Гирая (оп. № 5); сверху, ниже утерянного адресанта, имеется оттиск перстневой печати самого издателя ярлыка. Удостоверение: „Ярлык с алой тамгой, золотым нишаном".

Сохранность плохая: утеряны полностью инвокация, адресант и порвана часть начальной строки адресата.

Дан ярлык в местности „город Фарах"; ходатайствовал конюший Али-бий, писал Газы-бахши; дата названа по-татарски.

Посторонние тексты на обороте как в ярлыке № 1.

Библиография: [101; 154] — факсимиле, оригинал, рус. перевод, исследования.

№ 16

Сахиб-Гирай — Даулятъяр-Хафизу, нач. джумада II 956/июнь 1549 г.; суюргальный, изначальный, копия с копии (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 903, л. 4.

Всего 14 строк; квадратами указано на наличие синей и алой тамг; удостоверение: „Ярлык с алым нишаном и синим нишаном" (?!). Имеется помета: „Копия с ярлыка, что у Шевелева в копии", в перечне документов отнесен к подразделу „копии, имеющие значения оригиналов".

Качество копии среднее; имеются пропуски, искажения.

Дан в Бахчисарае; ходатайствовал Кун-Туган-бий; дата писана по-арабски.

№ 17

Сахиб-Гирай — Сурче-Хафизу, сер. джумада II 956/июль 1549 г.; суюргальный, изначальный, копии (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, л. 1 и Сб. 903, л. 29.

20 строк в первой копии и 19 — во второй; наличие тамги указано в удостоверении: „ярлык с синей печатью, алым нишаном“ (также: „мульк-наме ярлык“). В Сб. 903 есть частичная расшифровка легенды тамги. Качество копий среднее; имеются разночтения.

Место — Бахчисарай; дата написана по-арабски.

Библиография: [432] — рус. перевод.

№ 18

Сахиб-Гирай — Акчукрак-бию и др., кон. джумада II 956/июль 1549 г.; суюргальный, изначальный, подлинник; КОГА, ф. 49, оп. I, ед. хр. 6466, л. 2.

Свиток в 29 × 76 *см* из двух кусков (34 и 43,5 *см*). Бумага тонкая, белая, лощеная, европейская; но филиграни не прослеживаются, так как с обратной стороны подклеена другой бумагой. Всего 16 строк, длина полных — по 20,5, коротких (2-ой и 3-ей)—по 15 *см*; поля — 8,5 *см*; расстояние между строками от 2 до 4 *см*. До адресанта сохранилось 10 *см* белого листа; от адресанта до второй строки—12 *см*; 15-ая строка, указывающая на место дачи ярлыка, написана вертикально по отношению к основному тексту. Почерк—средний сульс, с незначительными элементами дивани; концы строк слегка приподняты; высота алифа 0,8—1 *см*. Чернила черные, без золота.

Адресант написан в виде тугры, то есть монаршего вензеля.

Удовлетворительные оттиски синей (5,7 × 5,7 *см*) и алой (8,7 × 8,7 *см*) тамг. Удостоверение: „ярлык с синей печатью и алым нишаном“ и „ярлык мульк-наме“.

Сохранность текста удовлетворительная; пострадало начало свитка, где, возможно, была инвокация; есть пятна от сырости.

Дан в Бахчисарае; ходатайствовал Маашук, писал секретарь Мустафа; дата названа по-арабски.

Библиография: [232, № 2] — канцелярский рус. перевод.

№ 19

Сахиб-Гирай — Тиляу-Бирди, кон. джумада II 956/июль 1549 г.; суюргальный, изначальный, подлинник; КОГА, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6462, л. 37 а.

Свиток в 28 × 70 *см* из двух листов (30 и 40,5 *см*). Пожелтевшая нелощеная белая бумага европейского происхождения, есть филигрань — бычья голова. Всего 14 строк, длина полных (4-ая — 10-ая) по 20,5 — 21 *см*, коротких — от 10 до 15 *см*, поля — 7 *см*; расстояние между строками от 3 до 4 *см*, 13-я строка (место дачи ярлыка) написана вертикально и находится под оттиском тамги. Почерк — средний сульс, высота букв по алифу 1—1,2 *см*. Чернила черные, выцветшие, без золота.

Адресант написан в виде тугры, то есть вензеля.

Удостоверение и печати как в ярлыке № 18.

Сохранность удовлетворительная.

Дата названа по-арабски; место — Бахчисарай; ходатайствовал Кун-Туган-бий; писал секретарь Мустафа.

№ 20

Сахиб-Гирай — ...хбай-суфию (?), раджаб 956/июль — авг. 1549 г.; суюргальный, изначальный, подлинник; КОГА, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 13, л. 3.

Свиток в 19 × 74 *см* из двух листов (35 и 39 *см*). Пожелтевшая тонкая европейская бумага, филиграней нет. Всего 17 строк; длина полных строк сохранившейся части около 19 *см*, коротких — 13—14 *см*, поля срезаны; 15-ая строка написана вертикально. Почерк сульс, с элементами дивани; расстояние между адресантом и 2-ой строкой 8 *см*, между самими стр. 2—2,5 *см*, высота букв по алифу 1—1,1 *см*; концы строк слегка приподняты. Чернила черные, без золота.

Удостоверение и оттиски как в ярлыках №№ 18, 19.

Сохранность очень плохая: сильно пострадала правая сторона бумаги — чистая бумага, оставленная под поля с частями начала всех полных строк порвана; пострадало и имя держателя ярлыка. Испорчены и концы некоторых строк; бумага сильно сморщилась, имеются пятна от сырости. С обратной стороны обклеен тряпкой, затем небольшим куском бумаги, содержащей часть текста более позднего ярлыка.

Жалован ярлык в Бахчисарае; дата названа по-арабски; имя ходатая не сохранилось; писал секретарь Шаабан.

№ 21

Сахиб-Гирай — Тулпару, 18 сафара 957/8 марта 1550 г.; суюргальный, изначальный, подлинник; КОГА, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 29, л. 170.

Свиток в 28 × 87 *см* из трех листов (43 и 49 и 6 *см* соответственно). Лощеная белая бумага европейского происхождения, без филиграней. Всего 18 строк, из них последняя находится на обороте; длина полных строк по 23 *см*, коротких — от 12 до 15 *см*; поля — 5 *см*. До адресанта оставлено

чистое место в 22 *см*, между адресантом и второй строкой — 5 *см*. 16-ая строка (место выдачи ярлыка) написана вертикально. Почерк — простой, разборчивый сульс; высота букв по алифу 1 *см*, расстояние между строками от 3 до 5 *см*. Чернила черные, без золота.

Адресант написан в виде тугры.

Удостоверение как в ярлыках №№ 18—20; оттиски на стыках листов.

Сохранность хорошая. Чуть выше третьей строки соскоблена часть лощеной поверхности (в канцелярии удаляли неточно написанные слова), из-за чего верхние части некоторых букв с третьей строки расплылись.

Характерная особенность: последняя 18-ая строка написана на обороте начальной части; запись — „Тулпар сын Фазлуллы. Писал писарь Шаабан" — была сугубо канцелярской, необходимой для отличия одних свитков от других.

Составлен в Алма-Сарае; дата писана по-арабски; ходатай — Маашук-бий, секретарь — Шаабан.

№ 22

Сахиб-Гирай — Тутан-оглану, 15 раби I 957/3 мая 1550 г.; суюргальный, изначальный, копия (XIX в.); АВ ИВАН, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 6, л. 93.

Развернутый двойной лист в 45,5 × 37 *см* (текст — 26,5 × × 33 *см*). 17 строк; почерк 80-х гг. XIX в., дивани, но с элементами подражания письму подлинника (адресант в виде тугры). Концы строк 2—3 недописаны, что, видимо, намекает на порванность левой стороны верхней части подлинника. Строка о месте выдачи ярлыка написана вертикально. Пустые места указывают на наличие оттисков тамг. Удостоверение: „ярлык с синей печатью и алым нишаном", также — „ярлык мульк-наме".

Качество копии плохое, много искажений. По происхождению копия связана с ярлыком Газы-Гирая 31 мая 1588 г. (см. оп. № 50).

Писан в Алма-Сарае, ходатайствовал Садык-бахши и писал секретарь Халк-Аман.

Библиография: [232, № 3] — канц. рус. перевод.

№ 23

Сахиб-Гирай — Кзыл-Курту, 21 раби II 957/10 мая 1550 г.; суюргальный, изначальный, подлинник; РО ИВАН, Т311.

Свиток в 27,5 × 61 *см* из двух склеенных листов (20 и 42 *см*). Бумага толстая, желтоватая с филигранью (бычья голова?). Всего 15 строк, длина полных — 22—23 *см*, коротких — от 11,5 до 13,5 *см*; расстояние между строками 3—4 *см*.

14-ая строка (место выдачи ярлыка) написана вертикально. Почерк крупный, четкий сульс; высота букв по алифу 1,5—2 *см*. Чернила черные, без золота.

Адресант, удостоверение и оттиски тамг как в №№ 18—21.

Порвана верхняя часть бумаги; имеются пятна от влаги, но сохранность основного текста удовлетворительная.

Место — Алма-Сарай; дата названа по-арабски; ходатай — Агыш-бий, секретарь — Шаабан.

Посторонние тексты на обороте: тушью „№ 5“, штампы ЦАУ Крыма, ИВАН и цифры по вычислению даты — „1035—957—78“.

№ 24

Сахиб-Гирай — Садр-Ахмаду, 3 джумада II 957/19 июня 1550 г.; суюргальный, изначальный, копии (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, л. 2, 2об. и Сб. 903, л. 29об.

В первой копии 27, во второй — 24 строки. Прямых и косвенных сведений о внешних данных подлинника нет.

Удостоверение: „ярлык с синей печатью и алой тамгой“.

Качество копий среднее, имеются разночтения, искажения [табл. I, ч. 2].

Дан ярлык в Алма-Сарае; дата названа по-арабски; ходатайствовал Ахмад-паша, писал Халк-Аман.

Библиография: [432] — рус. перевод.

№ 25

Даулят-Гирай — Ямгурчи-хаджи, сер. раби I 958/март 1551 г.; служилый (на бекство), подтвердительный, копия (XIX в.); КОГА, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6436, л. 4.

Копия, составленная в 1820 г. (синеватая бумага, в 22 × × 35 *см*, с филигранью: „1813 г.“) находится в деле Аргинских мирз наравне с копиями служилых ярлыков Мухаммад-Гирая II (№ 40), Ислам-Гирая II (№ 48) и Мурад-Гирая 1092/1681 г. Все копии сопровождены канцелярскими переводами. Копии сравнительно удовлетворительные; составлял их, видимо, человек более или менее разбирающийся в особенностях золотоордынского литературного языка.

В данной копии всего 14 строк, текст в 10,5 × 22 *см*. Почерк бытовой настаалик. Хотя адресант представлен, думается, что в протографе этой копии не хватало начало основной части текста — развернутого адресата (присутствующий адресант же мог быть восстановлен по легенде перстневой печати). Удостоверение: „ярлык с перстневым нишаном“.

Дано жалование в Бахчисарае; дата написана цифрами.

Библиография: [232, № 56] — канц. рус. перевод.

№ 26

Даулят-Гирай — Худай-Кулу, кон. раджаба 964/май 1557 г.; суюргальный, подтвердительный, подлинник. РО ИВАН, Т312.

Свиток в 22,5 × 68 *см* из двух листов (25 и 44 *см*). Европейская бумага, плотная, матовая, белая, с филигранью — якорь в кругу. Всего 12 строк, полные — по 16—17 *см*, короткие — по 11—12 *см*, поля — 6—6,5 *см*; размеры текста 17,5 × 53 *см*. Почерк убористый мелкий дивани; чернила черные с золотым порошком. Адресант в виде тугры.

Имеются оттиски синей тамги (6,5 × 6,5 *см*) напротив строк 2—3 справа и алой тамги (10,4 × 10,4 *см*) на 14-й строке. Корроборация: „ярлык мульк-наме с синим нишаном и алой тамгой".

Сохранность удовлетворительная; на изгибах есть прорывы.

Дан ярлык в юрте Камышлы; дата написана по-арабски.

На обороте: тушью „№ 6", штампы ТУАК, ЦАУ Крыма, ИВАН; на лицевой стороне напротив строки 13 карандашная помета (видимо, А. Н. Самойловича), исправляющая ошибочную датировку В. Д. Смирнова.

Библиография: [348, № 8] — ошибочное описание, неправильная датировка.

№ 27

Даулят-Гирай — Ходжамъяр-Хафизу, сер. шаабана 972 (?)/март 1565 г. (?); тарханно-суюргальный, изначальный, копия (XVIII в.); КОГА, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 5, *л.* 2об.

Синеватая бумага в 34 × 45 *см*; копия составлена в 1793 г.; всего 17 строк (25 × 27 *см*). Почерк — бытовой настаалик.

Квадратами в начале и конце отмечено наличие синей и алой тамг, что подтверждается удостоверением в тексте; схематически указаны оттиски перстневых печатей самого издателя, также Мухаммад-Гирая II и Ислам-Гирая II. Адресант писан в виде тугры.

Чтение очень запутанное, много пропусков и искажений.

Место — Бахчисарай „богохранимый"; дата написана по-арабски, но совершенно неразборчиво (датирую по условному русскому канцелярскому пояснению: „дано от рождества Христова 1565 года").

№ 28

Адил-Гирай-султан — Абдурахману, шаабан 973/февр.—март 1566 г.; тарханный, подтвердительный, копия (XVIII в.). РО ИВАН, Т373б.

Общее описание см.: № 12.

Всего в копии 9 строк (плюс одна строка — справка „о верности" копии). Прорисью указано на наличие оттиска перстневой печати, что соответствует удостоверению в тексте.

Качество копии удовлетворительное.

Дан в Салгыр-Сарае; дата написана цифрами.

В конце имеется справка Мустафы Челеби о верности копии.

№ 29

Даулят-Гирай — Сулайманшах-беку, 9 раби II 981/8 авг. 1573 г.; охранный (на поездку в Мекку); изначальный, подлинник; РО ИВАН, Т313.

Лист в 21,5 × 17 *см*; тонкая белая бумага, филигрань — якорь в кругу. Всего 8 строк; почерк—мелкий дивани, чернила черные.

Документ составлен на турецком языке.

Оттиск перстневой печати; текстового удостоверения нет.

Место — Крым; дата написана цифрами.

На обороте: тушью — „№ 7", штампы ЦАУ Крыма и ИВАН.

№ 30

Даулят-Гирай — Мустафа-беку, шавваль 981/январь 1574 г. и повторно: 14 зулькаада 984/3 февр. 1577 г.; льготный (на „ежегодину"), изначальный и подтвержденный, копии (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, лл. 3, 3об. и Сб. 903, л. 31.

В первой копии 30, во второй — 34 строки. Указание на наличие перстневой печати находится в конце — „М. П.". Удостоверение: „ярлык с перстневым нишаном" (также: „берат" и ярлык).

Язык документа сильно османизирован.

В копиях имеются разночтения.

Составлено жалование в Алма-Сарае, даты написаны цифрами.

Библиография: [432] — рус. перевод.

№ 31

Мухаммад-Гирай-султан II — Амрулла-оглану, раби I 984/май — июнь 1576 г.; суюргальный, подтвердительный, подлинник; РО ИВАН, Т340.

Лист в 21 × 30 *см*; бумага лощеная, белая, европейская, без филиграней. Всего 12 строк, средняя длина строк по 16,5 *см*, поля — 3,5 *см*. Почерк мелкий дивани с элементами настаалика; чернила черные, без золота.

Имеется оттиск перстневой печати с именем и отчеством султана. Удостоверение: „благородный ярлык мульк-наме".

Сохранность плохая, но текст представлен полностью.
Дан ярлык в Салгыр-Сарае; дата написана цифрами.
На обороте: тушью „№ 34“, штампы ЦАУ Крыма, ИВАН.

Библиография: [232, № 30] — канц. рус. перевод.

№ 32

Даулят-Гирай — Алчин-Хасан-суфи, 7 раби I 884/5 июня 1576 г.; суюргальный, изначальный, копии (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, лл. 5, 5об. и Сб. 903, л. 32.

В первой копии 23, во второй — 26 строк. Намеков на внешние данные нет. Удостоверение: „благородный ярлык с синей печатью и алым нишаном“ и „благородный мулькнаме“.

Качество копий малоудовлетворительное; имеются разночтения.

Место выдачи ярлыка не указано; дата — цифрами.

Библиография: [432, № 5] — рус. перевод.

№ 33

Даулят-Гирай — Тангатмышу, 15 раби 1984/13 июня 1576 г.; суюргальный, изначальный, подлинник; РО ИВАН, Т314.

Свиток в 30,3 × 49 *см* из двух листов (8 и 41,5 *см*, первый лист сохранился частично). Бумага плотная, желтоватая, с филигранью, якорь в кругу. Сохранилось 11 строк, длина полных — по 21—22 *см*, коротких — 14—15 *см*, поля — 7—8 *см*. Почерк каллиграфический дивани; высота букв по алифу 1 *см*; расстояние между строками — 4—5 *см*. Чернила черные.

Оттиски алой тамги (8 × 8 *см*, сохранилось 2/3 части) и синей тамги (6,2 × 6,2 *см*). Это первый случай, когда алая тамга стоит первой, а синяя — второй.

Сохранность плохая: утеряно начало (примерно, 4—5 строк), имеются прорывы и внутри текста (строки 2 и 4). Начало текста: *...ә'мали мутәсәррифләриңгә вә диван биткәчиләриңә...*

Место выдачи ярлыка неразборчиво; дата указана цифрами.

На обороте: тушью „№ 8“, штампы ТУАК, ЦАУ Крыма, ИВАН.

Библиография: [232, № 8; 348, № 4] — канц. рус. перевод.

№ 34

Даулят-Гирай — Ямгурчи-хаджи, 25 раби I 984/23 июня 1576 г.; суюргальный, подтвердительный, копия (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, лл. 11, 11об.

38 строк; удостоверение: „благородный ярлык с синей печатью и алой тамгой“ и также: „ярлык с перстневой печатью“.

В копии много искажений и неясных мест.

Место выдачи ярлыка не указано; дата написана цифрами.

№ 35

Даулят-Гирай — группе лиц во главе с Хасан-бием, между 1551—1577 гг; суюргальный (судебно-суюргальный), подтвердительный, подлинник; РО ИВАН, Т315.

Свиток в 25,6 × 51 *см* из двух листов по 14,5 и 37,5 *см* соответственно. Плотная бумага; из-за наклеек сзади филиграни не прослеживаются. Сохранилось 18 строк; длина полных строк — по 19,3 *см*, коротких — по 9,5 *см*, общие поля — 6,5 *см*. Почерк — убористый каллиграфический дивани, не крупный. Чернила черные, с обильным золотым порошком.

Оттиски синей и алой тамг, причем синяя тамга находится на стыке листов; над первой строчкой имеется часть оттиска перстневой печати. Удостоверение: „благородный ярлык с синей печатью и алым нишаном“.

Сохранность основного текста удовлетворительная, хотя пострадали самые последние строки с выходными данными. Текст обрывается: *...улугларымызга ду'а алкыш артура тургайлар...*

Выходные данные не сохранились.

На обороте: тушью „№ 9“, штампы ТУАК, ЦАУ Крыма, ИВАН.

Библиография: [348, № 5] — описание, аннотация.

№ 36

Мухаммад-Гирай II — Хаджи-бию Абдике-ходже, 24 джумада I 985/10 авг. 1577 г.; льготный (на ежегодное пособие), изначальный, подлинник; РО ИВАН, Т318.

Лист квадратной формы в 21,5 × 21,5 *см*. Пожелтевшая белая бумага; филиграни не прослеживаются, так как с обратной стороны подклеен серой материей. Всего 10 строк длиной по 14,5 *см*; поля — 6,5 *см*. Почерк мелкий дивани с элементами рикъа. Чернила черные, без золота.

Адресант в виде упрощенной тугры.

В конце оттиск перстневой печати. Удостоверение: „ярлык с перстневым нишаном“.

Сохранность удовлетворительная.

Место — Алма-Сарай; дата написана цифрами.

Посторонние тексты: тушью „№ 11“, штампы ТУАК, ЦАУ Крыма, ИВАН.

Библиография: [347, № 2] — рус. перевод.

№ 37

Мухаммад-Гирай II — Абди-шайху, 26 джумада I 985/12 авг. 1577 г.; льготный (на ежегодное пособие), изначальный, подлинник; РО ИВАН, Т317.

Лист в 17,5 × 20 *см*. Пожелтевшая, подклеенная (как док. № 36) бумага. Всего 8 строк длиной по 16,5 *см*; поля — 1 *см* (край, возможно, срезан во время реставрации). Почерк — мелкий дивани с элементами шикасте. Чернила черные, с незначительным золотым порошком.

Адресант как в предыдущем документе.

Оттиск перстневой печати, соответствующий удостоверению текста.

Сохранность удовлетворительная.

Жалован в Алма-Сарае; дата написана цифрами.

На обороте: тушью „№ 10а"; штампы ТУАК, ЦАУ Крыма, ИВАН.

Библиография: [347, №1] — рус. перевод.

№ 38

Мухаммад-Гирай II — Ак-Мухаммаду, 11 джумада II 985/26 авг. 1577 г.; суюргальный, подтвердительный, копии (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, лл. 4 4об и Сб. 903, лл. 30, 30об.

Первая копия в 28, вторая — в 32 строки. Сведений о физических данных нет; удостоверение: „благородный ярлык с синей печатью и алым нишаном", „ярлык с перстневым нишаном".

Имеются разночтения и пропуски.

Дан ярлык в Алма-Сарае; дата написана цифрами.

Библиография: [432, № 3] — рус. перевод.

№ 39

Мухаммад-Гирай II — Ходжамъяр-хаджи, кон. джумада II 985/авг.— сент. 1577 г.; тарханный, подтвердительный, копия (XVIII в.); КОГА, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1.

Копия по происхождению, форме и качеству аналогична копии ярлыка Даулят-Гирая из того же дела (см. оп. № 27), жалования которого подтверждает. Всего 17 строк.

Наличие синей, алой тамг и перстневой печати подтверждается удостоверением в тексте.

В дате слово „джумада ал-ахир" копировщик прочитал как „'амал 912", это искажение, несоответствующее годам правления названного хана.

В отличие от предшествующего акта (№ 27) этот ярлык является тарханным.

Дан в Алма-Сарае; дата написана цифрами.

№ 40

Мухаммад-Гирай II — Джан-Мухаммад-бию, 22 раджаба 985/5 окт. 1577 г.; служилый (на бекство), подтвердительный, копия (XIX в.); КОГА, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6436, л. 5.

Копия по происхождению и форме аналогична копии служилого ярлыка Даулят-Гирая (см. оп. № 25) из того же дела. Всего 24 строки; размеры текста 10,5 × 30 *см*.

Корроборация: „благородный ярлык с перстневой печатью" (есть ее схематическое изображение).

Текст сохранился полностью.

Место — Алма-Сарай; дата написана цифрами.

Библиография: [232, № 57] — канц. рус. перевод.

№ 41

Мухаммад-Гирай II — Ак-Дарвишу, шавваль 985/дек. 1577 г.— янв. 1578.; тарханный, изначальный, подлинник; КОГА, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 21, л. 2.

Свиток в 22,5 × 77 *см*, состоящий из двух листов (36 и 43 *см*; конец второго листа срезан позднее). Бумага белая, лощеная, европейская, филиграни не прослеживаются. Всего 20 строк; длина полных — по 16—17 *см*, коротких — от 7 до 9 *см*; концы строк слегка приподняты. До адресанта чистым оставлено место в 16 *см*; расстояние между строками 2,5—3 *см*; поля — 6 *см*. Почерк — сравнительно мелкий дивани, высота алифа — от 0,7 до 1 *см*. Чернила черные, без золота.

Адресант — в виде тугры, напоминает адресанты Сахиб-Гирая.

Имеются оттиски синей (6 × 6 *см*) и алой (7,8 × 7,8 *см*) тамг. Оба оттиска сильно смазаны, но имя издателя прослеживается. Представлен рядом с синей тамгой слабый отпечаток перстневой печати. Удостоверение: „ярлык тархан-наме с синей печатью и алым нишаном".

Сохранность основного текста удовлетворительная, хотя на бумаге имеются пятна от сырости и правая часть (поля) продырявлена червями; значительно пострадала строка 6, где имеется разрыв бумаги. Текст читается с трудом, так как имеются орфографические погрешности. Конец бумаги, содержащий строку о месте издания, подрезан.

Дата написана цифрами, место выдачи не названо.

№ 42

Мухаммад-Гирай II — Малик-паша-оглану и др., 986/1578 г.; суюргальный, подтвердительный (повторно подтвержденный и позднее), подлинник; КОГА, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6449, л. 8.

Свиток в 28 × 85 *см* из двух равных по длине листов. Бумага тонкая, белая, европейская; филиграни не прослеживаются, так как с обратной стороны свиток подклеен бумагой. Всего 20 строк (последняя на обороте), длина полных строк — 19—20 *см*, коротких — 12—13 *см*; поля — 8 *см*. Расстояние от богословия до адресанта — 17 *см*, между строками в основном тексте — по 3 *см*. Почерк — разборчивый дивани средней величины (высота алифа 0,7—0,8 *см*). Чернила черные, с золотым порошком.

Адресант написан в виде несложной тугры.

Кроме основного текста на полях имеются записи (всего 18 коротких строк) позднейших подтверждений, сделанных дополнительно без изменения основного текста и подкрепленных перстневыми печатями ханов XVII—XVIII вв., например, Адил-Гирай бин Даулят-Гирая, Салим-Гирай бин Фатх-Гирая, Менгли-Гирай бин Салим-Гирая, Салямат-Гирай бин Салим-Гирая.

Имеются оттиски синей (6 × 6 *см*) и алой (7,8 × 7,8 *см*) тамг и также перстневой печати. Все оттиски удовлетворительные. Удостоверение: „перстнево-печатное благородное мульк-наме с алым нишаном и синей печатью".

Сохранность удовлетворительная, хотя от сырости и прорыва пострадала начальная часть бумаги.

Место — Бахчисарай; дата написана словами, по-татарски; имя секретаря неразборчиво.

Библиография: [232, № 5] — канц. рус. перевод.

№ 43

Мухаммад-Гирай II — Исе, Кул-ходже и др., сафар, 987/апр. 1579 г.; суюргальный, изначальный, подлинник; КОГА, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 50, л. 24.

Свиток в 25 × 74,5 *см* из двух листов по 39,8 и 36 *см*. Бумага европейская, с филигранью (якорь в кругу); желтоватая, лощеная. Всего 22 строки (22-я, находящаяся сверху на правом уголке, возможно, является именем писца — Кара-Кучук). Длина полных строк — 17,5, коротких — 11 *см*, поля — 7 *см*. Расстояние от инвокации (богословия) до адресанта — 21 *см*, от адресанта до 3-ей строки — 5 *см*, между остальными строками от 2 до 3,5 *см*. Почерк — дивани, с элементами вязи. Чернила черные, без золота.

Адресант похож на предыдущий (№ 42).

Имеются оттиски синей и алой тамг и перстневой печати между адресантом и синей тамгой. Оттиски синей тамги и перстневой печати удовлетворительные, ал-тамга получилась очень бледной.

Сохранность основного текста хорошая, инвокация читается частично.

Дан в Бахчисарае; дата писана цифрами. О писце см. выше.

№ 44

Мухаммад-Гирай II — Абдрразак-шайху, рамазан 987/окт.—ноябрь 1579 г.; льготный (освобождение от „сауги"), подтвердительный, копии (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, л. 9об. и Сб. 903, л. 32об.

В первой копии 25, во второй — 26 строк. Сведений о физических данных нет. Удостоверение: „благородный ярлык, берат хаканский"; печати в тексте не упоминаются. В публикации Я. О. Ярцова: „На обороте чернильная печать с именем хана, пожаловавшего ярлык", то есть была перстневая печать.

В копии имеются пропуски слов и разночтения.

Составлен ярлык в городе Шамаха в Аджаме; дата написана по-арабски.

Библиография: [432, № 6] — рус. перевод.

№ 45

Мухаммад-Гирай II — Джан-Мунле-Хаджи, кон. раби II 989/нач. июня 1581 г.; тарханный, изначальный, подлинник; ЦНБ АН УССР, ОР, ф. 5, № 48245.

Лист почти квадратной формы в 31,8 × 33,7 *см*. Бумага тонкая, европейская; филиграни не прослеживаются, так как лист подклеен белой материей. Всего 15 строк, длина полных — по 26, коротких — 20 *см*; последние четыре строки написаны на полях, их длина от 5 до 7 *см*. Ширина полей — 6 *см*. Почерк — убористый мелкий дивани; концы строк приподняты кверху на 5 *см* относительно начала их. Чернила черные, без золота.

Имеются оттиски синей и алой тамг. Рядом с синей тамгой перстневые печати позднейших государей — Газы-Гирая II и Инаят-Гирая. Удостоверение: „ярлык с перстневым нишаном".

Сохранность плохая: бумага имеет бурые пятна от сырости; есть прорывы в бумаге, отчего пострадала часть текста.

Жалован в Бахчисарае; дата написана цифрами.

Под белой материей, подклеенной в начале XIX в., читается: „Одесская городская библиотека", на самой материи указано (С. И. Чахотиным) имя издателя ярлыка и принадлежность документа Одесскому обществу истории и древностей.

№ 46

Мухаммад-Гирай II — группе лиц, нач. джумада II 990/кон. июня 1582 г.; суюргальный, подтвердительный, подлинник; РО ИВАН, Т319.

Свиток в 32 × 62 *см* из двух листов (19 и 43 *см*). Бумага тонкая, белая, европейская, но филиграни не прослеживаются — подклеена толстой матовой бумагой. Всего 17 строк, длина полных — 20—21 *см*, коротких — от 9 до 14, поля — 10,5 *см*. Расстояние между строками от 3,5 до 5 *см*, почерк — крупный дивани, высота букв по алифу — 1 *см*. Чернила черные, с золотым порошком.

Адресант написан в виде тугры.

Представлены оттиски синей и алой тамг и перстневой печати, что соответствует удостоверению в тексте.

Сохранность плохая: порваны начало и концы строк 4—5, из-за чего часть текста не читается; имена, стоящие в начале перечня, оторваны (остались — Ир-Чура, Иса и др.); имеются стертые временем слова.

Составлен ярлык в Бахчисарае; дата написана цифрами.

На обороте: тушью „№ 12“; штампы ТУАК, ЦАУ Крыма, ИВАН.

Библиография: [348, № 6] — описание, аннотация.

№ 47

Ислам-Гирай II — Абдррахман-шайху, сафар 993/февр. 1585 г.; льготный (освобождение от „сауги“), подтвердительный, копии (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, лл. 7, 7об. и Сб. 903, л. 33, также АВ ИВАН, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 6, л. 88.

В первой копии 26, во второй — 24, в третьей — 16 строк. Если две первые, имея разночтения, принадлежат одному и тому же составителю, то третья копия — самостоятельная. В ней есть намек на наличие тугры. Адресант по тугре правильно расшифрован во второй копии. Удостоверение в тексте: „благородный ярлык“, о наличии печатей не упоминается.

Качество копий плохое, есть разночтения, пропуски; В третьем списке, дополняющем первые, есть текст протографа: „копия с копии старинного ярлыка, имеющегося у муэззина Феодосейской татарской мечети Абдуллы“. Возможно, что последняя копия составлена самим Абдуллой, так как почерк ее уверенный, принадлежащий опытной руке; в ней представлены дополнительные тексты, находившиеся на полях протографа.

Дан „в городе Кафе богохранимой“, дата написана цифрами.

Библиография: [232, № 15] — рус. перевод (по Я. О. Ярцову).

№ 48

Ислам-Гирай II — Кара-беку, кон. зулькаады 993/ноябрь 1585 г.; служилый (на бекство), подтвердительный, копия (XIX в.); КОГА, ф. 49, оп. I, ед. хр. 6436, л. 6.

О происхождении и данных копии см. оп. №№ 25 и 40. Всего 18 строк (в 10,5 × 27 *см*). Удостоверение в тексте: „перстнево-нишанный ярлык“ и расшифрованная легенда в схеме печати.

Качество копии в текстуальном отношении удовлетворительное.

Дан в Бахчисарае, дата написана цифрами.

Под русским переложением неправильный перевод даты по хиджре на новое летоисчисление: „Эгиры 993 года, русской 1578 года“, рядом вопросительный знак Ф. Ф. Лашкова.

Библиография: [232, № 58] — канц. рус. перевод.

№ 49

Ислам-Гирай II — аталыку Абдррахману, шавваль 994/сент.— окт. 1586 г.; служилый, изначальный, копии (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, л. 9 и Сб. 903, л. 34.

В первой копии 17, во второй — 22 строки. Сведений о внешних данных нет. Имя правителя в первой копии ошибочно „Салямат-Гирай“, во второй — верно, следовательно, адресант написан в виде сложной тугры. Удостоверение: „благородный ярлык“, печать не упоминается.

Качество копии удовлетворительное; есть разночтения.

Составлен ярлык „в городе Крыме“; дата написана цифрами.

№ 50

Газы-Гирай II — общине во главе с Кучи, 7 рамазана 996/31 мая 1588 г.; тарханный, подтвердительный, копия (XIX в.); АВ ИВАН, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 6, л. 92.

Линованная бумага конца XIX в. в 32 × 37 *см* (текст в 17,5 × 28 *см*). Всего 15 строк. Адресант написан в виде тугры; наличие оттисков печатей отмечено соблюдением краткости строк (в начале и конце). Удостоверение: „благородный ярлык с синей печатью и алым нишаном“, „перстнево-нишанный ярлык“, „тархан-наме“ и „мааф-наме“.

Копия черновая, с исправлениями, пропусками.

По происхождению копия связана с ярлыком № 22.

Место выдачи ярлыка не указано; дата написана цифрами.

Библиография: [232, № 14] — канц. рус. перевод.

№ 51

Михри-султан-хани — Игаджи Хасану, шаабан 996/июнь — июль 1588 г.; суюргальный, изначальный, подлинник; РО ИВАН, Т320.

Лист в 20 × 30,3 *см*; бумага белая, плотная, европейского происхождения с еле заметной филигранью. Всего 14 строк, длина полных строк — по 14,5, поля — 4,7 *см*. Почерк — упрощенный дивани; чернила черные, без золота.

Имеется неразборчивый оттиск перстневой печати; удостоверение: „скрепленный печатью красноречивый ярлык"; самоопределение: „мульк-наме".

Жалуются слуге Игаджи Хасану земли на Салгыре, доставшиеся дарителю от матери.

На обороте: „№ 13"; штампы ЦАУ Крыма, ИВАН.

Дан ярлык в Бахчисарае; дата — цифрами.

№ 52

Газы-Гирай II — Сафар-мирзе, раджаб 997/май 1589 г.; суюргальный, подтвердительный, подлинник; РО ИВАН, Т308.

Свиток в 29,5 × 48,5 *см* из двух листов (19 и 31 *см*). Пожелтевшая бумага, подклеенная позднее другой плотной бумагой, затем материей. Всего 16 строк, длина полных строк — по 22,5, коротких — от 14,5 до 16 *см*; поля — 7 *см*. Почерк — простой дивани; расстояние между строками 1,5—2 *см*; концы их слегка приподняты. Чернила черные, с золотым порошком.

Адресант написан в виде тугры.

Оттиски двух тамг: синей и алой, обе по 5,7 × 5,7 *см*. Отпечаток последней тамги смазан, поэтому не читается; синяя тамга имеет обратное — зеркальное изображение (см. след. ярлыки). Есть отпечаток перстневой печати самого Газы-Гирай-хана бин Даулят-Гирай-хана. Удостоверение: „благородный ярлык мульк-наме с алой тамгой и синей печатью".

Сохранность плохая: при реставрации срезаны верхняя и нижняя части свитка; сильно пострадала левая часть бумаги, то есть концы всех строк; имеются дырки в середине листа.

Место — Бахчисарай; дата написана по-арабски и цифрами.

Посторонние тексты: „№ 14", штампы ЦАУ Крыма, ИВАН.

Библиография: [348, № 7] — описание, аннотация.

№ 53

Газы-Гирай II — Арслан-баю и др., 11 шаабана 998/15 июня 1590 г.; суюргальный, подтвердительный, подлинник; КОГА, ф. 724, оп, 1, ед. хр. 50, л. 25.

Лист белой лощеной бумаги в 30 × 43,5 *см*; филиграни не прослеживаются. Всего 21 строка, из них строки 11—12, длиной по 8 *см*, написаны косо на полях и относительно основного текста находятся в перевернутом положении; длина

полных строк — по 21,5, коротких — по 14 *см*; поля — 7,5 *см*. Расстояние между строками от 2 до 3,5 *см*. Почерк — убористый дивани, высота алифа — 0,6—0,7 *см*. Чернила черные, с обильным золотым порошком.

Адресант написан в виде тугры.

Представлены оттиски синей и алой тамг, размеры почти одинаковы — 5,7 × 5,7 *см*; на полях, в конце текста, имеется отпечаток перстневой печати. Все знаки с именем издателя, однако квадратные тамги имеют обратные — зеркальные изображения (см. № 52). Удостоверение: „благородный ярлык с синей печатью и алым нишаном"; „перстнево-нишанный ярлык".

Сохранность документа удовлетворительная.

Издан ярлык в Бахчисарае, дата написана цифрами.

№ 54

Газы-Гирай II — Ахмад-паша-беку, кон. джумада II 999/апр. 1591 г.; служилый (на бекство), изначальный, подлинник; РО ИВАН, Т322.

Лист в 27 × 29 *см*, пожелтевшая белая бумага европейского происхождения без филиграней. Сохранилось 20 строк длиной по 21, поля — 6 *см*. Почерк — убористый мелкий дивани. Чернила черные, с незначительным золотом в порошке.

Имеется оттиск перстневой печати; текстового удостоверения нет, о разновидности акта: „канун-наме" — „законодательная грамота".

Сохранность плохая: обветшала начальная часть (утеряны богословие и адресант), бумага порвана на изгибах, особенно строки 1—5. Текст начинается: *...сәбәби тәһрир йарлыг-и бәлиг сә'адәти тәблиг...*

Составлен ярлык в Бахчисарае, дата написана цифрами.

На обороте: „№ 16", штампы ЦАУ Крыма, ИВАН.

№ 55

Газы-Гирай II — общинам во главе с Накый и Аблак, шаабан 1002/май 1594 г.; судебно-суюргальный, подтвердительный, подлинник; КОГА, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 29, л. 236.

Лист белой европейской бумаги (без филиграней), лощеной с одной стороны, в 19,2 × 38,3 *см*. Всего 22 строки. Длина полных строк — по 14,5, поля — около 4,5 *см*, от инвокации до адресанта — 10 *см*. Почерк — простой мелкий дивани с элементами настаалика. Чернила черные, без золота.

Адресант в виде упрощенной тугры.

В конце имеется оттиск перстневой печати, корроборация: „перстнево-нишанный ярлык".

Сохранность удовлетворительная.

Дан ярлык в юрте Араб-бека; дата написана по-арабски.

№ 56

Газы-Гирай II — Шайх-Али-ходже, Абдике-ходже, без даты 1588—1596 гг.; тарханный, подтвердительный, подлинник; РО ИВАН, Т323.

Лист в 17 × 22 *см*; пожелтевшая тонкая европейская бумага, подклеена серой материей. Всего 13 строк длиной по 14,5, поля — 2,5 *см*. Почерк — настаалик, тяготеющий к таалику, чернила черные, без золота.

Адресант — упрощенная тугра.

Сохранилась часть перстневой печати; удостоверение: „благородный ярлык с перстневым нишаном".

Сохранность основного текста удовлетворительная, но срезан конец с выходными данными. Текст кончается: *...'ламәт-и шәрифимә и'тимад идәләр...*

По происхождению этот ярлык тесно связан с подобными актами Мухаммад-Гирая II (см. оп. №№ 36, 37).

Библиография: [347, № 3] — рус. перевод.

№ 57

Фатх-Гирай-султан — Юнусу, Салтыку и др., 1003/1594—1595 гг.; суюргальный, подтвердительный, копия (XVIII в.); РО ИВАН, Т373д.

О физических данных и истории копии см. оп. № 12. Всего 9 строк; имеется легенда перстневой печати султана; удостоверение: „благородный ярлык мульк-наме".

В копии некоторые места не понятны.

Дан ярлык в Салгыр-Сарае; дата написана цифрами.

В конце справка Мустафы Челеби о достоверности копии.

№ 58

Газы-Гирай II — Чакарче, Рамазан-баю и др., 5 шавваля 1005/22 мая 1597 г.; суюргальный, подтвердительный, копия (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, л. 12 и там же повторно, л. 13.

Первый раз — 23, второй — 25 строк. Сведений о внешних данных нет. Удостоверение: „ярлык с синей печатью, алым нишаном"; „ярлык мульк-наме".

В копиях имеются разночтения.

Составлен акт в Бахчисарае, дата написана по-арабски.

Библиография: [232, № 6] — рус. перевод (по Я. О. Ярцову).

№ 59

[Газы-Гирай II] — Джан-Саиду и др., сер., шавваля 1005/нач. июня 1597 г.; суюргальный, подтвердительный, копия (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 1231, л. 13об.

Сохранившийся текст представлен в 22 строках; в начале не хватает, видимо, 3—4-х строк; есть прорыв и внутри текста (строка 10). Сведений о внешних данных подлинника нет. Удостоверение: „благородный ярлык с синей печатью и алым нишаном", „ярлык мульк-наме".

В копии есть искажения и пропуски слов. Начало: *...вә тартнакчыларыңа вә анбарчыларыңа...*

Издан в Бахчисарае, дата написана по-арабски.

Библиография: [232, № 7] — рус. перевод (по Я. О. Ярцову).

№ 60

Газы-Гирай II — общине Ямгурчи и Касым-беку, мухаррам 1006/авг.—сент. 1597.; судебно-суюргальный, подтвердительный, подлинник; КОГА, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 8, л. 334.

Лист белой европейской бумаги (без филиграни) в 18 × × 23,5 *см*; всего 13 строк длиной по 15,5, поля — 3,5 *см*, расстояние между строками — 1—1,5 *см*. Простой мелкий дивани; чернила черные, с незначительным золотым порошком.

Адресант в виде сложной тугры.

Имеется оттиск перстневой печати; удостоверение: „ярлык мульк-наме".

Сохранность плохая: порван правый верхний угол с частью адресанта; весьма обветшала левая сторона, пострадали концы строк. Весь лист был порван по вертикали, а затем подшит голубоватой шелковой ниткой.

Составлен ярлык в юрте Казаклар; дата написана по-арабски.

№ 61

[Газы-Гирай II] — общине Мунлы-Накыя, кон. раби II 1010/окт. 1601 г.; тарханный, подтвердительный, копия (XIX в.); РО ФВЯ, Сб. 903, лл. 8, 8об.

В копии 30 строк; о ее происхождении: „Из присланных Шевелевым, № 1". Начало оторвано. В перечне документов отнесен к подразряду: „Копии, имеющие значения оригиналов". Имеются указания на некоторые особенности подлинника: квадраты с записями „тамга синяя" и „тамга красная". Удостоверение: „благородный перстнево-нишанный ярлык с алым нишаном и синей печатью".

Позднее, в шаввале 1116/феврале 1705 г., ярлык был подтвержден Салим-Гираем бин Бахадир-Гираем, о чем на отдельном листе был специальный текст.

Сохранность текста плохая: в начале не хватает 2—3 строк, прорывы отмечены многоточиями и внутри сохранившегося текста (строки 1—10, 22); сомнения вызывает правильность

Таблица II

Части	Ч. 1 — регионы Ч. 2 — форма сохранности	Разновидности ярлыков и их порядковые номера по описаниям										
		тарханные		суюргальные		льготные		служилые		Охранные	Шертные	Всего
		изначальные	подтвердительные	изначальные	подтвердительные	изнач.	подтверд.	изнач.	подтверд.			
Часть 1	Золотая Орда	1	2	—	3	—	—	—	—	—	—	3
	Казанское ханство	—	9, 14	—	—	—	—	—	—	—	—	2
	Крымское ханство	4, 6, 11 12, 15, 27, 41, 45	5, 7, 13, 28, 39, 56, 61	16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 32, 33, 43, 51	8, 26, 31, 34, 35, 38, 42, 46, 52, 53, 55, 57, 58, 59, 60	30, 36, 37	44, 47, 50	49, 54	25, 40, 48	29	10	56
	Всего	9	10	13	16	3	3	2	3	1	1	61
Часть 2	Подлинники	1, 6, 11, 15, 41, 45	5, 13, 14, 56	18, 19, 20, 21, 23, 33, 43, 51	26, 31, 35, 42, 46, 52, 53, 55, 60	36, 37	—	54	—	29	—	31
	Заготовка	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	Ранние копии	4	2, 9	—	—	—	—	—	—	—	10	4
	Поздние копии	12, 27	28, 39, 61	16, 17, 22, 24, 32	3, 8, 34, 38, 57, 58, 59	30	44, 47, 50	49	25, 40, 48	—	—	25
	Всего	9	10	13	16	3	3	2	3	1	1	61

прочтения ряда мест; текст начинается: *...ички кәнтләрнең вә шәһәрләрнең даруга би...*

Место — Бахчисарай; дата написана по-арабски.

* * *

Таким образом, в нашем распоряжении в тюркоязычных оригиналах имеется 61 **(шестьдесят один)** ярлык. Если сгруппировать их по регионам происхождения, предварительно классифицировать по разновидностям (отнеся тарханно-суюргальные к тарханным, а судебно-суюргальные к суюргальным) и также по форме сохранности, то получим картину, отраженную в таблице II; чч. 1 и 2.

Как видно из библиографических справок, до сих пор более или менее полностью освоенными в источниковедческом плане можно считать **восемь** документов, которые опубликованы как на языке оригинала, так и в переводе на один из современных языков, с соответствующими исследованиями (оп. №№ 1, 2, 3, 4, 6, 8, 14, 15). К категории частично освоенных, то есть имеющих лишь относительно удовлетворительные научные переводы или публикации только на языке оригинала, следует отнести **семь** ярлыков (№№ 5, 7, 9, 11, 36, 37, 56). Еще **восемнадцать** жалований были опубликованы по предварительным и сразу устаревшим переводам или канцелярско-чиновничьим переложениям (№№ 17, 18, 22, 24, 25, 30, 31, 32, 33, 38, 40, 42, 44, 47, 48, 50, 58, 59). О существовании **четырех** актов было известно лишь по описаниям и аннотациям (№№ 26, 35, 46, 52). Следовательно, остальные **двадцать четыре** ярлыка — №№ 10, 12, 13, 16, 19, 20, 21, 23, 27, 28, 29, 34, 39, 41, 43, 45, 49, 51, 53, 54, 55, 57, 60, 61,— еще совершенно **не были известны** исследователям.

Глава третья

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДЛИННОСТИ, АТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКИ НЕКОТОРЫХ ЯРЛЫКОВ

Одной из сложных проблем ярлыковедения до сих пор являлись вопросы определения документальной подлинности и исторической достоверности отдельных актов. Правда, на данном этапе, когда в нашем распоряжении имеется значительное количество их, решение вопроса о том, является ли конкретно взятый документ подлинником или копией, особой трудности уже не представляет. Данные археографии, палеографии, сфрагистики и дипломатики, а также результаты сравнительного текстологического анализа дают возможность

относительно легко разделить имеющиеся тексты на подлинники и копии, то есть на две категории по форме их сохранности.

Более сложным является установление исторической аутентичности текстов некоторых копий. Дело в том, что из-за отсутствия прямых археографо-палеографических сведений, сфрагистических данных по той или иной конкретно взятой копии, в частности, из-за недостаточности наших знаний по истории феодальных (государственных, церковных и частных) хозяйств различных регионов Джучиева Улуса, в целом, также из-за неразработанности генеалогических материалов по тюрко-татарским феодальным родам и т. д., мы будем сталкиваться с рядом трудностей. Возлагать особые надежды на приемы дипломатики не приходится, ибо имеющиеся в копиях текстовые несоответствия, искажения формул могут принадлежать не их протографам, а являться результатом некомпетентности и субъективизма позднейших авторов копий — как ученых, так и канцеляристов, частных писцов.

Поэтому на данном этапе остается одно более или менее справедливое решение: категорически не отрицая исторической достоверности основного содержания той или иной копии, выявлять максимально спорные факты и, при отсутствии веских оснований для окончательного вывода, оставлять вопрос открытым.

Такое решение, как показывает практика, вполне оправдано при изучении того или иного комплекса документов. Например, выводы С. Н. Валка, объявившего в свое время большинство древнерусских актов до XV в. подложными [122], не нашли поддержки со стороны других [371, 240—260] и вполне справедливо [409, 65]. Не оправдала себя полностью уверенность В. В. Григорьева в достоверности всех ярлыков русским митрополитам [153], ибо ярлык Узбека, как позднее было доказано [351 и 309], оказался подложным. Не вполне логичным является отнесение А. П. Григорьевым ярлыка Сахиб-Гирая 1523 г., сохранившегося в подлиннике, к категории „сомнительных“ [149, 189, пр. 11], хотя он ведет речь о возможности исследовать формуляры золотоордынских актов, сохранившихся в средневековых вольных переложениях, в которых, как им же убедительно доказано, искажались программные формулы [149, 194—195].

Несмотря на эту общую трудность, можно провести определенную классификацию внутри самих копий, разделив их на ранние, составленные до XVIII в., и поздние, относящиеся к XVIII—XIX столетиям [табл. II, ч. 2]. Правда, внутри поздних копий имеются вторичные („копии с копии“, №№ 16, 47), повторные списки одного и того же текста (№№ 17, 24, 30, 32, 38, 44, 49, 58). Выделять их в самостоятельную группу пока не следует, так как мы еще не знаем, являются ли

первичными другие тексты, например, сохранившиеся в архивных делах (№№ 25, 27, 39, 40, 48). Поэтому перейдем к ранним копиям и подлинникам, атрибуция, датировка и установление формы сохранности которых представляют особый интерес.

Ярлык Тимур-Кутлуга (№ 2). В. В. Радлов был уверен в том, что этот написанный „красивыми, крупными буквами" документ *„не может быть копией"*, и, видимо, „здесь мы имеем дело с изготовленным для издания ярлыком, по каким-нибудь причинам *не утвержденным*" [316, 17, курсив мой — *М. У.*]. Здесь, с одной стороны, отмечается неутвержденность акта соответствующими государевыми знаками, чем косвенно признается незавершенность документа в юридическом отношении, с другой стороны, проводится мысль о золотоордынско-канцелярском происхождении ярлыка. Таким образом, в представлении В. В. Радлова ярлык этот является не чем иным, как заготовкой, хотя он не делает различия между подлинником (юридически завершенным актом) и его заготовкой (канцелярским проектом будущего подлинника). Поэтому более последовательным во всех отношениях является мнение А. Н. Самойловича, считавшего сохранившийся текст лишь более или менее тщательной копией, однако не золотоордынского, а турецкого происхождения [330, 1122].

С выводами А. Н. Самойловича не соглашался турецкий исследователь Х. Абдуллах-оглу, утверждавший, что в XVI—XVII вв. в Стамбуле уже „невозможно было снять копию с этого ярлыка с совершенной уйгурской" письменностью, так как уйгурская письменность еще значительно ранее была забыта и в Крыму [444, 219]. Других аргументов у этого автора нет. Далее он допускает вольность, говоря о Стамбуле XVI—XVII вв., когда у А. Н. Самойловича речь идет лишь о „конце XV или начале XVI вв." Это, во-первых. Во-вторых, именно в указанную А. Н. Самойловичем эпоху, точнее в 1473 году, в Турции составлялись официальные государственные акты, написанные уйгурским письмом, например, так называемый „ярлык" султана Мехмеда, составленный, как и анализируемое жалование Тимур-Кутлуга, в двух версиях — уйгурским и арабским письмом [472 и 155]. Следовательно, мнение А. Н. Самойловича о турецком происхождении копии подкрепляется дополнительными фактами.

Между прочим, А. Н. Самойлович к своему выводу пришел не априорно, а в результате сравнительного анализа двух версий текста [см. 382]. По моему мнению, в пользу турецкого происхождения копии говорит и двуписьменность только что названного „ярлыка" Мехмеда, ибо по Золотой Орде мы пока не знаем другого подобного факта.

Итак, вывод А. Н. Самойловича, что ярлык Тимур-Кутлуга дошел до нас в копии XV—XVI вв. турецкого происхождения остается в полной силе. Как увидим далее, в Турции изготовлялись и другие копии джучидских ярлыков.

Жалование Мухаммада (Улуг-Мухаммада) 15 апреля 1420 г. (№ 3). Ярлык был известен И. Н. Березину по плохой литографированной копии, на ее основе осуществлялась публикация, в которой ученый, произвольно „исправив" дату по хиджре 823 на 923, получил 1517 г., и отнес его к Мухаммад-Гираю I. Переатрибуция и восстановление первоначальной даты принадлежат А. П. Григорьеву, который свое решение обосновывает следующим образом:

а) трезубец тамги — родовой знак Гираев,— на основе которого И. Н. Березин „исправил" дату, употреблялся и до возвышения династии Гираев, им пользовались золотоордынские ханы „из потомков Джансы", в том числе и Улуг-Мухаммад, двоюродный дядя Хаджи-Гирая;

б) ни один из крымских ханов не именовал себя без второго компонента собственного имени „Гирай", а в данном ярлыке стоит „Мухаммад", как и в других актах Улуг-Мухаммада;

в) держатель ярлыка Менгли-Гирая 1468 г. (№ 8) Махмудек является сыном Хзыра, который был, наравне со своим братом Туглу-бием, одним из держателей жалования 1420 г.; следовательно, анализируемый ярлык старше не только времен Мухаммад-Гирая I, но даже его отца Менгли-Гирая;

г) Улуг-Мухаммад мог сесть на престол, как полагают некоторые ученые, не в 1421 г., а раньше — в 1419 г. [150, 173—176].

Аргументы А. П. Григорьева являются вполне убедительными, хотя имеется еще ряд доводов в пользу новой атрибуции.

Во-первых, в исходных данных ярлыка, наравне с датой по хиджре — „первый день раби II 823 года" — параллельно приведено название года по тюркскому календарю: „год мыши". Вычисление по специальной формуле [195, 88] показывает, что 823/1420 год действительно соответствовал началу „года мыши", а предложенный И. Н. Березиным 923/1517 г. соответствовал „году коровы".

Во-вторых, в анализируемом ярлыке адресат, следующий непосредственно за адресантом, начинается с традиционной для золотоордынской эпохи формулы: „Крымского тумена даруга-бекам, казиям, муфтиям..." (у И. Н. Березина: „Крымской области правителям и князьям, судьям и законоведам" [103, 18]). Такая формула, по которой Крым считается лишь одной из областей (тумен — область) государства, в данном случае Джучиева Улуса, допустима для ранних крымских ханов, например, Хаджи-Гирая и Менгли-Гирая, когда еще

Крым в той или иной степени мог признавать традиционное династийное старшинство золотоордынского престола. Однако подобная формула вряд ли допустима для XVI в., когда, после известной катастрофы Большой Орды в войне с Крымом 1502 г., ханство Гираев поставило под вопрос существование самой Большой Орды в качестве основной наследницы Золотой Орды.

Именно после 1502 г. Менгли-Гирай начинает применять развернутый адресант, выражающий политические претензии: „Великие Орды вёликого царя Менгли-Гиреево слово" [338, т. 95, 19—30 и 70—77; 336, 67, 70, 71 и т. д.].

Влияние победы 1502 г. на изменение титулования крымских ханов, когда Крым в собственных глазах из тумена действительной Великой Орды превращается в саму „Великую Орду", подтверждается и другим документом. Это ярлык будущего хана Мухаммад-Гирай-султана 1502 г. (оп. № 12). Начало адресата, следующего после инвокации и адресанта, оформлено так: „Великого Улуса правящим огланам и бекам туменов, тысяч, сотен, десятков...".

Такое начало становится традиционным для всех позднейших жалованных ярлыков (Саадат-Гирая, Сахиб-Гирая и т. д.), в них уже нет даже намека на „Крымский тумен", а есть „улус" или „орда", выступающие как синонимы. Следовательно, и по данным основных формул — адресанта и адресата — анализируемый выше ярлык не мог принадлежать Мухаммад-Гираю I, ставшему правителем не тумена, а самостоятельного от Сарая „Великого Улуса".

Тарханный ярлык Хаджи-Гирая 7 марта 1453 г. (№ 4) был принят А. Н. Куратом за подлинник [468]. Он, например, отмечая отсутствие квадратных тамг, хотя по удостоверению текста должны были быть оттиски „золотого нишана и алой тамги", решил вопрос в одностороннем порядке, принимая за *нишан (тамгу)*, замысловатое ромбовидное богословие, вернее, часть богословия до басмаллы. Ибо это украшение до текста, по его мнению, не что иное, как двухкратное написание самой басмаллы, хотя она присутствует тут же в обыкновенных начертаниях в начале текста [468, 68 и 78]. Выходит, что одна и та же формула инвокации написана трижды.

Видимо, сам факт расположения исполненного золотом ромбовидного „узора" до следующей инвокации исключает возможность его интерпретации как нишана, ибо в других более тридцати подлинниках ярлыков XIV—XVI вв. нет ни одного случая, когда ханский знак ставился бы до „божьего слова", даже до адресанта. *Нишан* у джучидов — синоним слова *тамга* (печать), и никогда содержание ханского знака — тамги не сводилось лишь к басмалле. Видимо, здесь мы имеем дело не с особенным фактом удостоверения, а встречаемся

с вольностью составителей данного списка в Турции, которые, не вполне разбираясь в тонкостях тюрко-татарского делопроизводства, приняв понятие „золотой нишан" за какое-либо монаршее знамение вообще, сами создали ромбовидное украшение в виде тугры, но напоминающей ханскую тамгу, что и ввело А. Н. Курата и других в заблуждение [см.: 145, 110, 114; 244, 189—191; 457, 212—217]. Это, во-первых.

Во-вторых, будучи искаженным и запутанным, большое сомнение вызывает адресат. Приведем отрывок в переводе С. Е. Малова: „Мое, Хаджи-Гирея, слово. Тюменным, тысячным, сотским и десятским уланам и бекам **этого** Великого улуса. Судебным чинам и бекам, во главе с Эминеком, правящим Крымским тюменом. Еще судебным чинам и бекам Кырык-Ер'а, во главе с Шах-Мерданом" [см.: 224, 189].

В этом небольшом отрывке содержится несколько грубых орфографических ошибок [оригинал см.: табл. III, чч. 1—3]:

а) до *улуг* (великий) стоит сочетание алифа и вау, которое А. Н. Курат и С. Е. Малов приняли за указательное местоимение („*у*" — он, этот, тот); такого усеченного местоимения, стоящего перед термином „Великий Улус", не знает ни один из других ярлыков. Это всего лишь повторное написание первого слога слова *улуг*;

б) после слова *он* (десять) и до *оглан* пропущено *билэгэн* — правящий (у Малова неправильно — „судебный"), поэтому получается, что *оглан* не наследственный титул, из числа которых выходили беки, а должность;

в) топоним Крык-Ер написан ошибочно с лишним „ин";

г) подозрительно частое употребление внутри адресата союзного слова *бэса* (далее; засим), которое, как правило, употреблялось лишь после полного изложения адресата.

С другой стороны, здесь имеются и смысловые противоречия: основатель Крымского ханства одновременно дает распоряжения и Великому Улусу (Джучиеву) и его Крымскому тумену. Если бы речь шла о XVI в., то под „Великим Улусом" можно было бы подразумевать государство самих Гираев, но тогда потерял бы смысл термин „Крымский тумен". Если же Хаджи-Гирай в 1453 г. признавал номинальную зависимость своего удела от традиционного центра джучидов — Сарая и поэтому назвал Крым „туменом", то, выходит, он одновременно повелевает всей Золотой Ордой.

Итак, в этом отрывке заключается настоящая историческая головоломка, говоря проще, недопустимые противоречия.

В-третьих, сам адресат оказался разбитым на части и „перемешанным" с преамбулой и публичным объявлением. Так, после перечисления высших и низших чинов „Великого Улуса" и „Крымского тумена" (кроме вышеназванных: *муфтий, мударрис, казый, старцы, писцы дивана, тамгачи, тартнакчи, анбарчи, йофтачи, ясакчи, каланчи, букаулы, воины,*

Часть 1

Ярлык Хаджи-Гирая 1453г., №4.	Его же ярлык 1459г. № 5.	Ярлык Менгли-Гирая 1467г., №6.
قرق يرين نينك	قرق يرنينك	—
سادات علوى لارينكا	سيد السادات لارينكا	—
ايلچى يولچى لارينكا	ايلچى يولاوچى لارينكا	ايلچى يولاوچى لارينكا
توزونجا بيكلا	توزونجا بيلينكلار	تورونجا بيلينكلار
توتا تورغان	توتا تورورغا	توتا تورورغا
بتى نلدى	بتلدى	بتلدى

Часть 2

У Хаджи-Гирая 1453г., №4.	По данным других ярлыков.	У Хаджи-Гирая 1453г., №4.	По данным других ярлыков.
حزر نينك انبارچى لارينكا	حزر انبارچى لارينكا	كونى	كون تور
چرى لارينكا	چري لارينكا	بولايو تورغاج	بولاى تيو تورغاج
قول قراواش	قول قراوش	ايرنا	ارينا
ايساق	يساق	تقوق	تقوق، تقوق
قولوش قولقا	قولوش قولتقه	اللى يبد كدا	اللى يبد يدا
خزير انبار	حزر انبار	اى نوك	اِبى نونك

Часть 3, ярлык № 4.

[4] حاجى كراى سوريم

[5] اواولوع اولوس مينك توماں مينك يوز اون [بيلاكان]

[6] اوغلا نلار بكلارينكا سا قريم تومايمى [7] بيلكان ايمينك

بتليغ داروغا بكلارينكا [8] سا قرق يرين مينك شاه مردان بتليغ داروغا بكلارينكا...

туткаулы, кабакчи и т. д., строки 9—15) предписывается не взимать налоги, поборы (более двадцати разновидностей) со скота, земли и с торгового оборота; затем повелевается какой-либо стороне не оказывать „насилия, притеснения и принуждения". Все это изложено в целых 13 строках (16—29). Следовало бы ожидать далее санкции, корроборации да сведений об исходных данных ярлыка. Однако с 29-ой по 34-ую строки снова идет перечисление всяких чинов (*послы и путники, гонцы, сокольничие, барсники, лодочники, мостовщики, перевозчики, ремесленники, старейшины и старосты сел* и т. д.) и после этого опять делается объявление, что держатель сего ярлыка анкарский купец Хаким Яхъя Махмудов сын „получая жалование, пусть будет тарханом". Затем опять следует перечисление налогов и повинностей, от которых освобождается держатель ярлыка. Некоторые налоги (харадж-хараджат, тамга, тартнак, кулуш-култка и пр.) называются повторно, что не естественно для ярлыков. И самым странным является то, что держатель его называется не до перечисления налогов, поборов и повинностей, от которых он освобождается, а упоминается где-то после, что противоречит общему правилу.

В-четвертых, основная часть объявления, содержащая конкретизацию территории действия ярлыка („...в Крык-Ере и в Крыму, и в Кафе, и в Керчи, и в Тамани, и в Каба, и в Кыпчаке, — в тех землях, где действует мой закон — кто бы ни был от этого Хакима Яхъи тамгу и тартнак, хардж и хараджат пусть не требуют и не берут"), еще раз противоречит компоненту адресата — „Великому Улусу", ибо речь идет лишь о Крымском полуострове и близлежащих к нему причерноморских степях.

В-пятых, орфографические ошибки, искажения типичных для тюрко-татарских актов слов, терминов представлены в обильном количестве во всем тексте ярлыка [см. табл. III, чч. 2, 3].

Все это дает достаточные основания считать ярлык Хаджи-Гирая 1453 г. не подлинником, а лишь списком, причем испорченным, запутанным, составленным где-то в конце XV столетия или же в первой половине XVI в. в Турции. Поэтому утверждение А. П. Григорьева, что этот документ сохранился „в хорошей копии" [152а, 149], текстологически не соответствует действительности.

Возможно, что основой этого списка служили несколько протографов — как действительный ярлык самого Хаджи-Гирая, данный в 1453 г. Хакиму Яхъе, так и другие акты после 1502 г., иначе трудно объяснить наличие вышеуказанных двух взаимоисключающих формул.

Неестественное расположение составных частей текста (адресант — адресат...— распоряжение—объявление—адресат—

объявление) также говорит о том, что составитель списка оперировал материалами нескольких равновременных документов, механически соединяя их отрывки в нечто единое. Наиболее испорченной, искаженной оказалась первая половина ярлыка, примерно до 29-ой строки, именно здесь составителем списка сделаны „пересадки" формул и компонентов из нескольких актов. Вторая часть ярлыка, начиная с 30-й строки, если не считать мелких орфографических ошибок, соответствует всем правилам ярлыковых формуляров.

К сожалению, мы не располагаем подробными палеографическими сведениями для доведения критики до логического конца. О бумаге А. Н. Курат ограничился лишь кратким замечанием, что она желтоватая и мягкая [468, 62]. Что касается почерка (крупный разборчивый дивани), то эти сведения, при наших скудных знаниях о почерках Крыма XV в. в целом, ничего не дают, так как почерком дивани писали как в Золотой Орде до Хаджи-Гирая, так и в Крыму после него. Некоторое подозрение вызывают размеры, особенно длина документа — 4 *м* 75 *см*. Как видно из описания, подлинники ярлыков XIV—XV вв. ни разу не превышают 200 *см*, а в XVI в., наоборот, становятся меньше. Поэтому вполне возможно, что составитель анализируемого списка ради внешнего эффекта искусственно увеличил объем и размеры ярлыка.

Таким образом, А. Н. Куратом был опубликован не подлинник, а сравнительно поздний, испорченный, поэтому не вполне надежный в текстуальном отношении список. Однако документ этот не перестает быть интересным в том плане, что он в некоторой степени отражает содержание и качество своих протографов.

Тарханный ярлык Менгли-Гирая 11 июля 1468 г. (№ 7) без начала и оттисков ханской тамги был отнесен В. Д. Смирновым по дате „июль 1468 г." Нур-Даулят-Гираю, который, по его мнению, царствовал в 1466—1469 гг. [348, 10]. Согласно специальной работе Халиля Иналджика Нур-Даулят царствовал три раза: в 1466—1467, 1474—1475 и 1476—1478 гг., а его соперник Менгли-Гирай находился на престоле тоже три раза: в 1467—1474, 1475—1476 и 1478—1514 гг. [459; срав.: 115, 209]. Следовательно, атрибуция Смирнова отпадает.

В то же время этот ярлык нельзя считать ни подложным, ни поздней копией какого-то другого действительного ярлыка Менгли-Гирая. Потому что этот акт, подтверждая ярлык Хаджи-Гирая 1459 г. (№ 5), данный населению Крык-Ера, всеми основными статьями, формулами, даже и компонентами их почти полностью повторяет его. Разночтения имеются лишь в орфографии отдельных слов. Поражает не только текстовое сходство, но даже палеографические совпадения, в том числе индивидуальные свойства почерка (своеобразия диакритических точек, которые часто опускаются, лигатура

таких букв, как „вау", „ра", „зайн", которые меж собой соединяются, и т. д.).

Есть все основание полагать, что три ярлыка (№№ 5, 6, 7) были исполнены не только в одной канцелярской среде, но даже одними и теми же людьми — секретарями Ахмад-хафизом и мауляна Байрамшахом, имена которых представлены в ярлыке Менгли-Гирая (№ 6). Учитывая все это, следует согласиться с В. Д. Смирновым, согласно которому „ярлык этот есть лишь заготовленный экземпляр, не получивший почему-либо надлежащего скрепления посредством приложения установленных для этого обычно цветных, синих и красных, клейм (т. е. тамг — *М. У.*)" [348, 9].

В. Д. Смирнов, правильно определив форму сохранности акта, удивился тому, что такой юридически недооформленный документ мог сохраниться. На этот вопрос трудно ответить и в наши дни. Полагаю, что здесь могла иметь место одна из следующих причин:

во-первых, по какой-либо причине у Менгли-Гирая в 1468 г. еще не было собственной квадратной тамги, на что намекают данные его первого жалования, где приложены оттиски алой тамги отца — Хаджи-Гирая (№ 6); поэтому этот ярлык мог быть выдан держателям в недооформленном виде с тем условием, что заверят его приложением тамги позднее;

во-вторых, данный вариант мог быть забракован по редакционной причине, а текст попал в руки держателей случайно;

в-третьих, вероятнее всего, это может быть не простая заготовка, а противень, который выдавался одновременно с подлинником одной из перечисленных общин (мусульман, христиан и иудеев); например, если заверенный тамгой подлинник находился у мусульман, то его противень мог быть у иудеев или наоборот.

Однако ввиду того, что в этом полной уверенности нет, вопрос остается открытым и текст в данном виде относится к категории заготовок.

Суюргальное жалование Менгли-Гирая 30 сентября 1468 г. (№ 8). Ярлык этот был опубликован И. Н. Березиным по сохранившемуся списку, находившемуся в то время в ООИД. Как писал публикатор, документ „представляет особенный интерес по перечисленным в нем податям и налогам, существовавшим в Крымском ханстве: сколько до сих пор известно, впервые мы встречаем в подлинном документе ханства довольно подробное перечисление крымских повинностей". Далее Березин, указывая на отличие формы и содержания документа от известных ярлыков Золотой Орды, подчеркивая собственно крымский характер его, констатировал его отличие от других крымских актов [103, 10—11]. И это вполне понятно, так как мы имеем дело не с тарханным, а суюргальным актом, имеющим некоторые атрибуты служилого

жалования. В то же время необходимо отметить связь жалования с другим актом — ярлыком Улуг-Мухаммада (№ 3). Видимо, этой связью объясняется тот факт, что в ярлыке Менгли-Гирая в начале развернутого адресата стоит формула „Крымского тумена даруга-бекам", которая, как уже сказано, противоречит духу политики крымских ханов, стремившихся к самостоятельности. Поэтому наличие такой формулы в официальном акте Крыма 1468 г. можно объяснить двояко: или это следствие влияния протографа (например, названного ярлыка Улуг-Мухаммада или же другого промежуточного акта, связывающего жалования 1420 и 1468 гг.), или же отражение в актах номинальной династийной зависимости Крымского ханства от Золотой Орды. Однако сомневаться в достоверности акта в целом не приходится, так как по всему содержанию и реалиям (имена держателей, топонимов и т. п.) он является историчным.

Копия тарханного ярлыка Ибрагима (№ 9). По представленному в ЦГАДА списку ярлык имеет все атрибуты подлинного документа: и письмо как будто старинное, и оттиск ханской тамги присутствует. Однако, при внимательном рассмотрении, документ вызывает сомнения как в археографическом, так и в палеографическом плане. Во-первых, весьма подозрительна замечательная сохранность бумаги, мало отличающейся от бумаги других сопровождающих документов. Во-вторых, почерк *настаалик*, будучи сравнительно молодым по происхождению, не характерен для актовой письменности Джучиева Улуса XV—XVI вв. В-третьих, имеются факты обновления орфографии и фонетики языка. Например, в одном случае пишется *атлыг* (то есть „по имени"), а в другом — в более обновленном виде *атлы*; этой же причиной объясняется наличие вариантов *азад* и *азат*. В-четвертых, в тексте имеются грубые ошибки и пропуски, которые не могли иметься в таком значительном количестве в небольшом по объему официальном акте. Ошибки содержатся и в легенде квадратной тамги с именем Ибрагима. Автор копии искажал слова и термины чисто графическим образом: правильно написав основы арабских букв, в непонятных ему словах ошибочно размещал диакритические точки, в результате чего получились совершенно новые понятия. Например, вместо единственно верного для удостоверения слова *нишанлыг* (с нишаном) читаем *санлыг* („с числом" или со вторичным значением: степенный), вместо *хазр-и анбар* (разновидность налога) находим непонятное *хазр-и инар*; вместо типичного для тарханного ярлыка парного термина *улаг-илмэк* (верховые кони, транспорт вообще) обнаруживаем переосмысленную фразу *улаг алмак*, которая в XVII—XVIII вв. означала „брать подводу" [табл. IV, ч. 1].

Таблица IV

Часть 1

Описки и разночтения в копии ярлыка Ибрагима, №9.	Должно бы быть, по материалам других ярлыков и источников.
ابراميم خانيمز	[ابراهيم خان] سوزوم (سوزوميز)
آزادت... آزاد ترخان	آزاد ترخان
ايرسالا، ايرسالار	ارسالر، ايرسالار
نيسب، نسب	نسب
آتليغ، آتلى	آتلغ، آتليغ
ايرک (تا)	ارک، اراک
ايكين سبا	ايكين سبان
حزر اينار	حزر انبار
اولاغ آلماق	اولاغ الماک
سانليغ يرليغ	نشانليغ يرليغ
حافظ بتلدى	[حافظ] بتدى

Часть 2

Примеры туркизации в огласовке ярлыка N 10.	Разночтения и примеры обновления орфографии в том же ярлыке.	
عهدِ نا[مه]	مُحَمَّدْ	حَقِّي اوجون
مَحْمَدْ	اُلُو بِي	تُورْت مِنكْ
اِيرْمَنِي داً	قُتْلُوبى	رُسُلْ لارْ
اِيرْمانِيلارِي	بِزلاَ	يُوزْ دُورْتْ
مُسْلِمَانْلَرِي	اَيْتُورْمَنْ	رَسُلْ لارْ
حُرْمَتِي چون	اَيْتِلْغان	دُورتْ مِنک

Естественно, такие „переделки“ могли сделать лишь на основе старинного и неудобочитаемого протографа. Поэтому думать, что перед нами обыкновенная фальшивка,— не приходится. Если человек XVII в. не мог заново создавать старинные ярлыковые термины, то он вряд ли мог бы придумать верную по форме и содержанию квадратную тамгу джучида.

Следовательно, предполагаемый составитель копии (им мог быть служилый татарин XVII в. Кутлумухаммад Кутлугушев) располагал подлинником ярлыка казанского хана Ибрагима, царствовавшего в 1467—1479 гг. (по хиджре 871—884 гг.)

Однако Кутлугушев при составлении данного списка ставил перед собою задачу не только изготовления копии, а попытался восстановить в той или иной степени прежний облик документа. Судя по всему, у подлинника, находившегося у Кутлумухаммада, не хватало начальной части. Поэтому адресант представлен в искаженном виде („Ибрагим хан наш“), адресат пропущен полностью и текст начинается лишь с объявления.

Однако попытка Кутлугушева восстановить адресант говорит о том, что он в целом правильно расшифровал легенду квадратной тамги с куфическим письмом и, вероятно, был знаком с текстами других ханских ярлыков, которые в те времена еще хранились у населения. Об этом свидетельствует и первая фраза сохранившейся части текста — „мое суюргальное слово“, которая была внутри дефектной преамбулы протографа или в текстах других ярлыков. Возможно, что в протографе были испорчены концы строк, были прорывы и внутри основной части листа. В силу всего этого, копировщик-имитатор пропускал непонятные или неудобочитаемые слова, фразы, целые формулы, то есть подвергал текст контаминации, и представил его в скомканном, искаженном виде.

Весьма характерна представленная в конце ярлыка дата: *тарих секиз йүздә (...) рамазан айының әүвәлиндә битилди...*— „написан в восемьсот (...)-ом году в первый день месяца рамазана“, где после сотен пропущено двузначное число, например, 71, 72, 73, 74 и т. д., написанное словами.

Судя по оттиску, имитация тамги была выполнена в целом правильно, хотя имеются ошибки и почерк не отличается аккуратностью.

Таким образом, мы имеем дело не с подлинником ярлыка Ибрагима, не с фальшивкой без достоверного протографа, а располагаем испорченной копией-имитацией, выполненной по дефектному протографу. Естественно, дошедший до нас список не отражает все особенности и источниковедческие достоинства действительного ярлыка Ибрагима Однако в силу чрезвычайной малочисленности подобных сведений по Казанскому ханству мы вынуждены учитывать и такие документы.

Договорный (шертный) ярлык 883/1478—79 года (№ 10) сохранился в относительно поздней копии. Каких-либо сведений об удостоверительных знаках не имеется; не сохранился и обязательный для джучидских официальных актов адресант. По дате ярлык может быть отнесен как Нур-Даулят-Гираю, который последний раз на престоле находился в 1476—1478 гг., так и Менгли-Гираю, третье и основное царствование которого приходится на 1478—1514 гг. [459; ср.: 115, 209]. Однако более правильным является отнесение документа к Менгли-Гираю, ибо хранение жителями Крык-Ера договора с его последовательным соперником было бы не безопасно во время его длительного царствования. Хранение же договора с Менгли-Гираем вполне естественно, ибо он „законно" правил ханством до 1514 г., а после его смерти престол занял его наследник — Мухаммад-Гирай I, при котором все документы и обязательства отца сохраняли юридическую силу.

В то же время подозрение вызывает общий тон документа, в котором „сын Хаджи-Гирая" дает за признание его законным правителем унизительные для монарха клятвы (за нарушение договора с его стороны в качестве наказания перечисляются отвержение от веры, от Корана, от милосердия всех святых, потеря прав на законную жену), хотя старейшины из Крык-Ера какую-либо клятву фактически не дают, кроме непризнания другого в качестве „сына Хаджи-Гирая или же сына Саид-Ахмада".

Естественно, во время борьбы за престол претенденты сильно зависели от феодальных группировок, шли на уступки, давали обещания, однако, по сословно-феодальному этикету зависимость монархов от нижестоящих выражалась не столь обнаженно и прямолинейно. Поэтому можно допустить, что при составлении копии были допущены текстуальные изменения в плане тенденциозной контоминации статей, сокращений, в результате чего нарушалось „равновесие" клятв и обязательств договаривающихся сторон.

В пользу предположения об обновленности текста, неточности копии говорят и орфографические, палеографические данные. Как было отмечено в описании, текст обильно снабжен вспомогательными знаками, над- и подстрочными огласовками — харака, что совершенно не характерно для джучидского делопроизводства XIV—XV, даже XVI столетий. Причем в озвучании ряда слов прослеживается влияние османско-турецкой орфоэпии XVII—XVIII вв., что особенно ярко выразилось в одном месте в озвучании имени Мухаммад на турецкий лад Мехмед и далее в огласовке слов армяне, мусульмане и др. [см. табл. IV, ч. 2].

Итак, отнесение копии к более позднему времени и допущение автором списка вольностей сомнений не вызывают.

К сожалению, отсутствие других образцов шертных ярлыков внутреннего назначения не дает возможности довести критику анализируемого документа до желаемого конца.

Суюргальные ярлыки Газы-Гирая II (№№ 52, 53) являются весьма своеобразными в том плане, что представленные в них оттиски квадратных тамг имеют обратные, то есть зеркальные изображения. Если бы с такими тамгами был всего лишь один документ, то можно было бы допустить, что перед нами подделка, полученная или путем изготовления фальшивой тамги, или же методом повторного оттиска с первичного изображения. Однако наличие двух ярлыков, данных разным лицам, но удостоверенных одними и теми же знаками, не дает возможности для такого вывода. К тому же оттиски перстневых печатей, имеющиеся в этих же ярлыках, говорят за их подлинность, ибо аналогичные оттиски личных печатей Газы-Гирая II имеются в других подлинных ярлыках (№№ 54, 55, 56, 60). Поэтому естественен вывод, что эти два ярлыка Газы-Гирая являются достоверными.

В пользу подлинности их говорят и палеографические данные. Например, судя по почерку (убористый дивани), по общему оформлению и исполнению адресанта-тугры тарханного ярлыка Мухаммад-Гирая II 1581 г. (№ 45) и одного из анализируемых жалований Газы-Гирая II (№ 53), они исполнены одним и тем же писцом-каллиграфом.

Почему же в таком случае ханские тамги в названных ярлыках имеют неправильные, то есть обратные изображения? На этот вопрос попытаемся ответить при анализе печатей.

Глава четвертая

О КОЛИЧЕСТВЕННОМ СООТНОШЕНИИ СОХРАНИВШИХСЯ ЯРЛЫКОВ ПО РЕГИОНАМ

Как видно из таблицы II, количество сохранившихся актов по месту их происхождения весьма различно. Например, если от Золотой Орды и Казанского ханства по нашему периоду в тюркских оригиналах представлено всего пять документов, то от Крымского ханства сохранились целых 56. Возможно, что в будущем количество крымских ярлыков XV—XVI вв. увеличится еще более, чего, однако, труднее ожидать относительно актов Казани, особенно Золотой Орды. И это вполне объяснимо, так как степень сохранности старинных жалований по отдельным регионам определялась особенностями судьбы и истории этих регионов, в которых можно видеть ряд объективных и субъективных причин.

Со второй половины XIII по первую четверть XV столетий, когда Джучиев Улус, проходя поэтапно периоды становления,

расцвета и распада, существовал как более или менее единое государство, в обращении и действии находилось **безусловно большое** количество различных жалованных актов. Реальность определения „большое" и категоричности „безусловно" обусловлены следующим. Как известно, в течение XIII—XIV вв. золотоордынские ханы дали русским митрополитам — духовенству одной из покоренных и зависимых стран — более десяти тарханных ярлыков, из которых до нас дошли шесть документов [309, 69].

Естественно, что русские митрополиты были, с одной стороны, не основными потребителями джучидских жалований; они составляли, с другой—самую незначительную часть держателей ханских ярлыков вообще. И это вполне закономерно, потому что в самой империи в огромном количестве были „собственные" вельможи и сановники, богатые купцы, именитые землевладельцы, родовитые скотоводы-эксплуататоры, бесчисленные чиновники различного калибра и, наконец, „свои богомольцы", то есть служители культа. Одним словом, здесь имелись все необходимые составные компоненты господствующего и правящего комплекса, присутствие которого в большом объеме и сложном виде обязательно для каждого крупного и продолжительно существовавшего феодального государства, каковым является экономически многоукладный, этнически пестрый, географически огромный Джучиев Улус. Разумеется, что при таких обстоятельствах все названные группы и сословия экономически и политически господствующего класса оформляли и закрепляли свои привилегии различными юридическими актами в виде ярлыков — официальных государственных указов.

Как известно, при господстве суюргальной, то есть военно-ленной системы [92; 300; 399, 109—117], земля — основное богатство общества — считалась собственностью государства, вернее хана, олицетворявшего это государство. Поэтому при каждом новом монархе земля и связанные с нею привилегии „раздавались" заново, точнее, заново закреплялись за прежними владетелями — оседлыми и кочевыми феодалами, и все это сопровождалось изданием как изначальных, так и подтвердительных ярлыков. При непосредственной связи военно-административной, сословно-иерархической структуры общества с той же суюргальной системой публикация указов приобретала периодичный характер и по другим видам жалований — собственно тарханным, служилым, льготным и т. д. Одновременно порядок подтверждения прежних привилегий со стороны каждого нового правителя предполагает массовость издания ярлыков, то есть охват всех наследственных держателей жалований.

К общему числу этих традиционных держателей при каждом хане прибавлялись новые получатели ярлыков. Поэтому,

надо полагать, количество выдаваемых жалований находилось в прямой пропорциональной зависимости от общего числа крупных феодальных кланов, родоплеменных предводителей, сановников, богатых купцов, влиятельных „богомольцев", религиозно-общинных хозяйств и т. д. Количество же подобных групп, лиц и институтов по всему Джучиеву Улусу исчислялось, видимо, сотнями. Следовательно, имеющиеся в нашем распоряжении оригиналы золотоордынских ярлыков составляют лишь мизерную часть многочисленного и разнообразного по форме и содержанию комплекса жалований, которые бытовали в течение XIII—XV вв.

Куда же делось в таком случае подавляющее большинство золотоордынских ярлыков, почему их сохранилось так мало? Чтобы получить на эти вопросы более или менее осмысленный ответ, необходимо помнить следующее.

Жалованные акты, будучи теснейшим образом связаны как с определенной государственностью, ее политико-юридическими институтами, так и с конкретной территорией, на которую распространялась юрисдикция этой государственности, могли существовать, функционировать лишь при условии их синхронного наличия. Какую же картину наблюдаем относительно основной части территории Золотой Орды в XV—XVI вв.? Полное отсутствие всех этих компонентов.

Как известно, после смерти Узбека (1342 г.), одного из могущественных государей Джучиева Улуса, страна пережила ряд стихийных и социальных потрясений. Например, страшная эпидемия чумы унесла сотни и сотни тысяч человеческих жизней, села и города Золотой Орды сильно опустели. Только в Крымском *тумене* погибло более 85 000 человек [334, 107; 368, т. I, 530].

Как говорится в русских летописях, некому было погребать покойников („...бысть мор силен..., не бе кому их погребати" [304, т. X, 217; т. XXV, 175; т. XXX, 108 и др.]). В результате всего этого, когда были основательно подорваны людские и хозяйственные ресурсы страны, расшатанными оказались коммуникационные службы государства, создались благоприятнейшие условия для резкого обострения внутренних противоречий, для ускоренного развития центробежных сил. Так началась в истории Золотой Орды целая полоса феодальной междоусобицы, братоубийственной гражданской войны, сопровождавшейся не только тронной чехардой, когда за каких-то 20 лет (1359—1379 гг.) на престоле побывало целых 25 ханов [334, 111—112], но и кровавыми столкновениями феодальных группировок, следовательно, и подвластного им населения.

Как следствие и внутреннего разлада, и изменения соотношения сил в международном масштабе, Золотой Орде был нанесен удар в результате знаменитой Куликовской битвы

145, 291—294; 334, 133—136]. Успехи Токтамыша в восстановлении единства расползающейся по швам империи, в возрождении ее военного могущества [399, 152—153] были сведены на нет из-за новой вспышки междоусобицы, внешне выразившейся в пресловутом конфликте хана с могущественным временщиком Идигэ. Именно этот конфликт был поводом для нашествия Тимура на Восточную Европу, осуществленного им блестяще в техническом отношении и кончившегося подлинной катастрофой для Джучиева Улуса [71, 740—741; 145, 371—373]. Одновременно это было страшной трагедией и для всего населения Нижнего и Среднего Поволжья. Например, как показывают новейшие археологические исследования, в результате этого погрома многие города и крупные населенные пункты Поволжья были разрушены основательно, а население было истреблено до такой степени, что во многих местах некому было собрать останки погибших [401, 71; 265, 88]. Поэтому прав Г. А. Федоров-Давыдов, когда он приходит к обобщающему выводу, что в результате похода Тимура в 1395 г. „поволжским городам" был нанесен „окончательный и непоправимый удар" [399, 154].

Все это вместе взятое привело к ослаблению некогда могущественного государства в целом, к дальнейшему усилению центробежных сил общества, к быстрому развитию сепаратизма различных феодальных группировок, к возвышению одной орды за счет ослабления другой и т. д. Как следствие такого развития в первой половине XV в. на окраинах империи возникали одно за другим новые государственные образования — Сибирское (20-ые гг.), Казанское (30-ые гг.), Крымское (40-ые гг.) ханства, Ногайская Орда (40-ые гг.), а несколько позднее, то есть в 60-е гг.,— Астраханское, Казахское, Узбекское ханства [116, 703].

На золотоордынское наследие претендовала Большая Орда, возникшая в результате отпада окраин и обособления центральной части империи. Она вела борьбу как с Русью, так и с „дочерними" в династийном отношении соседними ханствами, однако, терпя одно поражение за другим (неудачный поход Ахмада на Русь в 1480 г., поражения от Крыма в 1486—91 гг.), оказалась в конце концов растоптанной, раздавленной копытами конницы Менгли-Гирая в 1502 г.

В результате всего этого в центральной части бывшей империи ликвидировались не только надстроечные юридические институты государственности, но происходили существенные изменения в хозяйственно-экономическом, демографическом отношениях. Захиревшие после бурных событий второй половины XIV и начала XV вв. города Нижнего Поволжья и Северного Кавказа — центры земледельческих районов, торговли и ремесла — быстро приходили в упадок, сохранившееся после упомянутых погромов население этих

городов и сел было вынуждено искать другие, более спокойные места. Оставшиеся в живых феодалы уходили в разных направлениях — в Хорезм, Крым, в Булгар, вливаясь в состав местных тюркоязычных феодалов; они бежали также на Русь, в Литву, превращаясь там в сословие служилых людей, экономические интересы которых связаны были уже с совершенно другими территориями, другими юридическими традициями.

Как следствие всего этого некогда цветущая, по представлению современников (например, Ибн Баттуты), центральная область государства со своими благоустроенными городами, с развитой международной торговлей [71, 712], налаженной сетью коммуникаций, приходит в полный упадок. Область, в которой три столетия тому назад внутри степного кочевого мира образовался очаг земледельческой культуры, очаг, который в определенной степени служил административно-экономической, духовно-культурной, то есть объединяющей осью для тюркоязычного населения государства, в частности, для различных регионов „лоскутной империи", в целом, была снова отдана во владение неспокойного, анархичного кочевничества, не имеющего стабильной государственной власти [71, 701—702].

Именно таким постепенным опустошением края после XVI в. можно объяснить исчезновение жалованных актов золотоордынского периода. Потому что в результате полной ликвидации политико-юридических институтов, в результате отрыва традиционных держателей ярлыков от конкретной территории, отпала необходимость в хранении, возобновлении их. Они, жалованные ярлыки, оказываясь вне породивших их юридических норм, без конкретной территории, превращались постепенно в ненужные старинные бумаги. Если они сумели избежать каким-то чудом „насильственной смерти" во время бесчисленных войн, междоусобных пожарищ, то должны были теперь ожидать медленной „естественной смерти".

Разумеется, кроме этой основной причины, заключающейся в объективном отсутствии социальной потребности и материального стимула для хранения, обновления старинных юридических актов, имелись также второстепенные причины, ускорявшие гибель их, например, фактор времени, отсутствие условий в кочевом мире для хранения письменности и т. д.

Таким образом, в исчезновении подавляющего большинства жалованных актов золотоордынского периода нет ничего случайного. Если от большого количества тюркоязычной художественной и духовно-религиозной литературы периода Джучиева Улуса до нас дошли лишь незначительные образцы [см.: 271 и 274], то юридические акты, более связанные с частными хозяйствами, феодальными институтами, нежели с широким кругом населения, тем более не имели почвы для

продолжительного существования. Юридические акты к государственности, ее институтам относятся так же, как надстройка относится к своему базису.

Наконец, в пользу предлагаемых объяснений и выводов говорят и те образцы золотоордынских жалованных ярлыков, которыми мы располагаем сегодня. Например, ярлыки Тимур-Кутлуга, Токтамыша и Улуг-Мухаммада дошли до нас благодаря тому, что они были жалованы крымским феодалам, потомки которых жили на одной и той же территории при относительно непрерывном продолжении прежних социально-юридических традиций вплоть до конца XVIII в. Ярлыки русским митрополитам смогли сохраниться почти по той же причине, ибо как великие князья, так и цари московские признавали, с одной стороны, законность золотоордынских юридических актов [410, ч. 1, 12—31 и 309], с другой стороны, из века в век старательно оберегали социальные привилегии „своих богомольцев".

Почти аналогичную в сущности, но несколько иную по форме картину можно наблюдать и относительно Казанского ханства, от которого жалованных ярлыков сохранилось также очень мало.

Думать, что в Казанском ханстве, существовавшем относительно недолго (с 30—40-х гг. XV в. по 1552 г.), не было соответствующих условий для публикации ярлыков, не приходится. Среднее Поволжье, конкретнее территория прежнего Булгарского государства, включенная в первой половине XIII в. в состав Джучиева Улуса, в течение трех столетий находилась в сфере действия джучидских политико-административных, аграрно-хозяйственных, юридическо-правовых норм. Поэтому социальные, политические и сословные привилегии местных эксплуататоров — как булгарских, так и кыпчакских феодалов — закреплялись, подтверждались такими же юридическими актами, которые действовали по всей территории империи. Вряд ли правомерно допускать, что обычай выдачи жалованных ярлыков стал распространяться в Среднем Поволжье лишь после становления Казанского ханства. Против этого говорят и данные жалования Ибрагима, в котором делается ссылка на ярлык некоего Хайдар-Алисултана, видимо, какого-то золотоордынского правителя-наместника из дома джучидов.

Разумеется, держателей различных жалований в Казанском крае в XIII—XIV вв. было значительно меньше, чем в центральной части Джучиева Улуса, ибо он как по территории, так и по концентрации именитой аристократии, крупных вельмож значительно уступал Нижнему Поволжью с прилегающими к нему степями. В то же время следует помнить, что это был развитой в земледельческом, следовательно, и в социальном отношении край.

Что касается периода самостоятельного ханства, то в эту эпоху ярлыков выдавалось значительно больше, чем прежде, ибо рождение политической самостоятельности предполагало переоформление всех наследственных и временных привилегий, связывая их с именами „своих государей". И казанские ханы, будучи джучидами, оформляли свои ярлыки по общим правилам.

Широкую распространенность выдачи ярлыков в Казанском ханстве подтверждают следующие сведения. Например, во время земельных споров в XVIII в. татары предъявляли „крепости татарского письма..., по которым та земля досталась [им] до взятия царства Казанского" [47,9—12; также: 162 и 163]. На историческую связь этих „крепостей" с официальными жалованиями указывает ссылка на имя „Махамедхана" [47, 4]. С определенными видами жалований связаны „беляки", то есть *бүләк* — дары в мордовских землях [142], держателями которых были как татарские мирзы, так и мордовские феодалы [184, 80].

Интерес представляет тот факт, что в XVII в. права мордвы деревни Урени Казанского уезда „на ухожаи по реке Соку в Самарском уезде" основывались на жалованной грамоте „Казанского хана Сафая" [142, 111]. В русском переводе земельного документа XVI в., опубликованного В. Д. Димитриевым, ссылка делается на того же Сафа-Гирая [163, 268]. Особый интерес представляют русские акты 1677 и 1696 гг., в которых говорится о жалованных тем же Сафа-Гираем землях охранителям мавзолея в местности Балынгус (около Билярского городища) [257, 180—181; 418, 61]. Судя по всему, здесь идет речь о земельных жалованиях служителям культа, конкретнее шайхам и дарвишам, жившим при „святых" могилах или, возможно, при мавзолеях ханов-джучидов.

Кроме этих более или менее косвенных данных о казанско-ханских жалованиях мы располагаем другими сравнительно точными сведениями о погибших ярлыках. Например, в начале нашего столетия у жителей татарского аула Надирова Бугульминского уезда (ныне Альметьевский район Татарии) хранился, как сказано в родословной, подлинник тарханного ярлыка Мухаммад-Амина 921/1515 г., копия которого некоторое время находилась в личной библиотеке литератора и историка Р. Фахрутдинова, она исчезла в 1911 г., когда его библиотека подверглась погрому царской охранкой [489 и 490]. По словам Р. Фахрутдинова, потомки держателей названного ярлыка Мухаммад-Амина располагали также подтвердительным тарханным жалованием Сафа-Гирая, датированного серединой шаабана 933/серединой мая 1527 г. [29, оп. 1, дело 1, л. 13—14].

Таким образом, как видно из этого краткого обзора, распространенность обычая выдавать жалованные ярлыки

в Казанском ханстве подтверждается документально. Поэтому можно уверенно предполагать, что дошедшие до нас два ярлыка являются всего лишь незначительными „осколками" сравнительно большого комплекса казанско-татарских официальных актов. Не исключена возможность, что в будущем в архивах обнаружатся поздние копии или русские переводы других татарских ярлыков, как это было, например, с жалованием Ибрагима; их, видимо, следует искать, как справедливо пишет В. Д. Димитриев, „в судебных делах XVII—XIX вв., связанных с территорией бывшего Казанского ханства" [163, 275].

Что же касается гибели основной части ярлыков Казанского периода, то здесь необходимо иметь в виду также ряд объективных и субъективных причин.

После падения Казанского ханства в 1552 г. в крае происходили глубокие социальные и политические изменения. Если политические изменения касались ломки и полной ликвидации местной государственной машины, замены ее новым административным аппаратом [184, 101—102], то социальные изменения касались не сути феодальных отношений, а лишь формы их, что выражалось в изменении состава господствующего класса. Например, до и во время падения Казани известная часть татарских родовитых феодалов перешла на службу к русскому царю и выехала с территории ханства. Впоследствии к ним присоединились и те, которых русское правительство в административном порядке выселяло из Поволжья во внутренние области государства, предоставляя им поместья в исконно русских землях с русским, а на окраинах с мордовским или удмуртским населениями [199, 182; 301, 31—32].

К ним относятся и касимовские служилые татары. Все они постепенно и „относительно быстро,— как писал М. Н. Тихомиров,— ассимилировались с русским населением... Бывшие мурзы и старшины делались дворянами и детьми боярскими, сохраняя только в своих фамильных прозвищах указание на свое происхождение" [373, 487].

Естественно, социально-сословные привилегии подобных „бывших татарских" феодалов связывались не с прежними традициями и правовыми нормами, а с новыми территориально-юридическими установками. В результате такого включения значительной части татарских мирз в состав русских феодалов ощутимо сократилось количество местных эксплуататоров края. Например, уже в 60-х годах XVI в. в одном только левобережье „Казанского царства" из 900 семей землевладельцев 700 были русскими и лишь 200 — татарами [190, 54]. Это, во-первых.

Во-вторых, значительная часть татарских мирз и беков, оказывавших сопротивление, была ликвидирована как физически, так и экономически. К этой категории относились

наиболее могущественные и родовитые феодалы, то есть вероятные держатели различных привилегий и жалований.

В связи с этим следует попутно отметить, что основной удар царизма был направлен прежде всего против татарских феодалов — хозяев края; царизм, последовательно проводя классовую политику, вел борьбу в эти годы не с трудовым населением (необходимым объектом эксплуатации), а с местными феодалами — опасными соперниками. Поэтому при обращении к сведениям о „поголовной резне" татар в 1552 г. и репрессиях против населения края в последующие годы, содержащимся в ранних источниках и поздних буржуазно-националистических исследованиях (как русских, так и татарских), следует иметь в виду не только „факты", но и суть явлений, ибо они не учитывали, даже игнорировали классовую сущность московско-казанских войн. С другой стороны, процесс завоевания Казани не следует превращать в односложную бутафорно-торжественную акцию лишь против „злых ханов", как это, к сожалению, делается иногда в популярной или полухудожественной литературе. Потому что при таком освещении затушевывается средневековый характер, жестокость феодальных завоеваний, когда при „драке панов" трещали не только чубы у холопов, но приносились в огромном количестве в жертву на алтарь феодально-классовых интересов и кровь, и жизнь трудового населения с обеих сторон.

В-третьих, значительная часть татарских феодалов была вынуждена принять христианство под экономическим, административным давлением царизма во второй половине XVII и первой половине XVIII вв. [148, 229—235]. Надо полагать, принимая христианство, отпадали от прежних традиций не только рядовые татарские землевладельцы, стремившиеся укрепить свое положение, но и наиболее могущественная прослойка, которая в случае отказа могла лишиться своих экономических привилегий. Потому что „имущество некрещенных переходило по наследству в первую очередь к крещенным родственникам, минуя некрещенных" [184, 112—113].

С некоторыми так и случилось: образовалось сословие „нищих мирз (*чабаталы мирзалар* — „мирзы-лапотники").

Другая часть татарских феодалов деклассировалась, образовала прослойку купечества. „Класс служилых мурз и татар...,— писал Н. А. Фирсов,— быстро исчезает вследствие ограничений их владельческих прав..., поглощенный частично русским дворянством, частично податным классом инородческого населения" [402, 5]. В этом плане интерес представляет следующий факт: если в самом начале XVII в. в Казанском уезде Иваном Болтиным было зафиксировано „50 крупных татар помещиков", то к середине того же столетия „их было вдвое меньше" [184, 114—115].

В-четвертых, после закрепления своих административно-политических позиций в крае царизм, в союзе с христианским духовенством [подроб. см.: 199, 187—188], русским дворянством (в том числе и крестившимися местными феодалами [док. см.: 257, 7—12]) усиливает наступление на трудовое население в целом, в результате чего определенная прослойка татарского населения покидает прежние места жительства и уходит на восток [391, 188—190], прежде всего в Башкирию. Здесь одни переселенцы записываются в тептяри, другие вливаются в состав башкир, образовав тем самым большую прослойку населения края — башкир по национальности, татар по языку [225].

В результате всего этого в Среднем Поволжье создаются благоприятные условия для русско-феодальной и церковно-монастырской колонизации. Например, во второй половине XVII в. в одном Казанском уезде из более 500 деревень на пустоши приходилось около 6 процентов [412, 284—290]; они, естественно, по усмотрению администрации, закреплялись за новыми хозяевами.

Итак, из этого обзора видно, что со второй половины XVI в. в Казанском крае происходят существенные изменения в структуре общества, в результате которых класс прежних татарских феодалов был почти целиком заменен русскими, церковно-монастырскими феодалами, с одной стороны, и незначительной прослойкой вновь образовавшихся татарских служилых людей, с другой, социальные привилегии которых оформлялись иными юридическими нормами.

Именно в результате таких общественно-социальных изменений, не только ликвидации прежних правовых и юридических норм, но также вследствие отрыва потомков традиционных держателей жалований от территорий, где находились их недвижимые богатства, полностью отпала необходимость в сохранении, обновлении прежних татарских жалованных актов. Следовательно, объективным ходом развития истории они были обречены на постепенное исчезновение, и они исчезли, остались лишь случайно сохранившиеся жалкие остатки.

Естественно, кроме этих объективных социальных причин, сыгравших основную и решающую роль в исчезновении татарских актов Казанского периода, были и вторичные, побочные причины. Например, документы массами погибали в результате миссионерских погромов старинных мечетей и медресе [261, 89], в которых обычно хранились книги и бумаги; в результате многочисленных крестьянских восстаний, погромов помещичьих имений, частых пожаров и т. д. и т. п. [391, 29—30].

Наконец, в пользу предложенного вывода о том, что казанские ярлыки исчезли в результате отсутствия социально-юридической почвы в крае после падения ханства, говорит и местонахождение сохранившихся актов (к ярлыкам Ибрагима, Сахиб-Гирая можно добавить вышеназванные жалования Мухаммад-Амина и Сафа-Гирая, дожившие до начала XX в.) — восточные окраины ханства, где издревле жили татары и башкиры. В Башкирии, как мы знаем, в результате относительно мирного присоединения западной части ее территории к Русскому государству, царизм не только признавал, но и оберегал в известной степени классовые интересы башкирских феодалов, подтверждая их наследственные тарханные права и привилегии [128].

Подобным же образом, в принципе, видимо, следует объяснить полное исчезновение жалованных актов по Астраханскому и Сибирскому ханствам.

Совершенно иная картина наблюдается в Крыму.

Государство Гираев, претендуя на наследие „Великой Орды" — Джучиева Улуса, продолжая в принципе династийные традиции, юридические и правовые нормы последнего, просуществовало значительно дольше, чем другие ханства, возникшие при распаде империи джучидов. Правда, после установления в 1475 г. турецкой протекции над ханством медленно, но по восходящей линии усиливается влияние османско-турецкого делопроизводства, что в определенной степени соответствовало изменениям и внутри общества. Однако эти изменения в делопроизводстве происходили неравномерно: они сначала касались документов крымско-турецкой переписки; почти до середины XVI в., судя по ярлыкам, мало затрагивали внутреннее делопроизводство, в котором во второй половине столетия идет борьба двух начал — золотоордынско-крымского и турецко-крымского. Победа последнего падает на начало XVII в., хотя отдельные реликты традиционного делопроизводства встречаются и позднее в документах, назначенных как для внутреннего, так и для внешнего потребления, например, в посланиях, адресованных русским царям [35, ф. 123, оп. 2, №№ 36, 39, 41; оп. 3, №№ 4, 5]. Поэтому формирование и развитие собственно крымского делопроизводства, полностью отличающегося от традиционного золотоордынско-джучидского, падает в целом на XVII—XVIII вв., на период, когда завершилось формирование крымско-татарской народности, оформился собственно крымско-татарский деловой язык, существенно отличающийся от языка письменности XV и первой половины XVI в.

Однако ни установление турецкой протекции над ханством, ни изменения делопроизводства в XVI—XVII вв. не затрагивали основных устоев и сущности феодальных отношений, правовых норм в Крыму. Крымско-татарские феодалы, как

класс в целом, не переживали отрыва от исконной территории, с которой были связаны их привилегии. Развитие производительных сил, классовых взаимоотношений шло темпами замедленной эволюции. В таком рутинном состоянии данное общество находилось до 1783 г., то есть до времени падения ханства. Поэтому в ранних крымских ярлыках XV в. мы находим ссылки на жалования прежних „старших братьев ханов", то есть золотоордынских государей (например, ярлыки №№ 5, 7, 8), а в жалованиях XVI столетия — ссылки на Хаджи-Гирая, в актах же конца XVI и начала XVII вв.— на Сахиб-Гирая и т. д. (№№ 13, 25, 26, 28 и т. д.) Словом, соблюдение одних и тех же правово-юридических норм, действие правовой преемственности прослеживается полностью.

Такая преемственность продолжалась и после присоединения ханства к России. Потому что царизм, последовательно проводя классовую политику, защищая прежде всего интересы русского дворянства, одновременно должен был, исходя из своей социальной природы, признавать классовые интересы и местных феодалов, в том числе потомков родовитых татарских беков, мирз и крупного духовенства. Поэтому после мирного присоединения ханства царское правительство в Крыму учредило специальные институты (такие как Таврическое губернское дворянское депутатское собрание, Комиссия по разбору споров о землях... и др.) для ускорения феодальной колонизации края, с одной стороны, и защиты интересов всех феодалов (как русских, так и крымско-татарских), с другой.

Именно по этой причине в конце XVIII и начале XIX вв. русская администрация в Крыму собирает, изучает, привлекая специалистов, старинные тюрко-татарские жалованные акты, подтверждает социальные привилегии местных феодалов, производя их в дворянство, жалуя высокими титулами, чинами с выдачей пергаменных грамот.

Все эти отмеченные особенности истории Крыма в комплексе и были основной причиной того, что от этого ханства сохранилось значительное количество жалованных ярлыков. Например, по XV—XVI вв. выявлено пока 56 тюркоязычных актов; жалований же XVII—XVIII вв.— более 100, то есть их общее число, зафиксированное автором в указанных фондах КОГА, РО ИВАН, РО ФВЯ, превышает 150 единиц. Что касается ярлыков-посланий и писем дипломатического характера, сохранившихся в архивах СССР, стран Восточной Европы (Румынии, Венгрии, Польши) и Турции, то их общее число в десять с лишним раз превышает названное выше количество.

Естественно, не следует игнорировать значение и побочных, вторичных причин, способствовавших обеспечению сохранности старинных письменных памятников. Из таковых

прежде всего следует учитывать географо-климатический фактор: сравнительно сухой климат, преобладание каменной архитектуры, длительное существование зданий одних и тех же мечетей, синагог и т. д.

Наконец, весьма существенное значение для дальнейшей сохранности ярлыков, дошедших до конца XVIII в., имело относительно высокое развитие в России XVIII—XIX в. общей культуры, архивного делопроизводства, в целом, и практической тюркологии, в частности [подроб. см.: 387, 119—123].

* * *

Итак, в настоящее время мы располагаем, по сравнению с предыдущими этапами ярлыковедения, несравненно бо́льшим количеством образцов тюрко-татарских актов XIV—XVI вв., подавляющее большинство их представлено в различных хранилищах СССР. В то же время количество находящихся в нашем распоряжении документов (61 единица) является не абсолютным, определяющим объем всех сохранившихся актов по XIV—XVI вв., а лишь условным, относящимся к выявленному на сегодняшний день кругу жалований.

Однако и имеющиеся тексты, дошедшие до нас в **тридцати одном** подлиннике, **одной** заготовке, **четырех** ранних и **двадцати пяти** поздних копиях, предоставляют сравнительно богатый материал для получения разносторонних сведений по вопросам внешней формы, материала, особенностей оформления официальных актов в Джучиевом Улусе и возникших при его распаде ханствах. Это, во-первых.

Во-вторых, этот относительно богатый материал дает возможность проследить эволюцию культуры делопроизводства в тюрко-татарских ханствах, с одной стороны, и, при ретроспекции, уяснить вопросы истоков и традиций джучидского делопроизводства на более фундаментальной основе, чем это делалось до сих пор — с другой.

В-третьих, палеографические данные говорят не только о тщательной разработанности, строгой соблюдаемости правил оформления официальных актов внутри отдельно взятого татарского ханства, а также свидетельствуют о генетической, исторической общности этих правил для различных регионов Джучиева Улуса.

В-четвертых, наличие сравнительно большого количества ярлыков позволило по-новому поставить и решить вопросы подлинности или исторической достоверности некоторых, уже находившихся в научном обороте, документов.

В-пятых, в результате ознакомления с отдельными коллекциями ярлыков, отложившихся в некоторых древлехранилищах и архивах, и рассмотрения истории их отложения на фоне судьбы господствующих классов, стало возможным объяснение причин гибели или сохранности их по различным регионам.

II. ПАЛЕОГРАФИЯ

Какими-либо специальными исследованиями по уйгуропись-менной или арабописьменной тюркской палеографии памят-ников Джучиева Улуса мы еще не располагаем. Имеющиеся справочные данные о письменности и материале некоторых актов, находящиеся в публикациях отдельных документов, слишком кратки, носят частный характер и содержат лишь узкоиндивидуальные сведения. И это вполне понятно, так как еще не было достаточного материала для осуществления спе-циальных исследований. В настоящее время картина существ-венно изменилась. Например, мы располагаем текстами 31 подлинного жалования, одной аутентичной заготовки, двумя ранними копиями, более или менее достоверно отражающими письменность, материал протографов. Косвенные материалы можно извлекать, правда, с известной осторожностью, и по некоторым ранним или поздним копиям (№№ 9, 10, 22).

Кроме этих основных объектов исследования мы еще обладаем значительным количеством подлинников и других разновидностей тюрко-татарских официальных актов, содер-жащих богатый материал по палеографии. Таковыми, напри-мер, являются ярлык-послание Токтамыша королю Ягайло [431], послания Улуг-Мухаммада, Махмуда, Ахмада и Менгли-Гирая времен независимости Крыма, адресованные турецким султанам [460], письма того же Менгли-Гирая, Нур-Даулята, написанные уже после установления турецкого протектората над Крымом [469], факсимильные издания или фотокопии их доступны исследователям [об этих публикациях см.: 387]. Если к ним присовокупить подлинники десятка официальных актов, известных нам по архивам [35], то общее количество привлекаемых документов становится значительным.

Вместе с тем общее число имеющихся памятников не дает достаточного материала для окончательного решения всех проблем актовой палеографии Джучиева Улуса: до сих пор совершенно не исследованной областью является арабопись-менная тюркская палеография Восточной Европы в целом. Естественно, что не имея достаточного представления о целом в общих чертах, трудно судить об особенностях его частей в подробностях. Еще труднее на основе фрагментарных мате-риалов добиться обобщающих выводов. Поэтому предлагае-

мые ниже наблюдения носят предварительный характер, и они являются узко специальными, относящимися лишь к сфере дипломатики. Правда, иногда, по необходимости, пришлось расширять рамки исследования, например, приводить справочные сведения по общим вопросам, привлекать косвенные материалы, а в связи с особенностями письменности региона потребовалось затрагивать и историю литературного языка, графической ситуации, ибо без этого было бы невозможно успешное решение проблем конкретной палеографии.

Глава первая

МАТЕРИАЛЫ И ОРУДИЯ ПИСЬМА

1. Бумага

Непосредственными сведениями о писчем материале официальных актов Джучиева Улуса мы располагаем лишь с конца XIV в. Все дошедшие до нас документы, сохранившиеся в подлинниках, написаны на бумаге. Случаи применения пергамена неизвестны. Однако, если учитывать то обстоятельство, что вытеснение пергамена бумагой в Европе и на Руси относится к XIV—XV вв. [241, 31—32; 420, 35—36], а в канцеляриях ранних джучидов могли частично использоваться писчие материалы покоренных стран, то делать окончательный вывод еще рано. Во время археографических экспедиций среди населения из уст стариков неоднократно приходилось слышать фразу *күнгә язылган китап* — „книга, написанная на коже", что, видимо, являясь языковым реликтом, намекает на возможность применения пергамена и среди тюркоязычных народов Восточной Европы.

Бумага, будучи основным материалом, представлена различными видами по происхождению — как восточными, так и западными. На раннем этапе развития Джучиева Улуса более распространенной была, видимо, восточная бумага, на что указывают следующие факты.

Производство бумаги, родившееся в древнем Китае или в Восточном Туркистане [243, 19—22], в VIII в. осваивается в Самарканде, а после арабских завоеваний распространяется по мусульманскому миру [85, 353]. Поэтому вполне вероятно, что в джучидских канцеляриях пользовались привозной бумагой из соседних восточных стран. Например, послание Улуг-Мухаммада 1428 г., согласно А. Н. Курату, написано на толстой лощеной бумаге среднеазиатского происхождения [468, 6]. Оттуда же, видимо, происходила бумага посланий Махмуда 1466 г. и Ахмада 1477 г., которая Куратом охарак-

теризована как „сравнительно плохого качества“ или „пожелтевшая“ [468, 36 и 46]. На неровной по толщине и плотности среднеазиатской бумаге написан тарханный ярлык Сахиб-Гирая 1523 г. (см. оп. № 14).

Особой популярностью пользовалась среднеазиатская бумага, изготовленная из шелковых очесов, отличавшаяся плотностью, гладкой поверхностью и хорошо поддававшаяся лощению [341, 13]. На такой добротной бумаге написаны ярлыки № 1 и № 6.

О применении ближневосточной бумаги в джучидских канцеляриях говорят сведения Ал-Умари, ал-Мухибби, ал-Калкашанди, ал-Макризи, согласно которым, не только послания египетских султанов к чингизидам писались на багдадской бумаге, но и для писем последних использовалась бумага, хорошо известная в Египте [368: 248 и 251, 341 и 350, 407 и 431]. Например, высокопоставленный египетский чиновник уличил во лжи прибывшего из Крыма человека, выдававшего себя за посла Токтамыша, на том основании, что привезенная им грамота не соответствовала „условным правилам ханских писем в отношении [формата] бумаги и [способа изложения] письма“ [368, 414—415].

Таким образом, широкое применение в джучидских канцеляриях бумаги среднеазиатского и ближневосточного происхождения подтверждается документально.

На широкое применение европейской бумаги указывают многочисленные факты. Например, ярлык-послание Токтамыша 1393 г., адресованное Ягайло, согласно И. Н. Березину, работавшему по подлиннику, „писан на двух листах лощеной бумаги, из коих первый длиною в 9 вершков, а другой в 9 $^{1}/_{2}$ вершка; ширина того и другого 4 $^{7}/_{8}$ вершка (то есть 21,5 × 81 *см.* — *М. У.*). В обоих находится знак бычьей головы“, причем, как видно из факсимильной копии, с крестиком на шесте между рогами. Русский противень этого документа с размерами в 21,5 × 59,4 *см* написан на такой же бумаге с аналогичной филигранью [431, 12 и 14]. Вероятно, это был не первый джучидский официальный акт, написанный на европейской бумаге.

Широкое распространение западной, прежде всего итальянской бумаги, получаемой в XV—XVI вв. через генуэзцев в Крыму, подтверждают данные собственно крымских актов. Например, из 29 подлинных крымских ярлыков 11 имеют ясные филиграни (см. оп. №№ 5, 7, 13, 15, 19, 23, 26, 29, 33, 43, 51); в 10 документах, написанных, безусловно, на европейской бумаге, филиграни не видны по той причине, что все они были заклеены с обратной стороны другой поздней бумагой или же материей (№№ 11, 17, 35—37, 42, 45, 46, 52 и 56).

Бумага остальных 8 ярлыков, будучи европейской, не имеет филиграней потому, что они были срезаны: эти доку-

менты по формату являются небольшими (№№ 41, 53, 54, 55, 60 и др.).

Само собою разумеется, что в Джучиевом Улусе и ханствах, возникших при его распаде, кроме среднеазиатской, ближневосточной, западноевропейской бумаги, могли употребляться писчие материалы и из других стран, например, из Индии, чья бумага встречалась на Кавказе [187, 117].

Несколько слов об обработке бумаги.

Перед употреблением бумага подвергалась дополнительной обработке — лощению, глянцеванию и разлиновке. О том, как выполнялись эти операции в джучидских канцеляриях, прямыми сведениями не располагаем. Надо полагать, что в Сарае, Казани, Крыму знали общие и известные на всем Востоке приемы. Поэтому можно полагаться на некоторые косвенные сведения.

Как сообщают крупные знатоки средневекового мусульманского каллиграфического искусства Султан-Али Мешхеди и Казы-Ахмад, бумагу, подвергаемую лощению, клали на чистую гладкую доску и терли гладким камнем, стеклянным шариком и т. д. [218, 134—135; 187, 118]. В арабских странах, согласно данным К. Хюара, доска для этой цели изготовлялась из каштанового дерева, а в качестве трущего материала пользовались хрустальным яйцом [458, 12—13]. Естественно, могли быть использованы и другие разновидности досок, „камней"; важными здесь были твердость, ровность основы и чистота трущего материала.

Лощение получалось качественным при пропитывании обрабатываемой бумаги специальным составом, известным в Иране под названием *ахар* и изготовляемым из крахмала [218, 132—138]. Разумеется, при обработке бумаги применялись и другие составы, как простые, так и сложные. Видимо, поэтому бумага одних ярлыков получалась очень гладкой, других — посредственной, матовой.

Разлиновка бумаги делалась механическим путем: тиснением обыкновенной линии — давлением на бумагу острым, но не режущим предметом („шилом") вдоль линейки. Такой способ был трудоемким, требующим многократного повторения одних и тех же операций.

Этот прием был заменен более рациональным способом: нанесением „стандартных" линий при помощи специальных приспособлений. Например, на тонкий ровный картон или доску необходимой величины наносились линии, вдоль которых туго протягивались крутые шелковые нитки. Затем на эту разлинованную нитками доску, называемую мистаром (на Руси XVI—XVII вв. — карамса), клался лист, по которому было достаточно пройтись рукой, чтобы от тугих ниток на бумаге получились тонкие следы [218, 144—145[.

Однако такой широкораспространенный способ разлиновки бумаги применялся обычно при составлении рукописных книг. Что же касается наших ярлыков, то они писались без предварительной разлиновки. Поэтому не только в разных документах, но даже между строками одного и того же акта не сохранялось одинаковое расстояние. Например, если в одних ярлыках (№№ 1, 5, 6, 7, 15) расстояние между строками составляет от 5—7 до 12—15 *см*, то в других (№№ 14, 18, 19, 21, 23) — от 2 до 4 *см*; в некоторых документах (№№ 26, 29, 31, 36 и др.) интервалы еще мельче, что связано с применением относительно мелких почерков и характерно для более поздних времен.

Неустойчивость величины интервала между строками внутри одного и того же документа можно проиллюстрировать следующими примерами. Так, в ярлыке № 1 расстояние между строками основного текста колеблется от 6 до 7 *см*; в жаловании № 5 — от 5 до 8 *см*; в акте № 6 расстояние между первой и второй строками составляет 10, между одиннадцатой и двенадцатой — всего 5, а в остальных случаях — от 13 до 15,5 *см*. Таким образом, джучидские писцы не только не соблюдали строгого интервала между строками, но даже, как видно из последних примеров, его нарушали специально, исходя из определенного приема и каллиграфического расчета, связанных с общими приемами оформления акта, о чем будет сказано особо.

2. Чернила

Все известные ныне в подлинниках ярлыки написаны черными чернилами различных оттенков — от иссиня-черного до буроватого. Блеклость чернил отдельных документов объясняется, видимо, тем, что на них повлиял фактор времени. В целом в джучидских канцеляриях применялись чернила высокого качества, устойчивые, вместе с тем нисколько не разъедающие бумагу.

О способах и рецептах приготовления черных чернил в разных регионах Джучиева Улуса прямых сведений пока нет. Образцы чернил самих источников еще не подвергнуты химическому анализу. Поэтому о технологии приготовления чернил, об их составе можно судить по аналогии и сравнительным материалам.

На Руси, находившейся в постоянной политической и экономической связи с южными степями, давно овладели навыками приготовления высококачественных чернил и писчих красителей. Основными компонентами при этом служили различные купоросы, преимущественно железный, сажа и дубильные вещества, прежде всего чернильные орешки [420, 36; 409, 234—235; 343, 5—28 и 37—39].

Сведения о составе и технологии приготовления чернил, применявшихся на Среднем Востоке, следовательно, в Иране и на Кавказе, содержатся в трудах Султан-Али Мешхеди и Казы-Ахмада — блестящих знатоков каллиграфической культуры своей эпохи.

Комментируя рецепт Султан-Али, исследователь пишет, что он „состоит, собственно, из двух рецептов: из рецепта приготовления туши из сажи и вишневой камеди и рецепта приготовления чернил из квасцов и чернильных орешков. Смешение обоих растворов давало стойкие, хорошего цвета чернила" [218, 129, прим.].

Комментируя рецепт Казы-Ахмада, Б. Н. Заходер отмечал, что на Востоке в наиболее простой состав чернил входили гранатовая кожица, чернильные орехи и купорос [187, 117, прим.].

Как видно, и на Среднем Востоке, и на Руси основные компоненты чернил — соли металлов, чернильные орехи и сажа — были общими. Сажа как основной компонент употреблялась и монголами Центральной Азии, и Южной Сибири [193, 111 и 116]. Следовательно, в Джучиевом Улусе, находившемся между этими полярными в географическом отношении регионами, приготовление чернил имело общие с ними черты.

Естественно, для раннего периода Джучиева Улуса, когда были крепкими его связи с метрополией Монгольской державы, не исключена возможность употребления китайской туши. Однако после распада державы Чингиз-хана связи Поволжья с Дальним Востоком пошли на убыль. Но вполне возможно, что ранее усвоенные рецепты изготовления красителей применялись и позднее.

Наравне с высококачественными черными чернилами в джучидских канцеляриях применялись и цветные — красные и желтые. Правда, обычай употребления красных чернил подтверждается лишь одним косвенным фактом — арабописьменной версией ярлыка Тимур-Кутлуга, выполненной красными чернилами (ярлык № 2). Косвенным этот факт называю потому, что копия ярлыка в какой-то степени может отражать внешние качества подлинника.

Что же касается желтых чернил, то они представлены двумя разновидностями — собственно золотыми чернилами (из твореного, то есть истертого в порошок и смешанного с клейким веществом, например, яичным белком, золота [см. 188, 98]), которыми писали инвокацию, а внутри основного текста слова „хан" и его местоимения с его оборотами (№№ 1, 15), и простыми желтыми красками, имитировавшими золотые чернила (№№ 5, 6, 7, 11).

В дальнейшем, в результате усиления турецкого влияния, в крымских ярлыках встречаются случаи применения черных

чернил с золотым порошком (№№ 13, 26, 35, 37, 42, 46, 52, 53, 54, 60). В таких документах, как правило, ни инвокация, ни слово „хан" и заменяющие его местоимения не выделяются собственно золотыми (желтыми) чернилами. Лишь в одном случае из десяти, например, в ярлыке № 13, встречаются и тот и другой приемы: и черные чернила содержат золотой песок, и слова „хан" и его местоимения написаны яркожелтой краской.

Следовательно, более исконным, архаичным является применение твореного золота, а более поздним, привносным — употребление золотого песка с черными чернилами.

Назначение желтых (золотых) чернил весьма прозрачно: им писали самые „высокие" слова — инвокацию, словесные обозначения монархов. Такой обычай был широко распространен и в тех странах, с которыми джучиды вели активную переписку, о чем довольно подробно сообщают арабские источники [368: 248—249, 343—344 и т. д.]. Эти сведения, относящиеся, прежде всего, к посланиям мамлюкских султанов, говорят о том, что в дипломатических грамотах золотые чернила применяли не только для выделения „высоких" слов, оборотов, но и для того, чтобы придать посланиям монархов торжественный вид. В пользу такого предположения говорят данные послания Улуг-Мухаммада к турецкому султану Мураду II, в котором золотые чернила были применены значительно больше, чем в жалованных ярлыках [468, 6 и 14, фотокопия]. В шертном ярлыке Джанибека 1630 г., содержащем много торжественных обещаний „о мире и дружбе", почти одна четверть текста написана твореным золотом [35, оп. 2, № 39].

О применении джучидами накладного, то есть листового золота прямых сведений нет; такой способ, видимо, совершенно не применялся во внутреннем делопроизводстве, то есть при выдаче жалованных ярлыков.

Наравне с черными, желтыми и красными чернилами при оформлении официальных актов использовались и различные краски для получения оттисков квадратных тамг — красная краска для **Алой тамги,** синяя — для **Кок тамги.** Оттиски перстневых печатей имеют черный цвет. Судя по оттенкам, это не те чернила, которыми писались ярлыки, а специальная краска, применяемая исключительно для перстневых печатей. К сожалению, о составе джучидских красок для печатей, о способе их получения и хранения мы не располагаем прямыми сведениями. Но можно полагать, что они генетически связаны с китайскими, монгольскими „жирными красками" аналогичного назначения [193, 117].

Чернильницы бывали разнообразными по форме и материалу — как металлические, так и керамические. Например,

в известном погребении золотоордынского писца XIV в. была найдена бронзовая чернильница с костяным пером [306, 81; 193, 112]. Фаянсовая чернильница круглой формы, найденная в Сарай-Берке, хранится в Эрмитаже. При употреблении туши или других красок пользовались, видимо, специальными дощечками, имеющими углубления для воды, удобными для макания кисти или широких каламов. Форма и особенности чернильниц могли зависеть не только от характера, назначения самих чернил, но также от особенностей орудия письма.

3. Калам

Орудие письма в мусульманском мире имеет длительную историю развития. О перьях для различных почерков и их применении на различных материалах, например, на папирусе, пергамене и бумаге, существовали специальные инструкции [85, 353], что говорит о большом разнообразии перьев и разработанности общей технологии их изготовления.

В восточных странах основным материалом для перьев служил тростник. Тростником, судя по данным официальных актов, писали и в канцеляриях джучидов; материал получали вероятнее всего из Средней Азии, Ирана и Египта [см.: 187, 116; 188, 35—38].

Приготовление калама из привозного материала осуществлялось на местах, ибо каждый калам должен был соответствовать не только предполагаемому почерку, но также индивидуальному вкусу и навыкам самого писца-каллиграфа. Все же некоторые общие правила существовали, например, известный каллиграф Якут Мустасими (XIII в.) давал такие советы: „лучше, чтобы конец калама был бы длинным и мясистым, и когда положишь на лист, то приходил бы в движение и слышался бы голос“ [цит. по: 187, 65]. В свою очередь, Казы-Ахмад надежду возлагает на вкус и мастерство самого исполнителя:

„Знай, что правила обрезки неисчислимы, всякий, кто узнал их, есть человек дела“ [187, 119; также: 188, 38—40].

Обрезанный на специальной доске (най-кат) и готовый к употреблению калам испытывали точкой [218, 136—139], ибо правильно и красиво исполненная точка для арабо-персидской письменности, где из 32 букв более двадцати содержат над- и подстрочные точки, имела существенное значение для каллиграфического письма. Лишь при исполнении этих и других требований калам стал не только послушным, но и искусным орудием в руках писца.

Почерки ряда исследуемых ярлыков документально свидетельствуют о том, что в XIV—XVI вв. в Сарае, Крыму было немало опытных каллиграфов, умеющих не только ездить на коне, но сумевших „обуздать“ и направить по своему усмо-

трению капризный иноземный тростник, никак не терпевший насилия, излишнего нажима.

Наиболее яркими образцами джучидских каллиграфических писем, исполненных каламами различных размеров, являются ярлыки Токтамыша (№ 1) и Саадат-Гирая (№ 15) в знаменитом стиле *дивани*. Да и другие акты, исполненные почерком заглавный *сульс*, убористый дивани, также писались тростниковыми каламами, о чем свидетельствует не только характер точек, но и равномерное распределение чернил по начертаниям.

Тростниковый калам служил орудием письма не только в ханских канцеляриях, но и в быту, о чем говорят палеографические данные многочисленных рукописных книг Поволжья и Приуралья XVI—XVIII, даже XIX столетий.

Естественно, наравне с тростниковым каламом в тюркоязычной Восточной Европе в качестве пишущего предмета применялись и птичьи перья — основное орудие письма в соседних странах [241, 30; 419, 145—146]. Надо полагать, что птичье перо (гусиное, лебединое) было известно в Волжской Булгарии, находившейся издревле, наравне с Востоком, в культурных и экономических связях с Русью, через посредство последней с другими странами Запада.

Как показывают археологические находки, в Джучиевом Улусе применялись и костяные перья. Например, в погребении вышеназванного писца XIV в. в берестяной коробке, вместе с берестяной книжечкой и бронзовой чернильницей, найдено костяное перо [306, 81; 193, 110 и 112]. Но наиболее интересным является тот факт, что среди археологических находок встречается и металлическое перо: одно такое бронзовое перо, с расщепом на пишущем конце, найдено в Сарай-Берке, погибшем в конце XIV в. Оно, вместе с фаянсовой чернильницей, выставлено в Эрмитаже [193, 112]. Видимо, здесь мы имеем дело с одним из самых ранних фактов применения металлического пера не только в Поволжье, но и во всей Европе, где стальное перо стало применяться лишь в XVIII в. [241, 31].

Разумеется, в канцеляриях джучидов наравне с „жесткими“ перьями, изготовленными в большинстве случаев из тростника, птичьих перьев, костей, даже металла, применялись и „мягкие“ — кисти. Ими, видимо, писали крупные начертания знаков (богословие, адресант в официальных актах, заглавие текста в книгах [323, 72]). Например, инвокация ярлыка Токтамыша исполнена золотом весьма крупными буквами, толщина которых доходит до 5—6 *мм*, и они вряд ли писались каламом. В то же время применение кисти было ограниченным, ибо характер арабского письма, в котором причудливо чередуются тонкие, изящные линии с „жирными“, написанными

с нажимом толстыми элементами, требует твердого, одновременно гибкого и эластичного орудия письма, к таковому прежде всего относится тростник, затем птичье перо.

Итак, в канцеляриях джучидов для письма применялись разнообразные орудия и материалы. Преобладание той или другой разновидности их связано с особенностями, характером объекта труда, в данном случае — письменности.

Глава вторая

ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ

Своеобразие тюрко-татарской дипломатики XIV—XVI вв., а также запутанность и противоречивость трактовки вопросов письменной культуры региона требуют специального освещения ряда проблем, в том числе вопросов языковой ситуации и особенностей делового языка на различных исторических этапах.

В связи с тем, что освещение лингвистических вопросов (в плане развития письменного языка) важно не только для дипломатики, но и для палеографии, целесообразно остановиться на этом вопросе поэтапно, то есть последовательно рассмотреть XIII—XIV и XV—XVI вв. Ввиду того, что характеристика документов имеет общий исторический аспект, она не преследует цели специального лингвистического анализа.

1. О лингво-графической ситуации

Об этнической принадлежности делового языка джучидов XIII—XIV вв. в исторической, прежде всего европейской и русской, литературе господствует почти единое, однако весьма спорное мнение; его можно проиллюстрировать на примере одной из новейших работ. Речь идет об исследовании С. Закирова, посвященном дипломатическим отношениям Золотой Орды с Египтом мамлюков, в котором автор уделил много внимания вопросам делопроизводства, в том числе письменности и языка.

Так, С. Закиров, послушно следуя за традицией, обильно цитируя своих предшественников, а также средневековые источники, упорно проводит мысль о том, что деловым языком у джучидов был монгольский. У него читаем: золотоордынские послы „привезли с собой (в Египет — *М. У.*) послание хана на монгольском языке“; „переписка мамлюкских султанов с золотоордынскими ханами велась большей частью на монгольском языке“; королевскую грамоту, привезенную Плано Карпини, перевели с латинского на русский, „а затем

уже на арабский и, **вероятно, на монгольский"** (хотя у Плано Карпини — „татарский" — *М. У.*); золотоордынские ханы **с чувством собственного достоинства писали** к египетским султанам на своем родном монгольском языке" и переписка султанов с ханом Джанибеком „велась по-монгольски" [172: 65, 98, 100 и 102 — подчеркнуто мной — *М. У.*].

Таким образом, согласно Закирову, монгольский язык был основным официальным дипломатическим языком не только в XIII в., но и во времена Джанибека, то есть в середине XIV столетия.

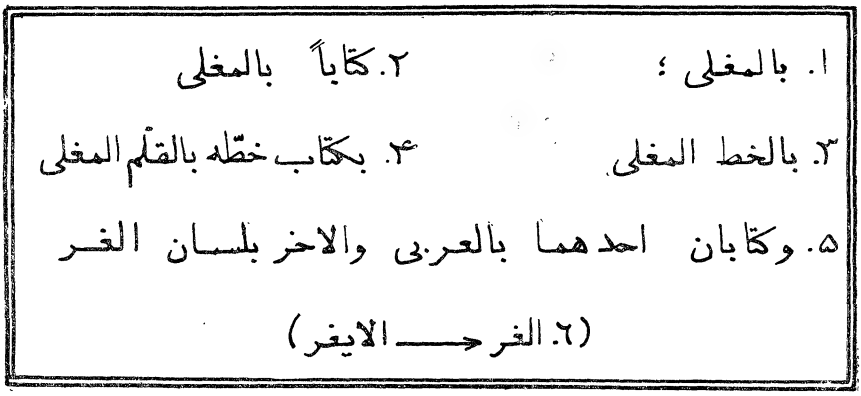
Как показывает анализ арабописьменных сведений, которые послужили основой для такого вывода, он является результатом поверхностного прочтения и ошибочного перевода арабских текстов, с одной стороны, и недостаточного учета неарабских известий, с другой. Хотя обо всем этом я имел однажды случай писать специально [389, 211], считаю целесообразным повторить свои соображения снова.

Во-первых, у ал-Умари и ал-Мухибби, на которых с большим доверием ссылаются историки, сказано лишь „по-монгольски" (бил-магули), но не указано конкретно ни на язык, ни на письменность [368: 228 и 251, 333 и 341; табл. V, 1]. Биограф Калавуна также не конкретен — „написанное по-монгольски" [368, 66; табл. V, 2]. Но именно здесь В. Г. Тизенгаузен допустил вольность, переводя фразу как „послание на монгольском языке" [368, 68]. Байбарс и Ибн ал-Фурат пишут конкретнее: „монгольским **письмом**" [368; 83 и 105, 355 и 362; табл. V, 3]. Ал-Макризи еще более точен [табл. V, 4], но В. Г. Тизенгаузен его также переводит несколько упрощенно: „писанное по-монгольски" [368: 423 и 435].

Следовательно, никто из этих средневековых авторов не говорит конкретно **о языке**. Только ал-Айни дает точное сведение: „И два письма, одно из них [написано] по-арабски, и другое — на уйгурском языке", хотя в списке искажено слово „уйгурский" [368: 502 и 534; табл. V, 5—6].

Уйгурский язык — одно из тюркских наречий; монголы заимствовали именно уйгурскую письменность. Значит, у названных авторов, когда они пишут просто „по-монгольски", речь может идти не только о языке, но также об уйгурской графике вообще. Поэтому нет достаточных оснований идентифицировать, исходя из „глухих" фраз вроде „по-монгольски", язык с письменностью, которую, несмотря на ее уйгурское происхождение, в отдаленных странах принимали за собственно монгольскую. Для феодальной эпохи, когда названия целым народам, культурам давались по династийно-политическому принципу, это вполне объяснимое явление.

Во-вторых, необходимо учитывать, что большинство мамлюкских султанов с их окружением в Египте владели лишь тюркским наречием, развивали литературу на нем [271] и, как



следствие этого, сами придворные арабы, согласно словам Амина ал-Холи, „учились говорить по-тюркски", тюркский язык „знали принявшие ислам копты", и „арабскому языку пришлось конкурировать с другими языками". Поэтому вполне прав названный автор, резюмировавший, что из Египта „послания к кыпчакским правителям **чаще всего** составлялись на **тюркском** языке" [405, 30—31, подчеркнуто мной — *М. У.*]. Между прочим, это косвенно признается и самим С. Закировым, когда он, ссылаясь на ал-Калкашанди, пишет, что „мамлюкские султаны предпочитали чиновников, говоривших по-тюркски" [172, 109, прим. 37]. Спрашивается, зачем же тогда понадобилось этому автору „монголизировать" египетских мамлюков? Видимо, над ним довлел, как и над другими, „монгольский авторитет" ханов-джучидов.

В-третьих, при наличии около десятка тюркоязычных нарративных и актовых памятников письменности, составленных на раннем этапе развития Джучиева Улуса (XIII—XIV вв), наука еще не располагает ни одним золотоордынским официальным актом на монгольском языке, адресованным немонголам. Правда, на территории Джучиева Улуса найдены четыре памятника монгольской письменности — три пайцзы, выданные ханами XIII—XIV вв. [152а, 134—136] и фрагменты берестяной книги, содержащие как уйгуро-письменные монгольские, так и собственно тюрко-уйгурские тексты. В то же время, в отличие от традиционной сугубо символичной пайцзы, не имеющей прямой связи с языковой средой [306, 126[, второй двуязычный памятник интересен тем, что он является б ы т о в ы м и указывает на двуязычность своего владельца—писца, в погребении которого он обнаружен [306, 126—127]. Характерно и то, что по первоначальному объему в этой берестяной книжке уйгурско-тюркского текста содержалось

значительно больше, чем собственно монгольского. Чтобы понять причину этого, обратимся к другим фактам.

В. В. Бартольд в своем известном труде „Образование империи Чингиз-хана" писал, что то предпочтение, которое отдавали монголы на начальном этапе развития своей государственности уйгурской культуре (принятие уйгурской письменности, использование уйгуров в качестве секретарей, учителей), связано с близостью образа жизни, обычаев и мировоззренческих традиций этих народов [73, 261 и 264]. Первую инициативу привлечения уйгурских грамотеев в качестве делопроизводителей и воспитателей для своих сыновей проявил сам Чингиз-хан [78, 452—455; 270, 125—128]. Первоначально уйгурская письменность служила для кодификации монгольского обычного права и для составления официальной истории; в дальнейшем она во всей империи, в том числе в ее отдельных улусах, стала „ханской", то есть государственной письменностью, употреблявшейся и в официальной переписке [67, 367—368].

Судя по всему, основным государственным языком на этом начальном этапе у монголов был не уйгурский, как полагали ранее, а монгольский язык, что на основе китайских источников убедительно доказано Н. Ц. Мункуевым [270, 128]. В пользу этого говорят и другие синхронные событиям данные. Плано Карпини сообщает, что „татары приняли их (то есть уйгуров — *М. У.*) грамоту, ибо прежде не имели никаких письмен; теперь же эту грамоту именуют монгольскою". Гильом де Рубрук еще более конкретен: „...Мангу-хан посылает вам грамоту на языке моалов, но письменами югуров" [194, 39 и 129].

Однако, исходя из этих фактов, не следует рассматривать состояние делопроизводства и языковой ситуации упрощенно для всех периодов и разных регионов Монгольской державы. Дело в том, что в государственных канцеляриях чингизидов, наравне с монгольским наречием на основе уйгурской письменности, активно употреблялись и другие языки, а в отдельных улусах империи в дальнейшем складывались совершенно иные языковые ситуации.

О многоязыковой практике канцелярий чингизидов говорят следующие факты. Марко Поло был принят на службу великого хана Хубилая благодаря тому, что он научился „их языку, и четырем азбукам" [205, 51 и 244—245]. По мнению академика Н. И. Конрада, он владел „монгольским, уйгурским и арабским" языками [215, 427]. Послание великого хана Гуюка, отправленное через уже названного Плано Карпини к римскому папе, было составлено на персидском языке [194, 79 и 220—221]. Грамота папы, привезенная тем же Плано Карпини, была переложена в канцелярии Бату-хана одновременно „на письмена русские и сарацинские и на письмена

татар; и этот перевод был представлен Бату", лично читавшему послание [194, 71]. При составлении же ханского ответа у Карпини специально справлялись о доступном для папской канцелярии языке, секретари Бату к этому делу относились чрезвычайно серьезно [194, 79]. О наличии людей, знавших тюркский, арабский, сирийский, армянский языки, в ставке Сартака сообщает Гильом де Рубрук [194, 113]. Аналогичную, примерно, картину наблюдал он и в канцелярии великого кагана в Каракоруме [194, 136 и 155]. Следовательно, чингизиды, в том числе и джучиды, употребляли различные языки в официальной переписке.

Одновременно шел процесс, когда над собственно монгольским языком стали одерживать верх местные немонгольские, так как, по мере увеличения удельного веса покоренных народов, сокращался этнический перевес самих монголов. Это особенно ярко прослеживается на примере Джучиева Улуса, где монгольский элемент был быстро поглощен местным тюркским компонентом.

Монгольские племена, как известно, еще до Чингиз-хана находились в тесном контакте с некоторыми тюркоязычными народами Южной Сибири и Центральной Азии. Поэтому в древнейших монгольских памятниках „найдем фактическое, документальное подтверждение того, что языковой мир турок (тюрок — *М. У.*) влиял на языковой мир монголов", хотя монгольские заимствования в тюркских языках „менее значительны и спорадичны" [137, 159 и 183]. Учитывая именно это, В. В. Бартольд указывал на близость духовной, материальной культур монголов и уйгуров [73, 264].

По мнению некоторых исследователей, еще до заключения союза монголов с уйгурами [359, 86—87] собственно монгольские племена находились в тесном контакте с кереитами, найманами, этнический состав которых содержал тюркские элементы [193, 17].

Тюркский компонент в Монгольской империи быстро увеличивался по мере движения завоевателей на Запад, ибо на территории современного Казахстана, в государстве Хорезмшахов, на Южном Урале, в Поволжье, в Южнорусских степях жили многочисленные тюркоязычные племена, преимущественно кыпчаки и огузы, которые сравнительно быстро влились в состав завоевателей, тем самым значительно увеличив их общее число, следовательно, и военную мощь.

Поэтому хлынувшие на Восточную Европу завоеватели были в этническом отношении не одними монголами, а конгломератом, в котором, при руководящем положении монгольской элиты, монгольской гвардии, основная масса была тюркоязычной. В результате этого одержавший военно-политическую победу монгольский компонент оказался в положении побежденного в этническом отношении.

Именно по этой причине „большинство монголов, — как писал Б. Я. Владимирцев, — ушедших на запад с Чингиз-ханом и его преемниками, быстро отуречились (то есть тюркизировались — *М. У.*)“ [137, 159]. Именно поэтому XIII—XIV вв. — третий этап проникновения тюркизмов в русский язык — составляет период, „который характеризуется широким проникновением в русскую лексику **тюркских и в меньшей степени** монгольских слов“ [89, 6; подчеркнуто мной — *М. У.*]. И „подавляющее большинство“ тюркизмов „было заимствовано из кыпчакского наречия Золотой Орды..., начиная со второй половины XIII в.“ [45, 146; 46, 28—37]. Если бы в образовавшемся в Кыпчакских степях Джучиевом Улусе монгольский этнический компонент и монгольский язык играли безраздельно господствующую роль, то удельный вес монголизмов в русском языке был бы выше, чем тюркизмов.

О сложном, в то же время быстро происходившем этническом процессе в Дашт-и Кыпчаке XIII в. хорошо сказано у ал-Умари: „В древности это государство было страною кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и оставались жить в земле их. Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природы...“ [368, 235]. Если учитывать, что ал-Умари умер в 1349 г., и у него речь идет о вполне завершившемся процессе, то нетрудно представить себе соотношение двух этнических компонентов, когда один из них так быстро „поглотил“ другой.

Справедливость наблюдений и выводов ал-Умари подтверждают памятники материальной культуры, добытые в XX столетии. Например, археолог Г. А. Федоров-Давыдов, в результате исследования Кыпчакских степей, пришел к выводу, что „пришедшее в степи Дашт-и Кыпчака монгольское население было сравнительно незначительным“, и основные „степные территории сохраняли старое кочевое население, сменившее только свою родо-племенную аристократию на новых хозяев — степных ханов Золотой Орды и их эмиров“ [396, 247].

Естественно, в тюркизации монголов в Восточной Европе немаловажную роль сыграло тюркоязычное население традиционно оседлых регионов — Хорезма, Булгара, Крыма. Если тюрки-кочевники обеспечивали количество, то оседлые народности представляли „качество“ — кадры для администрации, письменность, литературный язык. Таким образом, относи-

тельно быстрая кыпчакизация монголов-завоевателей — процесс довольно сложный.

Процесс этот фактически начался во времена самого Чингиз-хана, когда культура и административно-деловая традиция уйгуров оказались в господствующем положении в государственной системе; процесс ускорялся по мере движения монголов на Запад, когда они все больше и больше „обрастали" покоренными тюркскими племенами, и быстро завершился он в течение одного — двух поколений в необъятных степях, „проглотивших" завоевателей.

В результате вновь образовавшееся государство — Джучиев Улус — было „монгольским государством" лишь в династийном отношении, являясь на самом деле тюркской страной по культуре, хозяйству и этнической основе. Потому что, как писал Ф. Энгельс,"...менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому „хозяйственному положению" завоеванной страны в том виде, каким он оказывается после завоевания; он ассимилируется покоренным народом и большей частью вынужден усваивать даже его язык" [5, 188].

Естественно, что кыпчакские по положению и окружению ханы-джучиды с тюркоязычными мамлюкскими султанами и не только с ними, переписывались, в основном, на тюркском наречии.

Кстати, факт господства тюркского языка в дворцах и канцеляриях ранних золотоордынских ханов, например, Берке (1257—1266 гг.), несознательно зафиксирован самим С. Закировым, когда он, ссылаясь на Катрмера, пишет следующее: „В шатре сидели 50 эмиров. Когда были введены послы, они передали хану письмо султана, соблюдая предписанные правила этикета... Главный кади перевел письмо на тюркский язык, и визирь прочитал его Берке. А хан и все присутствующие были чрезвычайно довольны его содержанием" [172, 48].

Если деловым языком для Берке был тюркский, то, надо полагать, при последующих ханах влияние его еще более возрастало. Следовательно, речь может идти о сравнительно быстром вытеснении монгольского языка тюркским литературным, что произошло скорее всего в середине XIII столетия. Видимо, почти все ранние джучиды владели двумя языками, чему способствовало воспитание, полученное ими еще при жизни Чингиз-хана.

Подчеркивая ведущее положение тюркского языка в Джучиевом Улусе — „языка большинства населения" государства [114, 13], я нисколько не собираюсь доказывать, что не писались официальные документы на монгольском. На нем, безусловно, составлялись послания, адресованные в Каракорум, Ханбалык (Пекин), также ранним хулагуидам, дольше

джучидов употреблявшим язык своих предков (это объясняется, видимо, тем, что иранские ильханы оказались в более „чужой" языковой среде; в отличие от Золотой Орды, в Иране чаще встречаются монголоязычные монеты [см.: 365, 304—307]). Его могли употреблять, отдавая дань традиции, при изготовлении пайцз, своеобразных символических „охранных грамот", для которых важна была внешняя форма; он мог дольше сохраниться в быту отдельных семейств, даже в узком семейном кругу самих джучидов, продолжавших оставаться двуязычными. Но вряд ли монгольский язык был активным во внутреннем делопроизводстве, в официальной переписке с правителями мусульманских стран.

Итак, из-за отсутствия в Дашт-и Кыпчаке этнико-культурной и общественной почвы монгольский язык, как язык относительно узкой военно-феодальной верхушки, был с самого начала обречен на естественную смерть. И смерть эта произошла значительно быстрее, чем это считают некоторые историки. Поэтому нельзя согласиться с теми исследователями, которые о духовной, в том числе и письменной культуре Джучиева Улуса, судят на основе частичных фактов, базисные факторы подменяют надстроечными явлениями, а этнические особенности династии распространяют на все государство.

2. О литературном языке Джучиева Улуса

Как утверждают тюркологи, специально занимавшиеся вопросами средневековых литературных языков, в Джучиевом Улусе почти с самого начала оформился относительно самостоятельный тюркский литературный язык. Базой для нового письменного языка послужили, с одной стороны, более ранние литературные традиции, в лице уйгуро-караханидской, с другой, местные диалекты, то есть кыпчакские и огузские наречия. Наиболее четко эта концепция была сформулирована в трудах А. Н. Самойловича. Подвергнув убедительной критике методы прежних тюркологов, „до неопределенных размеров" расширявших (от себя добавим: как в пространстве, так и во времени) содержание термина „чагатайский", он писал, что „не признавая памятниками чагатайского языка основные тексты „хикметов" Ахмеда Есеви и „Кысасу-ль-энбия" Рабгузи, я не считаю возможным относить к произведениям этого языка и этой литературы также и „Мухаббет-намэ" Хорезми. „Мухаббет-намэ" особенно важно потому, что он не только свидетельствует о существовании местных турецких (то есть тюркских — *М. У.*) литературных деятелей

в Золотой Орде в XIV веке, но и доказывает наличие в Джучиевом Улусе и во входившем в него Хорезме литературного языка с явными отражениями местных золотоордынских диалектов, языка, значительно отличного поэтому от чагатайского...“ [326, 3 и 5].

В другой работе, посвященной литературным наречиям казанских и крымских татар, Самойлович писал, что они „имеют общий, единый источник“. И таковым является „литературный язык Джучиева Улуса, возникший **путем кыпчакизации** литературного языка эпохи караханидов в Кашгаре, т. е. **путем переработки** последнего с помощью местного живого разговорного для XIII—XIV вв. в Джучиевом Улусе **языка кыпчакского“** [325, 27; подчеркнуто мной — *М. У.*]. Следовательно, если ученый иногда, применительно к языку джучидских документов, допускал определение „среднеазиатский“ [329, 141], то выходит, что он подразумевал не только чагатайский, но и более ранний литературный исток.

Такой широкий и в то же время конкретно исторический подход ученого к языковому материалу памятников Джучиева Улуса поддерживается и позднейшими тюркологами. Например, Э. М. Фазылов по этому поводу пишет: „многолетние и с подлинным научным блеском проведенные исследования позволили“ Самойловичу „установить, что в Джучиевом Улусе и во входящем в него Хорезме функционировал литературный язык, носивший явные следы местных золотоордынских диалектов и значительно отличавшийся от чагатайского..., выявить диалектные основы языка памятников XIII—XIV вв. в пределах Джучиева Улуса или Золотой Орды...“ [393, 62—63].

На значение диалектных основ при дальнейшем развитии региональных тюркских языков указывал А. К. Боровков: „После монгольского завоевания процесс образования и развития тюркских литературных языков принял вполне определенный характер: в Поволжье, в Крыму и Закавказье, в Средней Азии и в Малой Азии возникли литературные центры, и к XV в. сложилась диалектная основа литературных языков: татарского, крымско-татарского, азербайджанского, староузбекского („чагатайского“), туркменского и турецкого“ [113, 21].

У Э. Н. Наджипа по этому вопросу читаем: „Монгольское нашествие нанесло серьезный удар развитию литературы в Средней Азии. Вот в этот период центр литературной деятельности на тюркских языках на время перемещается из Средней Азии в Золотую Орду, Сирию и Египет“ [271, 13]; что касается языка памятников, созданных в XIV в. в пределах Джучиева Улуса, то его „можно было бы назвать о г у з с к о - к ы п ч а к с к и м литературным языком Нижнего Поволжья — Хорезма, или з о л о т о о р д ы н с к о - х о р е з м с к и м.

Впоследствии этот язык дальше Поволжья не распространялся, а в Средней Азии он вытеснялся й-языком", сложившимся „на базе восточно-тюркского с некоторым кыпчакским и огузско-туркменским влиянием" [271, 15—16 и 18].

Как видно из этих высказываний, которые мы цитировали специально подробно, названные авторы учитывают, с одной стороны, те грандиозные военно-политические события, которые создали новые государственно-политические факторы, оказавшие непосредственное влияние на судьбу и развитие письменных языков, с другой стороны, и диалектные, то есть базисные основы их. Действительно, трудно представить развитие письменного языка, теснейшим образом связанного с конкретным господствующим классом, органом его диктатуры, во-первых, без учета особенностей общественно-политической истории той или иной территории, во-вторых, в отрыве его от создателей и потребителей, то есть местного населения, из среды которого и выходила основная масса литераторов, ученых, также чиновников, писцов, обеспечивших развитие, совершенствование этого языка.

Поэтому невозможно согласиться с теми исследователями, которые и в наши дни пытаются определять литературный язык Джучиева Улуса как заимствованный, иноземный.

Так поступает, например, А. М. Щербак, когда он без достаточного учета конкретных исторических условий, территориально-этнических особенностей разных регионов и эпох, сваливает в одну кучу письменные памятники как Восточного Туркестана, так и Поволжья, Приднепровья XIV в. и все их квалифицирует как остатки всеобъемлющего старо-узбекского языка X—XVII вв. [421, 20—25, 49—52]. Примерно такую же линию проводит В. Г. Гузев, заявляя, что „официальные высшие указы (ярлыки)" правителей „различных и удаленных друг от друга тюркских государств XIV—XV вв. писались, как правило, на среднеазиатском литературном языке" [155, 239]. При этом автор ссылается на авторитет Я. Экмана, хотя у него наблюдаем несколько иную, более сложную интерпретацию (у Экмана, во-первых, не „среднеазиатский", а „хорезмтюркский" язык, во-вторых, этот хорезмтюркский, будучи общим литературным языком как для самого Хорезма, так и для Нижнего Поволжья, в XV в., во время тимуридов, в Средней Азии уступил место другому литературному языку — чагатайскому [449, 113—114]).

Доказать упрощенность подобной интерпретации, в которой прослеживаются приемы опрокинутой в прошлое метафизики, не представляет особого труда. Во-первых, если Средняя Азия XIII—XIV вв. без Хорезма, то есть составной части Джучиева Улуса, была, так сказать, основным экспортером литературных норм для других регионов, то почему же вся среднеазиатская тюркоязычная литература — без хорезмских

памятников — в указанный период представлена лишь одним—двумя незначительными авторами? [подроб. см.: 438, 201—208].

Поэтому безусловно прав А. Н. Самойлович, когда он писал, что в этот период „чагатайский язык в Чагатайском Улусе не обнаруживал еще заметного развития. Мы не знаем ни одного крупного памятника чагатайского языка...“ [326, 5].

Во-вторых, если ошибочны сведения А. Н. Самойловича, объективно подтвержденные А. Н. Маллаевым [438, 210—398], то чем объяснить тот факт, что в истории узбекской литературы XIV—XV вв., точнее до Навои и Бабура, таким собственно среднеазиатским по происхождению поэтам, как Дурбек, Атаи, Саккаки и Лутфи предшествуют бесспорно золотоордынские литераторы — Рабгузи, Хорезми, Кутб и Сайф Сараи?

Вся беда, на мой взгляд, заключается в том, что критикуемые здесь авторы не видят разницы между Хорезмом XIII—XIV вв., теснейшим образом связанным с Джучиевым Улусом, его идеологией, духовной культурой и администрацией, и Хорезмом XV—XVI столетий, оказавшимся в другом историко-политическом и культурном положении. Общеизвестно, что в результате военно-политических катаклизмов конца XIV — начала XV вв. в Средней Азии и Дашт-и Кыпчаке перекраивались не только этнико-административные карты, но сильно изменились и соотношения культурных центров. Поэтому вряд ли следует литературные памятники Хорезма, Поволжья (Среднего и Нижнего), Крыма XIV—XVI вв. насильно вгонять под своды дворцов Герата, медресе Улуг-бека и Ширдара XV—XVII столетий.

Наиболее ярким проявлением такого подхода являются рассуждения Х. Д. Даниярова о формировании староузбекского языка. Например, отмечая роль Навои, он пишет: благодаря ему староузбекский язык „стал литературным языком не только узбеков, но и ряда других народностей..., в том числе и в Золотой Орде...“ [160, 68]. Автора совершенно не интересует, что во время активного творчества Навои (1441—1501) Золотая орда... не существовала!

Ошибочность критикуемой концепции объясняется тем, что она является в определенной степени последствием аксиоматичного, часто предвзятого отношения к кочевому миру в целом, когда этот мир рассматривается как совершенно неспособный к культурному развитию, в том числе развитию в сфере письменной традиции. В противном случае вряд ли стали бы официальный язык одного государства более ранней эпохи квалифицировать как придаток более поздних языковых явлений других территорий.

Джучиев Улус, в состав которого кроме Хорезма входили и другие традиционно оседлые земли, где имелись

крупнейшие для своего времени города, был не просто страной „диких кочевников", как он иногда по-филистерски называется в некоторых научно-популярных работах, а являлся более сложным организмом [подроб. см.: 71, 712—715; 395, 105—188].

Письменность, в отличие от других атрибутов и компонентов общего культурного развития, таких, как художественная, монументальная архитектура, изобразительное искусство, некоторые отрасли наук, является не просто показателем интенсивного развития материальных возможностей, духовных ценностей, она — обязательный спутник классово-государственного развития и объективно служит для регулирования общественных отношений и управления ими. Именно по этой основополагающей причине появление письменности связано с образованием классов и государственности в наиболее ранних очагах человеческой цивилизации. По этой же причине письменность была распространена у типичных кочевников, имевших более или менее развитую государственность, например, у киданей, чжурчженей, а до них — у древних тюрок.

О языке основных письменных памятников, например, древних тюрок специалист сообщает следующее: „...каждый памятник — достаточно сложное композиционное литературное произведение и одновременно историческая хроника... Текст написан исключительно ясным и четким языком, палитра художественных приемов чрезвычайно разнообразна, а о традиционном характере стиля говорят многочисленные трафаретные выражения и характеристики. Все это свидетельствует о том, что текст надписей — не просто запечатленный на камне устный рассказ, а творение мастера, обладавшего незаурядным литературным дарованием и тонким чувством языка, историографа и панегириста царствующей династии второго Восточнотюркского каганата. Наконец, отработанная орфография и палеографическая безукоризненность текстов указывают, что китайские граверы выполнили лишь последнюю стадию работы — вырезали предварительно нанесенные на камень знаки" [204, 63—64].

Если верно это положение, если письменной язык древних тюрок — наиболее типичных и „чистых" кочевников — не превратится вдруг в очередное „детище" вездесущной „теории заимствования", от которой в лучшем случае пахнет схематизмом, то вряд ли мы можем отказать более поздним „кочевникам" — населению Джучиева Улуса в способности иметь свой собственный и относительно самостоятельный письменный язык.

Вообще не какой-то всеобъемлюще абстрактный среднеазиатский язык был источником для письменного языка Джучиева Улуса. Как писал А. Н. Кононов в 1963 г., „литера-

турный язык Караханидского государства и возникший на базе его литературный язык Джучиева Улуса... стали основой, на которой развивался и совершенствовался „чагатайский" язык..., а последний, в свою очередь, явился предысторией или основой староузбекского литературного языка" [214, 65].

Действительное влияние чагатайского на другие письменные языки, в особенности народов Восточной Европы, приходится на более поздний период. Дело в том, что во второй половине XV и в течение XVI вв., в результате распада государства джучидов и образования враждующих между собою ханств, отсутствовали благоприятные условия для регулярного общения в культурном, литературном планах, для оживленного обмена письменными произведениями. Поэтому литературные языки тюрко-татарских ханств развивались прежде всего на базе старой письменной традиции при еще более заметном усилении местных, диалектных компонентов.

Развитие это, в связи с общим ходом неблагоприятного исторического процесса в регионе, шло несколько замедленно. Крымское ханство, оказавшись под турецким протекторатом, подпало под влияние другой языковой традиции. Из-за нарушения торгово-экономических и политических связей Поволжья и Средней Азии очень слабо прослеживаются и факты культурного обмена между этими регионами. (Например, Бабур в своих записках упоминает факт об отправлении Шайбани-ханом одного музыканта в Казанское ханство, отмечая, что „больше сведений о нем не пришло" [49, 211—212]. Это одно из редких известий подобного рода). Поэтому в определенной степени прав Э. Н. Наджип, когда он пишет, что огузско-кыпчакский язык „в Поволжье... продолжает существовать вплоть до начала XX в. как язык мистико-повествовательных произведений" [271, 16; уточнения см.: 391, 66].

Таким образом, литературный язык Джучиева Улуса — явление более сложное, чем это кажется некоторым филологам, изучающим формальные грамматические категории, которые могут быть общими для многих старописьменных языков, однако мало учитывающим конкретно-исторические условия.

Однако, поддерживая концепцию об относительной самостоятельности письменной традиции в Дашт-и Кыпчаке с прилегающими к нему тюркоязычными территориями, я нисколько не собираюсь к узкой локализации ее наследия, отнеся его лишь к одному народу. Я совершенно далек от намерения втискивать ее — продукцию прошлых эпох, иных общественно-этнических соотношений — в административно-территориальные рамки союзных и автономных республик наших дней, отдавая предпочтение лишь одной из них.

3. О языковых особенностях ярлыков

Язык наиболее ранних из дошедших до нас ярлыков (Токтамыша и Тимур-Кутлуга) был определен В. В. Радловым как смешанный; в нем, наравне с общетюркскими элементами ранних письменных традиций — например, уйгурской и домонгольской среднеазиатской — существенную долю составляли элементы местных, то есть „западнотюркских", „севернотюркских" наречий и диалектов [316, 39—40]. В такой исторически обусловленной „пестроте", с одной стороны, и тесной связи с местными наречиями, с другой, и заключается особенность делового языка канцелярии джучидов.

Вряд ли правомерно оценивать этот язык лишь по отдельным компонентам, а не по всему комплексу. Поэтому не А. Н. Самойлович „огрубляет" положение, говоря, что ярлык-послание Токтамыша к Ягайло написан „на местном кыпчакском языке" [329, 141], а другие упрощают картину, превращая официальный язык целого государства в придаток хронологически более позднего „чагатайского" [155, 238]. Это можно видеть из следующего примера.

О языке официальных актов последующих джучидов, например, послания Улуг-Мухаммада 1428 г. и копии тарханного ярлыка Хаджи-Гирая 1453 г. А. Н. Курат говорил, что они, как предшествующие им документы региона, написаны „на литературном языке, употреблявшемся в Золотой Орде", хотя этот язык „не совсем правильно, вообще называют чагатайским" [468, 7 и 63]. В. Г. Гузев, цитируя это мнение А. Н. Курата, используя в качестве „моста" лишь часть вышеприведенного положения А. Н. Самойловича: „Татаристан и Крым имеют общий единый источник своих литературных языков — литературный язык Джучиева Улуса...", но отбросив основную концептуальную часть его („...возникший путем кыпчакизации литературного языка эпохи караханидов..." и т. д. и т. п.), далее, ссылаясь на авторитет Я. Экмана, на самом деле упрощая его, делает совершенно иной и очень далекоидущий вывод: „литературным языком Джучиева Улуса, то есть Золотой Орды, был среднеазиатский литературный тюркский язык", то есть чагатайский [155, 239]. Как говорится, комментарии излишни...

Что же касается мнения А. Н. Курата, высказанного по поводу ярлыка Хаджи-Гирая 1453 г., что в Крыму в XV в. продолжалась прежняя традиция делопроизводства, то оно подтверждается и позднейшими, до сих пор не изученными по тюркским оригиналам ярлыками. Например, жалованные ярлыки Менгли-Гирая (№№ 6—8; 11) являются по языку, формулярам, даже по палеографическим особенностям, пря-

мым продолжением аналогичных актов Хаджи-Гирая (№№ 4, 5), которые, в свою очередь, продолжают традиции прежних джучидских ярлыков.

Такая же связь имеется между жалованиями Мухаммад-Гирая I (№№ 12, 13), Саадат-Гирая (№ 15) по отношению к актам Менгли-Гирая. Все они по форме, содержанию и языку являются продуктами кыпчакско-джучидского официального делопроизводства. Разница заключается лишь в том, что в относительно поздних документах язык становится более новым, более собственно кыпчакским.

Однако это относится к актам внутреннего назначения. Что же касается документов дипломатической переписки, то здесь имеются специфические особенности, связанные с установлением протектората Турции над Крымом, в результате чего произошли изменения не только в политическом статусе, но и в сфере духовной, письменной культуры.

Например, если ранние послания Менгли-Гирая турецким султанам написаны на типичном кыпчакском языке в соответствии с правилами джучидского делопроизводства [468, 84 и 88], то позднейшие, составленные после установления протекции в 1475 г., начинают впитывать в себя турецкие языковые элементы и одновременно терять свойственные монаршим посланиям формуляры (например, адресант указывается не в начале, как это принято, а дается в конце и в следующем виде: „Нижайший Ваш раб Менгли-Гирай", даже с изменением на турецкий лад произношения собственного имени — „Раб Ваш Бенгли-Гирай" [468, 92; 469, 649—653]). Тем самым они превращаются в обычные рапорты-отчеты вассала сюзерену.

Однако в посланиях, адресованных в другие страны, например, польско-литовским королям и русским великим князьям, долго присутствуют характерные для монарших грамот формуляры и языковые особенности джучидско-кыпчакского делопроизводства [250; 35, оп. 2, № 39 и др.].

Обращая на это внимание, А. Н. Самойлович писал, что подобные факты „свидетельствуют о том, что до конца XVII века османско-турецкому литературному языку не удалось окончательно заглушить в канцеляриях крымских ханов литературной традиции Джучиева Улуса и о том, что живой степной ногайский говор также находил некоторый доступ к официальному языку международной переписки..." [325, 28]. К этому, в целом верному по отношению к названному комплексу документов объяснению, следует добавить, что в крымско-русской переписке, по силе старой традиции, функциональным языком оставался кыпчакский, который был вполне освоенным московской канцелярией. (Как показывают документы крымско-русских отношений последней четверти XV и начала XVI вв. [338, тт. 41 и 95], почти все послания

Гираев писались по-татарски, и они переводились на русский язык в Москве; что же касается русских грамот, то они отправлялись в Крым в двух экземплярах — в русском оригинале с его татарским противнем).

Наступательный характер влияния турецкого делопроизводства прослеживается в крымских ярлыках-посланиях трансильванским княжествам первой половины XVII столетия, они по языку и структуре „соответствуют османско-турецкой дипломатике XVII в." [461, 214].

Проникновение канонов турецкой дипломатики в крымское делопроизводство внутреннего назначения проходило несколько медленнее. В отличие от особенностей крымско-турецкой переписки, где еще в последней четверти XV в. происходит „отуречивание", во внутренних документах традиционный официальный язык на кыпчакской основе функционировал еще долго. Об этом свидетельствуют жалования Сахиб-Гирая (№№ 16—24), в которых почти полностью отсутствуют элементы османско-турецкого влияния.

Язык и стиль этих суюргальных ярлыков отличаются простотой, ясностью, лаконизмом. Фразы, обороты и формуляры весьма устойчивы. По лексико-грамматической стройности, правильности речи эти документы могут рассматриваться не только как вершина золотоордынско-крымского делопроизводства в стиле-языковом отношении, но и как „лебединая песня" кыпчакско-крымского делового языка в целом.

Положение начинает несколько меняться со времен Даулят-Гирая I, вошедшего на престол через труп Сахиб-Гирая, задушенного и зарезанного в 1551 г. [346, 422]. Например, из девяти сохранившихся жалований нового хана тексты шести документов (№№ 25—27, 32—34) оформлены по традиционным правилам, хотя язык их не в такой степени кыпчакский, как в актах его предшественника. Кроме турецких фонетико-грамматических форм в них много арабизмов, что также является результатом влияния турецкого литературного языка. Один ярлык Даулят-Гирая как по языку, так и по формулярам, является смешанным (№ 35), а остальные два акта (№№ 29, 30) — более турецкими, чем кыпчакскими в целом.

Крымско-султанские ярлыки, изданные в царствование Даулят-Гирая (№ 28, 31), также испытали влияние османско-турецкого языка и делопроизводства.

Процесс туркизации еще более заметен в актах Мухаммад-Гирая II, из одиннадцати жалований которого семь документов составлены по традиционной форме, но с еще более сильным влиянием турецкого языка (№№ 38, 39, 41—43, 45, 46), а четыре жалования оформлены почти полностью на турецкий лад (№№ 36, 37, 40, 44).

По новым правилам составлялись и ярлыки Ислам-Гирая II (№№ 47—49).

Во времена царствования Газы-Гирая II борьба двух начал еще более обостряется: из десяти его ярлыков четыре полностью соответствуют турецким жалованиям (№№ 54—56, 60), а шесть, хотя по форме напоминают традиционные, также сильно османизированы в языковом отношении (№№ 50, 52, 53, 58, 59, 61).

Крымско-султанские жалования времен Газы-Гирая (№№ 51, 57) еще раз свидетельствуют об усилении иноземного влияния.

Итак, где-то на самом стыке XVI—XVII столетий завершается туркизация крымско-татарского делопроизводства внутреннего назначения.

Правда, и в начале XVII в. встречаются отдельные образцы жалованных ярлыков, составленных по старым правилам [см.: 339, 57—66], но подобные документы являются не более, чем реликтами прошлого.

Таким образом, языковые особенности жалованных актов Джучиева Улуса XIV—XVI вв. представляют из себя более сложное явление, чем это иногда упрощенно трактуется в отдельных исследованиях. Лингвистические данные собственно золотоордынских и ранних крымских (до середины XVI в). ярлыков свидетельствуют о постоянном усилении местного кыпчакского элемента.

Что же касается упорной борьбы двух начал в течение почти двух столетий — от Менгли-Гирая до Газы-Гирая включительно — в крымском делопроизводстве, то она лишний раз свидетельствует о том, что письменный язык к государственной власти и разговорному наречию основного населения **одновременно** относится так, как надстройка относится к своему базису. Именно этим двойственным характером природы письменного языка можно объяснить длительное сосуществование в Крыму двух борющихся начал: кыпчакско-крымского и огузско-турецкого.

Возможен вопрос: чем объяснить в таком случае полную победу османско-турецкого влияния в письменной культуре Крыма в целом? Дело в том, что в течение двух столетий— в результате непрерывного военно-политического и административного насилия со стороны Турции, в результате частичного смешения местного населения с выходцами из Анатолии, в результате постоянного влияния более развитой культуры, в том числе письменности могущественной метрополии — постепенно происходила туркизация и разговорного языка населения самого полуострова, один из основных диалектов которого — диалект южнобережных татар — относится „к огузо-сельджукской подгруппе огузских языков“ [88, 281].

Следовательно, туркизация официального делопроизводства, то есть изменение „в верхах", есть не что иное, как последствие этно-лингвистических сдвигов, происходивших „в низах".

Глава третья

ПИСЬМЕННОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПОЧЕРКИ

Своеобразие языковой ситуации раннего периода Джучиева Улуса обусловило сложность графической ситуации, специфические черты развития той или иной письменности и ее почерков.

В Джучиевом Улусе два письма — уйгурское и арабское — сосуществовали длительное время. Их взаимоотношения наложили отпечаток и на особенности деловой письменности региона, которая оказывала влияние, хотя и спорадическое, на развитие письма делопроизводства и других соседних регионов. Поэтому на истории двух систем письменности в Восточной Европе следует остановиться несколько подробнее.

1. Уйгурское письмо

Уйгурский алфавит, принятый в качестве официального государственного письма при образовании царства Чингизхана [67, 368; 270, 125—128], получил всеобщее распространение среди монголов и выдержал конкуренцию с другими системами, официально предложенными позднее [193, 27—32]. Причиной этого было, видимо, то, что до образования Монгольского государства его основное население было бесписьменным, поэтому быстрое развитие государственности способствовало широкому распространению нового алфавита среди монголов, а распространение этого алфавита способствовало созданию своего литературного языка, который крепко связывал письменность с конкретным этносом. Поэтому, видимо, более правы те исследователи, которые считают, что монголы не просто приняли уйгурскую письменную традицию (алфавит и язык), а с самого начала приспособили новую письменность к своему родному языку [270, 128].

Несколько иную картину мы наблюдаем в Средней Азии, Восточной Европе XIII—XIV вв., то есть в „западных улусах" Монгольской империи, где уйгурское письмо не получило всеобщего распространения. И это вполне понятно: местные тюркоязычные народы, в особенности население таких регионов, как Хорезм, Булгар, Северный Кавказ и Крым, уже были письменными — имели свой более или менее развитый

литературный язык на основе арабской графики, тесно связанной с господствующей идеологией, с исламом, укрепившимся здесь задолго до монгольских завоеваний. Поэтому, несмотря на официальное положение уйгурской графики, она не смогла вытеснить арабо-тюркскую письменную традицию. Способствовала этому и тесная связь уже освоенной письменности с этносом, то есть живым языком.

Но все же, несмотря на эти неблагоприятные условия, уйгурская письменность в Восточной Европе существовала дольше, чем это кажется на первый взгляд; она имела более обширный район распространения, нежели тюркоязычная среда самого Джучиева Улуса.

Об активном применении уйгурского письма при составлении официальных актов в канцеляриях джучидов до нас дошли прямые и косвенные сведения. Например, как показал текстологический анализ русских переводов ханских ярлыков митрополитам, их значительная часть была составлена первоначально на тюркском языке уйгурским письмом [289, 463—491; 174, 34]. Об этом свидетельствует написание, вернее прочтение средневековыми русскими переводчиками ряда непереводимых слов (собственных имен и терминов), когда озвучание их зависело от качества письма оригинала. Так, вместо ожидаемого *тариха* (здесь — по летоисчислению) стоит *„дарыка“*, вместо *зулькаада* (название месяца) — *„сулгата“*, а имя *Джанибек* транскрибировано как *Зенебек* и т. д. [109, 26]. Такие звуковые перемещения могли произойти по той причине, что в уйгурском алфавите для передачи парных согласных звуков — например, *д—т, з—с* и т. д. — применялись одни и те же буквы.

Сравнительно широкое применение уйгурского алфавита в канцеляриях джучидов подтверждает и тот факт, что эту письменность знали в соседних странах, о чем свидетельствуют не только уйгуро-письменный ярлык-послание Токтамыша к Ягайло (1393 г.), но и более поздние записи в исконно русских документах. Например, в подлиннике жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича 1435 г., выявленной М. А. Оболенским, была „надпись, изображенная монгольскими буквами“. В результате расшифровки и анализа, сделанного востоковедами из Петербургского университета ламой Галсаном Гомбоевым и Хусаином Фаизхановым, выяснилось, что „надпись эта составляет помету ханского чиновника и писана на татарском языке монгольскими (точнее: уйгурскими — *М. У.*) буквами. Лама прочитал ее как: *булай унъ гурдук,* а мулла Хусейн выяснил, что в буквальном переводе это означает: „в таком виде мы одобрили“ (т. е. грамоту), или короче: „одобряем“ (утверждаем)“. Правильность выводов Гомбоева и Фаизханова подтвердил и О. М. Ковалевский: „Эти же слова до сего времени между казанскими

татарами существуют в прежнем своем значении" [283, 22—23].

В дальнейшем М. А. Оболенскому удалось найти еще один русский документ 1453 г. — духовную грамоту княгини Софьи, вдовствующей супруги великого князя Василия, где так же имелась уйгурописьменная помета, которую монголовед из Казани О. М. Ковалевский и учитель восточной каллиграфии Али Махмудов прочли и перевели как *алтмыш-да янбар аында,* то есть „в шестидесятое (лето) в январе месяце", что соответствует, по уточнению Оболенского, дате 6960 г. „от сотворения мира" [283, 23—24].

М. А. Оболенский, нашедший третью подобную помету на грамоте 1459 г., придерживался мнения, что они появились в результате того, „что в период монгольского владычества князья наши должны были представлять свои грамоты на утверждение хана или его чиновников" [283, 24]. А. А. Бобровников, наоборот, утверждал, что надписи эти принадлежали самим русским, владевшим устно и письменно татарским языком, и писались для того, чтобы не допускать подлога [109, 24—25 и 28]. Как мне кажется, в принципе правы обе стороны: факты утверждения русских грамот XIV столетия в Сарае прослеживаются и в новейших исследованиях по русской дипломатике [410, ч. I, 16—19 и 29 и т. д.]. Следовательно, такое явление могло практиковаться и в XV столетии. Но в данном конкретном случае более прав А. А. Бобровников, ибо способ применяемой датировки — исконно русский.

Практическое использование татарского языка, соответственно и письменности, в великокняжеском окружении также могло иметь место. Между прочим, еще в 1850 г., при публикации уже упомянутого ярлыка-послания Токтамыша, то есть до издания анализируемых уйгурописьменных помет в 1861 г., И. Н. Березин писал, „что в Литве, подобно России, вероятно были знатоки татарского языка и уйгурского письма" [431, 44]. Итак, практическое знание уйгурской письменности в великокняжеском окружении XIII—XV вв. вполне допустимо.

Об активном применении уйгурского письма в джучидско-мамлюкской переписке подробно говорилось выше. Необходимо лишь добавить, что, согласно словам ал-Умари, послания египетских султанов к ханам из Дашт-и Кыпчака „большею частью пишутся ... по-монгольски (т. е. уйгурским письмом — *М. У.*)" и для составления таких документов в Египте содержались специальные тюркские писцы, об этнических происхождениях которых свидетельствуют их имена: Итмиш, Тарибуга, Аргадак, Кусун и др. [368, 228 и 251].

Все известные нам джучидские послания туркам — арабописьменные. Однако факты составления копии двуписьмен-

ного тарханного жалования Тимур-Кутлуга в Турции, так же издание турецким султаном Мехмедом II в 1473 г. аналогичного по форме уйгуро- и арабописьменного ярлыка, заставляют смотреть на этот вопрос шире. Как указывал Р. Рахмети, по форме последний документ имеет много общего с джучидскими официальными актами [472, 286]. Поэтому нисколько не пытаясь игнорировать культурные связи Анатолийского полуострова со Средней Азией, хотелось бы указать на вероятность применения уйгурского письма в официальной переписке между ближайшими соседями — Турцией и Золотой Ордой.

Итак, применение уйгурского письма в официальной переписке Джучиева Улуса было более активным, чем это прослеживается по данным нескольких тюрко-татарских официальных документов местного происхождения (ярлык-послание Токтамыша, пайцзы, жалование Тимур-Кутлуга) и одного памятника бытовой письменности — текста на бересте.

В то же время во внутренней жизни Джучиева Улуса сфера применения уйгурского письма была значительно у́же. Этот алфавит, будучи первоначально официальным письмом и в Джучиевом Улусе, конкурировал с арабским, значительно ранее пустившим глубокие корни в быту местных народов, в особенности оседлых. Последняя письменность не только успешно выдерживала конкуренцию с официально опекаемым письмом, но даже вышла победительницей из этой борьбы.

Естественно, что наравне с религиозным фактором (за уйгурским письмом в то время не стоял авторитет какой-либо мировой религии), преимущество арабского письма над уйгурским, имеющим всего 21 буквенный знак [245, 105—107], определялось и этническим поглощением пришлого компонента местным населением, обладавшим устоявшимися письменно-культурными, идеологическими традициями. Именно этими обстоятельствами объясняется раздвоенный характер официальной письменности с самого начала Джучиева Улуса, что хорошо прослеживается в чеканке монет, где преобладала арабописьменная легенда: при массовости собственно арабских и тюркоязычных монет, уйгуропись менные легенды XIV в. встречаются сравнительно редко [см.: 397, 93—108; образцы: 403; 429 и др.].

Ввиду того, что подлинники уйгуропись менных жалованных ярлыков не дошли до нас, по крайней мере, еще не обнаружены, о палеографических особенностях их можно судить лишь по опосредованным данным.

Например, о почерковых ообенностях ярлыка-послания Токтамыша 1393 г. знаток средневековой монгольской письменности Д. Банзаров, видевший подлинник, писал следующее: ярлык „писан четким уйгурским шрифтом; в палеографическом отношении он отличается точностью правописания

и по шрифту близко подходит к надписи на каменной плите, найденной в Нерчинском округе, а еще ближе к пайцзе [Абдуллы], найденной в имении барона Штиглица в Екатеринославской губернии; в каллиграфическом отношении он далеко уступает двум письмам персидских чингизидов к французскому королю Филиппу Прекрасному" [431, 41]. Как видно, Банзаров уловил **палеографическую близость** двух „родственных" по месту происхождения джучидских письменных памятников.

В. В. Радлов, соглашаясь с общей оценкой Д. Банзарова, указывая, что почерк послания принадлежит уверенной руке, подчеркнул, что он отличается от стиля письма жалования Тимур-Кутлуга, ибо, если ярлык-послание больше тяготеет к монгольско-уйгурской разновидности почерка, то жалование по письму ближе к уйгурско-мусульманским памятникам [316, 4 и 18]. В. В. Радлов, как известно, был уверен, что ярлык Тимур-Кутлуга дошел до нас в подлиннике, хотя этот документ, как уже говорилось, сохранился в копии. Следовательно, почерковое отличие этих документов вполне объяснимо: они принадлежали представителям различных школ — золотоордынской и турецкой.

Как видно из таблицы „Образцы почерка" монгольского письма в исследовании Д. Кары, имеется неоспоримая близость между начертаниями ряда букв золотоордынского и восточнотуркестанского почерков [193, 65]. Этот факт еще раз подтверждает защищаемое в настоящем исследовании мнение о прямом влиянии собственно уйгурской, то есть восточнотуркестанской письменно-культурной традиции на таковую Джучиева Улуса.

Естественно, возможности анализа уйгуропись менной палеографии по Восточной Европе не ограничиваются лишь вышеперечисленными фактами. В собственно палеографическом плане еще не изучены тюркоязычные пометы вышеупомянутых русских грамот XV в.; совершенно не исследован и нумизматический материал. Сколько бы ни были малочисленны и отрывочны эти сведения, они могли бы дополнительно обогатить наше представление об уйгуропись менной палеографии Восточной Европы в целом.

2. Почерки арабописьменных жалований

В средневековых мусульманских странах очень высоко ценилась каллиграфия, которая была не только результатом стремления писать красиво, но и явилась своего рода разновидностью искусства. Превращение письма в искусство было не случайным, а вполне закономерным явлением. „Запрещение изображать живые существа, — пишет А. А. Семенов, — при

огромной потребности запечатлять их тем или иным способом, содействовали необычно пышному расцвету... искусства каллиграфии и миниатюрной живописи. Каллиграф-артист на Востоке всегда был столь же славен и превознесен, как и первоклассный поэт, певец и музыкант" [341, 133]. Встречалось даже такое мнение, что каллиграфия — „половина знания" [323, 45]; искусству письма придавалось даже божественно-религиозное начало [187, 36]. „Ни в одной части средневекового мира, — пишет искусствовед Б. В. Веймарн, — письменность не получила такого эстетического значения, как в странах Ближнего и Среднего Востока" [126, 144].

Превращение арабописьменной каллиграфии в искусство объясняется не только потребностью господствующих сословий мусульманских стран в развитии письма [см.: 342, 90—91], но обусловлено было и тем, что арабской графике присуща большая орнаментальность: „в зависимости от того, в каком месте слова находится та или иная буква — в начале, середине, конце или же стоит изолированно в конце слова после знаков, не соединяющихся с последующими — она имеет разное начертание, изменяясь как по форме, так и по величине" [188, 13—14]. Кроме того, как указывал Ян Рипка, арабское письмо отличается сжатостью, внешней красотой и этот „эстетический момент был оценен художниками, которые выдвинули искусство каллиграфии на одно из самых почетных мест" [320, 99; подроб. см.: 187а, 66—82].

Все это вместе взятое привело к тому, что в арабском письме образовалось множество почерков и их вариантов, количество которых росло из века в век. Например, если в X в. были известны менее 10 почерков: *куфи* и образцы классической „шестерки" — *сульс, насх, райхани, мухаккак, рикъа, тауки* [187, 39 и 104], то к XVI в. их количество доходит до 36, а в XIX столетии превышает 70 [263, 7—8]. Однако в странах Ближнего и Среднего Востока наиболее популярными были около десяти почерков, к ним, кроме куфи и классической „шестерки", относятся прежде всего *таалик, дивани, шикасте, настаалик* и некоторые другие, изобретенные после монгольских завоеваний [187, 39].

Эти почерки, отличающиеся друг от друга как начертанием букв, так и лигатурой их, создавались часто путем „скрещивания" элементов уже существовавших стилей. Например, путем соединения *тауки* и *рикъа* возник *таалик*; „скрещивание" *тауки* и *таалика* дало *шикасте* [187, 89; 188, 117]. В дальнейшем же, объединяя лучшие качества горизонтально строгого, ясного, но несколько „медленного" *насха* и наклонно-связного, „быстрого" в исполнении *таалика* был изобретен новый вариант — знаменитый *настаалик*, точнее насх+таалик [187, 104; 217, 11—12; подроб. см.: 187а, 45—56].

Различные почерки создавались не только ради удовлетворения запросов потребителей (каллиграфия как искусство создавалась и развивалась среди высших сословий господствующего класса, поэтому она развивалась как „аристократическое" искусство; неслучайно, что большинство каллиграфов вышло из среды знатных, родовитых семей, — это сыновья султанов, мирз, вазиров [42, 25—32; 341, 126—127, 342, 89—91]), но возникли в результате общего культурного развития, когда сфера действия письменности расширялась. Поэтому вместо трудновыполнимых, то есть медленных в исполнении „уставных", выражаясь условно, вырабатывались сравнительно легкие и быстрые „курсивные" (например, если насх по форме является полукурсивом по отношению к угловому куфи, то таалик в свою очередь к насху относится так, как курсив относится к полууставу).

С другой стороны, появлению новых почерковых стилей способствовали как материал письма, так и содержание текста, его назначение. Например, для украшения монументальных зданий употреблялись одни почерки, а для оформления книг — другие. В свою очередь, почерки книг отличались от стиля писем, актовых документов. Так, монументальный или „цветущий" куфи применялся в архитектуре, при украшении литых металлических изделий; крупным сульсом, кроме исполнения различных настенных текстов, писались заглавия, подзаголовки книг; ясным, четким и удобочитаемым насхом писались „строгие" по содержанию тексты — Коран, религиозные книги, научные сочинения; курсивными рикъа, тааликом, шикасте составлялись документы и бумаги частной переписки, а более сложными и торжественно крупными почерками сульс, тауки и дивани — официальные акты [188, 104—105 и 111—112; 260, 64].

Естественно, что такое четкое назначение отдельных почерков характерно прежде всего для той или иной конкретной эпохи, внутри же эпох — для стран и регионов, оно не оставалось неизменным. С течением времени, с развитием культурно-эстетических взглядов и вкусов менялось и отношение к различным стилям письма. Значение имели и последствия культурно-экономических связей, то есть результаты внешнего влияния. Почерки и отношение к ним постоянно изменялись.

Дифференцированный подход к различным почеркам, отражение в письменных стилях культурно-общественных тенденций, прослеживаемых в Джучиевом Улусе, теснейшим образом связаны с развитием городской культуры, которая своими корнями уходит в мусульманское искусство средневековья. Поэтому в городах Дашт-и Кыпчака в эпоху могущества империи, как пишет Г. А. Федоров-Давыдов, „пышно

распускается... яркая урбанистская восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана и математиков-алгебраистов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии" [395, 118].

Как показывают почерки подлинных жалованных ярлыков, основными письменными стилями в ханствах Джучиева Улуса во внутреннем делопроизводстве были почерки *сульс* и *дивани*. Из 32 документов 9 составлены сульсом, 22 — дивани в различных вариантах и всего лишь один — настааликом. Вместе с тем, первый из них характерен для более раннего периода. Например, крупным сульсом исполнены ярлыки Хаджи-Гирая (№ 5), Менгли-Гирая (№№ 6, 7 и 11); этот же стиль характерен для всех крымских ярлыков Сахиб-Гирая (№№ 18—21, 23); сульсом были выполнены, судя по всему, и другие ярлыки последнего хана, дошедшие до нас в копиях.

Начиная с Даулят-Гирая I, прослеживается господство дивани. Если сопоставить эти данные с изменением языка-стиля крымских ярлыков после гибели Сахиб-Гирая (при нем тюрко-татарская самобытность жалованных актов достигла кульминации в своем „исконно кыпчакском" развитии), то возникает следующий вопрос: не был ли при составлении ранних джучидских ярлыков характерен именно сульс?

Действительно, со времени Хаджи-Гирая до Даулят-Гирая, в крымских жалованиях лишь два раза встречаются ярлыки, выполненные почерком дивани; первый из них — это жалование Мухаммад-Гирая I (№ 13), оно исполнено убористым, изящным дивани, второй — Саадат-Гирая (№ 15), составленный крупным, называемым в специальной литературе *дивани-джали*.

Правда, до них мы располагаем одним документом, выполненным также дивани-джали (№ 1). Однако здесь достойно внимания то, с каким упорством Сахиб-Гирай, стремившийся сохранить языково-стилевую самобытность своих жалований, отдавал предпочтение сульсу. Не хотел ли он подчеркнуть этим продолжение традиций своих предшественников — основателя ханства Хаджи-Гирая и наиболее могущественного, авторитетного в Восточной Европе, следовательно, и в Крыму, Менгли-Гирая? Это вполне возможно.

Тот факт, что жалования первых Гираев — Хаджи и Менгли — исполнены аналогичным по стилю, манере, орфографическому своеобразию сульсом говорит о том, что выбор почерка был не случайным.

Правда, тарханное жалование Хаджи-Гирая 1453 г. (№ 4), дошедшее до нас в турецкой копии, написано крупным дивани. Однако, это не меняет положения, так как турецкие составители копии, изменившие основной текст, а также

данные удостоверения ярлыка, вполне могли переделать и почерк документа. Если учесть, что это очень разборчивый и ясный дивани, резко отличающийся от других крымских почерков данного стиля, — убористых, часто исполненных вязью, — то возникает предположение, что протограф копии скорее всего был исполнен сульсом.

Обращая внимание на характерность применения сульса для ранних джучидских жалований, я не собираюсь утверждать, что он был единственным актовым почерком. Речь идет лишь о том, что в XV и в первой половине XVI вв. он был, возможно, одним из наиболее распространенных почерков. Безраздельное господство дивани со времен Даулят-Гирая I, с царствования которого влияние турецкого делопроизводства усиливается из года в год, говорит о том, что распространение этого почерка — результат турецкого влияния в каллиграфии.

Однако это было не первичное, а вторичное проникновение дивани в тюрко-татарское делопроизводство. Дело в том, что почерком дивани, отличавшимся изящной торжественностью, пышностью [458, 64], также малодоступностью для неспециалистов, составлялись официальные акты и в канцеляриях мамлюков [172, 142], с которыми ранние джучиды имели длительные политические и культурные связи. Поэтому надо полагать, что канцеляристы Сарая освоили этот почерк задолго до формирования собственно турецкой традиции. Факт исполнения ярлыка Токтамыша этим торжественно-сложным почерком, значительно отличавшимся от поздних джучидских дивани, говорит об этом.

Применение дивани во внешней переписке подтверждается почерком послания Улуг-Мухаммада 1428 г. [468, 6 и сл.].

Предположение, что раннее проникновение дивани связано с золотоордынско-египетскими сношениями, подтверждается тем, что во время расцвета Джучиева Улуса в XIV столетии Турция еще переживала период консолидации как в политической, так и культурной сферах, а процесс сложения более или менее самостоятельной и самобытной письменной традиции у турок приходится на XVI—XVII вв. [260, 64]. До этого сама турецкая литература испытывала определенное влияние золотоордынско-кыпчакской письменной культуры, о чем свидетельствуют факты составления уйгуропись менных актов от имени турецких султанов.

Однако с XVI, даже с конца XV столетия начинается вторичное проникновение дивани, но не во все ханства Джучиева Улуса, а в Крым, попавший под протекцию Турции.

Непосредственная связь крымского дивани этого периода с собственно турецкой традицией доказывается и тем, что в ярлыке № 13 1515 г. встречаются такие несвойственные

раннеджучидским актам особенности, как применение золотого порошка в чернилах.

Исполнение тарханного ярлыка Саадат-Гирая, написанного крупным, весьма тщательным и торжественным почерком дивани, также является результатом влияния турецкого каллиграфического искусства. И это закономерно, так как до занятия престола царевич долгое время находился в качестве заложника в Турции и испытал влияние турецкой придворной культуры [346, 376—380 и 393—400].

Что же касается связи позднего крымского дивани с турецкой каллиграфической школой, то это отметил еще В. Д. Смирнов, рассматривавший это явление как результат творческого развития почерка, его местной разновидности, приближающейся „к особому чисто-крымскому своеобразному почерку" [348, 16—19[.

В связи с этим необходимо отметить, что ярлык № 26, на основе почерка которого названный автор делал свой вывод, принадлежит не Мухаммад-Гираю IV (1634—1655 гг.), как ошибочно полагал Смирнов, а — Даулят-Гираю I, и составлен он в 1557 г. (см. оп. № 26). Следовательно, стремление к выработке местной, собственно крымской разновидности дивани появляется уже в середине XVI в. Начиная именно с этого периода, усиливается влияние турецкой школы, даже осваиваются новые разновидности турецких актовых почерков, например, рикъа.

Итак, почерк дивани в Восточной Европе прошел сложный путь развития; раннее проникновение его относится к XIII—XIV вв., а позднее, то есть вторичное, — к XV — XVI столетиям. Поэтому между различными образцами дивани исследуемых жалований не наблюдается единства стиля.

При сравнении различных образцов дивани изучаемых актов обращает на себя внимание то, что, с одной стороны, постепенно уменьшаются размеры букв, с другой, из документа в документ усиливается тенденция раздельного написания слов и букв, то есть упрощения лигатуры их. Например, в ярлыке № 1 наблюдаем не только регулярные „вдевания" последующих букв в предыдущие, но и расположения последующих слов путем „обратной вязи" на предыдущих, в результате чего концы и начала двух соседних слов почти совпадают по вертикали, но не сливаются, ибо по горизонтали они располагаются по восходящей линии. Характерной особенностью этого почерка является наличие большого разнообразия в начертаниях одной и той же буквы [см.: табл. VI]. В результате такого обилия графических выражений создается впечатление неповторимости каждой последующей строки.

Ярлык № 15 написан также крупным дивани. Изящность и торжественность его достигается другим путем — обильным

применением полукруглых и овальных линий в конечных элементах букв. Правда, каллиграф этого ярлыка так же активно пользуется методом „обратной вязи", поэтому подъем строки по горизонтали идет интенсивно [см. табл. VII].

В остальных крымских ярлыках наблюдается, как уже отмечалось, уменьшение размеров букв; не видно сложной вязи, „игры" лигатур. Прослеживается медленное развитие дивани в сторону упрощения. Поэтому в более поздних актах часто с каллиграфическим дивани соседствует простой, даже упрощенный (№№ 42, 46, 51, 53). В отдельных случаях видим образцы смешанных почерков, например, дивани+шикасте (№ 37), дивани+настаалик (№ 31), дивани+ракъа (№ 36).

Естественно, такую эволюцию почерка даже одного дивани нужно рассматривать в связи с состоянием материальной и духовной культуры Крымского ханства, для которого в XVI—XVII вв. характерно замедленно-рутинное развитие, отсутствие исконной самобытности.

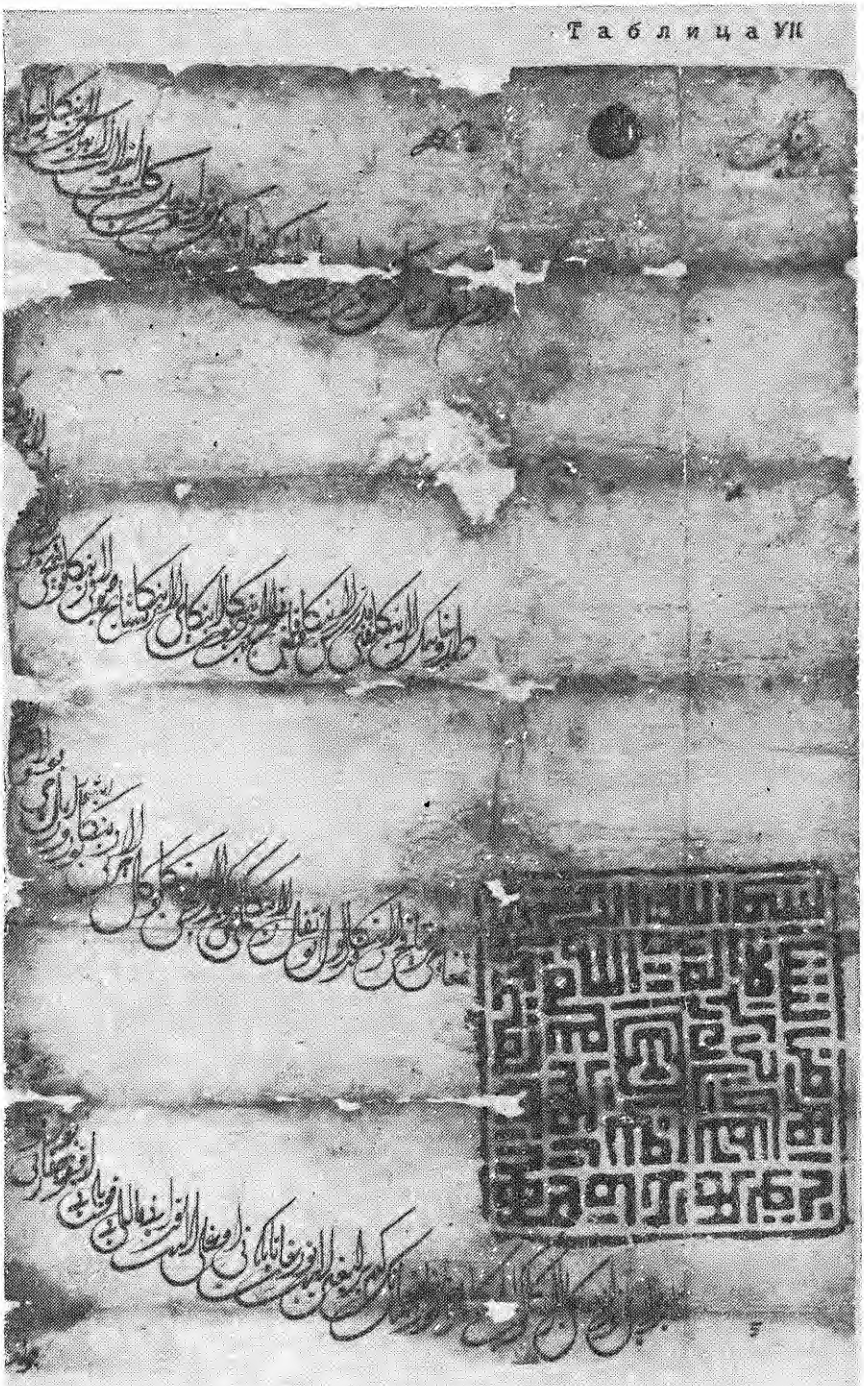
Определенный интерес представляет почерк сульс в жалованных ярлыках. Этот стиль входит в так называемую классическую „шестерку", известную с X столетия. Его активное применение в ранних образцах нашего комплекса косвенно свидетельствует о том, что он, будучи старше дивани, был освоен в джучидских канцеляриях раньше. Разумеется, при этом немаловажное значение имело его применение в делопроизводстве других мусульманских стран.

Судя по сообщению ал-Калкашанди, сульс в мамлюкских посланиях употреблялся постоянно. Развитие же джучидской арабописьменной дипломатической переписки испытало влияние делопроизводства Египта. Например, по словам того же автора, послания ханов Дашт-и Кыпчака до принятия ими ислама, как правило, содержали „грубости и открытые вызовы к вражде", то есть отличались, наравне с негативностью содержания, „инородностью" формы; но после принятия ислама в джучидской „переписке соблюдался [такой] обычай" по форме, который был приемлем и для мамлюкского делопроизводства. Естественно, что осваивая общие правила оформления официальных актов, джучидские канцеляристы не могли игнорировать и почерковые вопросы. „Вообще ясно, — писал ал-Калкашанди, — что письма, приходившие от них, были по образцу писем" египетских султанов, ибо джучиды „в своих письмах, в их формах и правилах, подражали величайшим монархам на Востоке и на Западе" [368, 415—416].

Разумеется, обращаясь к авторитету ал-Калкашанди, я не собираюсь все в золотоордынской дипломатике сводить к египетскому влиянию. Не следует забывать значения местной арабописьменной традиции, например, Хорезма, Булгара,

Таблица VI

№ п/п	Типы букв	Ярлык № 1	Ярлык № 15	№ п/п	Типы букв	Ярлык № 1	Ярлык № 15
1	ا آ	ا ا ا	ا ا	10	ف	ف ف	ف ف
2	ب ت	ب ب ب	ب ب ب	11	ق	ق ق ق	ق ق ق
3	ج ح	ج ج ج	ج ح ح ح	12	ك گ	ك ك	ك ك ك ك
4	د ذ	د د د	د د د	13	ل	ل ل ل	ل ل ل
5	ر ز	ر ر ر	ر ر ر	14	م	م م م	م م م
6	س ش	س س	س س س	15	ن	ن ن ن	ن ن ن ن
7	ص ض	ص	ص ص ص	16	و	و و و	و و
8	ط ظ	—	ط	17	ه ة	ه ه	ه ه ه ه
9	ع غ	ع ع ع ع	ع ع ع ع	18	ى	ى ى	ى ى ى ى



Ярлык №15, фрагмент.

в которых она имела значительную историю и до образования империи джучидов, а во время ее существования получила дальнейшее развитие. Об этом документально свидетельствуют эпиграфические материалы [424, табл. 1—70].

Своеобразие сульса, в сравнении с другими, с легким и торжественным дивани заключается в том, что он отличается, с одной стороны, массивностью в начертаниях букв, своего рода „тяжеловесностью", чем достигается графическая солидность монаршего акта. С другой стороны, будучи сравнительно ясным и четким, он дает возможность применения узора в начертаниях отдельных букв, особенно таких, как „ра", „зайн", „вау" и им подобные, которые от последующих пишутся изолированно. Так, соединяя их между собою, можно достичь некоторой легкости, своего рода торжественности [см. табл. VIII, IX].

Ясность, удобочитаемость сульса позволяла писцам опускать диакритические знаки в тех тюркских словах, которые обычны, стандартны для ярлыковых текстов, то есть легко поддаются прочтению. В результате всего этого „тяжеловесный", массивный почерк воспринимался сравнительно легко, одновременно сохраняя торжественную строгость.

Завершая свои наблюдения по почерку сульс в ярлыках, хочется отметить его эволюцию в Крыму, что прежде всего проявляется в тенденции к упрощенности. Создается впечатление, что с усилением турецкого влияния актовый сульс как бы переживает кризис. С другой стороны, характерно и то, что этот своеобразный почерковой кризис соответствует кризису золотоордынско-кыпчакского делопроизводства в стиле-языковом отношении.

В целом, наблюдения за почерковыми особенностями ярлыков дают многое для изучения не только содержания жалованных актов, но и для выяснения ряда общих вопросов развития письменной культуры. Что же касается собственно палеографического значения, то выводы из наших наблюдений были уже применены в археографической характеристике самих ярлыков, в том числе для решения вопросов атрибуции отдельных документов, установления их подлинности, определения возраста копий.

Наблюдения над почерками дают многое и для решения вопросов практической текстологии, в особенности для исправления искажений отдельных слов, терминов и фраз в поздних копиях.

В палеографии тюрко-татарских актов несколько особое место занимает почерк куфи, представленный в легендах печатей. Поэтому рассмотрение особенностей развития куфического письма в Восточной Европе, в целом, в джучидском делопроизводстве, в частности, целесообразно перенести в раздел, посвященный сфрагистике жалованных ярлыков.

Глава четвертая

ИСПОЛНИТЕЛИ И ВНЕШНЕЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЯРЛЫКОВ

О составе, структуре официальных канцелярий джучидов, также о правилах оформления ярлыков каких-либо специальных источников нет. Однако данные самих ярлыков, их конечные протоколы, также материалы по делопроизводству других улусов Монгольской империи, прежде всего хулагуидского Ирана, дают некоторую возможность получить более или менее ясное представление об исполнителях и правилах оформления официальных актов.

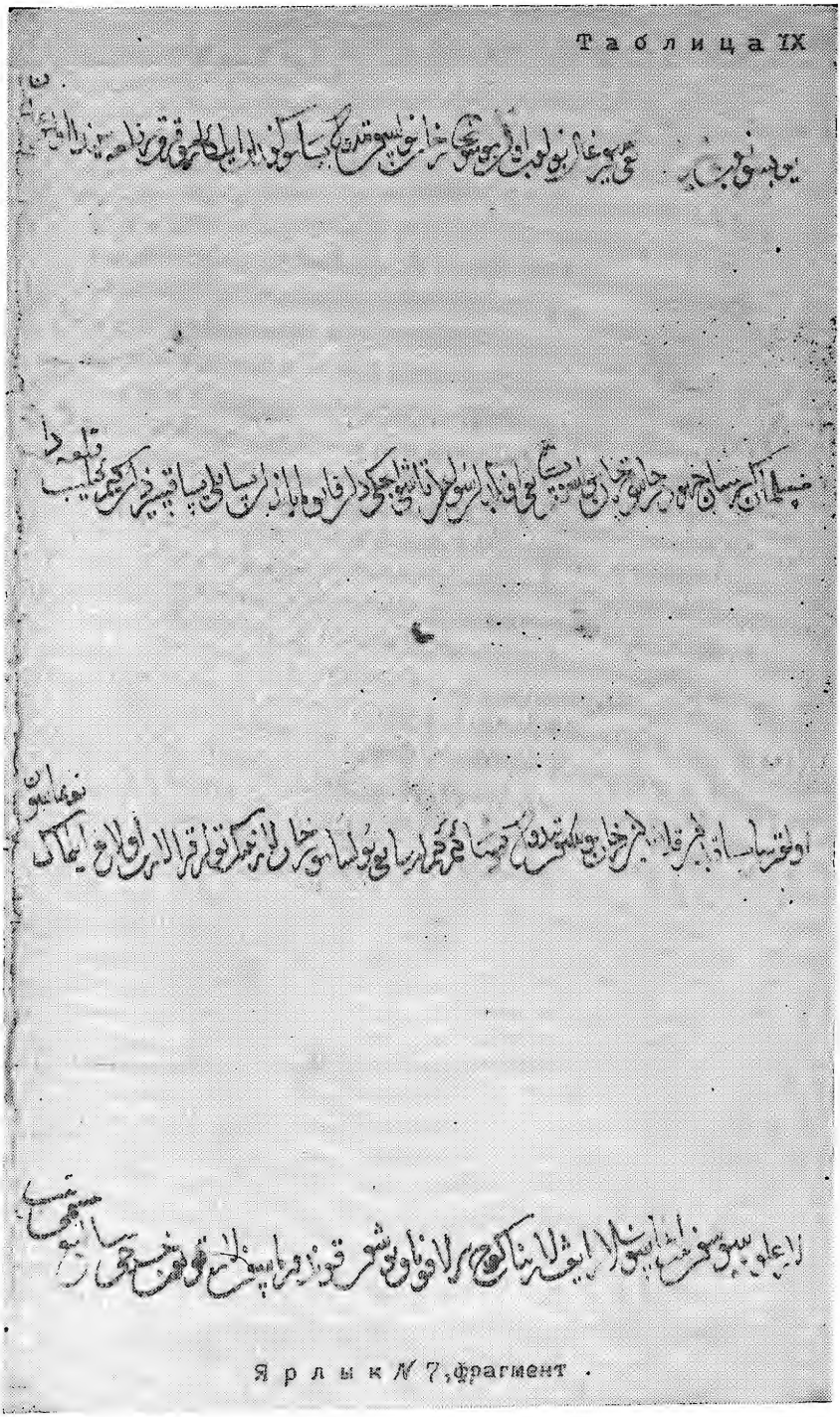
1. Писцы и ходатаи

В большинстве улусов Монгольской империи, в том числе и в Джучиевом, секретарей-делопроизводителей первоначально называли древнетюркским термином *битикчи* (иногда — *битигчи, битюкчи, биткачи*), восходящим к глаголу *бити* со значением писать [167, 103—104]. В монгольский язык он вошел из уйгурского и имел в XIII—XIV вв. широкое распространение [58; 137, 160], что хорошо прослеживается в „Сборнике летописей" Рашид ад-дина [319, 285—286, 500—501].

Однако в анализируемых ярлыках слово *битикчи* почти не применяется, хотя его глагольная форма (*битилди*—написан, *битиди* — он написал, *битидим* — я написал и т. д.) используется активно, в особенности до воцарения Даулят-Гирая I: из 24 случаев она встречается в 19, например, в ярлыках №№ 1—9, 11—12, 15, 18—24. В ярлыках 13, 26, 29, 33, 40, 41, 44, 46, 47, 48 употреблены варианты от глагола *йазмак*— писать, в остальных случаях применены другие описательные формы, например, „дан", „выдан" и т. д. Следовательно, в XIV—XVI вв. термин *битикчи* для Джучиева Улуса в значении писца-исполнителя был уже архаичным.

Более долговечным в Восточной Европе оказался термин *бахши (бакши)*, который первоначально обозначал лиц буддийского духовенства, наставника, учителя вообще [167, 82], но в дальнейшем применялся для обозначения писцов „тюркского происхождения, которые должны были составлять документы уйгурским шрифтом, предназначенные для тюркского и монгольского населения" [55]. И в Джучиевом Улусе этот термин употреблялся в обоих значениях — служителя культа и писца вообще. Например, согласно ал-Муфаддалю, хан Узбек по религиозным соображениям „убил множество бахшей и волшебников"]368, 197], что безусловно намекает на первое значение термина. Что же касается второго значе-

№ п/п	Типы букв	Ярлык № 5	Ярлык № 18	№ п/п	Типы букв	Ярлык № 5	Ярлык № 18
1	آ ا	ا ا ا	ا ا ا	10	ف	ف ف ف	ف ف
2	ت ب	ت ت ت ت	ت ب	11	ق	ق ق ق	ق ق
3	ج ح	ج ح ح ح	ج ح ح ح	12	گ ک	ک ک ک ک	ک ک ک
4	د ذ	د د د د	د و و	13	ل	ل ل ل ل	ل ل ا ل
5	ز ر	ر ر ر	ر ر ر	14	م	م م م	م م م
6	ش س	س س س	س س س	15	ن	ن ن ن ن	ن ن ن ن
7	ض ص	ص ص	ص ص	16	و	و و و و	و و و
8	ظ ط	ط	ط	17	ه ھ	ه ه ه ه	ه ه ه
9	غ ع	ع ع ع ع	ع ع ع ع	18	ی	ی ی ی ی	ی ی ی ی



Ярлык № 7, фрагмент.

ния, то оно в XV—XVI вв. значительно расширилось, так как слово обозначало не только специалиста по уйгурскому письму, но и официального писца-делопроизводителя вообще. Так, согласно документам русско-татарских отношений XV—XVI вв. титул *бахши* носили государственные делопроизводители в Крыму, Казани, Ногайской Орде [328, т. 45, 82—83, 95, 173, 176 и т. д.]. Термин этот, входя в активный фонд русской дипломатической лексики, применялся по отношению к татарским переводчикам на русской службе в Москве [338, т. 95: 20, 75, 87, 291 и т. д.]. Употребление же его в арабописьменных жалованиях (ярлык № 11 — Муртаза-бахши, № 15 — Гази-бахши) еще раз доказывает расширение его значения.

По мере усиления влияния ислама, вводятся новые термины для обозначения писцов. Таковым является, например, арабское слово *хафиз*, обозначающее человека, знающего наизусть Коран. В тюрко-татарской дипломатике, пережив ряд семантических переходов, этот термин стал употребляться по отношению к писцам в качестве приложения к собственному их имени. Например, в наших ярлыках он встречается трижды: № 6 — Ахмад-хафиз, № 9 — Хаджи-Курбан-хафиз, № 12 — „нижайший, презренный... хафиз" (в последнем случае в копии пропущено собственное имя писца).

Такой семантический переход объясняется, видимо, вытеснением из делопроизводства *бахши* старого типа по-мусульмански образованными людьми. Действительно, первоначально *бахши* и *хафиз* были несколько самостоятельными понятиями. Например, в русско-татарских делах XV—XVI вв. читаем: „писарь и бакшей Ази-Мендей афыз", „бакши Дана афыз" и т. д. [338, т. 95, 393—392 и 512 и др.]. Однако процесс превращения *хафиза* в специального писаря полностью не завершается, ибо мешает полисемантичность слова, так как в тюркской языковой стихии Восточной Европы оно, кроме своего основного значения, стало обозначать грамотного человека вообще. (Попутно заметим: в XVI—XVII вв. у татар встречаются два фонетических варианта этого слова: *хафиз* и производное от него *абыз*. От последнего варианта в дальнейшем образуется *абзый*, употребляемый в сочетании с собственным именем в почтительном обращении к старшему мужчине. В русском делопроизводстве *абыз* и *обыз* в XVII в. продолжают означать и грамотного человека, и служителя культа. Например, ярлык Ибрагима был переведен на русский язык *абызом* Артыком Иманаевым [34, л. 1 и 5об], а Ст. Разин свою прелестную грамоту адресовал: „... казанским посадским бусурманам и *абызам* начальным, которые мечеть держат... всем *абызом* и всем слободским уездным бусурманом..." [223, т. II, ч. 1, 52]).

В значении писца со времен Сахиб-Гирая начинает употребляться и другой термин арабского происхождения—*катиб*, означающий человека, занимающегося писанием (пишущий, письмоводитель, секретарь, писатель, каллиграф и т. д.) Из девяти его ярлыков семь содержат в конечном протоколе сведения о секретарях: „написал *катиб* Мустафа" (№№ 18, 19), „написал *катиб* Шаабан" (№№ 20, 21, 23), и „написал катиб Халк-Аман" (№№ 22, 24). Возможно, такие сведения были и в других двух жалованиях (№№ 16, 17) этого хана, но они могли быть утерянными до или при снятии копии.

Встречается факт и более раннего употребления термина *катиб* в джучидских жалованиях. Например, в тарханном ярлыке № 11 (1485 г.) читаем: *катиб-ул-куттаб Муртаза бахши битидим,* — „написал я, секретарь секретарей (проще— главный секретарь) Муртаза-бахши". Однако из этого примера видно, что в данном случае *катиб* означает секретаря вообще, а термин *бахши* употребляется как традиционное обозначение конкретного ханского писца. Следовательно, окончательное вытеснение термина *бахши* в Крыму происходит где-то в середине XVI в.

Обычай называть в конце ярлыка писца связан не только с тем, что в Джучиевом Улусе, как и в других странах Востока, высоко ценился труд каллиграфа-исполнителя, но и с тем, что секретари несли ответственность за правильность содержания текста. Об этом имеются некоторые сведения у Рашид ад-дина. Описывая административно-экономические реформы Газан-хана, он подробно освещает правила выдачи ярлыков, их регистрации, сообщает об ответственности канцеляристов за оформление различных актов, ибо имелись случаи злоупотребления со стороны письмоводителей *(битикчи, битикчиян)* при выборе формулировок, в частности, и составлении текстов, в целом [319, 284—289].

Наравне с секретарями-исполнителями ответственность за правильность и законность содержания жалованного ярлыка несли и другие лица — крупные чиновники, сановники и государственные деятели, которые в ярлыках выступают в качестве ходатаев. Ввиду того, что звания и титулы их представляют определенный интерес, остановимся на этом подробнее.

Имена ходатаев, как правило, даются в самом конце, в составе конечного протокола, и находятся до сведений о писцах:

„Просил преосвещенный верховный судья Садр-Джихан, написал Али-бахши" (№ 4); „просили Диван Илаке (?), Мухаммад-бек" (№ 6); „прошение доложил Мухаммад-бек, написал я, главный секретарь Муртаза-бахши" (№ 11); „...прошение доложил аталык Шайх-Олак-бек..." (№ 12); „прошение доложил конюший Али-бий" (№ 15); „доложивший прошение

Кун-Туган-бий...“; „прошение доложил Маашук“ (№ 18); „прошение доложил Кун-Туган-бий“ (№ 19); „ходатай Маашук-бий“ (№ 21); „ходатай Садык-бахши“ (№ 22); „ходатай Агыш-бий“ (№ 23); „ходатай Ахмад-паша-мирза“ (№ 24).

Как показывают звания и титулы ходатаев, они являлись не простыми просителями или защитниками чужих интересов, а были представителями верховной власти, которые, проверив законность прав держателей ярлыков, подготовив на этой основе проект текста, представляли прошения на утверждение. Некоторую аналогию этому явлению находим в хулагуидском Иране, где назначались специальные эмиры, которые, еще до окончательного просмотра текстов жалований со стороны везиров и полного утверждения их государевыми тамгами, подвергали ярлыки предварительному утверждению, ставя свои печати на обороте актов, чтобы в дальнейшем „не могли бы отрицать, что это-де было без нашего ведома“ [319, 285].

Порядок предварительного удостоверения правильности текста жалования именами ходатаев, секретарей-исполнителей в Джучиевом Улусе существовал с самого начала развития официального делопроизводства в этом государстве. Например, в ярлыках русским митрополитам, выданным еще в XIII—XIV вв., содержатся подобные сведения, хотя они переведены, как отмечал Н. И. Веселовский, не совсем удачно [133, 121—122].

С другой стороны, характерен тот факт, что из 23 жалованных ярлыков, изданных до 1551 г., имена ходатаев, писцов (вместе или отдельно) находятся в 14 документах (№№ 4, 6, 9, 11, 12, 15, 16, 18—24). Если же учесть, что остальные 9 документов дошли до нас или в дефектных подлинниках или в испорченных копиях, то можно предполагать, что и они первоначально могли содержать подобные сведения. Можно сделать вывод, что называть имена ходатаев и писцов в жалованиях джучидов было общепринятым, и такой порядок имел глубокие корни, в том числе и древние, то есть домонгольские истоки.

В то же время, указывая на количество ярлыков, изданных до 1551 г., допускалась не простая хронологическая условность, а отмечалось то, что обычай писать в конечном протоколе ярлыков имена ходатаев и писцов не встречается со времен свержения Сахиб-Гирая. После него происходит постепенная туркизация крымско-татарского делопроизводства не только в стилистическо-языковом, но также и в структурном отношениях. Следовательно, отказ от традиции называть в жалованных актах имена исполнителей является результатом существенных общественно-политических изменений.

Возможно, что после 1551 г., когда в крымское делопроизводство начинают вторгаться элементы турецкой дипломатики, контроль за выдачей жалований осуществлялся новым способом, например, фиксацией содержания акта и данных об исполнителях в специальных регистрационных книгах, например, в так называемых „казы-аскеровских тетрадях".

Между прочим, изменения в джучидских жалованных актах XVI в., происходившие в результате усиления иноземного влияния, хорошо прослеживаются и во внешнем оформлении ярлыков. Поэтому, сравнивая внешние данные документов различных эпох, можно получить более или менее конкретное представление об основных правилах оформления жалованных актов в джучидских канцеляриях ранних периодов.

2. Внешнее оформление

На внешнее оформление официальных актов, в том числе и жалованных ярлыков, джучидские делопроизводители обращали серьезное внимание. Акты не только содержанием, но и внешней формой должны были напоминать о величии и могуществе правителей. В силу того, что в мусульманских странах каллиграфия превратилась в искусство, покровительство над которым считалось похвальным делом для каждого „просвещенного" монарха, исполнение актов должно было отражать „любовь государя" к искусству. Наконец, художественное исполнение государственных актов соответствовало той роскоши, в которой утопало господствующее сословие.

В Золотой Орде в эпоху ее территориального единства и военно-политического могущества, достигнутого в результате эксплуатации огромной территории и множества народов, было накоплено огромное богатство. А это, в свою очередь, приводило к бурному развитию господствующей культуры. Поэтому, также в силу ориентации на мусульманство, становление и рост городской культуры, яркой и пышной архитектуры, духовной учености и литературы сопровождается, говоря словами Г. А. Федорова-Давыдова, развитием „изысканно тонкого орнамента и каллиграфии" [395, 118].

Естественно, что развитие арабописьменной каллиграфии как искусства не сводилось лишь к настенно-декоративному, эпиграфическому жанрам. Она прежде всего была тесно связана с литературно-деловой письменностью, фиксируемой на бумаге. Языком этой письменности был кыпчакско-огузский литературный язык. „Изнеженность чувств, тонкий аромат цветов, красота женщин воспевались на этом языке, и вместе с тем в этой литературе было много и демократических мотивов, и выражений народных мыслей и мудрости" [395, 118]. Следовательно, каллиграфические достоинства наших ярлыков нельзя рассматривать как чрезвычайные или

спорадические факты. На самом деле мы располагаем лишь незначительной, возможно, и не лучшей, частью того огромного документального комплекса, который существовал и развивался в прошлом. Но все же, сопоставляя и сравнивая документы различных эпох и территорий внутри Джучиева Улуса, можно выявить характерные черты местной делопроизводческой культуры.

Так в чем же заключалось специфическое, одновременно и типическое во внешнем оформлении жалованных ярлыков Джучиева Улуса? Чтобы ответить на этот вопрос, заново перелистаем описания документов и кратко остановимся, классифицируя по видам, на основных признаках их внешнего вида.

В физическом отношении ранние ярлыки, изданные до Сахиб-Гирая (их в подлинниках всего семь: №№ 1, 5, 6, 7, 11, 13, 15), представляют из себя длинные свитки, состоящие из трех-пяти склеенных листов. Ширина этих семи ярлыков колеблется от 24,3 до 30 *см*, то есть средняя ширина их — около 27—28 *см* (при вычислении средней величины необходимо делать поправку на 1—2 *см*, так как края даже лучше сохранившихся свитков изношены, то есть уменьшены в ширине).

Что же касается общей длины, то здесь полной определенности нет, так как иногда склеивались листы разной высоты. Но в целом длина дошедших до нас ранних ярлыков колеблется от 120 до 200 *см*. Правда, имеются некоторые косвенные данные, например, копии ярлыков №№ 2 и 4, свидетельствующие о бóльшей длине: 265 и 475 *см* (при ширине по 23 и 26,3 *см* соответственно). Если признать, что эти копии, составленные в XV—XVI вв., более или менее отражают физические качества протографов, то получается, что при характерной средней ширине, длина ярлыков строго не регламентировалась и зависела от объема текста и почерка. Все же, судя по данным подлинников, ранние ярлыки внутреннего назначения состояли, как правило, из 3—5 склеенных листов и представляли из себя длинные свитки.

Этот вывод полностью подтверждается данными двух хулагуидских жалованных ярлыков начала XIV в. (оба Абу-Саида, 1330 г.), подлинники которых хранятся в Матенадаране [15], а фотокопии, армянские переводы текстов с исследованием опубликованы А. Д. Папазяном [290]. Ярлык № 1011, состоящий из трех склеенных листов длиной 41, 45 и 29 *см* соответственно имеет размеры 21×123 *см*. Первоначально он был более длинным, ибо утеряна небольшая часть в конце. Второй ярлык (1012), потерявший значительную часть в начале, по размерам еще более контрастен: 16×100 *см*. Следовательно, внешность раннечингизидских ярлыков была одинаковой.

Картина несколько меняется при Сахиб-Гирае, который начинает издавать более однотипные по формату ярлыки. Все свитки его подлинных жалований состоят из двух склеенных листов. Ширина удовлетворительно сохранившихся документов колеблется от 27,5 до 29 *см* (№№ 18—19, 21, 23; в ярлыке № 20 поля и часть текста срезаны по вертикали; что же касается его жалования Казанского периода, № 14, то оно более узко — 17,7 *см*).

Эти ярлыки почти однотипны также по длине, составляющей в среднем около 75—85 *см*: максимальная длина 87 *см* (№ 21); длина наиболее коротких — 70 и 61 *см* соответственно (№№ 19, 23, но у них порвана значительная часть сверху). Если учитывать, что все известные в подлинниках и копиях ярлыки этого правителя имеют почти одинаковые по объему тексты, то можно полагать, что и недошедшие ярлыки его имели аналогичные размеры.

Таким образом, и для эпохи Сахиб-Гирая характерны свитки одного типа — узкие по ширине и длинные по высоте. Вместе с тем его ярлыки по формату, повторяющие в несколько укороченном виде прежние акты, являются промежуточными, так как с 1551 г. резко нарушается внешняя однотипность крымских жалований.

Во-первых, акты часто составлялись на простых одинарных листах небольших размеров: № 29—21,5 × 17; № 31—21 × ×30; № 36—21,5 × 21,5; № 37—17,5 × 20 *см* и т. д. Из 19 ярлыков, начиная с Даулят-Гирая, 11 написаны на таких маленьких листах. Во-вторых, и ярлыки, написанные на двух склеенных листах, за некоторым исключением (№№ 26; 41; 42), больше тяготеют по формату к однолистным, ибо сравнительно бóльшая ширина при относительно незначительной высоте создает несколько иное соотношение: № 33—30,9×49; № 35—25,6×51; № 46—32 × 62; № 52—29 × 48,5 *см*.

Итак, формат ярлыков после 1551 г. становится неустойчивым, разнотипным, что свидетельствует о нарушении прежней традиции.

Тексты ярлыков писались на каждом листе свитков не отдельно, а после того, когда все листы, предназначенные для конкретного ярлыка, были склеены и превращались в длинные полотнища, о чем свидетельствует наличие текстов на стыках склеек.

Прежде чем приступить к написанию текста, заготовленные чистые свитки выпрямляли и, положив на ровное место, отгибали с правой стороны узкую полосу по вертикали, шириной от 2—3 до 5—6 пальцев, в зависимости от общего размера и формата свитка. Эта узкая полоса служила полями. Делать поля путем загибания правой стороны свитка было общепринято, другой способ обозначения полей неизвестен.

Это был самый рациональный способ, при нем не было надобности проводить каким-либо красящим веществом ненужные лишние линии, а границы полей получались четкими.

После того, как свиток был полностью готов, писец-каллиграф приступал к своей основной работе — переписке текста. Работал он сидя на земле, положив бумагу на слегка приподнятое правое колено. (В средние века, частично и в новое время, в странах мусульманского Востока писали именно так, о чем свидетельствуют многочисленные миниатюры с изображением сцен из жизни писцов и медресе [126, рис. 54; 260, рис. 13; 296, рис. 20 и 24; 352, рис. 17]. Почти таким же способом, восходящим к античности, писали на Руси: „подъячие держали свои чернильницы с перьями и бумагой в левой руке и на коленке переписывали грамоту набело" [419, 84]).

Следует указать, что в джучидских актах не допускались какие-либо лишние декоративные украшения, встречающиеся в документах других стран, например, в Иране, Турции.

Текст начинался с богословия — инвокации, которая располагалась на самом верху свитка в середине, лишь на один-два пальца отступая от края бумаги. Ввиду того, что в большинстве ярлыков утеряна верхняя часть свитков, мы располагаем лишь незначительным количеством сохранившихся инвокаций (№№ 1, 42, 43, 55). Судя по ним, она писалась или пышно, с применением золота (№ 1), или же просто, мелкими шрифтами.

Следующую строку составлял адресант (выражение „мое, такого-то хана, слово"), он писался со значительным отступом от богословия. В указанных документах — также №№ 18,41 — расстояние между ними колеблется от 12—15 до 20 *см* (примерно также оформлен хулагуидский ярлык 1011 из Матенадарана).

Адресант часто исполнялся крупным шрифтом, каллиграфически, иногда с дополнительными украшениями. В то же время исполнение адресантов ранних ярлыков отличается относительной простотой по сравнению с более поздними, в которых адресант писался в виде тугры — сложной монограммы.

Переход от торжественного, но исполненного все же просто и удобочитаемо адресанта к монограмме полностью произошел после Сахиб-Гирая, хотя и при нем употреблялись упрощенные варианты. Следовательно, применение замысловатой тугры в актах внутреннего назначения также является влиянием османско-турецкого делопроизводства [о тугре см.: 281 и 478]. В целом, как свидетельствуют первоисточники, написание адресанта в виде тугры не было характерно для ранних джучидских актов, ибо особенность уйгурского письма не позволяла этого. Поэтому утверждение С. Закирова, что

тугру „ввели у себя золотоордынские ханы" [172, 132], ошибочно. Тугра была освоена в Крыму лишь во второй половине XVI в., а в XVIII столетии она стала сложной (поэтому в копиях XIX в. адресанты часто расшифрованы ошибочно).

После адресанта опять оставлялось по вертикали чистое место, размером от 10 до 20 *см*. Размер определялся, видимо, визуально, или измерялся пальцами рук — в 4, 8, 12 перстов.

Сам текст писался более мелким шрифтом, чем адресант. Причем первые две-три строки его (если счет вести от инвокации, то третья — четвертая или третья — пятая строки) отступали от границы полей влево на определенное расстояние, в результате эти строки получались короче, чем последующие, и в самом начале основного текста справа образовывалась „форточка" — место для приложения оттиска квадратной тамги. Последующие строки начинались сразу с левой границы полей. Расстояния между строками оставлялись большие, примерно в три—четыре раза больше, чем толщина строки по высоте букв. При этом каллиграфы действовали свободно, лишь на глазок определяя это расстояние.

Многое зависело от характера шрифта; например, при тяжелом, крупном сульсе, расстояния оставлялись значительно больше, чем при мелком, легком дивани. Умелое распределение расстояний между строками, легкое нарушение симметрий по вертикали и горизонтали создавали впечатления индивидуальности, неповторимости каждого ярлыка. Этому же служил подъем концов строк, ибо не только буквы, но и целые фразы, строки как бы „находились" в движении. Последние две-три строки текста иногда не дописывали до края бумаги, ибо здесь также оставляли „форточку" для приложения тамги.

Завершающая часть, то есть исходные данные — дата, место издания, сведения об исполнителях — писались неравными по горизонтали короткими строками. Иногда они писались вертикально по отношению к основному тексту (№№ 18—21). В отдельных случаях исполнители указывались на обороте.

Наконец, написанный полностью ярлык представлялся на утверждение, свидетельством чего было приложение оттисков квадратных печатей — алой и синей тамги. Ярлык становился действительным.

Написанный, утвержденный ярлык свертывали, начиная с конца, в свиток, заворачивая длинное полотнище в трубку. Поэтому начальная часть ярлыка, содержащая богословие адресант и первые строки основного текста, образовывал верхние слои свитка, что и стало основной причиной изношенности, утерянности начала подавляющего большинства жалований. Правда, в канцеляриях джучидов иногда к верхней части важных актов приклеивали кусок сафьяновой

кожи, которая, складываясь в трубку, служила прочным футляром для документа. Такие футляры имеют, например, послание Улуг-Мухаммада [468, 6] и ярлык турецкого султана Мехмеда II, составленный по правилам чингизидовских актов [472, 286]. Однако утверждение А. П. Григорьева, что „ко всем" джучидским ярлыкам „приклеивался кусок выделанной кожи" [152а, 155—156], не подтверждается данными подлинников.

Для удобства хранения ярлыка в ханском диване, до вручения его держателю, на обороте начальной части свитка иногда обозначали имена основного исполнителя, секретаря и будущего владельца жалования (№ 19). В других случаях (№№ 11, 15) такие сведения содержались на обороте последней части свитка.

Можно представить то впечатление, которое производило первое знакомство с только что изготовленным и на высочайшем уровне утвержденным жалованием. При глухом хрусте новой бумаги медленно разворачивались верхние слои свитка; за торжественной, таинственной для многих инвокацией небольшая пауза — следует чистое место; затем, как голос монарха, звучит краткий, категорично властный адресант — волеизлияние самодержца; снова предупреждающая пауза; а за ней равномерное перечисление всех правителей туменов, военачальников, князей, духовных предводителей, чиновников, блюстителей порядка...; вот имя держателя ярлыка, его привилегии и права... А живо исполненные буквы все двигаются и двигаются равномерной поступью, временами подымаясь вверх, как бы стремясь в „благодатное будущее", двигаются и стройные, торжественно-легкие строки... Диван молчит; слушает, стоя на коленях и думая о будущем, счастливый держатель жалования...

Так оформлялись „благословенные" жалованные ярлыки, которые под пером талантливых писцов-каллиграфов, умело сочетавших стандартное с разово-неповторимым, казенщину с художественностью, превращались иногда в подлинные произведения искусства.

Так создавались грозные юридические акты, бывшие не только свидетелями, но и непосредственными соучастниками благополучия, роскоши одних, страдания и нищеты других и... большинства.

* * *

Близкое знакомство с обширным кругом жалованных ярлыков Джучиева Улуса показало, что проблемы палеографии тюрко-татарских актов, в связи с ними и вопросы лингвографической ситуации, представляют из себя сложное явление.

Письменная культура Джучиева Улуса сложилась из различных компонентов; из них ведущее значение имели следующие три тюркских начала: уйгуро-караханидская традиция; письменная культура оседлых регионов, входивших в состав Улуса, и, наконец, кыпчако-огузский языковой субстрат. Плюс ко всему этому немаловажное значение имел дальневосточный компонент, сыгравший существенную роль при сложении самой Монгольской империи, от которой отпочковался Джучиев Улус. Именно в результате скрещивания этих начал в XIII—XIV вв. сложилась литературно-делопроизводственная культура Джучиева Улуса.

Естественно, что официальное делопроизводство эпохи джучидов нельзя рассматривать в отрыве от таковых других мусульманских стран, например, Египта, Ирана, Чагатайского Улуса, Турции, ибо эти различные школы развивались не только синхронно, но и взаимовлияя, взаимообогащаясь.

Однако, констатируя многокомпонентность тюрко-татарского делопроизводства в истоках, не следует делать крайний вывод, распространяя эту особенность на все времена. Оно было синкретичным в период становления, но оно приобрело относительную самостоятельность, свое индивидуальное лицо в процессе развития. Между прочим, развитие джучидского делопроизводства — части духовно-административной культуры господствующего класса — находит некоторую аналогию и в развитии материальной культуры этой страны. Например, в новейшем исследовании Г. А. Федорова-Давыдова по археологии и искусству изучаемого региона читаем: „Долгое время предполагалось, что в золотоордынских городах не было своего производства высокохудожественной керамики. Но при раскопках мастерских в Сарае и Новом Сарае были найдены отходы производства почти всех видов поливной посуды... Это доказывает, что в золотоордынских городах было мощное художественное ремесло, в том числе и керамическое производство". Как продолжает далее тот же исследователь, здесь „на основе традиций и элементов, пришедших из Ирана, Кавказа, Средней Азии и в какой-то степени свойственных вообще мусульманскому художественному керамическому ремеслу, в сочетании с заимствованием у Византии, Крыма и т. п., происходит выработка своего стиля художественной керамики" [395, 125 и 128].

Подобную же картину — картину становления самобытной, самостоятельной канцелярской традиции в процессе внутреннего развития — мы наблюдаем и в официальном делопроизводстве. И это вполне естественно В противном случае пришлось бы отрицать возможность взаимообогащения, взаимопроникновения ряда культур и на этой базе образования новой, сравнительно молодой. А вообще, если быть последовательным, возможно ли было в средневековье — в эпоху заверше-

ния этнического обособления народов — сложение и развитие духовно-материальной культуры крупной, многонациональной империи лишь на одной этнической базе? Следовательно, отмеченный нами синкретизм истоков тюрко-татарского делопроизводства явление вполне закономерное.

III. СФРАГИСТИКА

Одной из наиболее слабо разработанных областей тюркотатарского актового источниковедения являются вопросы сфрагистики. Хотя первые образцы квадратных тамг и перстневых печатей джучидов были изданы еще в XIX в. [154; 250 и 431], позднее прибавились к ним новые материалы [124; 436 и 468], изучение их не продвинулось дальше элементарной расшифровки, перевода печатных легенд и некоторых априорных замечаний относительно их функции, формы и содержания. И это вполне объяснимо, так как для всестороннего анализа и теоретических выводов явно не хватало материала.

В настоящее время источниковая база джучидской сфрагистики несколько обогатилась. Например, если до сих пор были известны подлинные изображения пяти—шести удостоверительных знаков, то ныне мы располагаем оттисками более двадцати пяти различных тамг и печатей (за единицу принимается каждый самостоятельный знак, а не новые оттиски одной и той же печати). Если добавить к ним отдельные фрагменты печатных легенд, сохранившиеся в поздних копиях (№№ 3, 17, 24, 25, 27, 39, 40, 48 и 57) и сведения корроборационных формул — текстовых удостоверений самих ярлыков, то материал становится еще более значительным. Следовательно, создаются реальные условия для анализа формы и содержания официальных удостоверительных знаков и осмысления функции и назначения каждой разновидности их.

Глава первая

ХАРАКТЕРИСТИКА УДОСТОВЕРИТЕЛЬНЫХ ЗНАКОВ

Удостоверительными знаками для официальных актов у джучидов, как и у других чингизидов, служили специальные печати — большие или маленькие тамги квадратной формы, а позднее, наравне с ними, перстневые печати миндалевидной формы.

В настоящее время в нашем распоряжении имеется значительное количество оттисков квадратных тамг и перстневых печатей XIV—XVI вв., хотя общее число сохранившихся, но еще не выявленных печатей может быть значительно больше. Ниже дается перечень известных мне по подлинным оттискам или факсимильным фотопубликациям удостоверительных знаков, указывается дата документа, содержащего данный оттиск; количество оттисков, цвет и размеры их. Легенды, то есть надписи квадратных тамг на языке оригинала, также фотокопии образцов печатей выносятся в специальные таблицы [табл. X — XII], а несложные тексты перстневых печатей даются только при перечне в переводах. Причем, руководствуясь принципом „от легкого к более сложному", начнем с описания и анализа перстневых печатей.

1. Перстневые печати

Все известные ныне оттиски перстневых печатей джучидов XVI в., также и более поздних времен, имеют почти стандартную миндалевидную форму [см. табл. X] и черный цвет, полученный путем копчения металлической матрицы на огне. В этом отношении они похожи на русские „копченые" печати более поздних времен [177 и 191, 47]. Они особо не различаются между собой по размерам, почти стандартны их надписи, состоящие из имени и отчества владельца (имеется только одно отклонение), а также гербового знака дома Гираев — трезубца (далее — трз.). Наконец, примечательно и то, что здесь, наравне с ханскими, представлены и султанские удостоверительные знаки.

Ниже дается перечень перстневых печатей.

1. „Саадат-Гирай-хан бин Менгли-Гирай-хан, (трз.)", 1524, 1,7×1,9 *см*; 1 отт., в ярлыке № 15.

2. „Даулят-Гирай-хан бин Мубарак-Гирай-султан бин Менгли-Гирай-хан, (трз.)", 1573, 1,5×1,8 *см*; 2 отт., №№ 29, 35.

3. „Мухаммад-Гирай-султан [II] бин Даулят-Гирай-хан", 1576, 1,8×2 *см*; 1 отт., № 31.

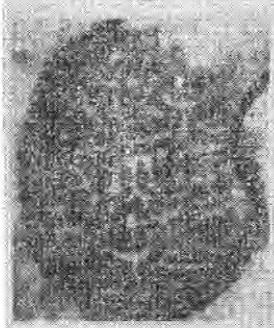
4. „Мухаммад-Гирай-хан [II] бин Даулят-Гирай-хан (трз.)", 1577—1582, 1,7×2; 6 отт., №№ 36, 37, 41—43, 46.

5. „Михри-султан... (?)", 1588, 1,7×2; 1 отт., № 51.

6. „Газы-Гирай-хан бин Даулят-Гирай-хан, (трз.)", 1589—1597, 1,7×2; 6 отт., №№ 52—56, 60.

Кроме этих четырех ханских и двух султанских печатей, представленных в подлинных оттисках, также повторенных копиями-прорисями (№№ 25, 27, 30, 39, 40), в изучаемых документах имеются копии еще трех подобных знаков: „Адиль-Гирай-султан бин Даулят-Гирай-хан" (№ 28), „Ислам-Гирай-

а

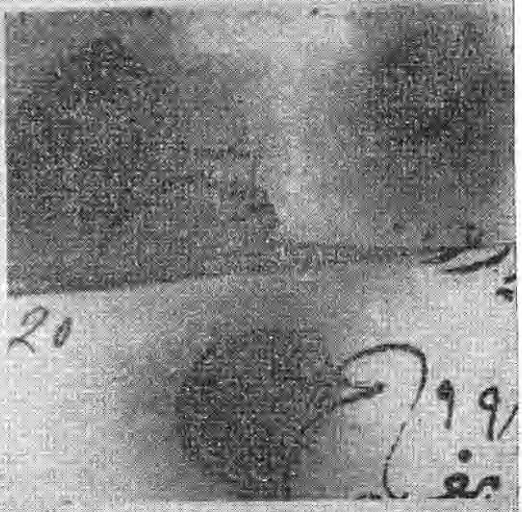


б

в

г

д



е

хан бин Даулят-Гирай-хан" (№ 48), „Фатх-Гирай-султан бин Даулят-Гирай-хан (№ 57), в них имена и отчества расшифрованы правильно.

Судя по прорисям, почти аналогичную форму и содержание имели перстневые печати и других крымских ханов и султанов, они в большом количестве опубликованы Х. Фаизхановым [250]. Оттиски более поздних Гираев, просмотренные мною в Ленинграде, Симферополе, также не отличаются от вышеописанных образцов.

Текстовое содержание ханских печатей, за одним исключением (печати Даулят-Гирая), состоит из двух компонентов: имени, отчества владельца с постоянными титулами, „хан" или „султан", и тамги-трезубца.

Что касается отмеченного исключения, то здесь первый компонент — имя, отчество хана — дан в более развернутом виде, то есть с добавлением к нему имени и постоянного титула деда. Это объясняется тем, что отец Даулят-Гирая Мубарак был лишь султаном, то есть нецарствовавшим джучидом, а Дауляту, узурпировавшему власть у Сахиб-Гирая, необходимо было указать на свою прямую связь с Менгли-Гираем, отцом того же Сахиба.

Большинство перстневых печатей отличается простотой, ясностью, даже определенной изящностью, свидетельствующими об опытности мастера-резчика. Поле щитка оставляли ровным, а слова и знаки вырезали плавными тонкими чертами, поэтому текст получался белым на черном фоне (мне пока известен лишь один случай, когда фон оказался светлым, а текст — черным, это ярлык Салямат-Гирая I 1609 г. [33, Т327]). Обычно миндалевидный щиток разделялся по горизонтали на две равные части — верхнюю с обостренной верхушкой и нижнюю, представляющую из себя правильный полукруг. Имя владельца, постоянный титул „хан" помещались в верхней части, причем на самом верху располагался титул. Второй компонент имени, то есть „Гирай", удлиненный по горизонтали и снабженный орнаментальным украшением, служил естественным разделителем щитка на две отмеченные половины. Ниже этого разделителя, в середине, помещался родовой знак Гираев — трезубец, направленный „ножками" вниз; под ним писалось отчество владельца печати.

Буквы и слова, как правило, исполнялись не очень сложной вязью; хотя отдельные знаки пересекались, иногда даже переплетались меж собою, надпись легко поддавалась чтению. Крупные черные пятна фона украшались небольшими изящными розетками, кружками. Общий фон щитка обводился одной или двумя тонкими линиями-ободками, повторяющими его очертания.

Исключение по оформлению составляет лишь вышеотмеченная печать Даулят-Гирая, где из-за бóльшего объема текста буквы исполнены мельче, слова скомпанованы плотнее. Вообще эта печать не отличается художественными достоинствами [табл. X, б].

На технологии изготовления перстневых печатей нет необходимости останавливаться, так как она является объектом ювелирного искусства, а не сфрагистики.

Интерес вызывает вышеназванный орнамент в слове „Гирай". Его постоянное присутствие в печатях до и после Даулят-Гирая (например, у Мухаммад-Гирая II, Газы-Гирая II) может создать впечатление, что это один из обязательных элементов ханской печати, сопрождающих „августейшее имя". Однако его почти систематическое отсутствие в печатях Гираев XVII—XVIII вв. заставляет отказаться от подобного предположения. К тому же употребление этого мотива в монетах других джучидов, не связанных с крымским престолом [247, 455; 322, №№ 29, 68, 72, 75; 403, табл. I—XIII], в прикладном искусстве волжских булгар IX—XIV вв., например, во внешнем украшении сфероконусов, казанских татар более поздних времен — в орнаментации надгробий, вышивок и архитектурных сооружений [119, табл. 12, 15, 31 и рис. 96], далее в русских печатях XVII в. [177, табл. XI, XIII], наконец, его полное отсутствие в квадратных тамгах джучидов говорят в пользу того, что перед нами обыкновенное орнаментальное украшение, а не специальный знак.

В султанских перстневых печатях, в отличие от ханских, нет тамги-трезубца, о чем говорят не только оттиски печатей изучаемых ярлыков (№№ 31, 51), но также многочисленные расшифровки-прориси у Х. Фаизханова, который систематически указывал на наличие или отсутствие трезубца [250]. Что же касается внешней формы, то здесь других ярковыраженных различий нет. Из этого видно, что различие ханских и султанских перстневых печатей заключается лишь в наличии или отсутствии трезубца.

Таковы внешний вид и содержание перстневых печатей Гираев; и не только их, однако об этом речь будет ниже.

В целом, как видно из этого анализа, перстневые печати отличаются небольшими и устойчивыми размерами, особой формой и лаконичными надписями, легко поддающимися расшифровке и осмыслению.

2. Квадратные тамги

В отличие от перстневых печатей эта разновидность удостоверительных знаков имеет крупные размеры, форму почти правильного квадрата, внутри которого расположены надписи разнообразного и сложного характера. Известные пока в

оттисках квадратные тамги джучидов следующие (описанные по публикациям тамги оговорены):

1. **Токтамыш,** 1392, 2 отт., алая, 12×12, ярлык № 1. Надпись: „Во имя Аллаха милостивого и милосердного. Нет божества кроме Аллаха и Мухаммад его пророк — да благословит его Аллах и приветствует!

(...?) государь (султан) справедливый Токтамыш" [табл. XI, а].

2. **Он же,** 1393, 1 отт., золотая, 6,3×6,6. Надпись: та же, что в предыдущей, но без сомнительных (нерасшифрованных) знаков до слова „государь" [431, факсимиле].

3. **Улуг-Мухаммад,** 1428; 5 отт., золотая, 6×6. Надпись: „Нет божества кроме Аллаха и Мухаммад его пророк.

Кто правосудит, тот царствует, и кто угнетает, тот гибнет.

Государь справедливый Мухаммад-хан. Трз". [468,7 и 15, фотокопия; табл. XI, б].

3а. **Он же,** 1420, 1 отт., алая, размеры — ?, ярлык № 3. Надпись (фрагмент по прочтению И. Н. Березина):

„Во имя Аллаха милостивого и милосердного. Нет божества кроме Аллаха и Мухаммад его пророк"... [Далее Березин]: „родовая тамга (трезубец) крымских ханов..., стих из Алкорана, но имени хана не поставлено" (то есть не прочтено — *М. У.*).

4. **Хаджи-Гирай,** 1459, 3 отт., алая, 12,5×12,5, № 5 (еще 4 отт., в № 6, 3 отт.— в № 15). Надпись:

„Во имя Аллаха милостивого и милосердного. Нет божества кроме Аллаха и Мухаммад его пророк.

Скажи: О аллах, ты обладатель царства и даруешь власть тому, кому пожелаешь.

Государь Хаджи-Гирай-хан. Трз." [табл. XI, в].

5. **Махмуд,** 1466, 3 отт., черная (синяя?), 6×6. Надпись: „(Богословие такое же, как в тамге № 4).

Благополучный конец!

Государь Махмуд-хан бин Мухаммад-хан, бин Тимур-хан— да увековечит Аллах его царство и не погубит его благо!" [468, 43, фото].

6. **Ибрагим,** XV (XVII) в., 1 отт., синяя (?), 5×5, № 9. Надпись:

„Нет божества кроме Аллаха и Мухаммад его пророк (дважды — *М. У.*).

Великий государь, слава ми[ра и веры] Ибрагим-хан — да увековечит Аллах его царство и усилит его власть!" [табл. XI, г].

7. **Менгли-Гирай,** 1485, 3 отт., синяя, 6×6, № 11. Надпись:

„(Богословие такое же, как в тамге № 4).

Великий государь, хакан (царь царей) Менгли-Гирай-хан бин Хаджи-Гирай-хан. Трз."

8. **Он же,** 1469—1476, 4 отт. в трех посланиях, синяя, 5,7×5,7. Надпись соответствует предыдущей [468, 83 и 87 и 94—95; табл. XI, е].

9. **Мухаммад-Гирай I,** 1515, 1 отт., синяя, 6,3×6,3, № 13. Надпись:

„(Богословие такое же, как в тамге № 4).

Великий государь, благороднейший хакан (царь царей) Мухаммад-Гирай-хан бин Менгли-Гирай-хан — да возвеличит [Аллах] победу его! Трз." [табл. XI, ж].

Прорись по другому документу опубликована Х. Фаизхановым [250, № 1].

10. **Сахиб-Гирай,** Казань, 1523, 1 отт., алая, 13,5×13.5, № 4. Надпись:

„(Богословие такое же, как в тамге № 4, но вторая формула его повторена трижды).

Великий государь, слава мира и веры, победоносный и отважный Сахиб-Гирай-хан — да увековечит Аллах его царство и усилит его власть!" [фото: 125].

11. **Сахиб-Гирай,** Крым, 1549-1550, 5 отт., алая, 8,7×8,7, №№ 18—21, 23. Надпись:

„(Богословие такое же, как в тамге № 4).

Великий государь Сахиб-Гирай-хан бин Менгли-Гирай-хан бин Хаджи-Гирай-хан. Трз."

12. **Он же,** 1549—1550, 5 отт., синяя, 5,7×5,7, там же. Надпись аналогична предыдущей [табл. XI, з].

13. **Даулят-Гирай I,** 1557, 1 отт., алая, 10,5×10,5, № 26. Надпись:

„(Богословия нет).

Даулят-Гирай-хан бин Мубарак-Гирай бин Менгли-Гирай-хан бин Хаджи-Гирай-хан хакани. Трз."

14. **Он же,** 1557, 1 отт., синяя, 6,5×6,5, там же. Надпись:

„(Богословие такое же, как в тамге № 4).

Воинственный Даулят-Гирай-хан бин Мубарак-Гирай бин Менгли-Гирай-хан бин Хаджи-Гирай-хан. Трз." [табл. XI, и].

15. **Он же,** 1576—1577, 2 отт., алая, 8×8, №№ 33, 35. Надпись:

„(Богословие такое же, как в тамге № 4).

Даулят-Гирай-хан бин Мубарак-Гирай-султан бин Менгли-Гирай-хан бин Хаджи-Гирай-хан — да возвеличит его Аллах и увековечит! Трз." [табл. XI, й].

16. **Он же,** 1576—1577, 2 отт., синяя, 6,2×6,2, там же. Надпись отличается от предыдущей лишь дополнительным эпитетом „великий государь" перед именем хана.

17. **Мухаммад-Гирай II,** 1578—1588, 5 отт., алая, 7,8×7,8, №№ 41—43, 45,46. Надпись:

„(Богословие такое же, как в тамге № 4).

Мухаммад-Гирай-хан бин Даулят-Гирай-хан бин Мубарак-Гирай-султан бин Менгли-Гирай-хан — да возвеличит его Аллах и увековечит! Трз.“ [табл. XI, к].

18. **Он же,** тогда же, 5 отт., синяя, 6×6, там же. Надпись аналогична предыдущей.

19. **Газы-Гирай II,** 1589—1590, 2 отт., алая, 5,7×5,7, №№ 52—53. Надпись неразборчива; изображение обратное; есть Трз.

20. **Он же,** тогда же, 2 отт., синяя, 5,7×5,7, там же. Надпись (изображение обратное, читается не полностью):

„(Богословие такое же, как в тамге № 4).

Газы-Гирай-хан бин Даулят-Гирай-хан бин Мубарак-Гирай-султан... Трз.“ [табл. XI, л].

Читаются надписи квадратных тамг, начиная с правого угла верхней внешней рамки налево, против хода часовой стрелки, что связано с особенностью арабского письма. У левого верхнего угла надпись поворачивает вниз и, дойдя до нижнего, снова поворачивает в сторону правого угла, от которого она подымается вверх — замыкается внешняя текстовая рамка, находящаяся внутри наружной линейной рамки. Остаток текста, дойдя до левого верхнего угла, снова резко поворачивает вниз, а затем повторяет только что пройденный путь, тем самым образовывая новую, но меньшую текстовую рамку, отделенную иногда от внешнего текста дополнительными линиями, дающими вторую линейную рамку меньшего размера [табл. XI, а, б, д]. В тех же тамгах, в которых нет такой специальной второй рамки, границы между надписями отмечены просветами [там же: в, з, и].

Герб-трезубец, если он имеется, располагается в центре тамги в специальном небольшом прямоугольнике. По отношению к началу текста он поставлен на „ножки“, что и является его правильным расположением [табл. XI, б, в, з], хотя имеются и отклонения, характерные для тамг периода упадка и деградации золотоордынского делопроизводства [там же, л].

Расположение надписи из внутренней текстовой рамки вокруг герба-трезубца или же геометрического центра тамги характерно в основном для крымских квадратных печатей. Так же оформлена тамга золотоордынского Улуг-Мухаммада [табл. XI, б]. Однако у Токтамыша, казанских ханов Ибрагима, Сахиб-Гирая и астраханского Махмуда [д] буквы и слова во внутренних рамках расположены не „по кругу“, а горизонтально относительно начала текста. Поэтому можно полагать, что наиболее ранней формой написания внутренней части текста было его горизонтальное расположение. Оформление же внутренней текстовой рамки „по кругу“ связано, видимо, с нововведением — изображением трезубца на тамгах, о чем говорит и печать Улуг-Мухаммада. Следователь-

но, характерной и архаичной формой джучидских квадратных тамг была „однорамочная".

По корроборационным данным самих жалованных ярлыков, тамги могли иметь три цвета — алый, золотой и синий, согласно которым они официально назывались алой, золотой и синей тамгами (соответственно *ал тамга, алтун тамга, көк тамга*). Сохранившиеся оттиски, если не иметь в виду различия оттенков, соответствуют текстовым удостоверениям. Исключение составляет яркофисташковый цвет тамги Ибрагима. Думается, что в утерянном подлиннике был другой цвет, возможно, синий, а здесь мы имеем дело с неудачным, изменившимся составом краски XVII в. (в текстовом удостоверении цвет не назван).

В цветовом отношении особняком стоят удостоверительные знаки некоторых посланий, например, Токтамыша к польскому королю Ягайло [431], Улуг-Мухаммада к султану Мураду, имеющие ярко выраженный золотистый оттенок, и Махмуда с черным цветом, но с несколько зеленоватым оттенком [468, 7 и 37], на чем специально остановимся ниже.

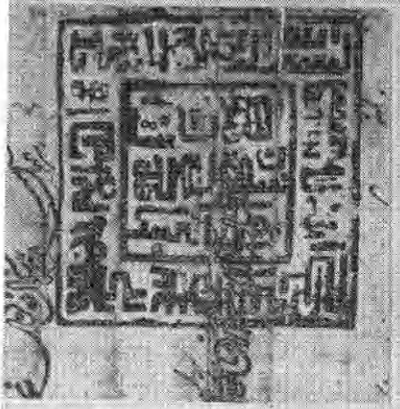
По типу и составу краски квадратные тамги относятся к так называемым „жирным" [193, 117—118], они были в обиходе у средневековых монголов, заимствовавших такие краски, безусловно, у китайцев, употреблявших их как в древности, так и позднее.

Хорошие, устойчивые оттиски большинства алых тамг, прежде всего ранних, свидетельствуют о том, что в Джучиевом Улусе и его ханствах умели получать качественные жирные краски такого цвета. Этого нельзя сказать относительно синих, так как здесь неустойчивы не только оттенки, но различны и составы их; в некоторых вместо чистого оттиска представлены неровные слепки липкой массы грязно-синего оттенка.

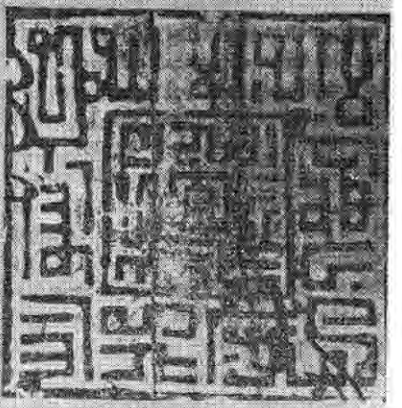
В тамгах, как и в перстневых печатях, вырезали фон, оставляя буквы или линии квадратных рамок рельефными, поэтому сами тексты получались на белом фоне. Исключение составляет тамга Мухаммад-Гирая I, в которой, наоборот, фон давал оттиск. Вообще эта печать отличается небрежностью в исполнении письма, компановке текста в целом [табл. XI, ж].

В отличие от перстневых печатей — их изготовляли, безусловно, из драгоценных металлов, иногда в сочетании с благородными камнями с гравировкой,— о материале квадратных тамг джучидов мы не располагаем сведениями. Возможно, что матрицы отдельных тамг, особенно во время могущества империи, отливались из драгоценных металлов; могли использоваться различные благородные камни, например, яшма. Дело в том, что в государстве хулагуидов были в обиходе различной величины тамги с определенным назначением:

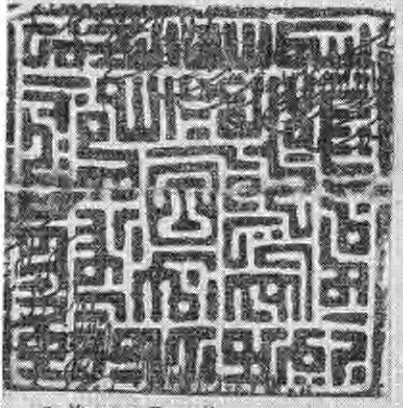
Таблица XI, начало



а. Токтамыш; алая.



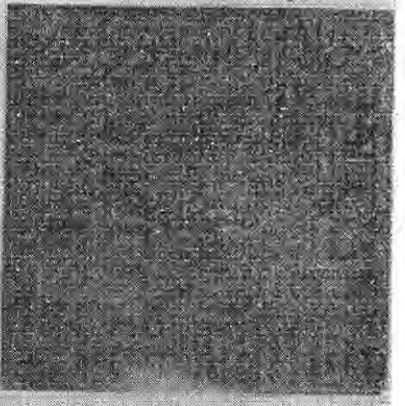
б. Улуг-Мухаммед; золотая.



в. Хаджи-Гирай; алая.

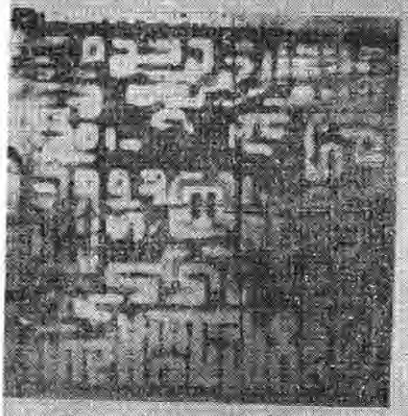
г. Ибрагим; синяя (?).

д. Махмуд; черная (?).

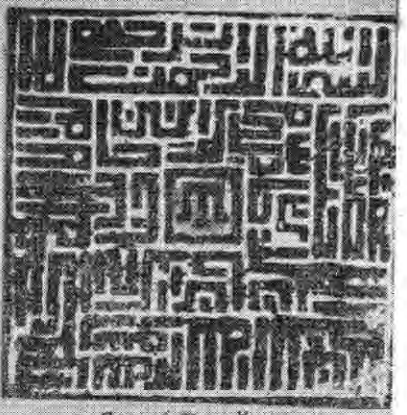


е. Менгли-Гирай; синяя.

Таблица XI, продолжение.

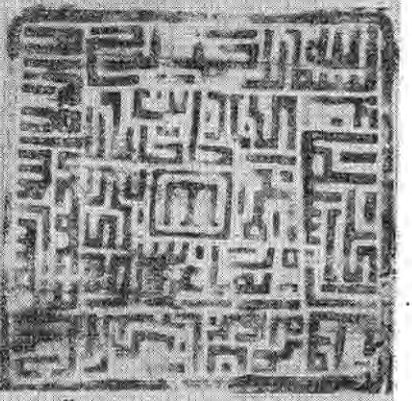


ж.Мухамiад-ГирайI;синяя.

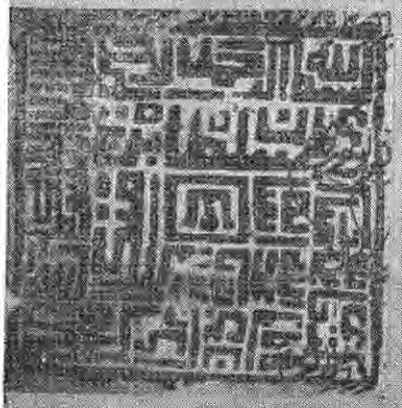


з.Сахиб-Гирай;алая.

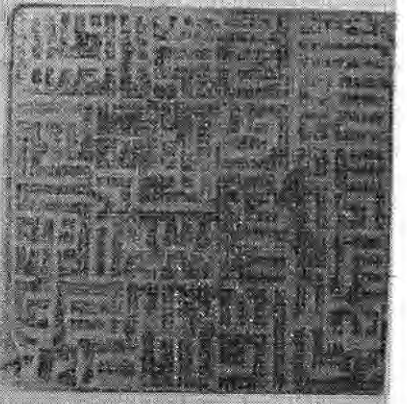
и.Даулят-ГирайI; синяя.



й.Даулят-ГирайI; алая.



к.Мухаммад-ГирайII;алая.



л.Гази-ГирайII; синяя.

большая и малая золотые тамги, большая и малая тамги из яшмы. Согласно Рашид ад-дину, каждая из них имела строгое назначение: одни для удостоверения жалований крупным светским вельможам, другие — духовным лицам, третьи — для военных, административных распоряжений и т. д. [319, 285]. Вполне допустимо, что и в Джучиевом Улусе материал тамги соответствовал их назначению. Об этом, возможно, свидетельствуют такие факты: если ярлык-послание Токтамыша к Ягайло 1393 г., согласно текстовому удостоверению, был заверен золотым нишаном (*алтун нишанлык; нишан* в ярлыках — синоним тамги), чему соответствовал и золоченый оттиск, то его жалование 1392 г. феодалу Бек-Хаджию удостоверяется алой тамгой (*ал тамгалык* — № 1).

Разумеется, что эти два акта имели личное назначение, они адресованы были лицам, находившимся на разных ступенях социальной иерархии. Следовательно, можно полагать, что в вышеназванных корроборациях, прежде всего в ярлыке-послании к Ягайло, цвет может говорить и о материале.

К сожалению, в самих жалованиях нет конкретных сведений о материале тамги — в этом не было и надобности. Поэтому можно допустить, что материал, из которого делались тамги, предназначенные для жалованных ярлыков, не был строго определен, ибо важнее были не особенности матриц, а цвет оттисков.

Иногда, в особенности после распада империи, в качестве материала для больших печатей могли служить и недрагоценные металлы, мрамор, кость, даже дерево. В отличие от перстневых печатей, оттиски которых получались лишь в результате копчения на огне, матрицы квадратных тамг не подвергались такой термической обработке — достаточно было их просто „макать" в краситель и прилагать к бумаге. Естественно, что здесь высказаны предположения: так могли поступать в более поздние времена. Скорее всего материал матриц имел и престижное значение, поэтому его выбор определялся не только резчиком.

Сложным, не вполне ясным вопросом является также технология изготовления матриц, что вполне естественно ввиду отсутствия их подлинников. Однако его решение имеет определенное значение. Если матрица была каменной, то достаточно было вырезать на ровно отшлифованном фоне тексты в обратном изображении, предварительно написав их на камне. С костью, деревом поступали аналогично. Если же тамга изготовлялась из металла, то процесс ее изготовления приобретал трехступенчатый характер: изготовление „болванки" из относительно мягкого материала (глины, дерева) с обратным изображением надписи, получение формы по „болванке" и, наконец, отливка матрицы в форме. В связи с этим возникает вопрос: не являются ли тамги Газы-Гирая II с обрат-

ными изображениями результатом сведéния трехступенчатого процесса к одноступенчатому, то есть употребления болванки вместо неотлитой матрицы?

Джучидские квадратные тамги весьма своеобразны в палеографическом отношении. В отличие от надписей на подобных печатях других чингизидов, например, ильханов применявших уйгуро-монгольский шрифт или обычные стили арабского письма, также среднеазиатского правителя Абу-Саида [см.: 468, 128], все они исполнены угловатым крупным почерком куфи — одним из средневековых арабских монументальных почерков [образцы см.: 221].

Относительно особенностей происхождения и развития почерка куфи в джучидских тамгах имеется лишь замечание В. В. Григорьева. Он, например, правильно подметив, что „прообразом" для них служили китайские печати квадратной формы с письмом „чжуань", пишет: стремясь добиться сходства с ними в Джучиевом Улусе „произвели ... новый вид куфического письма, встречающийся только на этих монголо-татарских печатях" [154, 343].

В справедливости выводов В. В. Григорьева можно убедиться, сравнив начертания знаков, слов в джучидских тамгах с другими образцами куфи. Поэтому правильнее было бы эту разновидность куфи восточноевропейского происхождения в целом (кроме печатей подобные надписи содержат монеты, эпитафии Булгара, архитектурная эпиграфика Поволжья, Приуралья и Крыма) назвать **золотоордынско-тюркским куфи,** что необходимо для отличия его от подобных стилей Средней Азии, Кавказа, Ирана, Аравии и т. д.

Естественно, что по качеству и технике исполнения письма не все тамги находятся на одинаковом уровне. Одни из них, преимущественно ранние, весьма строги, ясны, начертания букв выдержаны в одном стиле [табл. XI, б, в, д, з], другие, поздние, наоборот, небрежны, неустойчивы [там же: ж, й, к, л]. Однако во всех из них (исключение—тамга Ибрагима) типы знаков, их лигатура почти одинаковы. Это еще раз свидетельствует о справедливости вывода о самобытности золотоордынско-тюркского куфи.

Что же касается небрежности письма поздних тамг, то это объясняется не только личными качествами мастера-резчика или художника-каллиграфа, но и общим состоянием джучидского делопроизводства, которое, начиная с середины XVI в., переживало период кризиса.

Однако, если первые признаки этого застоя в оформлении документов приходятся на время Даулят-Гирая I, когда начинается засилие османско-турецкого языка во внутреннем делопроизводстве, то симптомы его в области печатей прослеживаются несколько ранее, о чем свидетельствует применение ханами удостоверительных знаков своих предшествен-

ников (см. оп. №№ 6, 15), что можно объяснить трудностями изготовления квадратной тамги для только что коронованных правителей. О том же говорит и качество тамги Мухаммад-Гирая I, которая является образцом небрежности в техническом, каллиграфическом отношениях.

Полный развал традиции изготовления и употребления квадратных тамг падает на конец XVI в., когда Газы-Гирай II, коронованный в 1588 г., заверял свои ярлыки тамгами не только плохого качества по изготовлению, но и неправильными по изображению. Если не учитывать отдельных спорных фактов (например, упоминания „красного нишана и синей печати" в корроборации ярлыка Салямат-Гирая 1608 г., текст которого известен лишь по копии [32, лл. 14—15; 339,66]), Газы-Гирай был последним правителем, заверявшим некоторые свои ярлыки цветными тамгами. После него начинается торжественное шествие перстневых печатей, которые, в отличие от квадратных тамг, судя по качеству оттисков, продолжают процветать.

Сложными являются и надписи квадратных тамг. Для удобства анализа рассмотрим их по частям, разбив, с учетом смысловой нагрузки, на компоненты, обозначая каждый из них специальной литерой: *а* — богословие „басмалла", *б* — богословие „ташаххуд", *в* — девиз, *г* — эпитет, *д* — интитуляция, то есть имя владельца с постоянными титулами, *е* — самоблагословление, *ж* — родовой герб владельца тамги. При таком делении, как видно из таблицы XII, получается наглядная картина, дающая ясное представление об особенностях надписей каждой тамги или группы их.

Богословие (а, б). Может показаться несколько странным разделение богословия (в данном случае печатной инвокации) на две самостоятельных части. Однако, при учете того обстоятельства, что если богословие-басмалла (а) — „во имя Аллаха милостивого и милосердного" — является общемусульманским каноническим лозунгом, то богословие-ташаххуд (б) — „нет божества кроме Аллаха и Мухаммад его пророк" — является специальным лозунгом одного толка ислама, суннизма, его отвергали последователи шиизма [о них см.: 248 и 299]. Следовательно, для джучидов, при которых происходило утверждение ислама суннитского толка в Евразии, применение этого лозунга имело принципиальное значение.

Достойно внимания употребление ташаххуда в тамге Токтамыша с формулой величания Мухаммада: "... — да благословит его Аллах и приветствует" [табл. XII, № 1]. Возможно, что такая формула содержалась в тамгах и других ранних правителей.

Характерно также то, что если иногда опускалась басмалла, например, у Улуг-Мухаммада [табл. XII, № 3], то

Таблица XII, начало

Надписи тамг, N знаков, цвета.	чей ярлык	Надписи тамг, N знаков, цвета.	чей ярлык
№1,2 а بسم الله الرحمن الرحيم б لا اله الا الله محمد رسول الله б₁ صلى الله عليه وسلم в —— г ... السلطان العادل д توقتاميش е —— алая и золотая ж ——	Токтамыш, №1, и по Березину.	№3 а —— б ташаххуд в من عدل ملك و ظلم هلك г السلطان العادل д محمد خان е —— ж синяя	Улуг-Мухаммад, по Курату.
№4 а басмалла б ташаххуд в قل اللهم مالك الملك توءتى الملكه من تشاء г السلطان д حاجى كراى حان е —— алая ж	Хаджи-Гирай, №5,6,15.	№5 а басмалла б ташаххуд в عاقبت خير г السلطان д محمود خان (д₁) بن محمد خان (д₂) بن تيمور خان е خلد الله ملكه لا هلك خيره черная (?) ж ——	Махмуд, по Курату.
№6 а —— б ташаххуд (дважды) в —— г السلطا[ن] الاعظم عز الد[نيا] д ابراهيم خان е خلد الله ملكه وايد سلطنته ж —— синяя (?)	Ибрагим, № 9, копия.	№7,8 а басмалла б ташаххуд в —— г السلطان الاعظم الخاقان д منكلى كراى خان (д₂) بن حاجى كراى خان е —— синяя ж	Менгли-Гирай, №11 и по Курату.
№9 а басмалла б ташаххуд в —— г السلطان الاعظم الخاقان الاكرم д محمد كراى خان (д₁) بن منكلى كراى خان е اعز نصره синяя ж	Мухаммад-Гирай I, №13 и по Фаизханову.	№10 а басмалла б ташаххуд (трижды) в —— г السلطان الاعظم عز الدنيا و الدين ابو المظفر д صاحب كراى بهادر خان е خلد الله ملكه وايد سلطنته алая ж ——	Сахиб-Гирай, № 14, казанский период.

Таблица XII, продолжение

Надписи тамг знаков, цвета.			чей ярлык
№11,12	басмалла	а	Сахиб-Гирай, Крым, №18-21,23.
	ташаххуд	б	
	——	в	
	السلطان الاعظم	г	
	صاحب كراى خان (д1) بن منكلى	д	
	كراى خان (д2) بن حاجى كراى خان		
	——	е	
алая, синяя		ж	
№13	——	а	Даулят-Гирай I, №26.
	——	б	
	——	в	
	——	г	
	دولت كراى خان (д1) بن مبارك	д	
	كراى (д2) بن منكلى كراى خان		
	(д3) بن حاجى كراى خان خاقانى		
алая	——	е	
		ж	
№14	басмалла	а	Даулят-Гирай I, №26.
	ташаххуд	б	
	——	в	
	الغازى	г	
	دولت كراى خان (д1) بن مبارك	д	
	كراى (д2) بن منكلى كراى خان		
	(д3) بن حاجى كراى خان		
	——	е	
синяя		ж	
№15	басмалла	а	Даулят-Гирай I, №33,35.
	ташаххуд	б	
	——	в	
	——	г	
	دولت كراى خان (д1) بن مبارك	д	
	كراى سلطان (д2) بن منكلى كراى خان		
	(д3) بن حاجى كراى خان		
	اعز الله و ابقاه	е	
алая		ж	
№16	басмалла	а	Даулят-Гирай I, №33,35.
	ташаххуд	б	
	——	в	
	السلطان الاعظم	г	
		д	
как в №15	д3 д2	д1	
	اعز الله وابقاه	е	
синяя		ж	
№17,18	басмалла	а	Мухаммад-Гирай II, №41-43,45,46.
	ташаххуд	б	
	——	в	
	——	г	
	محمد كراى خان (д1) بن دولت كراى	д	
	خان (д2) بن مبارك كراى سلطان		
	(д3) بن منكلى كراى خان		
	اعز الله و ابقاه	е	
алая, синяя		ж	
№19	Оттиск смазан, читаются отдельные буквы; изображение обратное.		Газы-Гирай II, №52,53.
алая			
№20 Изображение обратное	басмалла	а	Газы-Гирай II, №52,53.
	ташаххуд	б	
	——	в	
	——	г	
	غازى كراى خان (д1) بن دولت	д	
	كراى خان (д2) بن مبارك كراى		
	سلطان...		
	——	е	
синяя		ж	

ташаххуд обязательно присутствовал во всех знаках, где имеется инвокация. Исключение составляет лишь первый вариант алой тамги Даулят-Гирая I, где богословие отсутствует полностью [табл. XII, № 13]; однако позднее эта тамга была заменена другой алой с полным богословием [№ 15]. Это говорит о том, что первый вариант был забракован. Мало того, в некоторых тамгах, например, у Ибрагима и Сахиб-Гирая казанского, ташаххуд — символ суннизма повторяется дважды и даже трижды.

В этой связи стоит обратить внимание на частое употребление данного лозунга в джучидских монетах [403; 429, чч. I—IV].

Все это позволяет сделать вывод о том, что обязательное присутствие ташаххуда в джучидских знаках свидетельствует об остроте религиозно-идеологической борьбы в обществе.

Таким образом, инвокации джучидских тамг, несмотря на свою шаблонность, даже малочисленность вариантов, являются показателем религиозно-идеологической программы монархов.

Девиз (в). Этот компонент документально зафиксирован пока всего три раза: в виде пословицы у Улуг-Мухаммада („Кто правосудит, тот царствует, и кто угнетает, тот гибнет“ или короче: „Справедливому — царство, угнетателю — гнет“, тамга № 3), как стих из Корана у Хаджи-Гирая („Скажи: о Аллах, ты обладатель царства и даруешь власть тому, кому пожелаешь“ — тамга № 4), наконец, в виде благожелания у астраханского Махмуда („Благополучный конец!“ — № 5). Из них особый интерес представляют первые два случая, так как в них проводится одна и та же мысль о законности власти обладателя государственной печати. Однако, если при этом Улуг-Мухаммад данную мысль проводит по принципу „торжества справедливости“, чем в какой-то степени стремится завуалировать свой провиденциализм, то Хаджи-Гирай прямо апеллирует к авторитету бога — только им дана ему эта земная власть.

Правильность такой интерпретации подтверждается как логикой вещей, так и конкретными фактами. Например, Улуг-Мухаммад после повторного захвата им золотоордынского трона, в послании к турецкому султану писал так: в прошлом, когда „всевышний милостью своей вверил высокое место наших прежних братьев-ханов нам“, вспыхнула борьба, и царство досталось противнику; однако в позапрошлом году с божьей милостью войско [наше] двинулось в поход, и мы обратили в бегство Барака и Мансура. Трон и царство [всевышний снова] вручил нам...“ [355, 54—55]. По логике Улуг-Мухаммада, его возвращение на трон есть результат божьей воли — „абсолютной справедливости“. Таким обра-

зом, анализируемый девиз тамга отражает не только концепцию монарха о располагаемой им власти, но соответствует и реальным историческим событиям [145, 406—418; 334, 195—200], подтверждая сведения других источников, в данном случае послания самого Улуг-Мухаммада.

Аналогичные выводы дает и девиз Хаджи-Гирая — родоначальника новой династии, основателя самостоятельного ханства [210 и 246]. Он также царствует „по божьей воле". Однако, если Улуг-Мухаммад оказался на троне по принципу „победы справедливости", законности, то Хаджи-Гираю сам всемогущий "обладатель царства", как бы специально создавая „персональный" штат, „дарует" новый престол. Следовательно, у Улуг-Мухаммада есть так, „как должно быть", а у его младшего собрата есть так, „как получилось по воле сверху". Иначе говоря, этот девиз не только обосновывает законность, святость данной государственной власти, но так же провиденциалистски подтверждает окончательную юридическую оформленность ее.

Что же касается относительно нейтрального девиза астраханского Махмуда — „благополучный конец",— то он выражает, на мой взгляд, желание основателя нового ханства на благополучный исход своего предприятия. Однако об этом специально сказано будет ниже.

Таким образом, девизы джучидских печатей, несмотря на их шаблонность, формальность, несут в себе значительную смысловую нагрузку. Относительно редкого употребления их можно сказать, что это объясняется, видимо, его особым назначением — изначальным или подтверждающим „освящением" государственной власти, что, естественно, происходило не очень часто.

Эпитет (г). Данный компонент представляет из себя в некоторой степени „сплав" титулов и эпитетов или же развернутое тамговое титулование.

На раннем этапе компонент этот, видимо, играл роль и эпитета, и титула одновременно, так как золотоордынские ханы в тамгах не употребляли постоянного титула после своих имен. Этому вполне соответствуют и особенности ранних адресантов: например, „Государь справедливый Токтамыш" в тамгах (№ 1—2) и „Мое — Токтамышево слово", „Мое — Тимур-Кутлуково слово", „Туляково слово", „Бердибеково слово" и т. д. в адресантах [316, 6 и 22; 289, 465—470]. Это объясняется тем, что при отсутствии постоянного титула *хан* после собственного имени предыдущий *султан* (царь, король, государь) мог компенсировать его: „султан справедливый Токтамыш".

Однако позднее, когда стало обычаем постоянное употребление чингизидского титула *хан*, предыдущее развернутое титулование становится близким по значению к эпитету.

Например, если в следующих формулах „султан справедливый Мухаммад-хан", „султан Хаджи-Гирай-хан", „великий султан, хакан Менгли-Гирай-хан" стоящие перед собственными именами „султан" и „хакан" заменим на другие синонимичные понятия (*падишах* и *шахиншах*), но оставим на месте „хан", то существенного изменения не получится: „падишах справедливый Мухаммад-хан", „великий падишах, шахиншах Менгли-Гирай-хан" и т. д. Изменились лишь оттенки эпитетов, но собственно чингизидская сущность титулования сохранилась. Чтобы убедиться в этом, проделаем другую операцию. Так, в одной тамге Даулят-Гирая *султан* заменим на *хан*, а его, наоборот, на первое слово. Тогда вместо правильного по смыслу „великий султан Даулят-Гирай-хан бин Мубарак-Гирай-султан бин Менгли-Гирай-хан бин Хаджи-Гирай-хан..." получили бы искаженное понятие: „великий хан Даулят-Гирай-султан бин Мубарак-Гирай-хан бин Менгли-Гирай-султан..." и т. д.

Нелепость последней конструкции заключается в том, что в татарских ханствах коронованный правитель из дома Джучи не мог называться султаном, а царевича, незанявшего официально престол, никогда не называли ханом, потому что при строгом юридическо-сословном подходе *султан* — наследственный фамильный — общеродовой титул, а *хан* — сугубо индивидуальный титул, соответствующий „служебной" должности. Это хорошо знали и всегда соблюдали в джучидских канцеляриях.

Правда, здесь, в связи с наличием слова султан и до имени хана, и в постоянном титуле его отца (Мубарака), возможно сомнение: чем объяснить такое противоречие? Во-первых, это объясняется тем, что надписи тамг составлены чисто по-арабски, где султан означает царя, короля, наследственного правителя, то есть монарха вообще. Мубарак так же имеет монаршее происхождение. Следовательно, по законам арабского языка здесь нет противоречия. Во-вторых, при учете тюркоязычности аудитории, решающее значение имеют позиционные отношения слов, терминов в формулах. Дело в том, что, согласно природе тюркской речевой логики, эпитеты находятся перед, а титулы — после собственного имени. Чтобы убедиться в этом, перестроим формулу *улуг Токтамыш хан* на *хан Токтамыш улуг* и получим совершенно разные понятия: „великий Токтамыш-хан" в первом случае и „Токтамыш-хан — велик", во втором.

Таким образом, все изложенное свидетельствует, что в тамгах джучидов предшествующие ханским именам слова *султан, хакан* с их определениями выступают как эпитет, а не как официальный титул. Исходя именно из этой особенности данного компонента, в вышеизложенном перечне слово *султан* я переводил нейтральным „государь", а *хакан* снаб-

жаю параллельным образным понятием „царь царей", в то же время оставлял без перевода слово *султан* после собственного имени, где оно выступает исключительно в роли официального титула, означающего, как писал В. В. Бартольд, „неправящего царевича из царствующей династии" [60, 522—523].

Вместе с тем предлагаемые версии переводов, примененные для определения сфрагистического значения данного компонента, нисколько не претендуя на лексическую эквивалентность, способствуют выяснению его смысловой нагрузки. Термин *султан* в тамгах Токтамыша, Улуг-Мухаммада употреблен для того, чтобы подчеркнуть их монаршее положение, что, видимо, и не оспаривалось юридически (династийно); по этой причине они могли и употреблять или опускать постоянный титул. Для первых ханов из Гираев употребление этого термина перед собственным именем равносильно было провозглашению не только нового хана, но так же и новой государственности. Поэтому Хаджи-Гирай, его сын Менгли и др. слово *султан* в сочетании с *хан* употребляли постоянно, по этой же причине и казанские ханы величали себя этим эпитетом.

Несколько позднее, когда существование Крымского ханства стало уже совершенно неоспоримым фактом, а после падения Казани, Астрахани и Сибири оно стало даже единственным татарским государством во главе с джучидом, исчезла надобность в применении эпитета *султан* в тамгах, поэтому, начиная с Даулят-Гирая I, он почти отсутствует в удостоверительных знаках [табл. XII, тамги №№ 13—15, 17—20, исключение — № 16].

Выпадание эпитета (но не титула) „султан" объясняется, может быть, также результатами крымско-турецких отношений — дальнейшим усилением зависимости от Турции, глава которой также величался султаном (в смысле государь). Однако абсолютизировать данный аспект не следует, ибо в XVI в. квадратные тамги жалований имели местное назначение, а Гираи безусловно пользовались внутренней автономией. Следовательно, эти два объяснения необходимо рассматривать во взаимосвязи: одно из них — первопричина, второе — стимулирующее начало.

При выяснении смысловой нагрузки анализируемого эпитета достоин внимания термин *хакан* (в древнетюркском — *каган*) в значении „хан ханов" или „царь царей" [82 и 84]. В эпоху единства Великой Монгольской империи его в форме *каан* носили верховные правители в Каракоруме, которым подчинялись улусные ханы, в том числе ранние джучиды. Например, если Чингиз, при котором еще не происходило юридического деления державы, удовлетворялся относительно „скромным" титулом *хан* и эпитетами „великий, спра-

ведливый", но иногда с уточнением *шах-* и *джаханги́р* — „государь мирозавоеватель", то в анонимных монетах последующих верховных правителей присутствуют *каан* или *хакан* [247, 439, № 1—2 и 441—442, №№ 54—61].

После окончательного распада державы термин *каган (каан)* становится неупотребительным, ибо фактически сходит на нет и институт верховного правителя среди чингизидов, так как каждый улусный хан превратился в верховного правителя внутри своего удела. Однако эти ханы в подавляющем большинстве случаев довольствуются титулами *султан* или просто *хан*, о чем говорят, например, многочисленные монетные легенды, в которых эти термины, согласно вышепредложенной схеме, обрамляют собственное имя правителя с обеих сторон (в примерах второстепенные элементы опускаются): „султан справедливый Узбек-хан", „султан справедливый Джанибек-хан" и т. д. В то же время *хакан* у ранних джучидов эпохи единства Золотой Орды встречается весьма редко: „Джанибек-хан. Правосудный хакан, Джалал аддин Махмуд-султан".

Попутно заметим: если часто встречающихся на джучидских монетах всяких „джалал ад-дин"ов, „наср ад-дин"ов, „махмуд"ов мы не будем превращать, подобно некоторым нумизматам, в собственные имена, а будем принимать за переводимые эпитеты, то мы вместо механической расшифровки, при которой один и тот же хан получит ряд параллельных имен, или же несколько ханов с разными официальными именами превращаются в тезок (ср.: „Правосудный султан Джалал ад-дин Махмуд Токтамыш-хан [см.: 403 и 429]) получили бы более вразумительный текст: „Джанибек-хан, справедливый верховный правитель, слава веры и прославленный государь".

Возможен вопрос: почему все-таки золотоордынские ханы редко употребляли титул *хакан?* Во-первых, они этого титула избегали, возможно, по тем соображениям, что не пытались противопоставлять себя потомкам Хубилая; во-вторых, его активное применение приводило бы к престижным трениям с другими улусными ханами в соседних странах.

По таким же соображениям этого титула избегал, видимо, и Хаджи-Гирай, так как его удел находился ко всему Джучиеву Улусу в том же соотношении, в каком находились к Сараю, например, Астраханское, Казанское и Сибирское ханства. Положение изменилось после укрепления на престоле Менгли-Гирая, захватившего трон в результате упорной борьбы как со своими родными братьями, так и сыновьями Саид-Ахмада из Большой Орды. На это прямо указывает его шертный ярлык, заключенный с населением Крык-Ера: „Засим я поверил тому, что вы кого-либо кроме меня не про-

пустите в крепость, говоря, что [это] сын Хаджи-Гирая или сын Саид-Ахмада" (ярлык № 10).

Такое крымско-ордынское противостояние должно было привести к претензии Гираев на все золотоордынское наследие [см.: 145; 146; 147]. Это и нашло свое прямое отражение в синей тамге Менгли-Гирая, гордо величающего себя *хаканом* — „царем царей" [см. тамгу № 7, ярлык № 11].

После 1502 г., когда под натиском Менгли-Гирая окончательно пала Большая Орда — основная наследница Золотой Орды в территориальном отношении, Крымское ханство по военному могуществу выдвигается на первое место „среди равных" — других татарских ханств, тем самым превращаясь в фактического наследника Золотой Орды, что уже давало Менгли-Гираю полную свободу для широкой пропаганды громкого титула *хакан*. Например, уже в 907/1502 г., то есть сразу по „горячим следам" вышеназванного события, он велел на мавзолее около Чуфут-кале выбить следующую надпись (перевод даю с уточнениями; в скобках даю транскрипцию титулов в оригинале): „Эту благословленную, блаженную и изящную гробницу велел соорудить великий хан (*хан ала'зам*) и хакан знаменитый (*ал-хакан ал-му'аззам*), правитель мира (*хан-и джихан*) Менгли-Гирай-хан бин Хаджи-Гирай-хан, в 907 году" [112, 526]. В последующем 909/1503—1504 г. он опять повторил это громкое титулование в надписи на ханском дворце: „Этот великолепный вход и эти величественные двери велел соорудить государь (*султан*) двух материков и *хакан* двух морей, государь сын государя (*султан бин султан*) *султан* Менгли-Гирай-хан бин Хаджи-Гирай-хан. В 909 году" [112, 491—492].

Чтобы убедиться в правильности полученного вывода, обратимся к надписи 906/1500—1501 г., выбитой до катастрофы Большой Орды. В ней совершенно нет титула „хакан": „Это медресе, при помощи Аллаха всемилостивого, велел построить Менгли-Гирай-хан бин Хаджи-Гирай-хан — да увековечит Аллах его царство на все времена! 906 г." [112, 526].

Введенное Менгли-Гираем пышное титулование, напоминавшее о былом могуществе и действительном положении его дальних предков, применял, как видно из тамги № 9, его непосредственный наследник — Мухаммад-Гирай I.

Последующие правители почти отказались от этого претенциозного эпитета. Например, его не применял Сахиб-Гирай I. Он появился лишь один раз в недолго функционировавшей, затем забракованной, видимо, самим правителем алой тамге Даулят-Гирая I, однако в несколько иной позиции, когда слово относилось не к имени самого владельца тамги, а к имени его прадеда, в данном случае Хаджи-Гирая [табл. XII, 13].

Возможно, отказ от этого титулования был обусловлен и изменением международных отношений во второй половине XVI в., усилением зависимости от Турции, глава которой действительно был „царем царей" для многих стран и династий.

Анализируемый компонент печатных легенд казанских ханов, в отличие от подобных эпитетов крымских правителей, проявлявших заботу прежде всего о династийно-политической, престижной, в целом светской стороне власти, выражал полурелигиозный мотив: „Великий государь, слава мира и веры Сахиб-Гирай-хан". Точно также у Ибрагима, но сохранность неполная. Видимо, в Казанском ханстве, проводившем с переменным успехом упорную борьбу с мощным христианским соседом — Русским государством [407, 416], на первый план выступали религиозные лозунги, что и нашло отражение в применявшихся эпитетах ханов более чем за полвека.

Мысль о преобладании в Казани религиозного аспекта политической программы подтверждается так же тем, что тот же Сахиб-Гирай в период правления в Крыму отказался от указанного элемента прежнего эпитета. Наконец, об этой особенности политической программы казанских правителей свидетельствуют слова замечательного татарского поэта-мыслителя Мухаммадьяра, который в 1542 г. писал:

Не от неверия гибнет государство,
А от гнета, истощаясь, рухнет страна;
Неверие и неверующий лишь себе вредят,—
Состояние народа ухудшается из-за гнета [439,85].

Несомненно, в этих словах выражен скрытый протест против религиозно-спекулятивной политики казанских ханов, которые своим сугубо земным интересам придавали религиозную окраску.

Таким образом, материалы развернутого эпитета из джучидских тамг свидетельствуют о неразрывной связи основных частей этого компонента с политической программой их носителей. Они как бы продолжают дело предыдущего компонента — девиза. Видимо, этим обстоятельством объясняется относительно редкая употребительность девиза, так как отсутствие его в большинстве случаев компенсировалось развернутыми эпитетами.

Имя владельца (д). Присутствие этого компонента, состоящего в более поздних тамгах джучидов из двух элементов — собственного имени владельца и его постоянного титула, составляющих в целом интитуляцию,— обязательно для всех удостоверительных знаков. В противном случае монарше-государственный знак стал бы анонимным, безликим, то есть недействительным.

Однако, несмотря на первостепенное значение компонента, наблюдается интересная эволюция в его применении. Прежде всего это касается отсутствия постоянного титула „хан" в тамгах Токтамыша. Думается, что такая особенность была свойственна печатям предшествующих ему золотоордынских правителей. Такое явление, на мой взгляд, можно объяснить тем, что в эпоху единства империи джучидов **с одним и единственным ханом в данное время** не было потребности лишний раз подчеркивать царское положение владельца, ибо это было уже сделано в предыдущем эпитете, который вместе с собственным именем и дает титулование. К тому же и квадратная форма тамги говорила о монаршем достоинстве ее владельца.

В эпоху же Улуг-Мухаммада положение изменилось: начался процесс распада империи и становления на ее окраинах новых государственных образований с „собственными" правителями. В эпоху появления таких „параллельных" ханов Улуг-Мухаммаду пришлось нарушить традицию и добавить к своему имени официальный титул — *хан*. Это было, с другой стороны, необходимо и потому, что эпитет *султан* уже не мог быть полностью удовлетворительным: другие „параллельные" ханы (или претенденты на это достоинство на периферии) в династийном отношении так же были *султанами* — царевичами.

По аналогичной же причине постоянный титул стали применять казанские, астраханские и ранние крымские государи. Разница заключалась в том, что, если поздние золотоордынские правители употребляли его в „оборонительных" целях, то периферийные джучиды, наоборот,— в „наступательных", для династийного самоутверждения.

Дальнейшая особенность эволюции данного компонента заключается в том, что в тамгах астраханских, крымских правителей имя правителя стало сопровождаться именами его предков — отца, деда, даже прадеда. Впервые с подобным фактом встречаемся в тамге астраханского Махмуда: „султан (государь) Махмуд-хан бин Мухаммад-хан, бин Тимур-хан..." Если учитывать, что Махмуд был основателем нового ханства [334, 264—266], то вполне объяснима его апелляция к авторитету своих предков, находившихся прежде на золотоордынском престоле [115, 204]. Иначе говоря, генеалогическая справка нужна была ему для юридического обоснования своих прав на престол. Одновременно, употребляя эпитет *султан* в предыдущем компоненте, он как бы провозглашал самостоятельность своего престола.

Основатель Крымского ханства, наоборот, не называет своих предков. Объясняется это тем, что ближайшие прямые предки Хаджи-Гирая не занимали трон в Сарае. Поэтому ему приходилось ограничиваться эпитетом *султан* и титулом

хан. Зато его наследники, начиная с сына Менгли-Гирая, систематически называли своих предков — отца, деда и даже прадеда. Этим Гираи хотели подчеркивать особенность своего рода. В то же время необходимость приводить генеалогию можно объяснить и другими причинами, например, своего рода девальвацией ханского достоинства в Крыму, когда опять же необходима была апелляция к авторитету предков, хотя бы ближайших. По-моему, здесь имело место и то и другое одновременно.

В казанских тамгах аналогичные факты не прослеживаются, точнее мы не располагаем подобными знаками первых ханов. Поэтому вполне может быть, что отчество Ибрагима, если оно было в подлиннике, пропущено при составлении копии в XVII в. (факт „утери" конца эпитета вполне допускает такую возможность).

Отчество отсутствует и в тамге Сахиб-Гирая казанского периода. Это также вполне объяснимо: сын Менгли-Гирая, будучи на казанском престоле, не считал целесообразным ссылаться на авторитет отдаленных крымских правителей, ибо в Казани большее значение имел авторитет его матери (Нур-Султан, мать Сахиб-Гирая, была женой казанского Ибрагима, после смерти которого она вышла замуж за Менгли-Гирая; Сахиб-Гирай был приглашен на казанский престол в результате прекращения прямого рода Ибрагима после смерти Абдуллатифа в Москве).

Завершая анализ этого компонента, необходимо специально оговорить, что его следует рассматривать в теснейшей взаимосвязи с предыдущим — эпитетом, ибо они, вместе взятые, как было уже отмечено, составляют развернутое титулование.

Самоблагословление (е). На сегодняшний день мы располагаем лишь четырьмя вариантами этого компонента: 1) „да увековечит Аллах его царство и не погубит его благо", тамга № 5; 2) „да возвеличит [Аллах] победу его", № 9; 3) „да увековечит Аллах его царство и усилит его власть", №№ 6, 10; 4) „да возвеличит его Аллах и увековечит", №№ 15—18. Если третий и четвертый варианты звучат как благие пожелания владельцу тамги, и они не имеют ярковыраженной связи с другими частями надписи, то первый и второй варианты, на мой взгляд, теснее связаны с развернутым титулованием, его первой частью — эпитетом. Например, важному элементу эпитета Мухаммад-Гирая I „хан ханов", принятому его отцом в результате победы над Большой Ордой, соответствует благословение „да возвеличит победу его". А девиз Махмуда, провозглашавший „добрый конец" начатому делу — основанию новой династии — подкрепляется пожеланием вечного блага.

В целом самоблагословения удостоверительных знаков имеют лишь вспомогательное значение, они не вносят существенно нового в уже выраженное при помощи других компонентов.

Герб (ж). Разновидности специальных гербовых знаков, представленных в тамгах, ограничиваются лишь двумя образцами: знак золотоордынского Улуг-Мухаммада (тамга № 3, возможно и № 3а, по свидетельству И. Н. Березина) и трезубец Гираев во всех крымских печатях. Словом, материал очень скуден. Поэтому на сегодняшний день, если не считать отдельных высказываний лишь констатационного характера, ограничивающихся подтверждением или отрицанием наличия знака, мы не располагаем ни одним специальным исследованием, посвященным гербовым символам джучидов вообще.

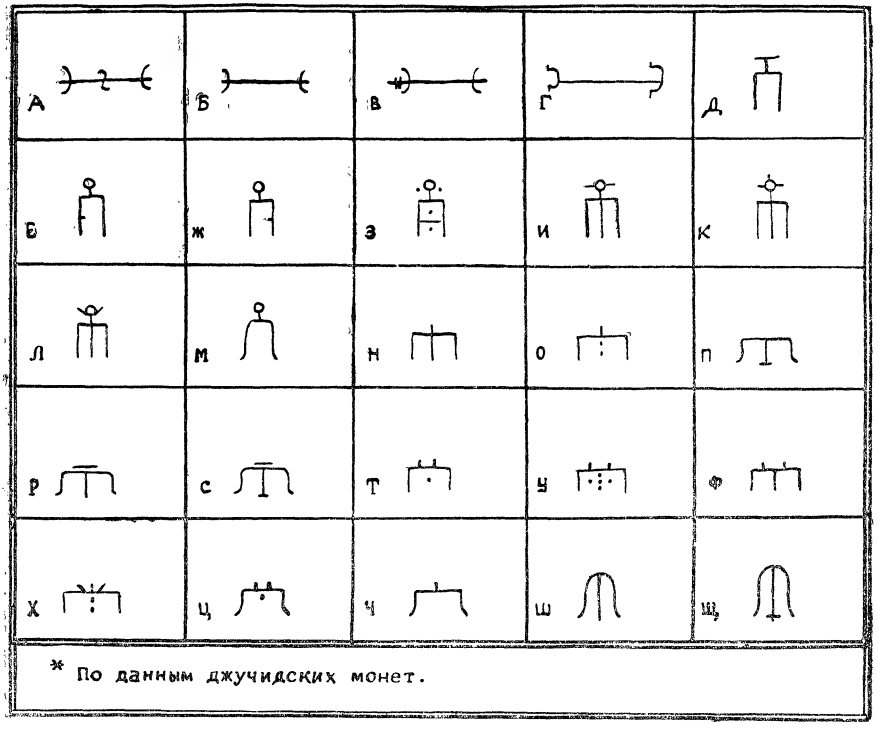
Такое положение объясняется и тем, что назначение подобных знаков, особенно трезубца Гираев, весьма прозрачно: они употреблялись как символы, определяющие династийно-родовую принадлежность тамги, на которой изображались. На современном этапе развития тюрко-татарской дипломатики, в целом, сфрагистики, в частности, можно было бы внимательнее относиться к геральдическим материалам, выявлять их типы, варианты, в чем есть безусловная потребность. Например, предубежденность И. Н. Березина — он считал, что трезубцы принадлежали лишь Гираям,— привела его, как уже знаем, к ошибке в атрибуции ярлыка Улуг-Мухаммада. При этом необходимо учитывать, что наравне с гербами в самих печатях, большое количество материала представлено на джучидских монетах.

Как показывают нумизматические данные, обычай изображать на монетах различные знаки и украшения носил у джучидов постоянный характер. Наравне с геометрическими украшениями — треугольники, квадраты, пяти-, шести- и восьмиконечные звездочки, изображения цветков, переплетенных „сердец" и т. д.— на монетах чеканились и гербовые знаки. При систематизации наличного материала получилась бы довольно наглядная картина основных типов подобных символов и их вариантов. Например, обратимся к таблице XIII: знаки *А—Г* находятся на самых ранних джучидских монетах, чеканенных от имени великого кагана Менгу [403, № 1—3]; *Д* — на монете Тула-Буги [247, 443]; *Е—М* представлены в большом количестве на деньгах Менгу-Тимура, Тула-Менгу, Тула-Буги, частично у Узбека и на многих анонимных [403, №№ 2—25; 247, 506—568 и т. д.]; *Н, О* — у Улуг-Мухаммада и Даулят-Бирди [403, №№ 312—315]; *П—С* — на монетах крымских Гираев [403, №№ 407—409; 376, №№ 1056—1060]; *Т—Х* — у Мухаммад-Буляка, Махмуда [322, № 83; 247,

№№ 816—823], наконец, *Ц, Ч и Ш, Щ* — образцы надчеканок XV в. на более ранних монетах [429, № 150; 247, 516].

Графический анализ этих знаков показывает, что они, в особенности трезубцы Улуг-Мухаммада, Гираев, Махмуда и некоторые знаки надчеканок, приписываемые тому же Улуг-Мухаммаду [429, I, № 150], имеют явную генетическую

Таблица XIII *



* По данным джучидских монет.

общность. Все они по-тюркски имели одно название — *тарак тамга* (гребневидная тамга). В сущности они представляют из себя варианты и вариации одного и того же типа [сравни табл. XIII: *Н, О—П, Р—Х, Ц, Щ*]. Далее данный трезубец имеет общность с основным элементом, то есть нижней частью, одной разновидности „родовой тамги дома Бату" [*И—Л*], которая так же находится в вариантном отношении к аналогичному элементу более распространенной разновидности ее [*Е—З*]. Потому что и в них присутствует видоизмененный трезубец. Его, наконец, можно обнаружить на монетах времен Менгу-кагана [*А—Г*], правда, в несколько ином положении и сочетании (чтобы убедиться в этом, достаточно разделить эти знаки на две части по вертикали).

Исходя из этого, можно полагать, что так называемые гербы отдельных ветвей джучидов генетически восходят к одному источнику. Видимо, ранние джучиды при выделении своего улуса из состава Монгольской державы, как бы символизируя раздел „единой территории", взяли половину из знака времен Менгу-кагана и, несколько видоизменив ее, создали новый тип [*Д—Л*]. В дальнейшем, в результате очередных изменений, создавались все новые и новые типы, варианты внутри типов.

Однако вывод о единстве истока всех джучидских гербов нисколько не игнорирует самостоятельности каждой разновидности их. Наоборот, дальнейшее их изучение зависит именно от выявления основных типов, новых вариантов и установления причин подобной эволюции, далее локализации династийно-родовой принадлежности отдельных знаков. При этом необходимо будет учитывать каждую отличительную черту, „второстепенность". В противном случае возможны новые ошибки, по крайней мере противоречия. Например, А. П. Григорьев, в целом удачно исправляя И. Н. Березина в атрибуации ярлыка № 3, только на основе трезубца произвольно приписавшего его Мухаммад-Гираю I, допускает противоречие: „В центре печати **крымские ханы всегда** ставили тамгу в виде трезубца. На печатях Улуг-Мухаммада мы обнаруживаем **точно такой же** трезубец" [150, 174, подчеркнуто мной — *М. У.*]. Дело в том, что трезубец Улуг-Мухаммада, как видно из таблицы XIII [*Н, О*], отличается от такового крымских ханов [*П—С*]. Если бы знак алой тамги Улуг-Мухаммада действительно был бы „точно таким же" как у Гираев, то логически и *сфрагистически* прав был бы И. Н. Березин.

Вместе с тем А. П. Григорьев прав в том, что „тамгой-трезубцем (точнее: различными вариантами его — *М. У.*) пользовались золотоордынские ханы из потомков Джансы, которые правили задолго до времени утверждения в Крыму династии Гираев" [150, 174]. Многочисленность вариантов и вариаций трезубца говорит в пользу такого вывода. Что же касается родственной близости Гираев к Улуг-Мухаммаду (Хаджи-Гирай был двоюродным племянником его), то она послужила причиной того, что поздние крымские феодалы Улуг-Мухаммада ошибочно относили к Гираям. Например, в родословной Ширинских, составленной в 1820 г. на основе недошедших до нас крымских источников, в связи с возвышением рода сообщается, что после смерти Токтамыша Ширинские посадили на престол Кадыр-Бирди, а после него был „избран таковым Улуг-Мегмет гирей хан..." [36, ф. 49, № 6540, л. 231 об.]. Возможно, причиной такой путаницы для поздних крымцев было сходство знаков — *тарак-тамги* Гираев и Улуг-Мухаммада.

Достоин внимания, наконец, и следующий вопрос. В нумизматической литературе тамговые знаки типа *Е—Ж* и *Р—С* [табл. XIII] квалифицируются как „родовые“ тамги, „дома Бату“ в первом случае и „рода Гираев“ — во втором. Отнесение их ко всему роду, на мой взгляд, является ошибочным. Как было установлено при анализе перстневых печатей, в султанских печатях такие символы отсутствуют полностью, хотя и они, султаны, принадлежали к тому же роду Гираев. Следовательно, это не просто родовой, а особый, официальный *династическо-царственный* герб.

Таким образом, детальное изучение гербовых символов, применяемых в тамгах и на монетах, в качестве определителя династийной принадлежности их владельцев, достойно пристального внимания. Последнее слово при этом, естественно, принадлежит нумизмату, которого ждет огромный и сложный фактический материал. В свою очередь детальное решение гербовых проблем способствовало бы дальнейшему успеху в развитии джучидской нумизматики в целом, многочисленных татарских анонимных монет, в особенности.

Глава вторая

ФУНКЦИИ И НАЗНАЧЕНИЕ ПЕЧАТЕЙ

Номенклатурные данные об удостоверительных знаках содержатся в самих жалованных актах. Это — почти регулярное указывание в корроборациях, иногда и внутри других статей основной части, на разновидности заверяющих тамг и печатей.

Систематизируя такие формулы текстовых удостоверений, мы получили бы следующую картину (термины *тамга, нишан* и *мухр,* означающие понятие „печать“, для наглядности оставляем без перевода; опираемся прежде всего на данные подлинников, сведения копий приводятся лишь в скобках; эпитеты „высочайший“, „благословенный“ поздних ярлыков опускаются):

1. **„Ярлык с алой тамгой“** — Токтамыш, ярлык № 1.
2. **„Ярлык с нишаном“** — Хаджи-Гирай, ярлык № 5, Менгли-Гирай, № 7 (копии: Менгли-Гирай, № 8; Ибрагим, № 9).
3. **„Ярлык с золотой тамгой“** — Менгли-Гирай, № 11.
4. **„Ярлык с алым нишаном“** — Сахиб-Гирай, Казань, № 14.
5. **„Ярлык с золотым нишаном, алой тамгой“** — Менгли-Гирай, № 6 (копии: Тимур-Кутлуг, № 2; Улуг-Мухаммад, № 3; Хаджи-Гирай, № 4).
6. **„Ярлык с алым нишаном, золотой тамгой“** — Мухаммад-Гирай, № 13.

7. **„Ярлык с алой тамгой, золотым нишаном“** — Саадат-Гирай, № 15.

8. **„Ярлык с синим мухром, алой тамгой“** — Сахиб-Гирай, №№ 18—21, 23 (копии его же ярлыков: №№ 17, 22, 24; в одной копии отклонение: „ярлык с алым нишаном и синим нишаном“, № 16, что может быть результатом описки); Даулят-Гирай, №№ 33, 35, 41 (копии: его же, № 27; Газы-Гирай II, №№ 58—59).

9. **„Ярлык с синим нишаном, алой тамгой“** — Даулят-Гирай, № 26.

10. **„Ярлык с алым нишаном, синим мухром“** — Мухаммад-Гирай II, № 43.

11. **„Ярлык с алой тамгой, синим мухром“** — Газы-Гирай II, № 52.

12. а) **„Ярлык с синим мухром и алым нишаном“;**

б) **„Ярлык с перстневой печатью“** — Мухаммад-Гирай II, №№ 45, 46; Газы-Гирай II, № 53 (копии: Даулят-Гирай, №№ 27, 32, 34; Мухаммад-Гирай II, №№ 38, 39; Газы-Гирай II, № 50).

13. **„Перстнево-нишанный ярлык (мульк-наме) с алым нишаном и синим мухром“** — Мухаммад-Гирай II, 42 (копия: Газы-Гирай II, № 61).

14. **„Ярлык с перстневым нишаном“** — Мухаммад-Гирай II, №№ 36, 37; Газы-Гирай II, №№ 55, 56 (копии: Мухаммад-Гирай-султан I, № 12, Даулят-Гирай, №№ 25, 30; Адиль-Гирай-султан, № 28; Мухаммад-Гирай II, № 40; Ислам-Гирай II, № 48).

Наконец, имеются ярлыки, не содержащие удостоверительных формул: Даулят-Гирай, № 29, Мехри-султан, № 51, Газы-Гирай II, № 54, 60 (копии: Менгли-Гирай, № 10, Мухаммад-Гирай II, № 44, Ислам-Гирай, №№ 47, 49, Фатх-Гирай-султан, № 57).

Как видно из официальной номенклатуры, джучидские канцеляристы к терминам *тамга, нишан, мухр*, означающим различные печати (квадратные, миндалевидные, алые, синие и золотые), относились как к синонимам, чем и объясняются различные сочетания их. Правда, это относится к XV—XVI вв., так как раньше, возможно, делалось некоторое терминологическое различение между квадратным и перстневым знаками, первый назывался тамгой, второй — нишаном. На это намекают данные „митрополичьих“ ярлыков, в которых знаки ханов Туляка, Бердибека называются „алой тамгой“, а ханши Тайдулы, у которой могла быть только перстневая печать, определяется просто „нишаном“ [289, 466—470].

Однако в XV—XVI вв. эта грань стирается (поэтому в моем тексте *нишан* означает печать вообще, а не особый

знак, например, *тугру,* которой у ранних джучидов вообще не было).

При учете этого обстоятельства количество удостоверительных формул резко сократится, так как многие из них относятся друг к другу как варианты одного и того же типа, носящие иногда лишь инверсионный характер. Например, формулы 1—4 объединяются в одну группу, 5—7 — в другую, 8—11 составляют третью, 12—13 — четвертую, 14 выделяется в самостоятельную, а ярлыки, не содержащие текстовых удостоверений, обособляются в шестую группу.

При этом достойно внимания то, что первые четыре группы корроборации (1—13) содержатся в тарханных и суюргальных ярлыках; нет ни одного случая их применения в льготных, служилых, охранных и шертных актах внутреннего назначения, которым соответствует 14-ая формула („ярлык с перстневым нишаном") или же в них вообще нет специальной формулы (ярлык № 10).

Правда, имеются и исключения, например, тарханный и судебно-суюргальный ярлыки Газы-Гирая II (№№ 55—56) содержат лишь формулу 14-ую, а другое его подобное жалование (№ 60) вообще не имеет текстового удостоверения. Это, видимо, объясняется уже отмеченной окончательной деградацией джучидского делопроизводства в конце XVI в.

Султанские жалования как тарханные, так и суюргальные, содержат лишь 14-ую формулу (№№ 12, 28, 31), что вполне понятно, так как султаны не имели других знаков, кроме перстневых печатей. В двух султанских ярлыках — Мехри (№ 51) и Фатх-Гирая (№ 57) — вообще отсутствует корроборация, хотя в первом из них представлен оттиск перстня, а во втором — прорись такого же знака.

Из этого можно сделать вывод, что в актах внутреннего назначения квадратные тамги ставились лишь на документах указно-договорного характера, например, на тарханных и суюргальных. Что же касается служилых, охранных, льготных и шертных внутреннего назначения, то для их утверждения достаточно было перстневой печати.

В то же время для указно-договорных актов раннего периода характерны квадратные тамги двух цветов — алая и синяя. В свою очередь, чаще в обиходе встречалась алая, которую называли нишаном и тамгою (формулы 1—7).

Синяя тамга в известных нам жалованиях встречается впервые в ярлыке Менгли-Гирая, хотя она там называется „золотой" (формула 3, ярлык № 11). Систематическое применение нишана этого цвета начинается со времен Сахиб-Гирая, соответствующая формула которого отличается устойчивостью. В своих жалованиях он строго соблюдал применение тамг двух цветов, всегда ставя в начале текста

синюю, а в конце — алую. Его примеру следовал Даулят-Гирай (№№ 26, 27, 35, правда, не последовательно, например, меняя места нишанов — № 33), Мухаммад-Гирай II (№№ 41, 43), Газы-Гирай II (№№ 52, 58, 59).

Однако со времен Даулята наравне с синей и алой тамгами начинают систематически прикладываться и перстневые печати, о чем свидетельствует наличие формулы 12 в копиях ярлыков №№ 32, 34. С одновременным присутствием оттисков трех знаков мы встречаемся в подлинниках жалований Мухаммад-Гирая II (№№ 42, 43, 45, 46, копии: №№ 38, 39). Почти аналогичную картину наблюдаем у Газы-Гирая II (№№ 52, 53, копии: №№ 50, 61), хотя у него формулы не всегда соответствуют наличным оттискам.

Таким образом, во второй половине XVI в. в актах указно-договорного характера распространенным видом заверения является присутствие всех трех разновидностей знаков.

Правда, еще задолго до Даулят-Гирая был один случай приложения перстневой печати параллельно с алой тамгой. Это — ярлык Саадат-Гирая (№ 15). Однако здесь речь может идти лишь об исключительном, но важном для нас случае: перстневая печать приложена потому, что квадратная тамга, удостоверявшая ярлык, принадлежала не Саадат-Гираю, а его отцу. Следовательно, если алая тамга подтверждала официально-государственный характер жалования, то перстневая печать с именем хана удостоверяла личность конкретного монарха, от имени которого выдан указ.

Этот факт, в сочетании с другими, дает возможность выяснить функции и назначения различных печатей. Можно уверенно сказать, что квадратные нишаны всех цветов были официальными **царственными** удостоверительными знаками и применение их было прерогативой **только ханствующего** джучида, перстневая же печать характерной миндалевидной формы **без** гербового знака служила удостоверением **личности** всех членов династии. Например, перстневую печать, наравне с султанами-калгами, то есть официальными наследниками ханов, имели ханши и другие члены семьи [250: 6—11, 16—19; также см.: 338, т. 41]. Султан, выдававший какое-либо жалование, к документу прилагал оттиск перстневой печати; но, заняв престол, он становится обладателем и квадратной тамги (например, ярлык Мухаммад-Гирай-султана I, № 12, с формулой 14 и его другое жалование, № 13, с формулой 6 после коронации).

Если принадлежность квадратного нишана исключительно царствующему чингизиду, в нашем случае — джучиду, доказывается полным отсутствием удостоверения подобной формы в актах, выданных султанами, ханшами, иначе говоря, второразрядными лицами по сравнению с ханами, то следу-

ющие факты говорят о том, что и **миндалевидная** перстневая печать была монопольной собственностью всей династии. Например, располагая большим количеством данных о миндалевидных по форме печатях не только Гираев в Крыму, но также других чингизидов по Средней Азии [254, 418—422 и 432], Казахстану [185, I: 36, 636, 644 и др.; 186, II, 322—324 и 342], мы не знаем факта употребления этой формы нишана тюрко-татарскими вельможами, сановниками не чингизидского происхождения. Их печати могут иметь прямоугольную, квадратную, круглую, овальную, словом любую форму, но только не миндалевидную [образцы см.: 250 и 254].

О монопольной принадлежности такой формы печати лишь династии джучидов в целом свидетельствует вышеназванное родословие Ширинских, сообщающее об одном случае как об исключительном факте нарушения порядка. Так, рассказывая о высоком положении ранних Ширинских беков, пришедших в Крым с Волги, обращая особое внимание на близкое отношение Руктемира Ширинского „с самим" Токтамышем, говорится следующее: сверх прочих почестей, „хан уполномочил его, Руктемир-бея, во всем его ханском правлении участником, пожаловал его в том грамотою с тем, что без воли и согласия Ширинского-бея никакие важные государственные дела не начинались и не оканчивались, почему Ширинский-бей считался хану товарищем, для чего жалован от хана вензелем, каковой сам он хан имел, печатью, называемой по-татарски *бадеми мугр*, следующего изображения... (дано характерное изображение; *бадам* — миндаль — *М. У.*), каковой печати более никто из беев не имел" [36, ф. 49, № 6540, л. 231].

Претенциозность этой записи вполне очевидна, однако очевидно и то, что принадлежность печати особой формы лишь ханскому дому в Крыму отмечена вполне четко. Это подтверждается практическими действиями крымских феодалов XIX в. Например, в различных челобитных, просьбах, справках, представленных русской администрации, содержатся оттиски разнообразных перстневых печатей, но среди них лишь знак султана Салим-Гирая, племянника последнего правителя Шагин-Гирая, имел характерную форму [36, ф. 49, № 6540, л. 234].

Таким образом, принадлежность миндалевидной перстневой печати царствующей династии подтверждается полностью. Ее функцией является **удостоверение личности,** независимо от занимаемой должности, ранга, на что, при необходимости, указывалось титулами в легендах и наличием или отсутствием *тарак-тамги* — трезубца.

Однако наиболее ранние миндалевидные печати, как мне кажется, в своих легендах не содержали титулов, ибо их специфическая форма сама указывала на династическую

принадлежность владельца. Иначе говоря, появление титулов *хан* и *султан* в этих печатях я считаю сравнительно поздним явлением, характерным для эпохи распада империи, когда их — носителей подобных титулов — стало много и возникла необходимость всякий раз подчеркивать свое султанское происхождение, тем паче ханское достоинство.

Вернемся к квадратным тамгам. Корроборационные формулы ярлыков не дают ясных сведений о функции и назначении различных цветовых разновидностей этих знаков. Мало того, как видно из перечня формул, попадаются неточности в определении цветов, например, „золотому" в формуле соответствуют синие оттиски (№№ 11, 13). Поэтому нам остается оперировать косвенными материалами.

Согласно сведениям Рашид ад-дина, у ильханов Ирана разновидности тамг имели строгое назначение. Например, для ярлыков, выдаваемых „знатным султанам, эмирам и меликам, и по важным делам владений", была предписана „большая тамга из яшмы", для актов, выдаваемых „казиям, имамам и шейхам — другая; поменьше, тоже из яшмы"; а для распоряжений „по делам средней важности — большая тамга из золота, меньше тех, что из яшмы"; для ярлыков же о выступлении в поход или о передислокации войска установили „особую тамгу из золота с тою же установленной подписью узором, но по окружности ее изобразили лук, булаву и саблю"; и, наконец, сделали „и малую золотую тамгу", которую ставили „на казенных и областных бератах, приемных расписках, расчетных документах и диванских грамотах, которые пишут по поводу сделок, воды и земли". Кроме того этот автор говорит о введении ильханом для четырех эмиров дивана специальных черных печатей — *кара тамга* — которые дополнительно ставились на обороте указов с тем, чтобы потом они не могли снять с себя ответственность за правильность документа [318, III, 276; 319, 285].

Из подобных печатей ильханов оттиски двух разновидностей — большой алой тамги (8,5×8,5) и небольшой прямоугольной черной (4,5×4 см) — представлены в ярлыках Абу-Саида, данных в 1330 г. армянскому духовенству. Однако черные печати, исполненные уйгурским письмом, приложены не на обороте, а рядом с оттисками алых тамг в конце документа [15].

Из всех перечисленных Рашид ад-дином знаков первые пять были, безусловно, официально-царскими печатями, а последняя, *кара тамга,* личной, удостоверявшей конкретное лицо — ответственного исполнителя, следовательно, она не являлась монаршей.

Однако пока еще трудно проследить параллели между хулагуидскими и джучидскими официальными тамгами, так как названный автор не вполне ясно говорит о цвете описывае-

мых знаков, а сообщает о других атрибутах — о материале. Поэтому нам остается лишь попытаться выяснить функции и назначение квадратных печатей путем установления связей между жанрами актов и цветами заверявших их знаков.

Послание Токтамыша к Ягайло содержит формулу „ярлык с золотым нишаном", чему соответствует и оттиск тамги [431]. Послание Улуг-Мухаммада к турецкому султану Мураду имеет пять оттисков тамги того же цвета, хотя сам текст не содержит корроборации [468, 7 и 15]. В письмах Менгли-Гирая к турецким правителям, также не содержащим соответствующих формул, имеются оттиски квадратных тамг; однако в двух случаях их цвета неизвестны, ибо А. Н. Курат располагал лишь их фотокопиями, а в третьем случае нишан имел зеленовато-синий цвет [468, 83, 87 и 94—95]. Если учитывать то обстоятельство, что тамги аналогичных цветов того же хана и его сына Мухаммад-Гирая I определялись как „золотые" (ярлыки №№ 11, 13, формулы 3 и 6), то возникает вопрос: не результат ли это отождествления поздними джучидами двух цветов монаршего знака — золотого и синего?

Правда, напрашивается и такое решение: и вышеназванные „синие" тамги первоначально имели золотистый оттенок, но они со временем, из-за неустойчивости красок, изменились. Однако подобное объяснение неприемлемо, ибо в таком случае законно присутствующие в ярлыках синие тамги, соответствующие официальному названию и корроборации их, оказались бы результатом „каприза" краски. На самом деле мы имеем дело с сознательным выбором цвета. Вполне допустимо, что золотой и синий цвета у джучидов соответствовали тамгам высшей категории, каковой у ильханов были яшмовые. Официальные акты, заверенные такими печатями, подчеркивали, видимо, особую важность послания или жалования. На это указывает шертный ярлык Мухаммад-Гирая I 1520 г., данный польскому королю, в котором после торжественных обязательств о дружбе и союзнических отношениях обращается внимание на цвет тамги: „золотом писанная золото-нишанная шертная грамота" [250, № 1, 4].

На такую особенность золотого и синего нишанов указывают и другие данные. Например, претендовавший на золотоордынское наследие Менгли-Гирай свои многочисленные ярлыки-послания до 1502 г., адресованные русским великим князьям, в подавляющем большинстве случаев — более 90 раз — заверял „синим нишаном" или же „запечатав жиковиною да с синим нишаном" [338, №№: 28, 32, 35, 38... 51, 54, 59, 61 и т. д.]. Лишь один раз цвет определен „лазаревым" [338, № 78, 378]. Очень незначительная часть, всего 9 случаев, его писем содержит только „жиковину", то есть перстневую печать [338, № 39, 175, № 41, 188 и др.]. Синие

тамги прилагал он в своих грамотах, адресованных казанскому Мухаммад-Амину, мирзе Ямгурчи [338, № 28, 109, № 34, 147 и № 35, 155].

Во время длительных интриг великого князя вокруг Абдуллатифа, потенциального соперника Мухаммад-Амина на казанском престоле, последний хан свое послание к Ивану III заверяет „синим нишаном" [338, № 45, 207].

Но в то же время в посланиях нижестоящих по официальному рангу (даже в родственном отношении) к бесспорно вышестоящим указание на цвета удостоверительного знака, в данном случае синей тамги, отсутствует. Например, его нет в послании того же Мухаммад-Амина к своему отчиму Менгли-Гираю, хотя безликое определение „нишан" там присутствует. Весьма интересно при этом то, что и его вышеназванное послание к Ивану III и это последнее письмо написаны в одном и том же 1493 г., в связи с приездом Абдуллатифа в Москву.

Возникает вопрос: не хотел ли этим Мухаммад-Амин лишний раз указать на свое царское положение, однако напомнив об этом могущественному отчиму лишь приложением печати, без обозначения ее цвета, а „покрывателю" своего потенциального соперника, подчеркнуто указав на категорию тамги?

Скорее всего, было именно так. Правильность этого вывода о значении текстового удостоверения подтверждается и другими данными: вышеназванными посланиями джучидов к турецким султанам, в которых при наличии оттисков совершенно отсутствуют корроборационные формулы. На мой взгляд, это объясняется тем, что не было целесообразно равноправным по рангу, даже более могущественным по положению турецким султанам указывать на категорию нишана — было достаточно его присутствия как официального удостоверения.

Таким образом, можно сделать вывод о перворазрядности нишанов золотого и синего цветов. Подобные тамги, следовательно, прилагались к наиболее важным документам — эдиктам и торжественным заявлениям от имени государства. При адресованности же актов к нижестоящим, по официальному рангу или по действительному положению, обязательно была и специальная формула, уточняющая „высочайший цвет" тамги.

В связи с последним выводом закономерен такой вопрос: если золотой цвет был символом богатства, могущества и торжественности, то что означал семантически синий? На этот вопрос пока трудно ответить с определенностью, так как не хватает сведений. Однако можно полагать, что синий цвет был в древности своеобразным синонимом величия, обширности и многочисленности (вспомним так называемых

„синих тюрок" — *көк түрк*), ибо он символизировал небо — „местопребывание бога", следовательно, он указывал и на божественную природу данной власти.

После всего вышеизложенного нет особой надобности подробно говорить о красных тамгах. Второразрядность их по отношению к синим и золотым вполне очевидна. Об этом, кроме всего прочего, свидетельствуют, во-первых, отсутствие красной тамги в посланиях к могущественным зарубежным правителям, во-вторых, ее место в двутамговых ярлыках, когда, за одним исключением (№ 33), на первое место ставились всегда синие (№№ 18, 21, 23, 26, 35, 41, 42, 43, 45, 46, 52, 53), а затем лишь красные.

Однако второразрядность красной тамги была относительной. Как показывают легенды, по содержанию она была в конечном счете тем же высочайшим официальным государственным знаком, но имеющим, по сравнению с другими, более универсальными, например, с синими, относительно специальное назначение, заверяющее тарханные, суюргальные и другие жалованные акты указно-договорного характера. Это подтверждается цветом больших печатей вышеназванных хулагуидских ярлыков.

Эти выводы полностью доказывают ошибочность априорных высказываний В. В. Григорьева, что „золотые (тамги) по достоинству считались ниже красных или алых, которые одни были собственно государственными печатями, употреблявшимися для скрепления важного содержания бумаг"; что касается синих, то они „прикреплялись, по-видимому, к бумагам менее важного содержания, заключавшим в себе не общие государственные распоряжения, а какие-либо частные приказы ханов..." [154, 344]. Между прочим, тут же, отмечая параллельное употребление синего и алого нишана в одних и тех же актах, ученый сам опроверг себя: „но что же думать после этого о значении их на тех ярлыках,— вопрошал он,— на которых... видим мы и алую и синюю тамгу вместе?..."

Одним словом, у В. В. Григорьева неуверенное сомнение оказалось более состоятельным, чем его решительное утверждение. Потому что против утверждения говорит и то, что вряд ли такие опытные государи, как Токтамыш, Улуг-Мухаммад и Менгли-Гирай международные интересы царства и трона ставили ниже интересов своих отдельных феодалов, в жалованиях которым употребляли лишь алые знаки (ярлыки Туляка, Бердибека русским митрополитам также содержали алую тамгу [289, 466 и 470]).

Завершая анализ семантической функции и назначения цветных квадратных тамг, отмечу два факта, не поддающихся пока объяснению. Это, во-первых, черный цвет квадратной тамги астраханского Махмуда в его послании к турец-

кому султану Мехмеду-Фатиху от 1466 г. По мнению А. Н. Курата, такой цвет указывает „на скромность" поведения Махмуда перед могущественным султаном [468, 37 и 43]. На мой взгляд, если это не является результатом изменения синего цвета (как говорил публикатор, „цвет от времени несколько позеленел"), то вопрос должен оставаться до обнаружения новых данных открытым, ибо на основе лишь одного единственного факта рискованно делать обобщения.

Во-вторых, в отличие от печатей хулагуидов, о значении размеров которых сообщает Рашид ад-дин, подобными сведениями о джучидских нишанах мы не располагаем. Судя по всему, размер квадратных печатей определялся произвольно. Например, сравнивая тамги одного и того же Сахиб-Гирая в разные периоды его ханствования — в Казани и Крыму — мы получили бы один вывод, но, сопоставляя его же печать второго периода царствования с подобным знаком Хаджи-Гирая, пришли бы к противоположному выводу. Если же сопоставить между собою размеры тамг по цветам, то так же столкнемся с противоречивыми результатами.

Наконец, необходимо установить и делопроизводственные, то есть узко-канцелярские функции и назначение удостоверительных знаков. На первый взгляд, здесь нет особых сложностей, ибо все разновидности печатей выполняли одну и ту же задачу: заверяли официальность и достоверность документа. Однако это не так.

В интерпретации этой функции джучидских знаков имеются неправильные толкования. Например, В. В. Григорьев, первым коснувшийся этого вопроса, писал, что количество прилагаемых оттисков „соразмерялось с уважением к тому лицу, которому давали скрепленную ими бумагу" [154, 344]. Иначе говоря, чем знатней держатель ярлыка, тем больше оттисков, или наоборот. Учитывая, что после В. В. Григорьева никто этим вопросом по печатям джучидов не занимался, ограничимся теми выводами, которые дают археографические данные самих актов.

Как было неоднократно отмечено в описаниях ярлыков, в подавляющем большинстве случаев оттиски квадратных тамг находятся на стыках двух склеенных листов, когда количество их в свитке более двух, или же на каждом листе, когда их не более двух. Следовательно, анализируемые знаки, наравне со своей основной функцией и назначением — заверять подлинность документов — выполняли и сугубо канцелярско-делопроизводственные задачи: удостоверяли подлинность отдельных физических частей актов, то есть каждого листа свитка. Иначе говоря, оттиски нишанов одновременно являлись и своеобразными скрепами.

Такой вывод подтверждают и другие факты. Например, расположение оттисков печатей подлинных жалований хула-

гуидов из Матенадарана. Д. Кара, описывая разновидности монгольских печатей, отмечает, что „оттиск (обычно красного цвета) печати служил и знаком достоверности текста; он проходил по границе двух соседних листов, и таким образом, на каждом листе находилась половина оттиска и добавить, заменить или вырвать лист тетради (также и свитка— *М. У.*) было невозможно" [193, 117—118]. Следовательно, этот своеобразный и тонкий способ заверения документов восходит к более древним канцелярским традициям, например, к традициям народов Дальнего Востока.

Правда, в некоторых ярлыках имеются как бы отдельные отклонения, говорящие, на первый взгляд, о нарушении отмеченного правила. Однако при внимательном подходе обнаруживается, что дело в некотором своеобразном, более „экономном" варианте общего правила. Например, на стыке первого и второго листов ярлыка № 1 оттиска нет; нет его так же на стыке третьего и четвертого листов. Но, несмотря на это, **все** листы заверены: первый оттиск заверял второй и третий листы, а повторный оттиск — четвертый лист. Первый кусок бумаги, содержащий лишь инвокацию и адресант, фактически не нуждался в заверении — там нет ничего конкретного: ни адресатов, ни имени держателя, ни перечисления его привилегий. К тому же своеобразной скрепой для этого куска являлся адресант („Мое, Токтамышево слово"), исполненный золотом. Таким образом, несмотря на внешнее отклонение, правило скрепления частей ярлыка соблюдено полностью. Поэтому в этом ярлыке на специально оставленном свободном месте напротив третьей-пятой строк справа нет оттиска, ибо он оказался бы излишним, повторным. Точно такую картину наблюдаем в первом жаловании Абу-Саида [15, № 1011].

Несколько особняком стоит в плане удостоверения ярлык Сахиб-Гирая казанского периода: при наличии двух листов, он заверен только один раз, и верхний лист, содержащий значительную часть текста, не имеет тамговой скрепы (№ 14). Однако отмеченное в описании красное пятно в конце первого листа на полях, напоминающее отпечаток пальца и имеющее аналогичный с нишаном цвет, как мне кажется, присутствует не случайно: оно вполне могло быть своеобразной условной скрепой. Это объясняется, видимо, тем, что относительно большие размеры нишана делали нецелесообразным присутствие повторного оттиска. Все же, до обнаружения новых данных, вопрос этот остается открытым (к сожалению, ярлык Ибрагима, будучи некачественной копией, не дает достоверного материала).

Естественно, не все делопроизводители были на высоком уровне, поэтому иногда можно найти в ярлыках лишние оттиски (№№ 11, 15). Иногда же имелись случаи, когда от-

тисков было явно недостаточно — оставались незаверенные листы (№ 13). Но таких примеров не много, что еще раз подтверждает правильность полученного вывода.

В процессе дальнейшей эволюции формы актов, в середине XVI в., когда ярлыковые свитки состояли из двух листов, а жалования удостоверялись двумя разноцветными тамгами, вопрос решался проще: каждый оттиск заверял отдельный лист.

Позднее, в результате деградации тюрко-татарского делопроизводства, когда ярлыки измельчали не только по содержанию, но и по форме и составлялись они на одинарных листах, даже на клочках бумаги (№ 60), естественным образом отпала необходимость канцелярского скрепления — теперь достаточно было простого и разового удостоверения, зачастую лишь перстневой печатью.

Эти выводы о разновидностях, форме и содержании джучидских печатей, но также о функции и назначении их, дают возможность остановиться на следующих двух спорных вопросах, имеющих прежде всего историографический характер.

Первый. С начала нашего столетия — когда А. В. Орешников опубликовал вместе с печатью Ивана Калиты одну загадочную „вислую печать" без каких-либо легенд („только татарских букв... на ней не находится"), но содержащую с одной стороны решетку в виде плетенья, а с другой стороны шестиугольник, сложенный „из двух треугольников, с четырьмя шариками посредине" [285, 14—16] — в русской сфрагистике утвердилось мнение о существовании свинцовой золотоордынской печати. Например, Л. В. Черепнин, будучи убежденным в „несомненности татарского происхождения" ее, и, связывая присутствие „печати" на грамоте Калиты с ордынско-московскими контактами в XIV в., когда все важные акции великих князей утверждались ханами в Сарае, предлагал решение сложных вопросов датировки названной грамоты [410, ч. 1, 15—16 и 29; 168, 567].

Данная „свинцовая печать", как вполне достоверный и важный исторический факт, фигурирует в учебном пособии, где еще более развивается мысль о ее достоверности [191, 10—11 и 78].

Подвергнуть какой-либо физико-химической экспертизе „печать" уже невозможно, так как она ныне утеряна... Однако и без таковой можно отвергнуть версию о ее джучидском происхождении. Ибо мы не знаем ни одного факта применения в Джучиевом Улусе вислых металлических или иных типов печатей, характерных, например, для Руси [см. 426, т. I—II].

Нет оснований полагать, что золотоордынские ханы создавали для решения династических споров между русскими

князьями специальные вислые печати, причем совершенно безликие по форме и содержанию. В противном случае, в сотнях ханских посланий, адресованных великим князьям, и жалованных актах, данных русским митрополитам [см.: 338; 336; 337 и 289], хотя бы один раз фигурировал бы какой-либо намек на подобную „печать".

Допускать мысль о том, что, если перед нами не ханская печать, то все же „татарский" удостоверительный знак, принадлежащий, например, представителю „царского (т. е. ханского) двора в Московском кремле" [285, 14—15], так же нет оснований. Потому что при заверении названной грамоты печатью простого чиновника, получилось бы так, что достоинство великокняжеского официального завещания оказалось бы юридически ниже достоинства митрополичьих привилегий, которые утверждались не какими-либо безликими чиновниками, а самими верховными монархами. Как увидим далее, по сословно-ранговой системе джучидов, представители высшего духовенства всегда стояли ниже султанов, беков — князей, даже наместников, предводителей войск. Русские же князья, в зависимости от ситуации, приравнивались к бекам или султанам. Следовательно, никакой татарский чиновник в Москве не мог иметь права утверждать великокняжеское завещание.

Таким образом, существующая в литературе атрибуция загадочной „печати" на грамоте Ивана Калиты является ошибочной. По-моему, эту „печать", если она не является более поздней приделкой, прикрепленной к древнему документу, следует интерпретировать материалами собственно русской сфрагистики, ибо в русских печатях XVI—XVII вв. можно найти узоры, аналогичные украшениям данной „печати" [177, табл. XI, рис. 77, табл. XIII, рис. 141], которые, как я уже указывал выше, встречаются на различных предметах быта различных эпох и народов.

Все же я склонен, что здесь мы имеем дело не с печатью, а всего-навсего с обыкновенной п л о м б о й, ибо, согласно А. В. Орешникову, она находилась на конце того же шнурка, которым прикреплялась к грамоте серебряная печать самого Ивана Калиты [285, 14]. Если принадлежность „свинцовой печати" второразрядному татарскому чиновнику отвергается полностью, то нахождение царской тамги на кончике великокняжеского шнурка, так же не представляется юридически возможным.

Одним словом, все говорит в пользу того, что опубликованная А. В. Орешниковым „печать" не имеет ничего общего с джучидскими удостоверительными знаками. С другой стороны, все известные сегодня материалы свидетельствуют об отсутствии у джучидов вислых печатей любой формы.

Второй. В 1955 г. археолог Н. Ф. Калинин опубликовал одну загадочную печать [189], назвав ее **булгарско-ханской** и датировав XIV в., то есть периодом военно-политического могущества Джучиева Улуса, когда покоренные местные правители неджучидского происхождения вряд ли могли величаться ханами Этой публикацией и сопровождающим ее исследованием автор преследовал одну цель: провести мысль о „политической самостоятельности" Булгарской земли, тем самым изолировать этногенез казанских татар от южно-кыпчакского мира. Оставляя здесь в покое вопросы этногенеза (ибо этногенез целого народа вряд ли следует подменять судьбой феодально-монархической верхушки общества) и тезисы о политической, династической самостоятельности „булгарских ханов XIV в.", обратимся к надписи самой печати.

По мнению Н. Ф. Калинина и комиссии, на авторитет которой он ссылается, на овальном щитке перстня стоит что-то вроде *хал* (?). Вместо палеографического анализа автор публикации его свободно переиначивает на *хан*. Совершенно непонятное „*х. т. м. б. л. га*" он предлагает на основе грамматики и лексики современного татарского языка принять за *хатем булгар*, то есть „печать Булгара" [189, 6—7], хотя должен бы быть другой перевод — „письмо мое булгар", потому что нет ни одного авторитетного сведения, связывающего *хат* (письмо) с термином „печать".

Допустим, что булгарские „ханы" XIV в. и их окружение опустились до такой степени малограмотности, что не могли отличать „хал" от „хана", и говорили поэтому „символикой", или, наоборот, допустим, что наши знания и навыки в прочтении старинных надписей не дошли до необходимого совершенства. Однако как объяснить в таком случае тот факт, что все буквенные знаки перстня изображены не зеркально, как это должно было бы быть на печатях, а правильно, скажем, как на монетах?!

По мнению публикатора, оказывается, можно найти объяснение, например: „печатью, видимо, пользовались **не накладывая** ее на сургуч, воск или бумагу, а **подкладывали** ее под бумагу и потирали сверху бумагу, как это делают теперь наши дети, оттискивая на бумаге при помощи карандаша монеты или пуговицы [189, 11 — подчеркнуто автором, разрядка моя — *М. У.*].

Можно было бы допустить и такое решение, если бы соблюдалась элементарная логическая последовательность. Дело в том, что автор, читая буквенные изображения по прямому отражению, „дату" же перстня, выраженную цифрами в последовательности 057, воспринимает, наоборот, как зеркальное: 750 и на этой основе датирует перстень 1349 г. Спрашивается: если оттиск словесных изображений получали

способом **натирания** сверху, то каким образом добивались правильности изображения даты?! На этот вопрос ответить сфрагистически невозможно.

Одним словом, в публикации нет ни одного аргумента в пользу достоверности „печати". Поэтому вполне прав Г. А. Федоров-Давыдов, относившийся скептично к ее атрибуции [394а, 50, прим.]. Что касается комиссии филологов, на авторитет которой постоянно ссылается публикатор, то никто из них не выступал в печати публично. Следовательно, они не были уверены в своем прочтении. С другой стороны, именно подобное безответственное утверждение филологов способствовало тому, что „печать" эта стала фигурировать как исторический памятник в официальных изданиях [183, 80; 184, 57], а публикация — рекомендоваться в учебных пособиях [191, 213].

Что касается отмеченных недоразумений относительно надписи на перстне, то это объясняется тем, что перед нами не печать, а обыкновенная бытовая поделка — дешевое медное украшение в виде перстня — выполненная грубо, неграмотно, словом, внешне подражательно. И вряд ли перстень этот имеет что-либо общее не только с „булгарским ханом XIV в." по имени Илхам, но также и с самой булгарской эпохой в целом. К тому же он найден не во время археологических раскопок, а поступил в музей в составе частной любительской коллекции.

* *
*

Подводя итоги всему вышеизложенному, нет необходимости повторять выводы, полученные в результате анализа материалов. Поэтому хотелось бы обратить внимание на следующие конкретные задачи.

Во-первых, как было видно, сфрагистического материала по ханствам Джучиева Улуса еще сравнительно мало; особенно его мало по раннему периоду самой Золотой Орды и по некоторым регионам, например, Казани, Астрахани. Поэтому многое в дальнейшем развитии тюрко-татарской дипломатики в целом, официальной сфрагистики, в частности, зависит от последующего накопления фактического материала.

В то же время от всестороннего изучения формы и содержания печатей зависит не только дальнейшее развитие самой сфрагистики, но также решение ряда проблем общего характера, ибо употребление определенных печатей, соответствующее оформление их отражает социально-политическую природу государства, его идеологию, устремления и претензии.

Во-вторых, для относительно полного осмысления общей природы, истоков и традиции, также конкретно-типологических особенностей данных печатей необходимо широкое сравнительно-историческое изучение: первоначально общий анализ удостоверительных знаков всех чингизидов, затем местных династий и соседних стран.

Однако такое всестороннее исследование не должно сводиться к установлению так называемых „заимствований", а должно преследовать цель выяснения общих и частных закономерностей официального удостоверения актов. Потому что, в противном случае, подлинно научное исследование, необходимое для осмысления объекта изучения, будет подменено формалистическим обзором, нужным, в конечном счете, для идеализации, или же для принижения той или иной делопроизводственной традиции.

В-третьих, дальнейшее полноценное развитие тюрко-татарской сфрагистики зависит от изучения многочисленных образцов частных печатей, печаток (в подавляющем большинстве перстневых) и штемпелей.

IV. ДИПЛОМАТИКА

Дипломатика тюрко-татарских жалованных ярлыков является еще молодой областью. Имевшиеся прежде отдельные частные наблюдения [330 и 468] не получили в свое время должного развития. Лишь в наши дни появились специальные исследования [151, 151а; 152а], в которых в плане дипломатики рассматриваются конкретные формуляры значительной части жалованных ярлыков чингизидов, прежде всего восточных и южных ветвей династии, и лишь частично золотоордынских ханов. В настоящем же исследовании объектом анализа являются тюркоязычные оригиналы жалований джучидов, то есть лишь западных чингизидов.

При этом основной задачей является, во-первых, краткая характеристика основных статей, оборотов и формул с выявлением общих типов их для подвидов, разновидностей и групп ярлыков; во-вторых, осуществление на основе данных дипломатики теоретической классификации официальных актов Джучиева Улуса в целом. При решении последней задачи, исходя из особенностей материала, охватываются и другие разновидности, группы актов, например, посланий (*битиков*), хотя их полный анализ не входил в задачу исследования.

Вместе с тем конкретно анализируемый материал несколько ограничивается по объему и внутри самих жалованных актов, так как основное внимание уделяется прежде всего ранним ярлыкам. Иначе говоря, отдельные образцы крымских актов второй половины XVI в., находящиеся по форме в промежуточном положении между типично тюрко-татарскими и собственно крымско-татарскими жалованиями, являются подспорно-сравнительным материалом, на фоне которого еще более рельефно прослеживаются особенности собственно джучидской практической дипломатики.

Необходимо далее указать, что автор, за редким исключением, не ставил перед собою специальной задачи раскрывать и уточнять содержание терминов, ибо это увело бы его в иную область и увеличило бы объем исследования. Поэтому многие термины, отдельные обороты формул не подвергаются семантическому анализу — это задача будущего.

Исходя из установившейся традиции, формуляры и статьи ярлыков рассматриваются по группам, условно разделенным

на три раздела текста в целом — *начальный протокол, основная часть и конечный протокол* [200,26—29; 138, 22—23].

Глава первая

НАЧАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

К начальному протоколу относят, как правило, инвокацию, интитуляцию — обозначение адресанта, инскрипцию — обозначение адресата и салютацию, то есть приветствие (далее для краткости — адресант, адресат). Из них последний компонент в жалованных актах джучидов не содержится, ибо он свойствен по своему назначению посланиям. Поэтому в начальном протоколе жалований рассмотрим первые три компонента.

1. Инвокация

Ввиду того, что ярлыки обычно складывались в рулон-трубочку, начало документов находилось на поверхности свитка, и быстро изнашивалась именно эта верхняя часть ярлыка. Как видно из описаний ярлыков, у многих из них, сохранившихся в подлинниках, не хватает не только значительной части чистого края свитка, но и основных статей начального протокола, например, адресанта (см. оп. ярлыков №№ 5, 6, 14, 15, 26, 35, 45, 46, 52, 54, 60) и развернутого адресата — инскрипции (№№ 7, 11, 13, 33). Об этом же свидетельствуют данные некоторых копий (№№ 9, 10, 47, 61). Именно по этой причине большинство богословских формул до нас не дошло.

Сохранившиеся образцы инвокаций представлены в девяти документах: №№ 1, 4, 31, 42, 43, 51, 55 (подлинники) и №№ 12, 58 (копии). Из них в трех случаях, именно в ярлыках №№ 12, 51, 55, инвокация выражена самой краткой и самой распространенной на мусульманском Востоке формулой книжно-эпистолярного стиля — арабским местоимением третьего лица единственного числа *хуа*, под которым подразумевался „Он“ — Аллах.

Данная инвокация, хотя она выражена словесно, по своей условности приближается к символическим богословиям, примером чего в христианских странах, например, на Руси, является изображение креста в начале грамот [202: 97, 100, 110, 113 и 115].

Если учитывать, что *хуа* часто встречается в посланиях джучидов, адресованных мусульманам [468: 38, 48 и 92], иногда даже христианам [250, №№ 3—5], и параллельно применяется с другими словесными инвокациями, то придется

констатировать его обыденность для тюрко-татарских официальных актов.

В двух ярлыках инвокация выражена наиболее употребительной у мусульман формулой — басмаллой: „Во имя Аллаха милостивого и милосердного“ (№№ 4, 12), которая также встречается в джучидских ярлыках и посланиях [468, 64 и 84].

Из словесных инвокаций достойна внимания формула тарханного ярлыка Токтамыша, написанная, как и адресант документа золотом и весьма крупными буквами — в два-три раза крупнее знаков основного текста. Она имеет несколько переводов [154, 339; 101, 15]. Соблюдая все грамматические показатели текста, следовало бы перевести изречение следующим образом: „Я уповал на Аллаха и полагался на его шедрость и милость“.

Инвокация двух ярлыков Мухаммад-Гирая II (№№ 42, 43) дошла до нас в сильно испорченном виде из-за ветхости бумаги. В первом случае инвокация выглядит так: „Он (Аллах) — господь всемилостивый“; во втором: „Он (Аллах) — самый верный помощник“. Последняя формула присутствует и в копии ярлыка Газы-Гирая II (№ 58).

Таковы вкратце наши сведения о богословских формулах ярлыков, в которых они выступали одновременно в роли преамбул к пожалованию в целом. В то же время следует помнить, что до нас дошла лишь незначительная часть их.

Как видно из материала, инвокации джучидов представляют из себя мусульманские канонизированные формулы. Видимо, и потерянные образцы не являлись чем-то оригинальным, созданным в джучидских канцеляриях.

Естественно, не следует отрицать возможности того, что отдельные ярлыки могли вообще не содержать подобной формулы. Судя по всему, некоторые правители не пользовались ими. Например, в девяти жалованиях Сахиб-Гирая крымского периода правления (пять подлинников, четыре копии — №№ 16—24), несмотря на относительно полную сохранность их текстов, ни в одном нет богословия. Вполне возможно, что этот суровый, до самодурства требовательный, но просвещенный для своей эпохи и среды хан, при котором деловитость и лаконизм ярлыков достигли кульминации своего развития, игнорировал инвокации. Объясняется это, видимо, той причиной, что строго канонизированные богословия жалований внутреннего назначения, в отличие от таковых печатей, не носили особой социально-идеологической нагрузки.

Иное дело — послания, адресованные другим правителям, в особенности мусульманским. Систематическое отсутствие инвокаций в русских переводах посланий XV—XVI вв. [333, тт. 41, 95] является скорее всего результатом канцелярской обработки, когда в христианской столице при переводе опу-

скали неугодные им мусульманские лозунги. В пользу этого говорят оригиналы ярлыков-посланий [250].

Разумеется, обычай применения богословия в жалованных ярлыках джучиды унаследовали от своих предков — каганов Монгольской державы, в актах которых имелись различные инвокации, как монгольско-шаманские, так и буддийские, квалифицируемые исследователями как преамбулы [151, ч. III, 161—162]. Немаловажный интерес представляет факт употребления каганами на монетах мусульманских богословских формул [247, 439—442]. Однако было бы рискованно полагать, что все джучиды периода единства империи применяли инвокации или богословские преамбулы. Например, в одних ярлыках, выданных русским митрополитам, инвокации представлены (жалования Туляка, Менгу-Тимура, Бердибека), а в других, данных Тайдулой, их нет [289, 465—470]. Нет чего-либо подобного в тарханном ярлыке Тимур-Кутлуга (№ 2) и послании Токтамыша к Ягайло.

Таким образом, инвокации для джучидских официальных актов были не строго обязательным компонентом, хотя они не являлись и редким исключением. Возможно, для самого раннего периода это объясняется не только особенностями, например, абстрактностью их социально-идеологической нагрузки, но также своеобразием религиозной ситуации в феодальных верхах Джучиева Улуса, где некоторое время мирно сосуществовали различные воззрения. Разумеется, так было в XIII и первой половине XIV вв., позднее положение несколько изменилось, хотя следы прошлого давали знать о себе и при новых правителях, проводивших иную, чем прежде, идеологическую политику.

2. Интитуляция

Интитуляция или обозначение адресанта (далее — адресант) изучаемых документов представляет из себя наиболее сложную и емкую формулу, хотя на первый взгляд она состоит из нескольких вполне прозрачных в отдельности частей. Чтобы объективнее осмыслить это, начнем с историографического экскурса.

В. В. Григорьев, один из первых исследователей ханских ярлыков русским митрополитам, писал, что все они в начале содержат своеобразное обращение „с словом“ — „Менгу-Темирево слово“, „Бердибеково слово“, „Тайдулино слово“ и т. д. [153, 59—60]. Как показали в дальнейшем вновь выявленные тюркоязычные подлинники [об этом см.: 387, 120—123], такое обращение характерно для всех них. Звучащее по-тюркски примерно так: *Токтамыш сөзүм, Хаджи-Гирай сөзүм* и т. д., является специальной формулой, то есть выражением-штампом.

На первый взгляд в этом нет ничего особого, ибо первая часть — собственное имя хана, выдавшего ярлык, вторая *сөз* — слово, речь с окончанием притяжения первого лица единственного числа: — *үм* (— *им*), соответствующее русскому притяжательному местоимению „мое". Поэтому буквальный перевод их выглядел бы так: „Токтамыш слово мое" и т. д.

Однако именно эта формула, несмотря на свою внешнюю простоту, задала много хлопот ученым. Например, Й. Хаммер, осуществивший один из первых научных переводов ярлыка Тимур-Кутлуга, дал такой перевод: Timur Kutlugh, mein Wort ist [455, 360].

Я. О. Ярцов, автор самых ранних научных переводов, формулу типа .... *Сахиб-Гирай сөзүм* перевел следующим образом: „. . . Сахиб-Гирей хана, именное повеление" [361, 39]. Но несколько позднее он вместе с В. В. Григорьевым предложил и другой вариант: „Тохтамыш. Слово мое" [154, 339]. Эту же формулу А. К. Казем-бек перевел иначе: „Тохтамыш мое слово" [431, 37], а И. Н. Березин, отмечая в примечаниях, что в буквальном смысле это есть „Тохтамышево (мое) слово", предпочтение отдал традиционному лаконичному варианту: „Тохтамышево слово" [431, 51 и 53]; этого перевода ученый придерживался и позднее [101; 102 и 103].

При повторном издании ярлыка Тимур-Кутлуга Г. Вамбери отошел от Й. Хаммера: Ich mächtiger Timur befehle [479, 172].

Со всеми этими предложениями не соглашался В. В. Радлов, давший предпочтение иному варианту: „Я, Токтамыш, говорю" [316, 6 и 20].

Этот несколько вольный перевод был сначала поддержан В. Д. Смирновым — „Я . . . , Селямэт-Гирей хан, говорю", но позднее ученый вернулся ко второму варианту Я. О. Ярцова; „Мухаммад-Гирей хан. Слово мое" [339, 62; 347, 167 и далее].

Иную редакцию перевода предложил А. Н. Самойлович: „Мое — Тимур-Кутлуково слово" [330, 1122]. Его поддержал С. Е. Малов: „Мое, Хаджи-Гирея, слово" [244, 189]. Наконец, еще один вариант найден А. П. Григорьевым: „(Такого-то) хана указ наш (мой)" [151, ч. I, 215—218; ч. II, 38; 151а, 25—32].

Таким образом, относительно одной и той же статьи начального протокола — именно адресанта типа *Токтамыш сөзүм* — были предложены различные варианты, версии русского и немецкого переводов, из них каждый в той или иной степени отражал особенности оригинала, но не являлся максимально адекватным. Все же наиболее удачным являются, на мой взгляд, и с т о р и ч е с к и версия И. Н. Березина, отражающая лаконичность, деловитость строгого оригинала и традицию, также н а у ч н о редакция А. Н. Самойловича, максимально передающая помимо всего прочего торжествен-

ность и экспрессию формулы. Об остальных вариантах можно было бы вообще не говорить, однако, к сожалению, именно они продолжают применяться в новейших публикациях [166, 227 и 431; 251, 317—319].

Итак, до сих пор нет единого мнения о переводе анализируемой формулы, причиной этого является неизученность ее специальной функции. Поэтому попытаемся подвергнуть эту формулу всестороннему анализу, учитывая не только данные татарских официальных актов, их переводов, собственно русских грамот, и рассматривая эти данные на фоне практической дипломатики, то есть осмысления содержания терминов, формул современниками. (Первый и более подробный вариант анализа адресанта опубликован мною отдельно [392]. Здесь же исследование дается в несколько сокращенной, переработанной и уточненной редакции.)

Как видно из вышеназванных примеров и материалов таблицы [XIV, 1], для ранних джучидских ярлыков характерным является адресант типа *Токтамыш сөзүм*. Для условного определения отдельных компонентов и элементов его примем следующие обозначения:

А — собственное имя хана, выдавшего ярлык;

Б — *сөз*, то есть „слово" (сёз).

м — *үм* (— *им*), окончание личного притяжения первого лица единственного числа.

В результате получим такую формулу — **АБм**; назовем ее вариантом № 1.

Если учитывать, что окончания „ово" и „ино" в адресантах ярлыков русским митрополитам XIII и XIV вв. („Менгутемерьево слово" и „Тайдулино слово") соответствуют тюркскому окончанию личного притяжания — *үм* (—*им*), то становится бесспорным, что оригиналы этих наиболее ранних адресантов соответствовали варианту № 1.

Наравне с этой статьей, историчность и активность которой подтверждается многочисленными русскими средневековыми переводами типа „Менгли-Гиреево слово", „Магмед-Гиреево слово" [333, тт. 41, 95], в крымских ярлыках встречаются и такие: *Дәүләт-Гирай-хан сөзүм* и т. д. [табл. XIV, 2]. Подобному варианту по типу соответствовали, надо полагать, оригиналы следующих переводов: „Менды Кгирея царя слово" [336, 24], „Магмед-Гиреево царево слово" [338, т. 95, 155—156 и 302]. Аналогичной по форме статьей пользовалась и известная ханша Нур-Султан: „Нур-салтан царицино слово" [338, т. 41, 177—194] и многие другие.

Принимая для слова хан — царь литеру **Х**, получим новое обозначение формулы: **АХБм** (вариант № 2), она содержится в шестнадцати ярлыках (№№ 25, 27, 29, 30, 32, 36, 37, 40, 42—44, 47, 49, 55, 56, 60) и множество раз в ярлыках-посланиях.

Наравне с этими вариантами в начале XVI в. Менгли-Гирай стал применять развернутые статьи: „Великого царя Менгли-Гиреево царево слово“ [338, т. 95, 22, 25—30 — двенадцать случаев], „Великие Орды великого царя Менгли-Гиреево слово“ [338, т. 95: 19, 21, 70, 75 — семь случаев]. Историчность их подтверждается тюркским оригиналом: *Улуг орду улуг ханы Газы-Гирай сөзүм* — „Великой Орды великого хана Газы-Гиреево слово“ [Табл. XIV, 3—4].

Обозначая слова „великий“ буквой **Т**, Орда — **С**, получаем формулы: **ТХАХБм, ТСТХАБм**, соответствующие вариантам № 3 и № 4. (Жалованных ярлыков с подобными адресантами пока нет).

Последний вариант активно применялся в ярлыках-посланиях Мухаммад-Гирая I и др. [338, т. 95, 148—149 . . . — более 40 случаев], хотя он употреблял и другие разновидности, например, № 2 [338, т. 95, 155—156 . . . — 7 раз].

Особый вариант составляет следующий развернутый адресант: *Абу-л-Фатх ал-Газы Сахиб-Гирай хан сөзүм* — „Победоносного воителя Сахиб-Гирай-хана слово“, которым, кроме этого правителя, пользовались Даулят-Гирай, Мухаммад-Гирай II, Газы-Гирай II [табл. XIV, 5]. Эта формула, введенная Сахиб-Гираем еще во время казанского правления, была одной из популярных после него, только в жалованных ярлыках она представлена более двадцати раз: №№ 14, 16—24, 26, 34, 35, 38, 39, 41, 45, 46, 50, 52, 53. Сиглы формулы — **ПВАХБм**, где **П** — победоносный, **В** — воитель, вариантное обозначение — № 5. (Попутно заметим, что в ярлыке № 14 пострадала начальная часть адресанта, но до имени правителя читается *лгазы* — часть *ал-Газы*, исходя из чего можно уверенно отождествлять интитуляции Сахиб-Гирая двух периодов правления — казанского и крымского. Следует заметить, что это единственный правитель, который последовательно употреблял устойчивый адресант, в крымский период его правления были устойчивыми и другие статьи ярлыков).

К последней формуле близок один адресант Газы-Гирая II — „Победоносного султана (т. е. государя — М. У.) Газы-Гирай-хана слово“ [табл. XIV, 6]. Если этот адресант, сохранившийся в поздней копии (№ 58), верен, то его формула такова: **ПГАХБм** (вариант № 6, **Г** — титул *султан* в значении государь).

Что же касается интитуляций султанов-царевичей, то они близки к варианту № 2: „Мухаммад-Гирай-султана слово“ (вар. № 7, **АГ$_1$Бм**). В этой группе стоит особняком следующий адресант: *Мийри-Султан-хани сөзимиз*, где „султан“, видимо, — часть женского собственного имени, а прилагательное *хани* указывает на принадлежность акта члену царствующей семьи. Перевести формулу на русский язык можно

Таблица XIV

№ п/п	Образцы интитуляций	Сиглы формул	№ ярлыков или источников
1	توقتامیش سوزوم (~ سوزومز ؟)	АБм АБм₁ (?)	№ № 1.2.3.4.8
2	دولت کرای خان سوزوم(~سوزومر) منکلی کرای خان سوروم	АХБм АХБм₁	№ № 25..., 36..., 47..., 55... [250,10; 338,т.41]
3	(اولوغ خان منکلی کرای خان سوروم)	ТХАХБм	[338,т.41]
4	اولوغ اوردو اولوغ خانی غازی کرای سوزوم (اولوغ اوردو اولوغ خانی منکلی کرای خان سوزوم)	ТСТХАБм ТСТХАХБм	[250,4; 338,т41]
5	ابوالفتح الغازی صاحب کرای خان سوزوم (~ سوزومز)	ПВАХ Бм ПВАХБм₁	№№ (14), 16-24, 26...,38..., 50.... [250,5]
6	ابوالفتح السلطان غازی کرای خان سوزم	ПГАХБм	№ 58
7	محمد کرای سلطان سوزوم (~ سوزومز)	АГ₁ Бм АГ₁ Бм₁	№№ 12,18,31,57. [250: 6,7,9, 11,18,19...]
8	مهری سلطان خانی سوزمز	АГ₁Х₁Бм	№ 51
9	اولو اوردانونک اولی خانی دشت قپچاق بارچا مغول پادشاهی محمد کرای خان سوزوم	ТСТХ₁ДО- МРАХБм	[250,1]

таким образом: „Михри-Султан царицино слово (наше)". Ее обозначим сиглами **АГ₁Х₁Бм**, вариант № 8 [табл. XIV, 8].

При такой фиксации каждых новых элементов титулования, количество вариантов и вариаций анализируемой статьи можно довести до пятнадцати и более. Однако в этом нет надобности, ибо во всех случаях общими и обязательными были бы **А, Б, м**. Поэтому подобные интитуляции можно объединить в одну группу, составляющую один тип — **тип джучидских ярлыковых интитуляций.**

Вывод о том, что количество вариантов и вариаций адресантов можно легко увеличить, подтверждается тем, что в джучидских интитуляциях компонент *сөзүм* (слово мое) часто заменяется синонимичным *сөзүмүз* (слово наше), хотя существенного изменения от этого не происходит. Такая свободная замена компонентов **Бм** на $\mathbf{Бм}_1$ наблюдается почти во всех вариантах, кроме № 1. Для инвокаций великих каганов и правителей других улусов характерно было именно множественное число окончания личного притяжания [151, чч. I—II; 254, 418—421]. Поэтому нельзя отрицать наличие у джучидов формулы $\mathbf{АБм}_1$.

В то же время напрашивается вывод, что для ярлыковых интитуляций ранних джучидов более характерным был именно вариант **АБм**, состоящий из трех частей — двух элементов (имя правителя и „слово") и одного полу-элемента (окончание притяжания). В сущности именно они и являются основными и безусловно обязательными частями ярлыковых адресантов, при отсутствии любого из них адресант перестает быть таковым, то есть официальной формулой.

Естественно, что и другие компоненты, элементы развернутого адресанта (титулы, эпитеты) имели определенную нагрузку, выражали те или другие политические тенденции. Но они не вносили принципиально нового в содержание интитуляции в узком плане дипломатики: монарший адресант полностью оформлялся не ими, а теми тремя **основными** компонентами. Поэтому попытаемся выяснить именно их ярлыковое содержание.

Однако из этих трех частей первая — имя хана, любого, в раскрытии значения не нуждается. Особых комментариев не требует и третий элемент — окончание притяжания, ибо если первый компонент называет волеизъявителя, то последний указывает на принадлежность этой воли тому конкретному лицу, чье имя названо; иначе говоря, третий элемент соединяет между собой первую и вторую части формулы. Следовательно, именно второй компонент *сөз* — нейтральная лексическая единица (в обыденной речи „слово") в этом конкретном ярлыковом контексте приобретает особое значение, неся на себе основную долю нагрузки не только специальной формулы, но и волеизъявительной сущности ярлыка — монаршего эдикта в целом. Поэтому вышеназванные исследователи и переводчики, ощущая это специфическое значение *сөз*, пытались найти его точный перевод, предлагая различные варианты и версии — от превращения его в глагол-сказуемое до подмены его специальным термином „указ".

Аспект исследования, естественно, предполагает прежде всего обращение к данным самих ярлыков и посланий. В то же время их тюркоязычные оригиналы, как видно из опыта

предшествующих исследователей, не дают прямого „ключа" для раскрытия значения *сөз*. Его могут дать **понимание, практическое толкование** термина современниками, которое зафиксировано в аутентичных документах. Речь идет прежде всего о средневековых русских переводах ярлыков-посланий в канцеляриях московских великих князей и частично в ведомствах польско-литовских правителей.

Источники этой категории способны раскрыть много неясного в содержании средневековых татарских актовых материалов. И это вполне понятно, так как при документальных переводах официальных государственных бумаг квалифицированные толмачи-переводчики должны были передавать не только точное лексическое значение слов, фраз, но также были обязаны отражать реальное содержание специальных терминов, намеки и общий тон посланий в целом. В отличие от ученых последующих эпох, изучавших документы прошлого при помощи пособий, толмачи-современники, практически зная язык переводимых документов, могли до нюансов отражать также содержание особых оборотов, условностей. И с такой задачей многочисленные переводчики из канцелярий Ивана III и Василия Ивановича [о них см.: 338, тт. 41 и 95 — указатели] справлялись блестяще. Создается впечатление, что и сами великие князья, практически владея татарским языком, контролировали правильность переводов. Такое предложение подтверждается не только качеством переводов с татарского на русский, и своеобразием терминологии собственно русских грамот, но также вышеназванными уйгурописьменными резолюциями московского происхождения [раздел II, гл. 3, § 1].

В целом, если не считать отдельных ошибок и описок, допущенных прежде всего поздними переписчиками, достоверность этих переводов, выполненных для служебной цели, не вызывает сомнений.

Бросается в глаза дословность переводов. Часто это не литературно-изящные переложения, а документальные подстрочники, где наравне с адекватной передачей основного текста, представлены и кальки ряда понятий терминов. Калькировать же можно было лишь при хорошем освоении переводимого языка, в особенности значения специальных терминов.

Что касается устойчивости переводов, характерных для татарских актов формулировок, статей и строгой дифференциации в передаче специально-политических терминов в течение полувека (с 80-х гг. XV по 20-ые гг. XVI в.), то это свидетельствует о существовании на Руси длительной и богатой переводческой традиции с татарского языка на русский и наоборот. И начало этой традиции восходит к предыду-

щим столетиям, когда международное положение золотоордынско-тюркского языка было еще более значительным. Следовательно, средневековые русские переводы ярлыков являются вполне надежными источниками.

Как было отмечено выше, сохранилось большое количество крымско-татарских ярлыков-посланий в русском переводе XV — XVI вв. — более 200 единиц, из них 120 с лишним принадлежат Менгли-Гираю, около 70 — Мухаммад-Гираю I, остальные — царицам и калгам, послания которых также имеют атрибуты ханских писем.

Из названного количества ярлыков-посланий Менгли-Гирая более 100 написаны до 1506 г. и все они, составленные по-тюркски, содержат адресант № 1. В письмах же, начиная с 1508 г. (вернее, сохранившихся с этого времени), титулование становится развернутым — „Великого царя Менгли-Гиреево царево слово" (формула № 3 — всего 12 случаев), „Великие Орды великого царя Менгли-Гиреево слово" (формула № 4 — всего 7 случаев) и „Великие Орды великого царя Менгли-Гирая царя . . . ", т. е. без *сөзүм* (2 случая). После 1508 г. ранняя формула № 2 была применена лишь один раз [338, т. 95, 27].

Такое изменение интитуляции Менгли-Гирая связано с результатами его победы над Большой Ордой в 1502 г., когда Орда „ахматовичей" была ликвидирована как государственность. Какое значение придавал крымский хан этому событию, можно видеть из его грамоты того же года Ивану III: „Слава Богу, Ших-Ахметя, недруга нашего, разогнав, орду его и все улусы его Бог в наши руки дал!" [338, т. 41, 420]. Именно „получение от бога" Большой Орды дало победителю возможность практически претендовать на золотоордынское наследие, называя себя *хаканом* — „царем царей", а свою страну — „Великой Ордой".

Поэтому можно было бы полагать, что в формулах № 3 и № 4 „великий царь" мог соответствовать в оригинале не только фразе *улуг хан*, что подтверждается документально [табл. XIV, 4], но и иноязычным синонимам последнего: *хакан, падишах*; понятие же *Улуг Орду*, то есть Великая Орда соответствовало прежнему, исконно татарскому названию Золотой Орды — Джучиева Улуса (скорее всего *Улуг Орду* является синонимом татарского *Джучи Улусы*).

Развернутые адресанты Менгли-Гирая (№ 3 и 4) были унаследованы последующими ханами. Непосредственная связь интитуляций этих типов с победой 1502 г. и претензией Гираев на большое наследие, подтверждается и другими применяемыми ими вариантами. Например, в 1520 г. шертный ярлык, данный польскому королю, Мухаммад-Гирай оформил следующей пышной интитуляцией: „Великой Орды великого хана, Дашт-и Кыпчака и всех монголов падишаха мое —

Мухаммад-Гирай хана слово" [Табл. XIV, 9]. В этой связи нужно сказать, что А. П. Григорьев склонен считать, что „пышность преамбулы в адресанте ярлыка" зависела от „высоты ранга грамотчика" [152а, 151]. На мой взгляд, здесь немаловажное значение имеют претензии, а не действительное положение.

Выше было отмечено наличие 70 ярлыков-посланий последнего хана. Из них в 50 документах, адресованных Василию Ивановичу, содержится термин „слово мое". В остальных, протоколы которых сформированы несколько иначе, оно отсутствует [338, т. 95, 148-150 и далее].

„Слово мое" активно применяли и главные ханши, например, Нур-Султан [338, т. 41, 126, 177 и др.] и калги, то есть соправители-наследники хана [338, т, 41, 178; т. 95, 241 и др.]. Правда, они чаще прибегали к другим формам, чем адресанту с *сөзүм*. Как правило, не применяли его в посланиях иноземным правителям, в том числе великим князьям, обыкновенные царевичи-султаны.

Всегда „били челом" в своих письмах беки и мирзы; например, из более чем 150 таких писем лишь один раз Сийдяк-мирза применил *сөзүм*; „Щидяково мурзино слово" . . . [338, т. 95, 14], что я считаю ошибкой писца или же результатом контоминации текста.

Таким образом, как видно из этого обширного материала, применение *сөзүм* в адресанте ярлыков-посланий было прерогативой лишь правящего хана, его официального соправителя-наследника и также старшей царицы. Это правило относится и к жалованным ярлыкам, включая султанские, так как все „авторы" последних занимали должность калги [346, 350; 459 — генеалогия].

Следовательно, „слово мое" — прерогатива хана, его официального наследника, также членов его семьи — кроме обыденного лексического значения, должно иметь в протоколе ярлыков еще иное содержание, что можно доказать сравнительным анализом адресанта с приветствием и публичным объявлением (публикацией) ярлыков-посланий и также собственно посланий (битиков).

В 53 ярлыках-посланиях Менгли-Гирая начальный протокол в относительно полном виде (адресант, адресат, приветствие) вместе с публичным объявлением (в джучидских посланиях часть нотификации — публичного объявления может составлять одно целое с начальным протоколом) представлен следующими вариантами:

а) „Менли-Гиреево слово. Великому князю Ивану, брату моему, слово мое (~ наше) то (~ стоит)" [338, т. 41, 110 и др.].

б) „Великого царя Менли-Гиреево слово. Великому князю Василию, брату моему, слово то (~ слово наше то)" [338, т. 95, 22 и 25].

в)„Менли-Гиреево слово. Великому князю Ивану, брату моему, ведомо бы было“ [338, т. 41, 105 и 174].

Большинство остальных ярлыков имеет такой начальный протокол: „Менли-Гиреево слово Великому князю Ивану, брату моему, много (+ много) поклон. Слово мое (~ наше) то . . .“ [338, т. 41, 104—107 и др.].

Примерно такая же концовка начального протокола характерна для Мухаммад-Гирая I [338, т. 95, 148—149 и др.].

Во всех этих примерах русскому варианту публикации — „слово мое (~ наше) то“ — могли соответствовать такие тюркские эквиваленты их как *сөз олдур, сөз олдур ки* (~ *ким*), *сөзүм олдур* (~ *ки, ким*), *сөзүмүз олдир ки* . . ., в которых *сөз* — слово уже употреблено в несколько ином значении, чем в адресанте.

Это подтверждается материалом многочисленных писем рядовых султанов, беков и мирз, которые в посланиях, постоянно избегая термина „слово мое“ из адресанта, приветствие и публикацию оформляли почти так же, как в ханских письмах, и, как правило, начиная публичным объявлением новое предложение после салютации.

Следовательно, если в адресанте употребление термина „слово мое“ являлось исключительно ханской прерогативой, то выражение „слово . . . то“ в публикации, не являясь монополией монарха, носило до некоторой степени нейтральный характер. Это предположение дополнительно подкрепляется фактом замены „слово . . . то“ из публичного объявления еще более нейтральными синонимами его *ма'лум бола, ма'лум болсун* — „ведомо бы было“, „да будет ведомо“ [468, 84].

Таким образом, переводчики и делопроизводители из велико-княжеской канцелярии внимательно относились к передаче значения ярлыкового *сөз*, строго закрепляя за ним его русский лексический эквивалент — „слово“; причем, это был не просто смысловой перевод, а калькирование. В этом можно убедиться на фактах употребления термина „слово“ в русских грамотах, адресованных татарам, свидетельствующих о степени осмысления этого термина.

В комплексе документов русско-татарской переписи XV — XVI вв. имеется 18 грамот Ивана III и 22 послания его сына Василия, адресованных Менгли- и Мухаммад-Гираю I, из них интересны приветствия великих князей. Например, Иван III в 16 из 18 случаев начальный протокол оформлял следующим образом: „Менли-Гирею царю, брату моему (+ брат твой) князь великий (~ великий князь) Иван челом бьет“ [338, т. 41 88, 115 и др.] В остальных двух случаях, написанных резко требовательным тоном о том, чтобы отпустить задержанного посла, после развернутых титулов как хана, так и самого Ивана, вместо традиционного „челом бьет“ стоит „слово наше то“ [338, т. 41, 184 и 212].

В посланиях Василия Ивановича начальный протокол еще более устойчив. Так, в двух грамотах Менгли- и 19 посланиях Мухаммад-Гираю он пишет: „Великие Орды великому царю Менли-Гирею (~ Магмед-Гирею), брату моему, князь великий Василий Иванович всея Руси челом бьет" [338, т. 95, 56 и др.]. Лишь в одном случае, написанном до коронации Мухаммада-Гирая, находим краткое обращение: „Брату моему Магомед-Гирею царевичю" [338, т. 95, 137]. И сам будущий хан до коронации в посланиях к Василию не применял „слово мое", что весьма симптоматично [338, т. 95, 31—33 и 78—79].

В грамотах же великих князей, адресованных неханствующим лицам, в том числе и калгам, вместо „челом бьет" стоит „поклон" или вообще нет ничего; без „челобитья" обращался Василий Иванович к ханшам, например, той же Нур-Султан, любившей употреблять формулу № 2 [338, т. 95, 137, 180—184 и др.].

Следовательно, великие князья термин „челом бьет" применяли лишь по отношению к царствующим лицам. Это дополнительно подтверждается начальным протоколом грамоты Ивана III казанскому хану Мухаммад-Амину: „Магмед-Аминю царю, брату моему, князь великий Иван челом бьет", [338, т. 41, 92 и 132]. Надо полагать, что Иван III таким приветствием соблюдал лишь формальность субординации времен зависимости, ибо в это время сам казанский хан зависел от великого князя [175, 68 и 84], что подтверждает салютация Мухаммад-Амина: „Великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, брату моему, Магомед-Аминь царь челом бьет" [338, т. 41, 131—133 и др.].

Нет основания думать, что термин „челом бьет" есть форма выражения обычной скромности, ибо систематическое противопоставление ханскому „слово мое" великокняжеского „челом бьет" является показателем неравноправия сторон в официально ранговом отношении (Даже Иван IV, пышно титуловавший себя в посланиях, адресованных шведскому королю, в своей грамоте Симеону Бекбулатовичу, находившемуся одно время на великокняжеском престоле, применил „челобитье" [308, 144, 148 и 195]).

Вывод этот рельефнее аргументируют и другие факты. Например, татарским бекам и мирзам, в своих письмах применявших „челом бьет", великие князья, наоборот, употребляли ярлыковое „слово мое". Его, начиная с 1492 г., стал применять, правда, не очень активно, Иван III — два раза по отношению к султанам Уздемирю и Довлешу, которым он обещал убежище в Москве, то есть службу у себя: „Великого князя **Иваново слово** Уздемирю (~ Довлешу) царевичу" и один раз Ямгурчи-беку: „Великого князя **Иваново слово**

Емгурчею князю. Слово наше то . . .“ [338, т. 41, 145 и 537]. Так в исконно русских грамотах появляется новая форма, являющаяся по своему происхождению татарской. Возможно, что отдельные случаи употребления подобной формулы в русских грамотах встречались и раньше, но систематическое применение ее началось лишь в эпоху ликвидации зависимости от джучидов.

Новая формула стала активно применяться во времена Василия Ивановича: „Великого князя **Васильево слово** Асану [~ любое другое имя] князю. Слово наше то“; „Великого князя **Василия Ивановича всеа Русии слово** Аппак [~ любое другое имя] мурзе. Слово наше то“ [338, т. 95, 1—17, 138; первая формула —9 раз, вторая — более тридцати].

Таким образом, в великокняжеской канцелярии четко отличали содержание „слово мое“ начального протокола от значения этого же слова в других контекстах, где оно выполняло свои нейтральные функции как „единица речи“ вообще. Наконец, факты построения великокняжеских грамот, адресованных „своим“ служилым татарам по нормам собственно русских грамот, еще раз подкрепляют этот вывод.

Так, выясняя принадлежность „слово мое“ адресанта вышестоящему по ранговой системе и относительную нейтральность „слово . . . то“ публичного объявления, характерность „челом бьет“ для посланий нижестоящих, наконец, свойственность „поклона“ (в тюркских оригиналах — *сәлам*) равноправным сторонам, можно получить и другой вывод. Это схема верхней части иерархической лестницы в ханствах Джучиева Улуса, где она выглядела в огрубленном виде так: **хан — калга** (соправитель-наследник) — **султаны** (царевичи) — **беки** („князья“ в русских переводах) — **мирзы** (мурзы). Причем, если хан и калга являлись „избранными“ из среды султанов-чингизидов, то беки-правители избирались из мирз. В свою очередь из числа беков выходили высшие сановники: карачи, диван-беки (дуваны), казначеи и т. д.

На эту общую схему мы обращаем внимание потому, что она до некоторой степени объясняет причину применения ханами формулы „слово мое“ по отношению к русским великим князьям.

Как показывает анализ документов, князья, согласно золотоордынской иерархической системе, приравнивались к **бекам**. Традиционность такого соотношения подтверждается и собственно русскими документами, например, величанием татарских беков „князьями“ в посланиях Ивана III и Василия Ивановича [338, т. 41, 537 и т. 95, 1—17]. Наконец, следует вспомнить обычай выдачи ярлыков ханами на княжение, то есть правление.

Однако сами великие князья в русско-татарской переписке с второразрядными, то есть некоронованными чингизидами

стремились проводить тенденцию приравнивания себя к султанам (царевичам), о чем говорит отсутствие в их грамотах к подобным, нецарствующим чингизидам как „челом бьет" нижестоящего, так и „слово мое" вышестоящего.

В дальнейшем же Василий Иванович, активно применяя не только свой более развернутый титул великого князя „всеа Руси", но также ярлыковое „слово мое", начал по отношению к простым султанам и мирзам утверждать себя в ранге хана. И проводил он эту линию поэтапно и настойчиво, применяя „Васильево слово" систематически. К сожалению, малочисленность великокняжеских грамот из переписки с Крымом после 1521 г. не дает возможности проследить дальнейшего развития этой тенденции. Но все же из наличного материала видно, что провозглашению Ивана IV себя царем (ханом — в представлении юго-восточных соседей), наравне с общим социально-политическим развитием Руси при его предтечах, предшествовала и упорная борьба в области практической дипломатики, формальной терминологии и в конце концов было отброшено унизительное „челом бьет". Например, „шертная" грамота Ивана IV 1564 г. имеет адресант равноправного контрагента: „Мы великий государь и царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии целовали есмя крест тебе брату своему Великие Орды великому царю Девлет-Кирею царю . . ." [231, 26—27].

Не следует, однако, думать, что „слово мое" в посланиях — явление раз и навсегда данное, превратившееся в нерушимый стандарт. Так, Менгли-Гирай, постоянно применяя эту формулу в посланиях к великим князьям и в ярлыках к татарским бекам, мирзам, в письмах к Мухаммад-Амину, стоявшему официально на одном уровне с ним, избегал ее [338, т. 41, и 108 и 154], тем самым подчеркивая его ханское достоинство. В то же время Мухаммад-Амин, соблюдая родственную субординацию, наоборот, посылал к могущественному отчиму нижайшее „челобитье" [338, т. 41, 146 и 207].

Не употреблял Менгли-Гирай „слово мое" в посланиях к польско-литовским королям, последние отвечали ему так же равноправным „поклоном" [336, 20, 24—26; 337, 24—30; 43, т. I, 125 и 212].

Такое особое отношение между польско-литовскими государями, носившими и титул короля (хана в представлении татар), объясняется также тем, что в свое время Хаджи-Гирай, основатель династии, пользовался убежищем у литовцев [147, 123; 334, 241]. Об этом Менгли-Гираю ясно напоминал и великий князь Александр: „ . . . и отец твой царь Гаджи-Кгирей у отца нашого хлеб и соль ел, и он оттоль и стольца царского достал" [43, т. I, 119]. Правда, несколько позднее, когда скитания родоначальника династии стали достоянием далекого прошлого, измельчавшие, но не изжившие прежней

претенциозности крымские ханы стали и по отношению к польско-литовским королям применять анализируемую формулу [250, №№ 1, 2, 5 и др.]. Но возможно, что в этих, в сущности шертных грамотах „слово мое“ носило несколько иной оттенок — высокое, торжественное монарше обещание. Однако и в этом случае „слово мое“ продолжало оставаться компонентом царского адресанта.

Наконец, полное отсутствие не только специального термина „слово мое“, но также и нейтрального выражения „слово . . . то“ в публичных объявлениях в посланиях золотоордынских ханов Улуг-Мухаммада, Ахмада и астраханского Махмуда, адресованных турецким султанам [468: 8, 30, 38, 48, 50], окончательно подкрепляет наш вывод о функции и назначении анализируемой формулы.

Итак, можно подвести итог, что джучиды, монополизируя применение ярлыкового „слово мое“ в адресантах, пользовались им лишь по отношению к вассалам или монархам, которых они пытались поставить рангом ниже себя. „Слово“ в этом контексте имело специальное значение: **воля, повеление, приказ, указ и торжественное заявление монарха.**

Иначе говоря, джучидские адресанты анализируемого типа (варианты №№ 1—8) представляют из себя сплав собственно адресанта с распоряжением, то есть с диспозицией (Мария Иванич приходит к выводу, что „слово наше“ крымских ярлыков XVII в. похоже на турецкий глагол *буйурулду* — „приказано, повелено“. Некоторая узость и однобокость толкования связана, видимо, с ограниченностью использованного материала [461, 215]).

Словом, наличие или отсутствие компонента „слово мое“ в адресантах может говорить о жанрово-видовых особенностях актов. В первом случае им придавался характер приказного, указного документа, во втором — характер послания в равноправной переписке.

Нет оснований полагать, что такое значение интитуляции было известно лишь в канцеляриях джучидов. В фирмане турецкого султана Мехмеда II 1473 г., написанном по всем правилам чингизидских ярлыков, читаем: *султан Мехмед хан сөзүм* [472, 285—322]. Многочисленные примеры с конструкциями „Иваново слово“, „Васильево слово“ говорят о прекрасном понимании ее на Руси.

Однако в связи с последним возникают вопросы: как понимать в таком случае постоянное применение „слово мое“ в крымских грамотах конца XV и начала XVI вв., адресованных главам Русского государства, еще в 1480 г. ликвидировавшего зависимость от Золотой Орды? Разве была Москва этого периода политически зависима от Крымского ханства, возникшего лишь в 40-х гг. XV в., а в 70-х гг. того же столетия ставшего своеобразным вассалом Турции? Если нет,

то как понимать длительное, более 50 лет, сосуществование тюркского *сөзум* и русского „челом бьет" в Крымско-московской переписке?

Вопрос еще более осложняется, если вспомнить, что в проектах шертных грамот, составленных в 1475, 1480 и 1516 гг. в Москве, крымский хан должен был так сформулировать начальный протокол: „Менли-Гиреево слово. Брату, великому князю Ивану" или „Великие Орды великого царя Магмед-Гиреево слово. С своим братом, с великим князем Васильем Ивановичем всеа Руссии..." [338, т. 41, 11; т. 95, 199 и 201]. Таким образом, выходит, что несправедливую для себя формулу интитуляции предложили сами великие князья... В то же время в начальном протоколе имеется обращение к „брату", противоречащее первой части протокола...

Попытаюсь объяснить такое противоречие, но не ставя себе задачу осветить все перипетии московско-крымских отношений XV-XVI вв. [см.: 50; 171; 348 и др.], отмечу лишь некоторые основные моменты.

Как известно, в борьбе с Большой Ордой Иван III искал союза с Крымом, римским престолом, и в 1474—1475 гг., когда Менгли-Гирай — ярый противник Ахмада — оказался свергнутым, великий князь был вынужден временно признать „былую зависимость" от ордынской власти [147, 185]. После повторного и окончательного воцарения Менгли-Гирая в 1478 г. вопрос о военном союзе с Крымом приобрел „еще большую актуальность" [147, 187], и великий князь Иван опять предложил проект крымской шертной грамоты с ярлыковым начальным протоколом [338, т. 41, 20—21]. Это означало признание великим князем рангового превосходства крымского хана, до этого в таком положении был золотоордынский. Следовательно, надо полагать, такой шаг был сделан для противопоставления Менгли-Гирая Ахмаду.

Признание крымской формулы ярлыкового типа в эти годы юридически было равносильно признанию Крымского ханства основным наследником Золотой Орды.

Такая линия Ивана III, в дальнейшем и Василия Ивановича, была вполне оправдана, ибо в лице Менгли-Гирая великий князь приобрел сильного союзника как против польско-литовского государя, так и против хана Большой Орды. При этом необходимо учитывать и следующее. Иван III, при котором утвердился титул великого князя „всеа Руси" [229; 426], редко употреблял его в своих грамотах в Крым; например, всего лишь два раза из восемнадцати случаев — оба раза в ультимативных посланиях [338, т. 41, 184 и 212]. Зато он активно внедрял его в переписке с польско-литовскими государями, которые никак не хотели признавать его, например, великий князь Александр [338, т. 41, 81 и 193], из-за чего стороны долго спорили [338, т. 41, 298—299 и 459—466].

Следовательно, при переписке с Крымом Иван III преследовал определенные политические цели при выборе формулировок. Действительно, применяя в грамотах к крымцам оборот „челом бьет", великий князь не столько терял что-либо реальное, сколько приобретал тройную выгоду: подрывал союз между Литвой и Крымом, подливал масла в огонь крымско-ордынской вражды и, наконец, уменьшал опасность экспансии со стороны Крыма. Это было осуществлением одного этапа универсального дипломатического принципа: „разделяй и властвуй", правда, пока — „разделяй и действуй".

И великие князья действовали. Действовали они терпеливо, с расчетливой дальновидностью, дипломатическим хладнокровием, где осторожно, а где и смело. В переписке с Крымом они не возражали против традиционного, но несправедливого употребления термина „слово мое", также против претенциозного „неологизма" Гираев („Великие Орды великого хана"), наоборот, отвечали на них скромным „челом бьет" и одновременно „брат твой". Вели также терпеливую переписку с султанами, беками, выдавая себя за их искренних друзей. Целеустремленность и дипломатическая ловкость Ивана III ярко проявились, например, в истории с незадачливым Абдуллатифом, который из-за недальновидности родителей оказался добровольным заложником у великого князя, чем последний пользовался систематически и долго, оказывая давление как на Мухаммад-Амина в Казани, так и на влиятельнейшую ханшу в Крыму. Обстоятельства и причины смерти царевича остаются загадкой московско-крымской дипломатической борьбы [Подроб. см.: 338, т. 41]).

Постоянно посылая по традиции былых времен богатые дары — „поминки" — феодальной верхушке крымцев, при этом часто добиваясь возникновения споров между ними [см.: 250, 670—682], великие князья объективно способствовали дальнейшему развитию у крымских правителей вымогательско-паразитических устремлений. В сущности, крымские ханы — подлинные вассалы турецких султанов — ослепляясь фасадом высокомерной старой терминологии и результатами эпизодических грабительских набегов, играли комедию, а московские великие князья, наоборот, используя ту же старую терминологию, осуществляли стратегическую дипломатию, вели тонкую, дальновидную политическую игру [см. также: 175].

Вообще, если конечной целью государственной дипломатии было достижение любыми средствами политических выгод для своей страны, то в этом Иван III добился блестящих успехов: постоянно призывая Крым к действиям против Большой Орды, обещая вот-вот выступить против „ахматовичей", но не исполняя эти обещания [338, т. 41, 302, 416 – 417 и др.], он дождался 1502 года, рокового для Большой Орды.

В результате всего этого существенно изменилось соотношение сил в Восточной Европе, и изменилось оно, в конце концов, в пользу Русского государства. Таким образом, принцип „разделяй и действуй" полностью оправдал себя, подготовив плодородную почву для превращения его в дальнейшем в „разделяй и властвуй". Так практическая дипломатика оказалась в одной упряжке со стратегической дипломатией.

Кажется, теперь вполне понятно, почему Иван III добивался шертного ярлыка с несправедливым начальным протоколом. В то же время великий князь сумел в некоторой степени нейтрализовать ярлыковое содержание адресанта, еще в 1474 г. добившись от Менгли-Гирая того, чтобы он называл его не иначе как „брат и друг" [338, т. 41, 1—3]. В результате получилось противоречие: с одной стороны, „слово мое" вышестоящего, с другой, „брат" равноправных. Это еще раз говорит о том, что великий князь, до нюансов понимая значение ярлыкового адресанта, сумел отметить условность, даже ложность своей „зависимости".

Итак, вывод о том, что „слово мое" в ярлыках — это „воля, повеление, указ, приказ", подтверждается не только дипломатикой тюркоязычных документов и их русских переводов, но также объясняется исторически, логикой событий вообще.

После выяснения содержания, назначения адресантов ярлыкового типа, вполне возможен вопрос относительно его происхождения и истории формирования. Как показали предварительные наблюдения, этот тип адресанта у чингизидов окончательно оформился скорее всего в XIII в — в эпоху сложения их огромной державы [392]. У джучидов он мог быть и простой калькой от монгольского *уге ману* — „слово наше" великих каганов [см.: 207 и 209]. А. П. Григорьев убежден в том, что адресант джучидов имеет только монгольский исток [152а]. Но он вполне мог происходить и от уйгурских интитуляций домонгольского периода, ибо, как мы уже знаем, роль уйгурской письменности и литературного языка была весьма значительна не только для Джучиева Улуса, но также для всей Монгольской державы. Факты применения *сөзүм* в средневековых уйгурских юридических актах XII — XIV вв. подтверждаются документально: *Апа Тамур сөзүм, Курам Арслан сөзүм* [471: 6, 23, 33... — более десятка случаев]. Поэтому вполне возможно, что в будущем обнаружатся точно датированные домонгольские уйгурские грамоты с характерным *сөзүм*.

Вышеанализированные образцы джучидских интитуляций, как было уже отмечено, являются вариантами и вариациями одного и того же типа — ярлыкового адресанта с тремя основными компонентами — **АБм**, придающих ему полную за-

вершенность. Этот тип адресанта в различных редакциях характерен для жалованных ярлыков различных разновидностей, групп и ярлыков-посланий в целом. Однако было бы наивно предполагать, что всем подвидам официальных актов джучидов был присущ именно этот тип интитуляции. Он практически (но не теоретически) мог иметь монопольное господство в официальном делопроизводстве „великих каганов" времен единства державы, когда они, по их представлению, не имели „равных себе", поэтому всем без исключения могли писать повеления с выражением „слово наше". В таком случае исследуемая формула поднялась бы до уровня компонента **условного формуляра**, характерного для всей категории официального акта [200, 26].

Однако после распада державы, когда возник ряд государственных образований — улусов, во главе которых стояли равноправные между собой внучатые чингизиды и их потомки, интитуляции вышеанализированного типа уже не могли удовлетворить всех потребностей. Улусные ханы не могли писать „повеления" не только великим каганам в Каракорум, но также и друг другу. Возникла потребность в создании адресантов нового типа, который, в отличие от классически ярлыкового, назовем условно **вторым** или же **„посланческим"**.

Следовательно, на данном этапе проанализированный тип адресанта — ярлыковый тип — становится компонентом не условного, а **абстрактного формуляра**, характерного для определенных разновидностей официальных актов.

Каковы были варианты, вариации интитуляций посланческого типа у чингизидов, в целом, у джучидов, в частности, – это задача будущих изысканий.

Что же касается назначения и функций вариантов проанализированного типа адресанта, то предположительно можно сделать такие выводы. Вариант № 1, будучи изначальной формой для всех джучидских ярлыков, был универсальным, „всеобщим". Наличие его как в ярлыках-посланиях, так и в жалованиях говорит в пользу этого вывода.

По отношению к нему более поздним является вариант № 2, отличающийся от первого наличием в нем титула „хан", который, видимо, начал фигурировать в интитуляциях во времена образования новых джучидских династий на обломках прежней империи, когда каждый обладатель нового престола нуждался в самоутверждении, в доказательстве своих прав на царство. Полное отсутствие данного титула в актах до возникновения новых ханств убедительно подтверждает такое предположение. По своему назначению этот вариант также был универсальным, ибо он встречается как в жалованных, так и дипломатических актах. К нему же по структуре и назначению примыкают варианты № 7 и № 8.

Варианты №№ 3, 4 и 9 встречаются лишь в ярлыках-посланиях, что вполне объяснимо: развернутые титулования „великий хан“ и „Великой Орды великий хан“, возникшие после 1502 г. несли определенную политическую нагрузку — выражали претензию их носителей на джучидское наследие, о чем и сообщалось соседям, в особенности тем, которые некогда зависели от действительной Великой Орды, то есть Джучиева Улуса.

Также относительно поздно возникший вариант № 5 (к нему примыкает № 6), наоборот, является собственно ярлыковым (во внешнеполитических актах он зафиксирован пока лишь один раз [250, № 5]). Титул „победоносный воитель“, в отличие от „великого хана Великой Орды“, не содержит династийных или территориально-политических претензий. По этой причине, видимо, он в жалованиях одного и того же хана, например, Даулят-Гирая, Мухаммад-Гирая II и др. заменялся другими вариантами, например, № 2.

В целом сравнительный анализ вариантов, с учетом их принадлежности и времени возникновения, говорит о том, что чем мельче и слабее становились джучиды, тем пышнее, многословнее и претенциознее формулировались их интитуляции.

Выяснение содержания и функций основных компонентов ярлыкового адресанта, в особенности оборота *сөзүм* — „слово мое“, помогает решению вопроса перевода ханской интитуляции первого типа. При учете специфического контекста названного оборота одним из наиболее верных вариантов был бы „указ мой“, который, фактически несколько повторяя, уточняя первую редакцию Я. О. Ярцова („Именное повеление“ — [361, 39]), предложил А. П. Григорьев [151а, 25—32]. Ценность этой редакции заключается в том, что она выражает сущность анализируемой статьи начального протокола в отношении осмысления, интерпретации его содержания.

Недостаток этого перевода заключается в том, что в нем самобытное, неповторимое по способу выражения особое понятие формулы подменяется другим термином — „указом“, тюрко-монгольским эквивалентом которого является общеизвестное слово *ярлык*. Позднее в этом смысле употреблялись также термины *берат, фирман* и др. Поэтому более приемлемым был бы старый русский перевод типа „Токтамышево слово“, в котором „слово“ является не просто переводом, а своеобразной калькой, хорошо освоенной в исторической литературе.

Однако и такой перевод, в конечном счете, оказался неудовлетворительным, ибо он, несмотря на лаконичность, отражая почти все формальные качества оригинала, не передавал одного из важных моментов интитуляции в данной редакции — ее экспрессию, стилистическую торжественность,

что и послужило причиной появления различных редакций и версий научных переводов.

При учете этого обстоятельства, на мой взгляд, наиболее удачным является предложение А. Н. Самойловича, в котором учитываются не только традиция практической дипломатики, но и стиле-грамматические особенности, экспрессивность оригинала.

Исходя из всего этого, в будущем, при издании на русском языке текстов ярлыков и ярлыков-посланий, в переводах различных вариантов **адресантов первого типа** можно было бы применять следующую терминологию (собственное имя берется условно):

АВм — Мое — Токтамышево слово;

АБм$_1$ — Наше — Токтамышево слово;

АХБм — Мое — Токтамыш-хана слово;

АХБм$_1$ — Наше — Токтамыш-хана слово;

ТХАХБм — Мое — великого хана Токтамыш-хана слово;

ТСТХАБм — Мое — Великой Орды великого хана Токтамышево слово;

ПВАХБм — Мое — победоносного воителя Токтамыш-хана слово и т. д.

3. Инскрипция

В исследуемых ярлыках инскрипции, то есть обозначение адресата (далее — а д р е с а т) в более или менее полном виде представлены в 37 случаях. В трех документах (№№ 7, 10, 11) они не сохранились. Видимо, по такому дефектному оригиналу составлена копия жалования Ибрагима (№ 9). Что же касается списка ярлыка Хаджи-Гирая 1453 г. (№ 4), то в нем адресат сильно увеличен, перепутан за счет вольных добавлений, поэтому документально малодостоверен.

В 17 актах (№№ 25, 28—30, 36, 37, 40, 44, 47—49, 51, 54—57, 60), составленных по крымско-турецким правилам, характерных для ярлыков инскрипций нет вообще. В одном документе адресат представлен в смешанном виде (№ 31), то есть он по форме стоит между собственно джучидскими и поздними крымско-турецкими актами. Наконец, из-за своеобразия изложения, несколько выделяется из общих правил и ярлык Сахиб-Гирая казанского периода правления (№ 14).

В результате всего этого анализу подвергаются адресаты 37 документов [№№ см. в таблицах XV — XVII], которые оформлены по собственно джучидской традиции делопроизводства.

Правда, по мере необходимости, будут учтены и другие акты (№№ 4, 14, 31), также жалования, полученные русскими митрополитами.

Адресат жалованных ярлыков, в отличие от такового дипломатических посланий и ярлыков-посланий, можно было бы в композиционном отношении разделить на шесть условных частей, в которых в той или иной степени сгруппированы различные должностные и официальные лица по их административному положению и обязанностям перед государственным законом: 1) высшие и низшие военно-административные чины, 2) духовные лица, 3) высшие и местные конкретные исполнители, 4) возможные исполнители, 5) все подданные и, наконец, 6) сами пожалованные, то есть заинтересованные лица (А. П. Григорьев адресат делит на пять групп: местные военные чины, местные гражданские чины, проезжие лица, весь народ, заинтересованные лица [151, I—III]). Из этих шести групп первые пять содержатся в самом адресате, а последняя — имена держателей ярлыков — приводится, как правило, внутри основной части текста, после публичного объявления. Каждая часть адресата состоит из оборотов, от одного до нескольких, состоящих в свою очередь из отдельных компонентов, иногда имеющих при себе так называемые характеристики — индивидуальные особенности.

Первая часть инскрипции состоит из двух оборотов, в которых сгруппированы высшие и низшие военно-административные чины: огланы, то есть принцы крови вообще, управлявшие „крыльями" (флангами) страны, беки-темники, предводители тысяч, сотен, десятков, также правители (даруга-беки) городов, селений — более мелких административных единиц. Как видно из классификации вариантов первого оборота, собственно золотоордынским и наиболее ранним крымским жалованным ярлыкам [табл. XV: 1—8; по сиглам: А — В и Г — Ж] характерны следующие: а) огланы правого крыла, левого крыла, то есть общее обращение к высшим военно-административным чинам и б) даруга-беки конкретных туменов во главе с (имярек) в частности, то есть более конкретизированное обращение.

Такое обще-конкретное обращение к лицам высшей военно-гражданской администрации поименно (у Токтамыша — крымский темник Кутлу-Буга, у Тимур-Кутлуга — темник Идигу), то есть персонификация инскрипции указывает на прочное положение и большой авторитет названного сановника. Обычай такой персонификации адресата имел место и в ранних жалованиях, данных русским митрополитам [табл. XVIII, 5, 7]. Поэтому можно полагать, что обороты ярлыков № 5 и № 13 [табл. XV, 5—Г, 5—Ж], в которых упоминаются имена „даруга-беков во главе с „Шах-Марданом и Аппаком", указывают на отражение ранних обычаев в относительно поздних жалованиях. Несмотря на испорченность текста, об этом же говорит и ярлык № 4: „Правящим крымским туменом даруга-бекам во главе с Именеком, также да-

руга-бекам Крык-Ера во главе с Шах-Марданом, сотским бекам во главе с Халилем" (об испорченности копии свидетельствует название Крыма „туменом" устами его хана).

В ярлыке Улуг-Мухаммада, адресованном также даругабекам Крымского тумена, имя темника не названо. Не персонифицированы первые части адресатов и других крымских ярлыков, начиная с Саадат-Гирая. Все это, видимо, свидетельствует о падении авторитета темников этих времен, с одной стороны, а также о кодифицировании таких „безликих" обращений — с другой. (По мнению С. М. Каштанова, отсутствие персонификации говорит „о неравноправности контрагентов" [202, 109]). Во всяком случае, начиная с 20-х гг. XVI в., в крымских актах старого типа — их около 30 — ни разу не встречается поименное обращение к высшим сановникам. Зато первый оборот инскрипций этих ярлыков становится более устойчивым, однотипным. Например, если для всех жалований Сахиб-Гирая характерен оборот: „Правящим туменами, тысячами, сотнями, десятками правого крыла, левого крыла Великого Улуса" [табл. XV, 7—И], то после него все правители употребляли другой устойчивый вариант: „Огланам, бекам, правящим туменами, тысячами, сотнями десятками правого крыла, левого крыла Великого Улуса", ранее он встречался один раз лишь у Саадат-Гирая [табл. XV, 8—К и 8—З].

Правда, следует отметить одно инверсионное изменение: начиная с отдельных ярлыков Сахиб-Гирая, несколько нарушается последовательность перечисления военных подразделений после туменов: „сотнями, десятками, тысячами" (№№ 17, 18, 20), „сотнями, тысячами, десятками" (№ 23), хотя у него есть и правильная последовательность (№ 16). На это обращается внимание потому, что, начиная с Даулят-Гирая, ошибочная последовательность „сотни, десятки, тысячи" становится почти единственно употребительной.

Вместе с тем последний вариант оборота [табл. XV, 8—К] является как бы суммой, полученной в результате „сложения" сахиб-гираевского варианта [7—И] с более ранним [6—Е]. В свою очередь, эти развернутые обороты, складывались в результате объединения двух самостоятельных, употреблявшихся в золотоордынских ярлыках [1—Б и 2—Б], которые, судя по данным „митрополичьих" жалований, были наиболее характерными формулами для раннеджучидских актов [табл. XVIII].

Второй оборот первой части инскрипции [табл. XV, 9—12] отличается относительной простотой и единообразием. Отклонения касаются лишь состава объекта правления даругабеков. Оборот этот не отличался устойчивостью, видимо, и в наиболее ранних ярлыках [табл. XVIII, 6, 7]. Правда, начиная с Сахиб-Гирая, в крымских жалованиях он стал стан-

Обороты	№ п/п	Сиглы и номера ярлыков по описаниям Варианты оборотов первой части инскрипции
Оборот 1	1	Огланам правого крыла, левого крыла
	2	Бекам тысяч, сотен, десятков во главе с темником (имярек)
	3	Даруга-бекам Крымского тумена во главе с (имярек)
	4	Даруга-бекам Крымского тумена
	5	Даруга-бекам Крык-Ера во главе с (имярек)
	6	Огланам, бекам, правящим туменами, тысячами, сотнями, десятками Великого Улуса
	7	Правящим туменами, тысячами, сотнями, десятками правого крыла, левого крыла Великого Улуса
	8	Огланам, бекам, правящим туменами, тысячами, сотнями, десятками правого крыла, левого крыла Великого Улуса
Оборот 2	9	Даруга-бекам внутренних селений
	10	Даруга-бекам внутренних и внешних городов
	11	Даруга-бекам внутренних городов
	12	Даруга-бекам внутренних селений и городов

* Номенклатура дается в переводе с соответствующими грамматическими

Таблица XV*

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К
1	2	3 8 н. нч.	5 н. нч.	6 н. нч.	12	13 н. нч.	15	16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 35,	27, 31, 32, 34, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 50, 52, 53, 58, 61
	+								
	+								
+									
		+							
			+			+			
					+				
								+	
							+		+
	+			+					
					+				
							+		
								+	+

показателями; н. нч. — нет начала.

дартным: „даруга-бекам внутренних селений и городов" [табл. XV, 12—И, К].

Сравнивая эти два оборота и их варианты, можно сказать, что термины *оглан, бек, даруга* были обобщенными, употреблялись в значении „правители" вообще. Правда, *оглан* у уйгуров имел кроме этого значение „принц" [471]. Однако в ярлыках этот термин означал правителя из принцев, который находился во главе более крупных, чем тумены, военно-административных, территориальных единиц: „крыльев" — флангов. Характерно, что при назывании туменов (Крыма, Крык-Ера и др.) огланы не упоминаются. Возможно, что переводу „улусные князья" митрополичьих ярлыков [табл. XVIII, 2, 4, 5], в оригиналах соответствовал оглан, как правитель, наместник части империи. Следовательно, в джучидских ярлыках огланы выступают не просто как родственники государя, как в хулагуидских актах [151, II, 41], а являются перворазрядными официальными администраторами.

Обобщенность содержания термина *бек* подтверждается тем, что им назывались наравне с темниками, предводителями „десяти тысяч" и командиры более мелких подразделений: тысяч, сотен и десятков. С другой стороны, *бек* выступает в качестве уточнителя к термину *даруга*, как парное *даруга-беки*: правители даруги, „князья-даруги" (в средневековой русской интерпретации — „дороги и князья" [табл. XVIII, Г—Д, Е]).

Даругами, как видно из оборотов, назывались наравне с главами туменов, городов и управители селений — более мелких населенных пунктов. Если так, то *даруги* джучидских актов, в отличие от раннечингизидских, не всегда были эквивалентны понятию „князъ" (нойон), но могли означать и менее именитых по происхождению и положению правителей. Это, видимо, явилось результатом деградации содержания термина в более поздние эпохи.

В отличие от *бека*, которым называли и военного, и гражданского предводителя, термин *даруга* означал, как показывают материалы и новейшие исследования [151, II, 46, III, 163], гражданский чин, лицо, в ведении которого наравне с территорией тумена — населения, выставляющего десять тысяч войск — находились города и отдельные селения.

Таким образом, если во времена каганов и ранних джучидов термин *даруга* означал должность, равную военным губернаторам (именно отсюда и крупные территориальные единицы под названием *даруги*, в русском озвучании „дороги": Арская дорога, Ногайская дорога в Казанском ханстве), воеводам („городовые воеводы" по русской номенклатуре), то позднее, в эпоху второэтапных ханств, *даругами* стали называть территориальных администраторов вообще, независимо от размеров подобных территорий. Одним словом, и

здесь наблюдается определенная деградация содержания термина.

Вторая часть инскрипции, содержащая от одного до трехчетырех оборотов, обращена к представителям духовенства. Причем, каждый оборот состоит из парных терминов или же одного термина и его определения [табл. XVI, 2, 6, 9, 10]. Характерно, что наиболее ранние крымские ярлыки имеют больше общего с собственно золотоордынскими. В то же время с обособлением Крымского ханства наблюдается тенденция к унификации этих оборотов.

Правда, Сахиб-Гирай — называя в своем адресате *муфти и мударрисов, кази и мухтасибов, шайхов и суфиев* — не создавал новые обороты, а развил и дал устойчивость формуле, употреблявшейся еще во времена первых Гираев. В то же время эти обороты инскрипций имеют некоторые отклонения, например, в них, в отличие от большинства предшествующих, на первое место поставлены не *муфти* и *мударрисы*, а *кази* и *мухтасибы*, хотя по субординации должно было бы быть наоборот [табл. XVI, Г, И — Ж, З]. Если учитывать то обстоятельство, что Сахиб-Гирай игнорировал в своих жалованных актах традиционную формулу богословия-преамбулы, то возникает вопрос: не проявилась ли здесь тенденция отдавать предпочтение судьям-практикам и блюстителям-исполнителям перед теоретиками-законоведами и учеными-богословами? По-видимому, не случайно и то, что в некоторых жалованиях этого правителя *мухтасиб* называется раньше *кази* (сравни: табл. XVI, 5—Ж, 4—З). Отход от данной формулы в последующих ярлыках, за исключением лишь одного случая (№ 58), видимо, тоже не просто результат стилистики.

Что же касается своеобразия ярлыка № 58, то он является подтвердительным, то есть выданным на основе жалования Сахиб-Гирая.

В терминологическом отношении особняком стоит ярлык Сахиб-Гирая казанского периода правления [табл. XVI, 9—Е, 10—Е]. При учете того обстоятельства, что в этом ярлыке весьма своеобразна — отличительна от других актов и первая часть адресата, возникает логический вопрос: не является ли это своеобразие отражением некоторых особенностей делопроизводственной традиции Казанского ханства в целом? Если вспомнить факты, что в Казанском крае и после образования ханства сильны были булгарские традиции (город Казань одно время назывался Новым Булгаром [482, 22], гробницы ханов находились в Булгарах и т. д.), а домонгольская Булгария безусловно имела свою документоведческую школу, сильно развитые религиозные представления, то вполне допустимо проявление местных особенностей в поздних официальных документах. К сожалению, малочис-

№ п/п	Сиглы и номера ярлыков по описаниям Варианты оборотов второй части нскрипций	А 1	Б 2 3 8
1	Казый, муфтий (судьи, законоведы)	+	+
2	Сайид ас-садат (сайиды, т. е. потомки пророка)		
3	Муфтий, мударрис (законоведы, учителя богословия)		
4	Казый, мухтасиб (судьи, блюстители шариата)		
5	Мухтасиб, казый (блюстители шариата, судьи)		
6	Шайх-машайих (старцы духовные, шейхи)	+	
7	Машайих, суфий (старцы духовные и отшельники)		+
8	Имам, муаззин (духовные настоятели, муэдзины)		
9	Казат-и ислам (судьи ислама)		
10	Мавали зу-л-ихтирам (почтенные господа духовные)		

* Оригиналы номенклатуры даются в именительном падеже, единст-
речисления оборотов в инскрипциях, несо-

ленность собственно казанских ярлыков не позволяет развить или отвергнуть данное предположение.

В целом вторая часть инскрипции жалованных ярлыков, не отличаясь богатством и разнообразием по составу, свидетельствует о постепенном росте в обществе роли и влияния духовенства. Что касается ранних периодов, например, второй половины XIII и первой половины XIV вв., то тогда обращения к духовенству применялись значительно реже и дифференцированно. Об этом свидетельствуют переводы ханских ярлыков русским митрополитам, в них обращений к духовенству, любому, нет вообще.

Таблица XVI*

В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н
4 5 13	6 15 26	12	14	16 17 18 19	20, 21 22 23 24	27, 32, 34 38, 39, 41 42, 45, 46 50, 52, 53	35	43	58	61 н. нч.
+										
+	+	+(4)		+ (2)	+(2)	+	+		+(2)	
+	+	+(2)			+(1)	+	+	+		+
				+(1)					+(1)	
+	+	+(3)		+(3)	+(3)	+		+	+(3)	
		+(1)								
			+							
			+							

венном числе. Цифры в скобках указывают на последовательность соответствующих другим. Н. нч. — нет начала.

Третья часть инскрипции ярлыков включает в себя обороты, перечисляющие высших и местных исполнителей предписаний указа. Эта часть в таблице XVII включает графы 1—13; она охватывает лишь те обороты, которые в наших 37 ярлыках с инскрипциями встречаются более одного раза. Обороты, зафиксированные пока однократно, поэтому не включенные в таблицу, следующие: *йамчы-сусунчы* (ямские [люди и] кормовщики, ярлык № 2), *базарда турганлар* (находящиеся на базаре, № 2), *джазаи 'амил* (исполнители наказаний, № 6), *караул-чагдаул* (караулы [и] ведеты, № 41) и *акта-суčаши* (конюшие [и] главы войск, № 45).

Таким образом, в данной части адресата пока зафиксировано всего восемнадцать оборотов. Однако обороты *букаул-туткаул, букаул-чири, йасаул-букаул, караул-туткаул* и только что названный отдельно *караул-чагдаул* являются меж собою синонимичными понятиями, на что указывает не только относительная малочисленность их вообще, но также весьма редкое параллельное присутствие в одном и том же документе — всего два случая [табл. XVII, 7—Д и 9—Д, 7—З и 9—З]. Следовательно, эти парные термины, представленные в разных сочетаниях и обозначающие войсково-полицейские должности из местных исполнителей, являются разновидностями, даже вариантами одного и того же оборота. Наиболее ранним вариантом его являются, видимо, парные *букаул-туткаул,* которым, как правильно подметил А. А. Зимин, в митрополичьих ярлыках соответствуют „бураложники и заставщики" [289, 474].

Войсково-полицейское содержание данного оборота подтверждается так же тем, что в крымских суюргальных ярлыках, например, актах Сахиб-Гирая, он отсутствует. И это вполне закономерно: держатели суюргалов, то есть владельцы отдельных территорий, земель, в отличие от тарханов, не нуждались в ограждении их от местных военно-полицейских чиновников.

Правда, после Сахиб-Гирая наблюдается некоторое нарушение этого правила, так как мы встречаемся с еще семью случаями наличия термина *йасаул-букаул* в ярлыках второй половины XVI в. Из них в трех случаях [табл. XVII, 8—Ф, Ч, Я] это объясняется тем, что ярлыки №№ 41, 45, 61 являются тарханными. Поэтому можно допустить, что остальные четыре случая — представленные в суюргальных ярлыках №№ 33, 35, 42, 52 — являются результатом деградации собственно джучидского делопроизводства.

В целом обращение к представителям войсково-полицейской исполнительной власти в инскрипции характерно прежде всего для ранних ярлыков и то их тарханной разновидности.

Из других малоупотребительных оборотов второй части инскрипции достойны внимания *харафат агалары* (+*картлар*), то есть „предводители ремесленников (старейшины [их])", встречающиеся в ярлыках №№ 1, 3, 8. Если учитывать, что последний ярлык является подтвердительным по отношению ко второму, то фактически данный оборот встречается лишь два раза.

В такой же степени редкими являются термины *анбарчы* (амбарщик), *ишик чурасы* (+*кишилар*) — „(люди+) слуги при дверях" — привратники. Если из них „амбарщик" представлен в относительно ранних актах (№№ 4, 12), следовательно, яв-

ляется вполне старым по происхождению термином, то второй „привратники“ встречается лишь в поздних документах.

Из оставшихся оборотов третьей части адресата в плане частичной синонимичности представляют интерес *тамгачы-тартнакчы* — „таможники и побережники“ и *а'мал-и мутасарриф* — „обладатели действий“ (буквально). Сравнивая графы 2—3 [табл. XVII], можно убедиться в том, что параллельное присутствие их весьма редко для ранних жалований — до второй половины XVI в. имеется лишь один случай [Г]. Начиная с суюргальных ярлыков Сахиб-Гирая, место „таможников и побережников“ прочно занимает *а'мал-и мутасарриф*.

Причина замены одного архаичного оборота на другой синонимичный состоит, видимо, в том, что понятие „обладатели действий“ — в значении **„все уполномоченные“** — является более емким, „универсальным“ по содержанию, чем прежнее.

Характерно то, что это новшество было введено в ярлыках Сахиб-Гирая, стремление которого к четкости и лаконизму отмечалось неоднократно. В его жалованиях „обладатели действий“ заменяют не только „таможников и побережников“, но также и других конкретных исполнителей [табл. XVII, по сиглам И—М, по графам 4—13]. Опущение оборота в ярлыке № 23 является результатом описки.

После Сахиб-Гирая происходит восстановление некоторых оборотов [табл. XVII, 4, 5, 8, 11]. Следовательно, можно полагать, что прежде „обладатели действий“ были синонимами „таможников и побережников“ лишь частично, ибо этот термин по содержанию был шире.

Наличие этого оборота в ярлыках №№ 5, 13, его предшествование „таможникам...“, говорит о том, что он первоначально был не самостоятельным оборотом-термином, обозначающим конкретные чины, а являлся вспомогательно-обобщающим для последующих фраз. Это можно видеть из следующей редакции перевода: „обладателям действий — таможникам-бураложникам, едущим [и] следующим [по назначению] послам-путникам, ладейщикам-мостовщикам“... и т. д. Следовательно, превращение этой обобщающей фразы в оборот-термин, имеющий значение не только расплывчатого „обладателя действий“, но и связанного со „сбором налогов“ [330, 1113] — явление сравнительно позднее.

Активно применялись в ярлыках обороты *кушчы-барсчы* — „сокольники и барсовщики“ (в „митрополичьих“ ярлыках — „сокольники и пардусники“); *кимәчи-көпрүкчи*, то есть „ладейщики и мостовщики“. В 37 ярлыках первый из них встречается 13, второй — 20 раз. Эти термины отсутствуют во всех девяти ярлыках Сахиб-Гирая, который все второстепен-

№ п/п	Сиглы и № ярлыков → / Варианты оборотов третьей части инскрипции	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О
		1	2	3	5 13	6 н. нч.	8	12	15	16—20	21 26	22 24	23	27	32
1	Диван биткәчи (~битикчи)	1	1	1	1	—	1	—	1	1	1	1	1	1	3
2	Тамгачы-тартнакчы	2	2		3	2	2	2	4						
3	А'мал-и мутасарриф				2					2	2	2		4	4
4	Кушчы-барсчы		5			3		1	2					3	1
5	Кимәчи-көпрүкчи		6		5	4		5	6					2	2
6	Букаул-туткаул	3	4												
7	Букаул-чири			2		1	4	4	7						
8	Йасаул-букаул														
9	Караул-туткаул					5			5						
10	Харафат агалары (+картлар)	4		3			3								
11	Илчи-йулаучы		3		4	6		3	8					5	
12	Анбарчы								3						
13	Ишик чурасы (кишиләр)														
14	Кайума иш үзрә йүригән						5	6	9	3	3	3	2	6	5
15	Көп ил			4	6	7			10						
16	Көп улус ил									4	5		4	5	7
17	Барча	5		5	7	8	6	7	11	5	4	4	3	4	6
18	Түзүнчә билгәнләриңә (түзүнчә билиңләр)			(6)	(8)	(9)	(7)		(12)	6	6	5	5	6	(8)

* Номенклатура дана в оригинале; цифры указывают на последователь-

Таблица XVII*

П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Э	Ю	Я	Всего
33 н. нч.	34	35	38	39	41	42	43	45	46	50	52	53	58	59 н. нч.	61	37
2	1	1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	—	2	34
					4		4							...1		11
...1	4	5	2	4	7	3	2		4	2	6	4	2		1	27
	2	2	4	3	2	1	5	2	3	4	3	3				18
	3	3	3	2	3		3	3	2	3	2	2			3	20
																2
																5
4		4			6	4		4			4				4	7
																2
																3
3			5	5	5	5					5					12
														2		2
						7									7	2
5	5	5		6	8	6	6	5	5	5	6	3	3	5	5	30
											8					6
			7	8	10		8	7	7	7		7	4	5		20
6	6		6	7	9	8	7	6	6	6	7	6	5	4	6	35
7	(7)		8	9				(8)	(8)	(8)	9	(8)	6	?		16 + (12)

ность перечисления оборотов.

Таблица XVIII

№ п/п	Варианты оборотов инскрипций ярлыков, данных русским митрополитам	А Менгу-Тимур, 1267 г.	Б Тайдула, 1347 г.	В Тайдула, 1351 г.	Г Тайдула, 1354 г.	Д Бердибек, 1357 г.	Е Туляк, 1379 г.
1	Людьским баскаком и князем и полъчным князем	+	Внутри текста: А вы русские князи, Семеном почен				
2	Татарьским улусным князем			+			
3	К темным и тысящным князем и сотником и десятником				+		
4	Татарьским улусным и ратным князем					+	
5	Мамаевою дядиною мыслию татарьским улусным и ратным князем						+
6	Волостным и городным и селным дорогам				+		
7	Муалбугиною мыслию **волостным самым дорогам и князем**					+	±
8	К данщикам	+					
9	К писцем	+				+	+
10	К мимохожим (**мимояздящим**) послом	±		+	+	+	+
11	Таможником и побережником			+		+	+
12	Соколь ником и пардусником	+				+	+
13	Бураложником и заставщиком					+	+
14	Ладейщиком					+	+
15	Или кто на какове дело придеть			+			
16	Или кто на какове дело ни поидеть					+	+
17	**Ко** многим людем				±		+
18	Ко всем			+	+	+	+

ные обороты заменил одним — „обладатели действий". В двух поздних актах (№№ 58, 59) они отсутствуют потому, что те являются подтвердительными сахиб-гираевских жалований. Следовательно, они были характерными для инскрипций почти всех ярлыков XV—XVI вв.

Наличие этих оборотов в ярлыках, данных митрополитам, указывает на их относительную древность.

По сравнению с таможниками и последующими, являющимися чиновниками по сбору различных налогов и поборов, также ладейщиками и мостовщиками, в чьи функции входило обслуживание переправ и сбор оплаты за это, „сокольники и барсовщики" являлись уполномоченными по снабжению и организации ханской охоты. Во время подобных мероприятий они останавливались со своей прислугой на постой у населения, иногда требуя у него провианта, транспортных средств и даже участия населения в организации загонов, облав. Такие уполномоченные совершали длительные переходы во время заготовки охотничьих птиц и барсов (гепардов), повсеместно доставляя населению те или иные хлопоты. Одним словом, если официальные сборщики налогов грабили народ справа, то „гастролеры" типа сокольничьих притесняли его слева. Поэтому они оказались в числе конкретных исполнителей официального указа.

Оборот *илчы-йулаучы* — „послы и посланцы" при себе имеет постоянное пояснение *йурур, ишур* в значении „проезжающий, проходящий". Этот оборот, сравнительно часто применявшийся в XV—XVI вв. (13 случаев), зафиксирован и в „митрополичьих" ярлыках в форме „мимохожих (или: мимоездящих) послов" [табл. XVIII, 10—А, В, Г, Д, Е]. Он встречается в жалованиях великих каганов. А. П. Григорьев выделяет его в особую группу [151, II; 39 и 47—48]. Учитывая то обстоятельство, что здесь имелись в виду не какие-то едущие — мимохожие люди со специальной функцией, а сановники и чиновники ханов вообще, я нахожу целесообразным рассматривать его в описании группы высших и местных исполнителей.

Включение послов, посланцев и гонцов в число исполнителей объясняется тем, что во всех улусах державы чингизидов такие официальные „мимохожие" лица доставляли много хлопот и забот населению, так как останавливались со своей свитой на постой, требовали транспортных средств и часто „претензии проезжих чинов к хозяину постоя не знали меры" [151, II, 47]. Поэтому в тарханных и других льготных ярлыках специально предписывалось подобным должностным лицам не беспокоить пожалованных людей.

В то же время послы и посланцы отличались от других второразрядных чиновников, таких как *букаулы, ясаулы* и др.: среди них могли быть крупные сановники, представляв-

шие в других странах интересы государства. Некоторые гонцы могли иметь менее значительные поручения и соответствующий своей службе ранг. Поэтому термин в целом носит собирательный характер, обозначая как высшие, так и низшие чины одной группы.

Наличие оборота с характерным пояснением „проезжающий, проходящий" в ярлыках великих каганов, например, „странствующие и ходящие" [151, II, 47] — буквальным переводом чего являются *йурур-ишур*,— постоянное присутствие его также в „митрополичьих" ярлыках свидетельствуют о его архаистичности для XV—XVI вв. По этой причине оборот *илчи-йулаучы* сравнительно реже встречается в поздних ярлыках. Например, в пятнадцати актах до Сахиб-Гирая он зафиксирован одиннадцать раз, а в двадцати семи документах, начиная с Сахиб-Гирая, он встречается лишь семь раз.

Такое постепенное „устаревание" термина и института, связанного с ним, обусловлено, видимо, предписаниями общегосударственного масштаба, о чем можно судить по аналогии. Например, согласно Рашид ад-дину, хулагуид Газан-хан после 1295 г. издал ряд указов, запрещающих гонцам „стеснять народ", останавливаться им на постой „в частных домах", о построении специальных дворов для проезжих чиновников [319, 272—276, 324—326]. Вполне возможно, что некоторые подобные меры были приняты и поздними джучидами.

Термин *диван биткәчи* (~*битикчи*) является первым оборотом третьей части инскрипции. Означал он делопроизводителей ханской канцелярии. В отличие от всех проанализированных выше оборотов, он является наиболее обязательным компонентом статьи. О многом говорит соотношение количественных данных: он представлен в 34 случаях из 37 возможных (причем в ярлыке № 59 утеряна именно та часть начала, где должен был быть этот термин). Показательно и месторасположение его внутри третьей части адресата: 30 раз он стоит на первом месте, 3 раза — на втором и лишь один раз — на третьем. В целом он характерен для всех разновидностей жалованных ярлыков.

В „митрополичьих "ярлыках ему соответствует упрощенный русский перевод „писец" [табл. XVIII, 9]. В актах великих каганов, иранских ильханов монгольские, китайские и тюркские эквиваленты его с различными оттенками почти постоянно фигурируют в группе „гражданских чинов" [151, II, 43—44]. Если вспомнить факты активного употребления термина *биткачи* (*битикчи*) в тех же фонетических вариантах и значениях в уйгурских юридических документах XII—XIV вв. [471, №№ 26, 74, 91, 102], то можно получить представление о возрасте и путях развития его: в золотоордын-

ско-кыпчакский литературный язык он пришел из уйгурского и долго сохранял свое терминологическое содержание.

В семантическом отношении понятие „писцы диванов" означало, если не самого канцлера, то главных инспекторов-делопроизводителей правительственной канцелярии, поэтому их следует отличать от писцов-исполнителей, называемых в ярлыках *бахши, катиб*.

Таким образом, как показывает этот краткий анализ, перечисляемые в данной части адресата должности можно объединить в одну группу, состоящую из высших и низших конкретных исполнителей, обязанных принять к сведению и осуществлению предписания ярлыка.

Четвертая часть инскрипции обобщенно называет возможных исполнителей предписаний указа. Она состоит всего из одного оборота: *кайума иш үзрә йүригәнләргә* — „на какое бы то ни было дело идущим", то есть „тем, кто следует по всякому делу" [табл. XVII, 14].

Судя по активному применению данного оборота почти во всех жалованиях, в том числе данных митрополитам, он был одним из традиционных и постоянных элементов статьи. От него не отказался даже Сахиб-Гирай, стремившийся к максимальному лаконизму.

Вполне ясно значение этого оборота, обращенного ко всем возможным исполнителям — лицам, следующим по всяким служебным поручениям и могущим предъявлять те или иные претензии, права населению. Иначе говоря, в функцию оборота входит задача предрешать непредвиденные в ярлыке случаи, тем самым ограждать владельца жалования от всех возможных притеснений.

Таким образом, данный оборот является как бы обобщающим для всех предыдущих, адресованных конкретным исполнителям предписаний. В то же время он учитывает и не предусмотренных исполнителей. Поэтому он достоин выделения в самостоятельную часть адресата.

Пятая часть инскрипции содержит обороты обращения ко всем и выражена в нескольких вариантах: *көп илгә* (буквально „к многим людям"), *көп улус илгә* („к многим улусным людям") и *барчага* (всем). Сущность первых двух вариантов сводится к понятию „всему народу", как вполне ясно и лаконично переводил его И. Н. Березин по ярлыку Саадат-Гирая [101, 21].

Что касается последнего варианта *барчага* (всем), то он является завершающе-уточняющим определением ко всем предыдущим оборотам, включая все четыре части инскрипции. Поэтому он является обязательным компонентом всех адресатов и представлен 35 раз из 37 возможных случаев [табл. XVII, 17]; отсутствует лишь в копии ярлыка Тимур-Кутлуга и в суюргальном жаловании Даулят-Гирая, состав-

ленного в целом небрежно. Кроме наших 35 случаев это обращение содержится в четырех „митрополичьих“ ярлыках, в копии жалования Хаджи-Гирая, № 4; варианты его представлены в ярлыках великих каганов и других улусных ханов [151, III, 164].

В сущности это обращение придает ярлыку характер всеобщего закона, обязательного для всего административного аппарата и всего населения страны в целом. Данные статистического анализа говорят, наконец, о том, что настоящим обращением завершались инскрипции почти всех джучидских ярлыков раннего периода.

Правда, имеются отдельные случаи, когда „всем“ стоит не на последнем месте, а перед оборотами „многим людям“, и „многим улусным людям“ (№№ 21, 26, 27, 32, 38, 39 и т. д.). В этом случае, характерном, в основном, для середины и второй половины XVI в., определение „всем“ поясняет прежде всего предыдущие ему обороты, обращенные к подданным в целом, куда относятся, естественно, и представители властей—исполнители. Следовательно, и в такой редакции нет противоречия нашему выводу.

Начиная с Сахиб-Гирая [табл. XVII, 18—И, К, Л, М], дополнительно вводится еще один поясняющий оборот — *түзүнчә (түзүйнчә) билгәнләриңә* — „знающим по обычаю (закону)“, который он получил путем изменения части объявления *түзүнчә билиңләр* — „знайте по обычаю“ из ярлыков предшественников [табл. XVII, 18 — Г, Д, Е]. По существу новый оборот дополняет предыдущий — „всем“, например: „всем — знающим по обычаю“. Следовательно, нововведением ярлык апеллирует к обычаю, закону, тем самым еще раз подчеркивается беспрекословность предписаний.

Однако нововведение Сахиб-Гирая после него претерпело очередное изменение, вернее наблюдается возвращение к старой форме — *түзүнчә билиңләр* — „знайте по обычаю“ (№№ 45, 46, 52; в других, сохранившихся в копиях — №№ 32, 34, 50, 59 — слово прочитано частично), в результате чего это выражение опять превращено в оборот-оповещение, то есть в часть публичного объявления.

Несколько слов об особенностях адресата казанского ярлыка Сахиб-Гирая (№ 14). Как было уже отмечено, к моменту находки документа начальная часть ярлыка, включая интитуляцию, инскрипцию, была физически дефектной. Даже после первой научной публикации, осуществленной в 1925 г. С. Г. Вахидовым [125] было утеряно, видимо, уже в музее ТАССР, еще несколько фраз. Например, во фразе *вә хуккам вә сала [тин-и] 'изам вә казат-и ислам* — „и правителям, и султанам великим, и казиям ислама“ — недостает конца, начиная с *'изам*. В оборотах *вә әрбаб, вә калантаран, вә мукымән, вә илчиян* — „и господам, и градоначальникам, и

[их] жителям, и послам...“ — опять не хватает второй половины.

После цитированных неполных фраз, следующих за фрагментом интитуляции “... *лгазы Сахиб-Гирай...*“ (часть от адресанта: *Абу-л-Фатх ал-Газы Сахиб-Гирай-хан сөзүм),* читаем такое продолжение инскрипции: *вә йамчиян вә кәштибанан вә гүзәрбанан вә туткаулан вә тамгачиян вә җәмһур сәкәнә вә 'умум* [...?] *вилайәти Газан...*, то есть „и ямским (людям), и досмотрщикам судов, и переправщикам, и заставщикам, и сборщикам тамги и всем жителям и всему (народу) страны Казанской...“. Дальше, за формулами благословления, относящимся к стране Казанской — „богохранимой столицы“ и т. д., следует публичное объявление, то есть начинается основная часть текста ярлыка.

При учете того обстоятельства, что форма персидского множественного числа терминов и насыщенность арабизмами статьи являются стилистической оболочкой адресата, которая может быть результатом вкуса, навыков писца-исполнителя, также определенной документоведческой традиции, не трудно убедиться в том, что и здесь присутствуют все необходимые компоненты джучидских инскрипций: правители-беки, султаны великие, судьи и служители культа, правители городов и „жителей“, то есть даруга-беки различных рангов, относящиеся к I и II частям адресата. Далее следуют послы, служители ямов, ладейщики и переправщики, заставщики, собиратели тамги — элементы III части адресата и, наконец, весь народ — V часть. Отсутствие некоторых компонентов, например, возможных исполнителей — часть IV — не имеет решающего значения, так как подобные пробелы были и в относительно ранних ярлыках [табл. XVII, 14 — А, Б, В, Г, Д; XVIII, 15, 16 — А, В, Г].

Таким образом, как показывает материал, ярлык Сахиб-Гирая 1523 г.— периода казанского правления,— несмотря на свои внешне-стилистические особенности адресата, соответствует основным требованиям джучидской практической дипломатики. В других же частях — основной и конечной — такая общность прослеживается еще более рельефно.

Что касается установленной стилистической особенности этого казанского ярлыка, то она, как было уже отмечено, могла быть результатом влияния традиции местного делопроизводства. Нет ничего удивительного в том, что в Казанском крае, где еще со времен Булгарского царства были сильны позиции мусульманской письменной культуры, значительно позднее, в эпоху вновь образованного ханства, щеголяли „показателями“ мусульманской грамотности. Сторонники такой булгаро-мусульманской тенденции могли быть и в государственной канцелярии местных джучидов.

По оформлению адресата особое место занимает суюргальное жалование Мухаммад-Гирай-султана II (№ 31), выданное в 1576 г. и сохранившееся в подлиннике. Адресат его представлен в следующем виде: *Улуг Улусның оң кол вә сол колның туман барча[га] түзүнчә мә'глум болсун ким* — „Великого Улуса правой руки, левой руки тумены — все[м] будет ведомо по обычаю“ (или: „...руки туменам будет ведомо по всему обычаю“). После такого адресата-оповещения тут же читаем: „Засим получившему этот благословенный ярлык гордости прославленных и столпов [государства] Амрулаху-оглану...“, то есть следует основная часть текста. Здесь представлен яркий пример перехода от старого типа адресата к новому: нет еще полного отказа от традиционного, но нет также и сколько-либо завершенной новой формы. Если учитывать, что данный ярлык появился во времена Даулят-Гирая I, при котором начинается вытеснение джучидских конкретных формуляров, то вполне закономерно появление такого „смешанного“, даже несколько двойственного адресата.

Что же касается новой формы жалованных ярлыков, появившихся при только что названном правителе, то основной ее чертой является полное отсутствие после интитуляции с „слово мое“ традиционной формулы инскрипции с обращениями к высшим, низшим чинам, ко всему народу. Иначе говоря, без специального адресата осуществляется переход к основной части текста, в данном случае — к публичному объявлению, где называются имена держателей жалований.

Первоначально переход осуществлялся через традиционный элемент *бәса* — „засим, затем, далее“ (№№ 25, 31), но в дальнейшем и он был отброшен, и основная часть стала начинаться как бы „с красной строки“.

Наиболее краткий вариант такого начала: „Получивший этот благословенный хаканский ярлык [имярек]“ (№№ 44, 55; он встречается и в ярлыках султанов — №№ 31, 51, 57). Более развернутый вариант выглядит так: „Получивший этот красноречивый, освещающий счастье хаканский ярлык [имярек]“ (№ 25).

В последней четверти XVI в. оформилась новая, совершенно не свойственная прежним джучидам пестрая, обильно оснащенная арабизмами редакция: „Причиной написания красноречивого, оповещающего счастье хаканского ярлыка с высокой, величественно украшенной печатью государя-миродержца было то решение, что...“ (№№ 36, 37, 47, 54, 56— далее следуют титулы и имена держателей ярлыков).

Так, после Сахиб-Гирая начинают ломаться традиционные конкретные формуляры начального протокола. Правда, адресат — обороты обращения к высшим и низшим чинам, всяким исполнителям — не исчезает полностью. Он переходит

в основную часть текста и находится, как правило, в составе санкции или до нее. Причем в такой редакции адресат неустойчив; часто он имеет описательный характер, хотя и называются в обобщенном виде султаны, беки, мирзы, разные слуги — *куллар, чуралар, әминләр, букаул-йасауллар, саугачылар,* то есть всевозможные чины и исполнители, которым предписывается „не чинить препятствие и обиду“ пожалованным.

В то же время в составе подобных описательных адресатов бросается в глаза следующая фраза: „будь то старшие и младшие султаны, будь то беки и мирзы и другие“ (№№ 28, 31, 47, 55 и др.), которая, однако, не является изобретением канцеляристов Даулят-Гирая и последующих правителей, а досталась им от того же Сахиб-Гирая. У него, например, при наличии традиционного адресата в несколько сокращенной, но весьма устойчивой редакции, в санкции появляются уточнения группы исполнителей. Первый раз читаем: „кто бы то ни был из султанов, огланов пусть не оказывают препятствие, не чинят насилие и вред...“ (№ 16); второй раз находим: „кто бы то ни был из правящих султанов, бийев, называемых огланами, из мирз пусть не оказывают...“ и т. д. (№№ 17, 18. 19, 20) и, наконец, имеем последнюю редакцию: „кто бы то ни был из старших и младших султанов, бийев, называемых огланами, из мирз пусть не оказывают...“ (№№ 21, 22, 23, 24). А до Сахиб-Гирая такой параллельный адресат выражался вообще глухо и малословно: „кто бы то ни был“, „все люди“, без уточнения чинов и сословий.

После 1551 г. обычай уточнять исполнителей внутри санкции имеет место и в ярлыках, составленных с традиционной инскрипцией в начальном протоколе. Например, ярлыки №№ 26, 41, 42 содержат „уточнения“, составленные на основе двух последних редакций дополнительного адресата Сахиб-Гирая, а другие (№№ 27, 32—35, 38, 43, 45, 46, 53, 58, 59) почти точно или несколько видоизмененно повторяют третью версию его. Правда, встречаются случаи несколько вольной интерпретации дополнительного адресата в составе санкции (№№ 39, 43, 50, 52, 61); однако и в них суть обращения соответствует нововведению Сахиб-Гирая.

Если эти ярлыки, содержащие параллельные адресаты в начале и в составе санкции, являются в жанровом отношении тарханными, суюргальными, поэтому инскрипции их вполне соответствуют традиции, то в поздних жалованиях иного порядка — служилых, льготных — находим примеры совершенно конкретных, даже персонифицированных адресатов в составе санкции. Так в служилых ярлыках, утверждающих аргынских карачи-беков, обращение монарха адресовано к „старцам и молодым“ рода, также султанам, бекам и мирзам

(№№ 25, 48), где интерес представляет первая часть, называющая непосредственно самих аргинцев.

Только что названные два ярлыка, Даулят-Гирая и Ислама II, представляют из себя как бы начальный и конечный варианты служилых жалований одного цикла, так как они утверждают аргинских беков, но в разное время (1551 и 1585 гг.). Между ними существует промежуточный — служилый ярлык Мухаммад-Гирая II, данный по тому же предмету в 1577 г. Здесь адресат представлен несколько иначе, хотя также в определенной степени конкретно: „будь то мои слуги и йасаулы и букаулы, и другие мои распорядители, находящиеся на службе среди народа, и будь то слуги, йасаулы моего брата Адил-Гирая-калги — да будет счастье его вечным — будь то все мои младшие братья и сыновья и их слуги, будь то аргынские мирзы — ... пусть все... не окажут сопротивление...“ (№ 40).

Такая конкретизация адресата служилых ярлыков еще рельефней выражена у Ислам-Гирая II, который при назначении аталыком — воспитателем для своего сына шайха Абдуррахмана приказ свой адресует непосредственно Сулайман-беку из ханского окружения да *сүбаши* — предводителю войск Пир-Алию (№ 48). Из-за наличия такого персонифицированного обращения в самом начале текста, элементы адресата отсутствуют в составе санкции.

Примеры таких адресатов дают и льготные ярлыки. Например, Даулят-Гирай и его наследник Мухаммад-Гирай II, назначая ежегодные пенсии своим „личным богомольцам“, обращаются непосредственно к своим секретарям, в том числе „дафтардару Абдулкадыру“ и тем, кто „после этого будет дафтардаром и диваном“ (№№ 30, 36, 37).

Возможен вопрос: почему адресаты служилых, льготных ярлыков в отличие от подобных элементов тарханных и суюргальных, конкретны, даже персонифицированы? Причина заключается, видимо, в том, что льготные и служилые акты имеют более конкретное содержание, они ограничены по функции и полномочию. Если тархан и держатель суюргала пользовались привилегиями в общегосударственном масштабе, то региональные правители — беки отдельных родов и кланов, частные чиновники, получатели определенных льгот могли претендовать на ограниченно-конкретные права. Следовательно, обобщенность и конкретность обращений инскрипций являются своего рода видоопределяющими показателями актов.

Такая закономерность подтверждается примерами и шертных, то есть договорных ярлыков. Например, такой ярлык Менгли-Гирая, № 10, составленный между ним и населением Крык-Ера во время борьбы первого за престол, имеет подробный поименный адресат: мусульмане во главе с группой

лиц из старейшин (преосвященный Абдулла-хатиб, хаджи Ходжа Махмуд, хаджи Мухаммад-Касым и т. д.— более десяти имен), иудеев (во главе с группой лиц из десяти — двенадцати человек), армян (более десяти имен). Такая групповая персонификация говорит о равноправном положении контрагентов в данный момент, с одной стороны, и об ограниченном во времени и пространстве действии настоящего договора — с другой.

Наконец, видоопределяющая особенность адресата прослеживается и в специфике охранных грамот. Мы располагаем, например, ярлыком Даулят-Гирая, выданным им в 1573 г. сановнику Сулайман-шах-беку, отправившемуся на паломничество в Мекку (№ 29). Естественно, человеку, едущему так далеко, необходима была помощь и со стороны жителей других стран. Но там действовали иные чиновники, иные порядки. Поэтому документ был составлен совершенно иначе — без конкретного адресата в начале и очень расплывчатым общим обращением в самом тексте: „просьба у милостей [жителей] больших пространств, чтобы вышеупомянутого на возможных привалах и путях не заставлять испытывать затруднения в верблюде и других“ нуждах. Обращаться иначе к жителям различных провинций Турецкой империи, арабских стран было просто невозможно. Таким образом, этот факт лишний раз говорит о той серьезности, с которой канцеляристы джучидов относились к составлению формул адресатов.

* * *

Таковы основные материалы и вытекающие из них выводы по начальному протоколу жалованных ярлыков.

Как показал анализ, начальный протокол изучаемых актов состоит из инвокации-преамбулы, интитуляции и развернутого адресата. Наиболее основными и обязательными из них являются адресант и адресат.

В процессе длительного развития интитуляции неизменными оставались ее основные три компонента — **АБм**, без них адресант переставал быть таковым. Внутри этих трех компонентов семантически определяющим был второй, придающий формуле указной, приказной характер. Для наиболее ранних ярлыков и ярлыков-посланий характерна была именно эта формула без других дополнительных компонентов.

Внутри развернутого адресата из пяти частей для ранних ярлыков обязательными были четыре, кроме второй, ставшей обязательной позже, во времена окончательного укрепления позиции ислама во второй половине XIV в. В сущности духовные лица, называемые здесь, были не исполнителями, а

принимающими предписание к сведению, возможными толкователями при возникновении споров.

Важность и обязательность первой части инскрипции, обращенной к высшим и низшим военно-административным чинам, обязанным принимать предписание к сведению, обусловлена тем, что именно эти обороты придавали ярлыку характер высшего общегосударственного указа, признание и исполнение которого теоретически было обязательно для всех лиц, включая самые высшие чины.

Третья часть инскрипции, где перечисляются высшие и местные конкретные исполнители, служила практическим целям — ограждению жалуемого от посягательств различных администраторов и чиновников, от которых постоянно страдало остальное население. В то же время эта часть употреблялась в разных редакциях — пространных и кратких, ибо не все обороты ее были важны в одинаковой степени. К тому же возможные пробелы ее в кратких редакциях компенсировались четвертой и пятой частями адресата, обобщенные обращения которых к возможным исполнителям и всему народу в целом придавали предписаниям всеобъемлющий характер.

Что же касается условно выделенной выше шестой части, обозначающей держателей ярлыков, то она почти всегда содержится внутри основного текста и следует, как правило, за публичным объявлением, иногда за прологом. Следовательно, инскрипция разделяется на две половины: на первую, бóльшую и в подавляющих случаях общую, означающую исполнителей в целом, и на вторую, небольшую по объему, но всегда конкретно персонифицированную, обозначающую заинтересованных лиц — держателей ярлыков.

Если не ставить себе цель проследить генеалогию пожалованных лиц, в связи с ней историю того или иного акта, эта половина адресата в плане дипломатики не представляет особого интереса. Присутствие ее также естественно, как естественно само появление того или иного жалованного акта в данном оформлении. Поэтому, также учитывая то, что все держатели ярлыков были названы в описаниях, на этом вопросе в дальнейшем можно не останавливаться.

Наконец, как показал сравнительный анализ инскрипций разных времен, начальный протокол тюрко-татарских официальных актов постоянно находился в движении, развитии — совершенствовался до определенного периода, затем вступил в полосу кризиса, приведшего его в конечном счете к видоизменению. Процесс этот падает в целом на вторую половину XVI в. и теснейшим образом связан с общеисторическим, культурно-идеологическим развитием конкретного общества.

Глава вторая

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В литературе по дипломатике основную часть текста актов принято делить на следующие подразделения: преамбула (пролог), публикация, наррация (повествование), диспозиция (распоряжение), санкция и корроборация, то есть текстовое удостоверение [200, 26—28]. Изучение основной части по таким составным компонентам имеет преимущество в том отношении, что при этом становится возможным выделение наиболее общих и частных компонентов, с одной стороны, традиционного и нового — с другой.

Из названных подразделений в наших ярлыках особый интерес представляют последние три, содержащие, во-первых, суть жалования (диспозиция), во-вторых, юридическо-правовую характеристику самого акта. Поэтому подразделения основной части будут рассматриваться в следующей последовательности: вступительно-повествовательный раздел (объединяющий пролог, публикацию и повествование), диспозиция, санкция и удостоверение.

Непосредственному анализу будут подвергнуты материалы золотоордынских, казанских и ранне-крымских ярлыков (№№ 1—15). Формы и содержание актов времени Сахиб-Гирая (№№ 16—24) крымского периода правления и последующих правителей будут освещаться лишь в сравнительном плане.

1. Вступительно-повествовательная часть

Переход от начального протокола к основной части текста осуществляется через формулу-оповещение. В золотоордынских и ранних крымских ярлыках, например, в жалованиях Улуг-Мухаммада, Хаджи-, Менгли- и Саадат-Гираев, им являлось уже проанализированное выражение *түзүнчә билиңләр* — „знайте (или: ведайте) по обычаю“, которое в актах Сахиб-Гирая было изменено в обобщающий оборот адресата — „знающим (ведающим) по обычаю“.

Такой переход для золотоордынских актов был не единственным. Например, в ярлыках №№ 1, 2, после полного изложения адресата, кончается предложение и начинается новое с фразы: *бу йарлыкны тутуп турган (фәлангә)* — „держащему этот ярлык (имяреку)“, дальше сообщается об утверждении тарханами названных лиц, то есть делается публичное объявление. Такой же переход без оповещения характерен для ярлыков, данных русским митрополитам.

В казанском ярлыке Сахиб-Гирая (№ 14) оповещение выражено фразой: *бу нишан йиткәч сөз ол ким* — „когда дойдет этот нишан (указ) речь о том...“

В некоторых крымских ярлыках Сахиб-Гирая после оборота „знающим по обычаю“ имеется формула *мә'лум болсун ким* — „да будет ведомо...“ (№№ 16, 17). Однако во всех случаях последующий текст начинается с характерного архаичного слова *бәса* — засим, далее.

В крымских жалованиях второй половины XVI в., составленных по старым правилам, переходы оформлялись по всем этим образцам. Иначе говоря, в них нет чего-либо нового.

Наррация — обоснование выдачи данного жалования, представлена, как правило, в подтвердительных ярлыках. В этой статье сообщается о тарханных, суюргальных или иных льготах предков данного держателя со времен прежних ханов и на этой основе жалуется настоящий ярлык. Так, в ярлыке Тимур-Кутлуга читаем: „Держатель сего ярлыка Мухаммад представил объяснение того обстоятельства, что прежние предки его пребывали на правах истинного тарханства, утвержденного пайцзой-ярлыком со времен давно бывшего Саин-хана и что наши старшие братья-ханы, пожаловав, его отца Хаджи-Байрама сделали тарханом; мы [также], признав его ходатайство правильным, объявили Мухаммада, будучи нашим суюргалом, быть нашим тарханом“ (№ 2).

Как видно из отрывка, обоснование составления акта перерастает в публичное объявление, даже повествование.

Примерно такие же обоснования-объявления содержатся и в „митрополичьих“ ярлыках. Так, в жаловании Менгу-Тимура, выданном в 1267 г., читаем: „Чингиз царь потом что будет дань или корм, ать не заимають их да правым сердцем богови за нас и за племя наше моляться и благословляють нас. Тако молвя и последнии цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов... И мы, богу молясь, и их грамоты не изыначили“ [289, 467]. Имеются иные редакции подобных обоснований. Например, Бердибек ссылается кроме Чингиза на „последнии цари наши, отцы наши“, а Туляк — кроме этого же общего родоначальника на „цари Азиз и Бердибек“ [289, 465 и 469].

В этих примерах достойна внимания общая схема ссылок и подтверждения: сначала на авторитет самого Чингиза или другого более раннего предка, например, Саин-хана, далее на последующих предков в целом („наши старшие братья-ханы“ или “последнии цари наши“), затем, на непосредственных предшественников — „отцы наши“ — и, наконец, новое подтверждение жалования.

В относительно поздних ярлыках схема упрощается, например, сохраняется лишь ближайшая ссылка, указывающая на непосредственных предтеч жалователя. Так, в ярлыке № 5

читаем: „Получившие этот ярлык старейшины Крык-Ера во главе с ... (несколько имен) ходатайствовали, говоря: „ваш старший брат-хан, жалуя население Крык-Ера, дал [ему] тарханный ярлык", и когда [эти] старейшины народа [так] ходатайствовали, предъявляя свой ярлык, мы также, признав их просьбу обоснованной, решили, чтобы [им], будучи жалованными от нас, по тому же обычаю быть тарханами". Почти такие же формулировки представлены в других подтвердительных ярлыках населению Крык-Ера, полученных от последующих правителей (№№ 7, 10, 13).

В последних документах примечательно то, что если в ярлыке № 5 ссылка делается на жалования предшествовавших Хаджи-Гираю золотоордынских правителей, поэтому *хан агаңыз* — „ваш старший брат-хан", то в документе № 7 указывается на ярлык № 5, а в № 13 — на все предыдущие два акта в целом, поэтому слово *ата* — „отец" поставлено во множественном числе: *аталарыңыз* — „отцы ваши", которое в данном контексте можно понять как „отец и дед".

В то же время превращение двух-трехступенчатой ссылки в простую также является наследием прошлого. Например, ханша Тайдула (середина XIV в.) довольствуется ссылкой лишь на ярлык Джанибеке [289, 468, 470]; Улуг-Мухаммад ограничивается указанием лишь на одного *хан агамыз* — „нашего старшего брата-хана".

В подтвердительных актах, выданных во второй половине XV и в течение всего XVI в., преобладающей формой ссылок была упрощенная редакция, характерная как для крымских (№№ 26, 34, 38, 39, 46 и др.), так и для казанских ярлыков (№№ 9, 14). В них наравне с формулами *хан бабаңыз* — „Ваш отец хан", *хан агамыз* — „наш старший брат-хан" в разных вариантах применялись и другие редакции. Например, Менгли-Гирай, подтверждая ярлык золотоордынского хана Улуг-Мухаммада, сделал косвенную описательную ссылку: „Когда владеющий этим ярлыков Махмудек, отец которого Хзыр был [прежде] пожалован, просил с предъявлением нам своих ярлыков, мы, признав обоснованной его просьбу, также сделав его нашим суюргалом, [все] пожалованное по прежнему обычаю Хзыру, жаловали Махмудеку" (№ 8). Отдельные образцы примерно подобных косвенных ссылок встречались и позднее (№№ 31, 53).

Наравне с подобными имеются случаи, когда подтверждаются ярлыки дальних предшественников. Например, Даулят-Гирай ссылается на жалования деда своего Менгли-Гирая (№ 35); точно также поступает в одном случае Газы-Гирай (№ 52). Есть примеры, когда опираются на авторитет самого основателя династии — Хаджи-Гирая (№№ 42, 44, 47, 61). Находятся образцы прежних собирательных ссылок —

„во времена отца моего и старших братьев-[ханов] моих“ (№№ 50, 56).

Следует отметить наррацию-преамбулу казанских ярлыков. В тарханном жаловании Сахиб-Гирая читаем: „...эти семеро лиц явились к нам и били челом. Они, оказывается, являются людьми, ставшими тарханами от наших прежних старших братьев-ханов; мы также пожаловав этих упомянутых лиц, во имя довольства всевышнего Аллаха да еще ради заступничества Мухаммада—посланника Аллаха — произвели в тарханы“ (№ 14).

В ярлыке Ибрагима, в котором утерян адресат, преамбула разбита на две части (№ 9). Первая следует сразу же за испорченной интитуляцией: „Мое — Ибрагима-хана суюргальное слово. Во имя довольства бога, ради заступничества Мухаммада этих сирого отрока [и] вдову-хатун (*хатун* — госпожа, дама — *М. У.*) мы объявили вольными тарханами...“. Вторая часть находится после диспозиции: „этим освобожденным Хайдар-Али-султаном Гульбустан-хатун, ее сыну...“. (Этот ярлык интересен тем, что подтверждает не ханское жалование, а султанское. Видимо, Хайдар-Али-султан был из тех чингизидов, которые правили Казанским краем в первой половине или середине XV в).

Расположение части преамбулы после диспозиции — не единственный случай, представленный только дефектным ярлыком Ибрагима. Такие примеры мы встречаем и в относительно поздних документах (№№ 35, 42, 53).

Все это относится к преамбульно-повествовательной части подтвердительных ярлыков.

Вступительно-повествовательные статьи изначальных документов не требуют особого анализа, так как, за редким исключением, в таких жалованиях нет развитых специальных нарраций и преамбул. Новый раздел — диспозиция начинается с имени пожалованного лица или группы лиц и объявления разновидности привилегий. Статья иногда осложняется перечислением подвластной тархану или суюргалу территории, объектов эксплуатации (№№ 1, 41, 45). Словом, публичное объявление перерастает в повествование — наррацию.

Наиболее четкий, лаконичный пример такого перехода представлен в ярлыке № 6: „ведайте по обычаю. Держащего этот ярлык Ходжа-бийа объявили нашим пожалованным тарханом“. Почти также сформулирована данная статья в копии ярлыка Хаджи-Гирая 1453 г. (№ 4).

В изначальных ярлыках при публичном объявлении допустимы формулировки, когда не ставятся конкретные условия перед пожалованными и не указываются причины получения тарханства. Но есть случаи, когда специально оговариваются те или иные условия, называются причины монаршей щедрости. Например, у Мухаммад-Гирай-султана ска-

зано: „...ведайте по обычаю. Засим держащих этот ярлык Махмуд-хафиза, сына Кадыр-Бирди, его братьев — Хзыра, Йаугача, Кадыр-Алия, Джан-Азиза, Джан-Булада, Кутлу-Суфия — этим всем вместе объявили, будучи нукерами нашему верховному хану-отцу и нам, быть тарханами" (№ 12). А Саадат-Гирай относительно группы лиц указывает: „...этих троих лиц, по причине того, что они являются нашими стрелками, пожаловав, объявили вольными тарханами" (№ 15).

Указание на несение службы характерно для подтвердительных служилых ярлыков, например, жалующих на должность карачи-беков, в них жалование обусловливается службой „со времен великих отцов и старших братьев-ханов" в качестве предводителей своего удела (№№ 25, 40, 48). Конкретно называется обязанность жалуемого при назначении на специальные должности, например, аталыка — воспитателя ханыча (№ 49).

В льготных жалованиях, освобождающих от конкретных разновидностей поборов или назначающих ежегодные денежные пособия, также оговариваются в самом начале причины выдачи ярлыков. Например, представители высшего духовенства жалуются за то, что они „личные богомольцы" (№№ 36, 37), а предводители войска — за геройство во время военных действий (№№ 44, 47).

В то же время следует отметить, что преамбула, публикация и наррация крымских ярлыков второй половины XVI в. не являются устойчивыми не только по формулировкам, но также по последовательности, месторасположению внутри текста. Все это еще раз свидетельствует о кризисе, регрессе традиционного тюрко-татарского делопроизводства в указанный период.

В отличие от них в жалованиях Сахиб-Гирая наблюдается последовательная устойчивость. Это видно, кстати, из полного отсутствия во всех девяти ярлыках его формальной вступительно-повествовательной части, так как у него сразу же за адресатом начинается краткая наррация и следует еще более лаконичная диспозиция.

Таким образом, устойчивые формулировки вступительно-повествовательного раздела основной части текста характерны лишь для ранних образцов жалованных ярлыков.

2. Диспозиция

Распорядительное подразделение необходимо рассматривать по разновидностям жалований, потому что привилегии тарханов отличаются от прав суюргалов или получателей конкретных льгот.

В тарханных и тарханно-суюргальных ярлыках после вступительно-обосновательного раздела следуют иногда разделы,

где даются уточнения состава жалуемых лиц (кроме непосредственных родственников называются компаньоны, слуги и подопечные), конкретизация места деятельности данного тархана и его владений (названия селений, „в пути по суше и на воде", на базарах и т. д.), общая характеристика имущества (скот, земли, посевы, леса, сады, мельницы и др.). Пример такого уточнения представлен в ярлыке № 2 [316, 21]. Иногда бывают оговорки о возможных изменениях состава жалуемых. Например, в тарханных ярлыках, данных тремя правителями населению крепости Крык-Ера, читаем: „Засим еще кто бы справа, слева, из внешних и внутренних [селений], откуда бы ни было, [будь] из ясачных [или] из неясачных, ни пришел и не осел бы в крепости, пусть также будет тарханом от ясака и калана" (№№ 5, 7, 13).

Характер таких уточнений зависел, видимо, от состояния владельца ярлыка, от особенностей, разнообразия его хозяйственной деятельности: богатые тарханы, имевшие интересы в разных сферах экономики, получали более конкретные и сложные по составу уточнения, а жалования материально слабых, например, потомков захирелых родов, имели, наоборот, краткие уточнения.

После таких конкретизаций следует самая важная по содержанию статья основной части, где даются распоряжения, освобождающие от общих и конкретных видов, разновидностей налогов, пошлин, поборов и повинностей. Обычно она состоит из нескольких однотипных оборотов — от трех — ветырех до пяти — шести, в зависимости от количества называемых налогов-повинностей. Обороты строятся по следующим типам: „не берут и не востребывают того-то", „не взымают и не берут того-то", „не ставят в их дома гостей-постоев" и т. д. Иногда обороты имеют однородные члены-дополнения, состоящие из налоговых терминов, что существенно сокращает количество оборотов, хотя не касается сути распоряжения в целом. И завершается „цепь" оборотов-запретов обобщающими их содержание выражениями типа „с какой бы то ни было стороны пусть не чинят им вред и притеснение" (№№ 5, 7, 13, 15; варианты — №№ 2, 14), „с какой бы то стороны не чинят насилие" (№№ 9, 12).

Более или менее отдаленные варианты подобных общих запретов имеются и в позднейших тарханных ярлыках (№№ 27, 28, 39, 41 и т. д.). Перефразированные редакции в дальнейшем переходят в суюргальные ярлыки Сахиб-Гирая (№№ 16—24) и других правителей (№№ 32, 35, 46 и др.). Сильно видоизмененные версии содержатся в ярлыках, составленных по новым правилам (№№ 30, 40, 47, 48 и др.).

Правда, в некоторых жалованиях таких специально обобщающих запретов нет (№№ 1, 6, 11), хотя их отсутствие

компенсируется следующими за самими оборотами клаузулой и санкцией.

Что касается номенклатуры налогов-повинностей, содержащихся в диспозиции, то здесь наблюдаем сложную картину, связанную не только с малоизученностью вопросов терминологических пар, синонимов, вариантов, но и с неясностью действительного содержания ряда понятий. До сих пор относительно целой группы их ученые ограничиваются лишь общими наблюдениями и предположениями [см.: 44; 48; 267; 298; 399, 126—134].

Подробное освещение этой проблемы, являющейся темой для другого самостоятельного исследования, увело бы нас в сторону от задач конкретной дипломатики. Поэтому, не претендуя на выяснение содержания каждого термина или групп их, также эволюции их во времени и пространстве, попытаемся решить следующий вопрос: какие налоги и повинности были основными, то есть наиболее распространенными?

Чтобы ответить на вопрос, необходимо определить устойчивые терминологические пары, означающие общие или родственные понятия и уяснить также их синонимы, словом, установить те основные налоги и повинности, которые были действенными инструментами феодальной эксплуатации.

Как видно из таблицы XIX, где расписана налогово-повинностная номенклатура двенадцати тарханных ярлыков, выданных до суюргальных жалований Сахиб-Гирая, общее количество поборов, включая синонимы и варианты, достигает 35 (в ярлыке № 4, содержащем поздние интерполяции, встречается несколько „редких“ терминов, вызывающих сильное подозрение; поэтому в графе **К** отмечено наличие лишь тех налогов и повинностей, которые представлены в остальных документах).

Причем такие терминологические пары как *йасак-калан* (всеобщий налог), *тамга-тартнак* (пошлина с купли-продажи, таможенная пошлина), *харадж-хараджат* (поземельная или подушная подать), *сусун-'улуфа* (провиант и фураж), *улаг-илмэк* (подводы-верховые), *конак-тушун* (гость-постой), *кулуш-култка* (запросные, то есть запрашиваемые „дары“) не разделены, ибо их строго и систематически парное употребление почти во всех достоверных актах говорит против такого деления.

На достоверность текста обращено внимание потому, что употребление лишь отдельных компонентов этих спаренных понятий зафиксировано лишь в тех ярлыках, которые дошли до нас в дефектных копиях. Например, термин *конак* самостоятельно представлен в ярлыках №№ 9, 12, копии которых некачественны; понятия *борла тамгасы, тамга урман*, то есть факты употребления „тамги“ в иных сочетаниях вместо

типичного *тамга-тарнак*, также зафиксированы в копиях (№№ 2, 9).

Наравне с установлением терминологического единства таких парных понятий, не представляют особого труда и вопросы определения синонимов. Например, синонимичность понятий *йасак калан* и *йасакдан-каландан* не вызывает сомнений; нетрудно видеть близость с ними другого сочетания компонентов: *кабур йасагы калан* (интерпретацию В. В. Радлова см.: [316, 34—35]).

Понятия *борла тамгасы*, *тамга урман* приближаются по своему значению (пошлина [от продажи] вина, винограда; пошлина с леса [?]) к термину *тамга-тартнак*, так как если последний означает пошлину с купли-продажи вообще, то первые называют конкретные виды такой пошлины. К этой же группе относится по общему содержанию и термин *бадж* — таможенный сбор [124, 88—89].

Приближаются по значению *харадж-хараджат* (подушная подать вообще) и *борч-харадж* (долг и подушная или поземельная подать), с одной стороны, *тутун хараджы* (подать с дыма) и *тутун саны* („количество" дыма) — с другой, обозначающие подать с очага.

Определенная общность прослеживается в содержании двух компонентов сложно-парного термина *сала хараджы—йир хабласы*, связанного с податью с обрабатываемой земли, то есть с урожая; поэтому к нему приближается *игин хараджы* — „подать с урожая".

Такое же семантическое родство видно в терминах *анбар хакы* (плата за амбар), *анбар малы* (амбарное добро — амбарные деньги), *хазри анбар* (цена за амбар), которые в конечном счете обозначают „амбарную пошлину" [см.: 316, 34].

Если не вызывает сомнений тождественность содержания пар *сусун-'улуфа* и *'улуфа-сусун* (провиант и фураж), с одной стороны, также *улаг-илмак* и *мал-илмак* (подводы верховые, живое транспортное средство), с другой, то совершенно ясно, что понятие *улаг-сусун* (подводы-провиант) из ярлыка № 1 образовано в результате контаминации только что названных терминологических пар из различных групп.

В такой же степени не требует доказательства синонимичность словосочетаний *конак-түшүн* и *илчи-конак*, означающих проезжих „гостей", останавливающихся на постой у населения.

Так группируя синонимы и варианты терминов диспозиций различных ярлыков, можно сократить общее число их, например, до 16 [см. табл. XIX, 2-ая графа по вертикали], что, видимо, еще не является пределом сокращения. За бо-

лее или менее основные виды, разновидности налогов-повинностей следует принимать именно эти самостоятельные по смыслу и содержанию группы, а не их синонимы или варианты. Тем более не следует увеличивать общее количество их за счет деления спаренных терминов на два „самостоятельных". Искусственное увеличение общего количества, имеющее место в литературе [267, 144—159], не способствует, а мешает осмыслению содержания и назначения налогово-повинностной номенклатуры, ибо размельчает значение налоговых категорий — этих основных инструментов феодальной эксплуатации. (Некоторые исследователи, видимо, думают, что чем больше количество налогов-повинностей, тем легче доказать тяжелое положение эксплуатируемых масс в прошлом; однако степень эксплуатации определяется не только количеством, но и действенностью, всеобщностью реальных поборов).

Установив таким путем основные единицы, вернее условные группы налогово-повинностной номенклатуры тарханных ярлыков, следует обратить внимание на частотность их употребления, причем не по отдельным вариантам, синонимам, а по условным группам их [табл. XIX, последняя графа по вертикали].

Некоторые из терминов диспозиций, применялись менее пяти—шести раз на двенадцать возможных случаев; например: *индыр хакы* — плата за гумно, *кара саны* — поголовье крупного скота, *курт 'амали* — „куртовое" дело [значение неясно: 244, 190 и 193; 328, 126—128], *йол хакы*, *йоллуг* — подорожное, *карауллык* — караульное, *чирик авы* — войсковая, то есть облавная охота [табл. XIX, по горизонтали 11, 14, 15, 16, 23, 24]. Они не могут быть приняты за основные виды налогов и повинностей, имевших всеобщее распространение и действие, потому что они действовали ограниченно как во времени, так и в пространстве. Некоторые из них могли взыматься только с тех лиц, к хозяйству которых этот налог имел отношение, например, „плата за гумно", „куртовое дело". К такой же категории относились, видимо, и другие целевые поборы типа „амбарной пошлины", „подати с урожая" и т. д.

Естественно, в предлагаемом делении всех терминов на условные группы не все пункты еще доказуемы документально, потому что некоторые термины объединены по формальным признакам [табл. XIX, 5, 7, 14], словом, деление это носит пока предварительный, постановочный характер.

Что касается относительно распространенных, даже всеобщих налогов и повинностей, то наблюдается следующая картина:

Таблица XIX*

№ п/п		Условные сиглы и № ярлыков / Номенклатура налогов, поборов и повинностей	А 1	Б 2	В 5 7 13	Г 6	Д 9	Е 11	Ж 12	З 14	И 15	К 4	Всего 12 ед.
1 2	(1)	Йасак-калан (йаскдан-каландан) Кабур йасагы калан		 +	(+)	+		+	+	+	+	+	10
3	(2)	Салыг мусамма (мусамма салыг)	+	(+)	+			+		+	+	+	9
4 5 6	(3)	Тамга-тартнак Бурла тамгасы (урман тамгасы?) Бадж		+ +		+	(+)	+	+	 +	+	+	9
7 8 9	(4)	Харадж-хараджат (борч-харадж) Игин хараджы Сала хараджы, йир хабласы	+	(+)		+		+	 +	+		+	7
10	(5)	Тутун хараджы (тутун саны)			+	+		+		(+)			6
11	(6)	Индыр хакы		+								+	2
12 13	(7)	Анбар хакы (анбар малы) Хазри анбар	+	(+)		 +	 +		 +		 +	 +	7
14	(8)	Курт 'амали (бал курты)		(+)		+		+				+	4
15	(9)	Кара саны				+						+	2
16	(10)	Йол хакы (йоллуг)		+				(+)					2

Продолжение

№ п/п		Условные сиглы и № ярлыков Номенклатура налогов, поборов и повинностей	А 1	Б 2	В 5 7 13	Г 6	Д 9	Е 11	Ж 12	З 14	И 15	К 4	Всего 12 ед.
17	(11)	Улаг-илмак (мал-илмак)	↑	+	+	+	+	+	+	+	(+)	+	11+1
18		——————улаг-сусун ——————	┼										
19	(12)	Сусун-'улуфа ('улуфа-сусун)	↓	+	(+)	+	+	+	+	+	+	(+)	10+1
20 21	(13)	Конак-тушун илчи-конак, (конак)		+	+	+	(+)	+	(+)	+	+	+	11
22	(14)	Кулуш-култка				+		+	+	+	+	+	6
23	(45)	Карауллык (анкрия караул)		+				(+)				+	3
24	(16)	Чирик авы						+	+		+	+	4

* Номенклатура дается в облегченной транскрипции; цифры в скобках — № п/п условных групп; крестики в скобках соответствуют вариантам терминов, находящихся в скобках.

I разряд — налоги и пошлины:

группа йасак-калан — 10 раз,
„ тамга-тартнак — 9 раз,
„ салыг-мусамма — 9 раз,
„ харадж-хараджат — 7 раз,
„ түтүн хараджы — 6 раз,
„ хазри анбар — 7 раз;

II разряд — повинности:

группа улаг-илмак — 12 раз,
„ сусун-'улуфа — 11 раз,
„ кунак-түшүн — 11 раз,
„ кулуш-култка — 6 раз.

Таким образом, именно эти виды налогов и повинностей, относительная или абсолютная активность которых не вызывает сомнений, и являлись теми основными поборами, от которых освобождались тарханы.

Правда, имеются случаи, требующие специальной оговорки. Например, в трех версиях одного и того же жалования (№№ 5, 7, 13), данного тремя правителями населению Крык-Ера, не фигурирует ряд налогов: *анбар хакы, харадж-хараджат* и *тамга-тартнак* [табл. XIX, В]. Если отсутствие третьего объясняется тем, что все население Крык-Ера — мусульмане, армяне, иудеи — не могло поголовно вести торговлю, следовательно, не могло и платить таможенную пошлину, то отсутствие первой — амбарной пошлины, объясняется специальным характером жалования - не все жители города могли иметь дело с амбарами для хранения товара, зерна. Что же касается отсутствия *харадж-хараджат*, то оно компенсируется, видимо, наличием *түтүн хараджы* — подомовного налога (если так, то *харадж* — подушная подать). Вообще характерно то, что в этом цикле ярлыков не упоминаются и другие редкие разновидности поборов (*игин хараджы, индыр хакы, курт 'амали, кара саны, йол хакы, кулуш-култка, карауллык, чирик авы*). Отсутствие их объясняется тем, что они имели отношение к сельскому населению, а не городскому.

Все это говорит о том, что перечень налогов-повинностей соответствовал действительному положению, хозяйственным интересам жалуемых лиц. Поэтому не следует игнорировать значения так называемых редких поборов, которые определяют индивидуальную особенность жалований, в частности, и характеризуют экономическое состояние владельца, вообще.

В то же время нельзя отказаться и от того приема, при

котором выявляются, уточняются наиболее важные и характерные виды налогов и повинностей.

Из таких часто встречающихся в тарханных ярлыках поборов интерес представляет *салыг муссама*, что буквально означает „подать называемая", или „названная подать". Рассматривать это словосочетание как уточнение к какому-либо упомянутому в диспозиции налогу не следует, так как во всех анализируемых ярлыках оно выступает в самостоятельном обороте как определенный вид побора по сравнению с другими самостоятельными терминами. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим те конструкции, в составе которых этот термин фигурирует [оригиналы см. в табл. XX]; в конце каждого перевода укажем примерное место расположения термина внутри диспозиции.

Ярлык № 1: „Отныне впредь не облагают [население] Суть-Коля называемой податью, не востребывают подводы-провиант, не востребывают амбарную плату, подать с урожая...."; оборот находится в самом начале статьи.

Ярлык № 2: „... пусть не взымают амбарную пошлину, долю, относящуюся к плате за гумно, кабур йасагы калан, называемую подать; при отъезде и приезде, при въезде и выезде в Крыму и в Кафе, при покупке и продаже любой вещи да не берут тамгу-тартнак..." (в середине диспозиции).

Ярлыки №№ 5, 7, 13: „Засим также кто бы то ни было у этих тарханов с их скота не берет подвод и верховых [животных], не взымает фураж и провиант, не ставит насильно в их дома гостей и постоя, не взымает дымовую подать, называемую подать, также с какой бы то стороны пусть не чинят им вреда и притеснений",— следовательно, термин находится в конце перечня.

Ярлык № 11: (во время следования по суше или по воде) „кто бы то ни был пусть не востребывает и не взымает тамгу-тартнак, не облагает называемой податью" (далее следуют: облавная охота, тамга с купли-продажи и т. д.), термин почти в самом начале статьи.

Ярлык № 14: (людям и слугам их, поклажам и скоту не чинят вреда и притеснений) „пусть не облагают [на них] ясак-калан, называемую подать, не востребывают запросных даров, пошлину, харадж-хараджат...", — почти в середине диспозиции.

Ярлык № 15: (не берут и не востребывают ясак-калан, ...подвод-верховых..., провиант и фураж..., не ставят на постой..., запросные дары) „при свершении купли-продажи не востребывают и не берут тамгу-тартнак, не облагают податью называемой, с урожая хлеба не взымают анбарную пошлину...", опять в середине статьи.

№ п/п	№ ярлыков	"мусамма салыг" в контекстах
1	№ 1	بوكوندين ايلكارى سوت كول كا سليغ مُسمّى سلْمَاسُون لار اولاغ سوسون تيلاماسون لار انبارحقى ايكين خر[جى] تيلا ماسونلار ...
2	№ 2	... انبارمالى ايندرحقّي تبانليق قسمت قبور يَسَاغى قلان مسمّا ساليق بورج خرج الماسون لر باروري ده كيلوريده كيرور جيقارى ده قريم ده كفنه ده قَايُومَا تورلوك نه ارسا الوريده سَتَارى ده تمغا تَرت ناق الماسون لر...
3	№ № 5,7,13	بساكم كم ارسا تمغى بولسَا بوترخان لارنينك توار قرالا رين اولاغ ايلماكْ توتماسونلار علوفه سوسون تيب الماسُونلار ايۆلارينكا كوچْ برلا قوناق توشون قوندورما سوُنلار توتون خرجى ساليغْ مسمى تيب الماسونُلار قايوما ياندينْ تمغى بولسا يونجوق زحمت تيكورماسوُنلار
4	№ 11	... كيم كيم ايرسا تمغا ترتناق تيلاماسونلار الماسونلار ساليغ مسمى سالماسونلار جريك او[يدين...]
5	№ 14	... يساق قلان ساليغ مسمى سالماسون لار قولوش قلنَمَه باج وخرج قراجات ديب تيلاماسون لار...
6	№ 15	... ساتيغ اليغ فيلسالار تمغا ترتناق تيلاماسون لار الماسون لار ساليغ مسمى سالماسون لار ايكين يتكين حضر انبار الما سون لار...
7	№ 4	... بوكوندين ايلكارو ايساق البان الماسونلار مسمى سليغ صلماسونلا الماسونلار قولوش قولقا تيلاماسونلار

Наконец, термин содержится в списке ярлыка Хаджи-Гирая 1453 г. (№ 4): „Отныне вперед не взымают [с тархана] йасак-албан, не облагают и не берут называемую подать, не востребывают запросных даров...". В данном случае *мусамма салыг* находится во **вторично** изложенной диспозиции.

Таким образом, *салыг мусамма,* вопреки мнению ряда исследователей, переводивших его как простой „называемый, именуемый" при слове *салыг*, выступает не в разъяснительном или перечислительном смысле, а находится в положении самостоятельного налогового понятия. Поэтому допустимо следующее предположение: не означает ли *салыг мусамма* целевого налога, собираемого по особому указанию для определенной цели? Видимо, так; видимо, *мусамма* указывает на такие резервно-возможные поборы, носившие при каждом случае конкретные названия. Во всяком случае все текстовые данные говорят против утверждения В. Д. Смирнова о том, что якобы *мусамма* является лишь арабским переводом тюркского деепричастия *тиб (дип)* — „сказав" [348, 12].

Интересная картина наблюдается, если сравнить комплекс налогов-повинностей анализируемых ярлыков с аналогичными данными „митрополичьих" жалований. Перечень подобных налогов-повинностей содержится в следующих четырех ярлыках; Менгу-Тимура 1267 г., Тайдулы 1351 г., Бердибека 1357 г. и Туляка 1379 г. (остальные два ярлыка, выданные Тайдулой в 1347 и 1354 гг., не являются тарханными жалованиями; первый из них — это дополнительный указ царицы принять к сведению пожалованность митрополитов со стороны хана, а второй является ни чем иным, как охранной грамотой). Так, в жаловании 1267 г. читаем: „Тако молвя по первому пути, которая **дань**, или **поплужное**, или **подвода**, или **корм** кто ни будеть да не просять; **ям, воина, тамга** не дають".

Тайдула перечисляет следующие поборы: „А **пошлина** ему не надобе, **ни подвода, ни корм, ни запрос**, ни какой **дар**, ни **почестия** не въздаст никакова, ни люди его".

Вариант статьи у Бердибека таков: „...и кая **дань** ни будеть или **пошлина**, не емлют у них, ни **подвод**, ни **кормов**, ни **пития**, ни **запросов**, ни на **почестия** не въздають".

В ярлыке Туляка: „ино никакова **дань**, ни которая **пошлина**, ни **подвода**, ни **корм**, ни **питье**, ни **запрос**, ни **даров** не дадуть, ни почестья не въздають никакова" [298, 465—469].

Сгруппировав перечисленные поборы, получим следующую картину:

а) дань, б) поплужное; в) пошлина, г) ям, подводы, д) корм, питье, е) запрос, дар, почести.

Как видим, основные моменты статьи диспозиций „митрополичьих" ярлыков полностью соответствуют аналогичным пунктам джучидских жалований, данных „своим" подданным. С другой стороны, в русских версиях чувствуется тенденция не точно документального, а интерпретационно-смыслового перевода, что необходимо учитывать при идентификации русских версий терминов с их тюркоязычными оригиналами. Например, если тюркское обобщающее понятие транспорта, выраженное спаренным термином *улаг-илмак,* дается лишь одним словом „ям" или „подводы", то *кулуш-култка* в терминологическом отношении разделена на самостоятельные понятия и т. д.

Диспозиции „митрополичьих" ярлыков, кроме цитированных статей, содержат дополнительные предписания относительно недвижимого имущества: „Или что церковное, земля, вода, огороди, виноградъ, мельници, зимовища, летовища — да не заимеют их" (ярлык 1267 г.). Церковные дома, земли, воды, огороды, виноградъ, мельницы фигурируют и в остальных трех ярлыках (1351, 1357, 1379 гг.).

На эту особенность, не очень четко выраженную в жалованиях, данных „своим" подданным, следует обратить внимание потому, что эти статьи, судя по некоторым реалиям, — зимовища, летовища, виноградъ, огороды — первоначально оформились в ярлыках, выданных жителям южных областей Джучиева Улуса, так как вряд ли церковные хозяйства Руси в XIII—XIV вв. располагали такими видами собственности. Следовательно, эти особенности „митрополичьих" ярлыков опровергают отдельные предположения, что в Джучиевом Улусе первоначально преобладали тарханные акты, выдаваемые лишь духовенству, что среди светских феодалов таких жалований было мало, а дошедшие до нас „митрополичьи" ярлыки являются относительно новыми жалованиями [399, 125].

Сравнительный анализ говорит об обратном, потому что диспозиционная статья XIII в., упоминающая земли, виноградъ, зимовища, летовища, могла сформироваться первоначально в жалованиях, выдаваемых светским феодалам, а потом, как стандартная статья-формула, перешла в „митрополичьи" ярлыки (это могло произойти, во-первых, из-за плохого знания составителем текста специфики сельского хозяйства на севере, во-вторых, как результат щедрого — оптового пожалования).

Вместе с тем сравнение диспозиций относительно ранних и сравнительно поздних ярлыков показывает, что отдельные наименования налогов-повинностей были очень устойчивыми, проходили через несколько столетий. Это объясняется традиционностью отдельных поборов для различных регионов Джучиева Улуса, с одной стороны, и одновременно относительной архаичностью части социально-политической тер-

минологии ярлыков XVI в., с другой (консервативность части социальной терминологии наблюдалась и в эпоху существования Золотой Орды [399, 125—127]). Полное исчезновение целого ряда налоговых терминов в ярлыках середины и второй половины XVI в. свидетельствует об устаревании к этому периоду определенной части традиционно джучидских налоговых институтов. Отвечать на вопросы: что осталось неизменным? и что сохранилось лишь формально? — задача будущих специальных исследований.

В новых суюргальных ярлыках, как разновидность оформившихся во времена Сахиб-Гирая, диспозиции не содержат оборотов-распоряжений с указанием на налоги и повинности. В них после публичного объявления, следующего за развернутым адресатом, указывается на территорию, которая закрепляется за держателем ярлыка. Сообщается также о том, сколько заплатил жалуемый при получении акта „за печать". Для наглядности приведем пример: „Засим, когда получивший сей ярлык Кзыл-Курт, сын Ширина Баш-Куртуга, просил ярлык на занимаемую им землю на [реке] Кара-Су — спереди [которой находится] „Кара Уба" Тулата, сзади — ущелье Сичеуйта, с востока [владения] Урус-ходжи, с запада [владения] Туртэ — за что упомянутый дал за печать вместо коня пятнадцать тысяч акчэ, я так же, соизволив суюргальное пожалование мое, дал в его руки на держание ярлык с синей печатью да алым нишаном и велел, чтобы после сего кто бы то ни был из правящих старших и младших султанов и огланов, называемых бийям, из мирз пусть не чинят препятствия и насилия, вреда и притеснения..." (№ 23).

Данный образец замечателен тем, что, во-первых, в нем представлены все детали подобных распоряжений, содержащихся в других жалованиях названного правителя (№№ 16—22, 24); во-вторых, здесь есть указание не только на границы жалуемого владения, но также на плату „за печать" — деньги вместо коня. Действительно, во всех указанных ярлыках и в большинстве жалований последующих ханов, в составе диспозиций фигурирует специальная статья — клаузула, обусловливающая выдачу ханской „печати" за определенную мзду (обычай платить чиновникам за ярлык, по некоторым данным, был и раньше, но он был узаконен в пользу казны Сахиб-Гираем). В-третьих, как показывает цитированный отрывок, диспозиция-распоряжение постепенно переходит в санкцию и корроборацию.

Так, начиная с Сахиб-Гирая, диспозиция суюргальных ярлыков приобретает новую форму. Отличительной чертой является замена диспозиций-запрета тарханных жалований на диспозицию-утверждение суюргальных, где определяются территории и границы владения.

Промежуточное положение между тарханным и суюргальным актами занимает разновидность тарханно-суюргальных жалований, примером которой является ярлык № 27. В нем наравне с определением границ прикрепляемой земли называются отпускаемые поборы *(улаг-илмак, 'улуфа* и т. д.).

Синкретичный характер носят и другие поздние собственно тарханные ярлыки (№№ 28, 39, 41, 45, 56, 61), в них уже нет четкости и ясности оборотов с конкретными распоряжениями-запретами. В одних из них все старые типы поборов, относимые нами к I разряду, опускаются вообще (№№ 28, 41, 56), в других они названы одним собирательным понятием *йасак-бид'ат,* „запрещенными налогами" в целом, хотя в большинстве из них продолжают фигурировать *улаг-илмак, сусун-'улуфа,* появляются также новые разновидности повинностей, как, например, „солевая" — участие живой силой и транспортными средствами в добыче соли (№№ 41, 45, 61).

В целом, как показывает сравнительный анализ диспозиций крымских ярлыков первой и второй половины XVI в., после Сахиб-Гирая институт тарханного жалования постепенно сходит на нет. Именно при этом правителе был нанесен сокрушительный удар по институту тарханства и старого вида суюргала; его не смогли в полном объеме восстановить последующие правители, хозяйственно-экономическая политика которых не отличалась целеустремленностью, последовательностью. В сущности их тарханные жалования — это помесь элементов собственно тарханных ярлыков с суюргальными, даже льготными.

Таким образом, как видно из последнего момента, отмеченная выше эволюция джучидского делопроизводства в Крыму во второй половине XVI в., обусловлена не только усилением турецкого влияния, но также и следствием экономических преобразований, связанных с ними юридических изменений, происходивших во времена и после Сахиб-Гирая.

Несколько слов о ранне-суюргальных и служилых ярлыках, образцами которых, в отличие от суюргалов Сахиб-Гирая, являются ярлыки Улуг-Мухаммада и Менгли-Гирая 1468 г. (№№ 3, 8).

В жаловании Улуг-Мухаммада после адресата и публичного объявления перечисляются те населенные пункты, которые даются по наследству Туглу-баю для правления и сбора всяких налогов, в том числе и ежегодных. В отличие от него, в ярлыке № 8 делаются конкретные распоряжения — сколько взымать пошлины с того или другого вида дохода.

Если сравнить эти два ярлыка с другими, то первый из них имеет некоторые общие черты с тарханным ярлыком Токтамыша, где также определяется общее владение Бек-Ходжи — местность Суть-Коль и все годовые поборы *(йыл сайын... чыкар чыкышы* — „ежегодно выделяемый выход"),

взимание которых жалуется тархану. Отличие ярлыка № 1 от жалования Улуг-Мухаммада заключается в том, что в первом рельефнее выражена тарханная сущность, в то время как в ярлыке № 3 — суюргально-владельческое содержание.

Что касается ярлыка № 8, то к нему по структуре приближается служилый ярлык Газы-Гирая II, данный в 1591 г. Ахмад-паша-беку на правление Крык-Ером, в котором также, как в жаловании Менгли-Гирая, подробно предписываются правила и нормы взымания разнообразных пошлин с каждого вида купли-продажи или иного дохода. (Этот богатейший по содержанию документ достоин специального исследования, так как содержит сведения о нескольких десятках конкретных пошлин, взымаемых с купли-продажи, с вывозимых или привозимых товаров. По оформлению начального протокола это жалование, названное в самом документе *канун-наме* — „сводник закона", относится к новой разновидности крымских официальных актов).

Таким образом, имеются факты наличия смешанных, то есть синкретичных по форме, содержанию ярлыков и среди относительно ранних актов. Такое явление объясняется, видимо, тем, что первоначально в Джучиевом Улусе не было четкого деления тарханства и суюргала — они развивались симбиозно; с другой стороны, в лице тархана или держателя старого суюргала часто совпадали главы жалуемых родов и местные правители.

Именно этим можно объяснить отличие ярлыка № 3 от № 8, из которых первый более суюргальный, а во втором преобладают качества служилых жалований. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в одних и тех же ярлыках обнаруживаем признаки различных по жанру актов.

3. Санкция

Переход от оборотов диспозиции, содержащих суть жалований, к следующему подразделению основной части текста — санкции оформляется, как правило, оборотами-запретами обобщающего характера.

Например, такими: „с какой бы то стороны пусть не чинят им вред и притеснения" (ярлыки №№ 5, 7, 13, 15; варианты — №№ 2, 14); „с какой бы то стороны не чинят насилие" (№№ 9, 12). Относительно вольные варианты их представлены в поздних тарханных (№№ 27, 28, 39) и суюргальных (№№ 16—24) ярлыках. Имеются и сильно видоизмененные версии их в тех документах, которые составлены по новым правилам (№№ 30, 40, 46, 47 и т. д.). Лишь в некоторых образцах такие переходные обороты отсутствуют полностью (№№ 1, 6, 11).

Сама санкция — обусловливающее или устрашающее, запрещающее предписание — состоит из нескольких статей-клаузул. В типично жалованных ярлыках представлены следующие основные разновидности формул-статей:

А. Эта разновидность статей-клаузул стоит, как правило, на первом месте и представлена следующими основными редакциями:

„Пусть пребывая спокойно и благополучно, утром и вечером, в священные времена их (то есть во времена молитв — *М. У.*), возсылают молитвы и благословение за нас и за род и потомство наше" (№ 2);

„пусть пребывая со спокойной душой в благополучии, проводя смиренно жизнь свою, утром и вечером, от зари до зари возносят молитвы и благословения за нас, за род и потомство наше" (№№ 5, 6, 7 и др. ранние акты). Более или менее близкие редакции последнего варианта имеются и в поздних ярлыках (№№ 42, 45, 46; 52 и др.).

Данную клаузулу можно было бы отнести к разновидности о б я з а т е л ь с т в е н н о й, поставленной как условие перед держателями ярлыков [о клаузулах русских грамот см.: 202, 111 и 113—115].

Религиозная окраска подобных статей является не поздним результатом проявления мусульманской „благочестивости" джучидов конца XV—XVI вв. Скорее всего этот вариант оформился значительно раньше и применялся не только по отношению к мусульманам. Об этом свидетельствуют, например, „митрополичьи" ярлыки: „А попове от нас пожаловани по пръвои грамоте, бога молящи и благословляще нас стоите. А иже имете не правым сердцем о нас молитесь, — богу тот грех на вас будеть" (Менгу-Темир, 1267 г.). Краткие или подробные варианты подобных клаузул представлены в ярлыках Тайдулы (1351 г.), Бердибека (1357 г.) и Туляка (1379 г.).

Характерно, что эта разновидность клаузулы отсутствует в ранних тарханно-суюргальных или суюргально-служилых (№№ 1, 3), также в поздних служилых жалованиях (№№ 25, 40, 48), что объясняется, видимо, жанровыми особенностями последних, выдаваемых с условием нести конкретную службу, а не просто „ради молитвы". Как увидим, отсутствие клаузулы формы **А** в этих ярлыках компенсируется другими статьями, не содержащимися в типичных тарханных ярлыках.

Б. Эта разновидность клаузулы, находящаяся в тарханных ярлыках сразу за **А**, представлена следующими основными редакциями:

„Пусть боятся оказавшие вред и притеснение сим (~ сему, пожалованным, ~ тарханам, ~ имяреку и т. д.)";

„видевшим сей ярлык, [но] причинившим вред, притеснение и насилие держателю сего ярлыка (~ тархану, ~ имя-

реку и т. д.) не будет добра (~ будет ли добро?) — да боятся они!";

„засим людям, кои после изложенного таким образом ярлыка, ослушавшись, причинят [пожалованным] насилие, притеснения и обиды, будет ли самим им лучшее?!" и т. д. Различные вариации подобных „устрашений" представлены в ярлыках №№ 1, 3—8, 11—15, то есть почти во всех жалованиях, составленных до середины XVI в.

Характерной чертой данной разновидности клаузулы является то, что она адресована **всем** без исключения исполнителям — от беков-огланов до „всего народа". По всей функции и назначению она относится к разновидности угрожающей санкции, хотя есть элементы и обязательственной.

Наличие вариантов и версий этой формы в „митрополичьих" жалованиях говорит о том, что она оформилась сравнительно рано. Например, в ярлыке Менгу-Тимура (1267 г.) читаем: „А кто иметь веру их хулити, — тот человек извиниться и умереть"; в ярлыке Тайдулы (1351 г.) — „А кто пак беспутно силу учинить какову или пошлину замыслить, умреть и поблюдеться"; у Бердибека (1357 г.) — „А кто ся иметь ставити или рушити их, — и тои в гресех будеть да умереть"; санкция Тулякового ярлыка (1379 г.) является более полным вариантом статьи жалования 1357 г. [289, 466—470].

Правда, в „митрополичьих" ярлыках, в отличие от вышецитированных образцов из тюркоязычных оригиналов, имеется элемент угрозы смертью. Для относительно поздних ярлыков подобная угроза не характерна. Имеется лишь одно исключение: „отобравшие имущество наших тарханов пусть боятся— они умрут!" (ярлык № 12).

Относительно грозные предупреждения, предписывающие и позорное публичное избиение, отлучение от религии, „заступничества пророка" и т. д. содержатся в некоторых поздних жалованиях (№№ 56, 61).

Поэтому можно полагать, что в целом угроза казнью является архаичной клаузулой. Что же касается угрозы отлучением от религии, то она формируется в поздние времена— в эпоху окончательного укрепления позиции мусульманства. В целом для ранних джучидских ярлыков характерна светско-карательная разновидность угрожающей санкции.

В. Данную разновидность санкции можно было бы назвать ограничительной, так как в ней ограничиваются права и действия самих пожалованных: „Засим, если ты, Бек-Ходжа, говоря что ты так пожалован, учинишь насилие беспомощным беднякам, то и тебе не будет добра" (№ 1).

В ярлыке № 3 содержится почти аналогичная санкция, вместо „беспомощным беднякам" сказано более конкретно:

„бедным ясачным людям". Вариант подобной санкции имеется в жаловании № 11.

В ярлыке № 8, являющемся подтвердительным по отношению к № 3, санкция-запрет заменена на санкцию-предписание: „построить мечети, кормить бедных и нищих".

Характерной чертой санкций этой разновидности является то, что в них, с одной стороны, указывается на ограниченность прав держателя жалования, с другой, на их обязанность заботиться о нижестоящих. Таким образом, данная статья еще раз подкрепляет предположение, что ярлык № 1 является не только тарханным, но имеет и суюргальное содержание, ибо его держатель Бек-Ходжа-тархан одновременно являлся и владельцем суюргала — удела.

Видимо, определенными административными полномочиями располагал и держатель тарханного ярлыка № 11 Ибрагим. Особенности жалований № 3 и № 8, являющихся суюргально-служилыми, и общность части их санкций с аналогичными клаузулами ярлыков № 1 и № 11 не случайны. К тому же в ярлыке Токтамыша и в жаловании Улуг-Мухаммада населению предписывается: „все вы оказывайте беспрекословное содействие Бек-Ходже ..." в деле сбора подати (№ 1) и по всем податным вопросам „не ослушаться слов Туглу-бий Хзыра" (№ 3), то есть указывается на административно-служебные полномочия держателей этих ярлыков.

Г. Имеется образец и предупреждающей санкции, в котором между клаузулами **АБ** делается такое специальное предписание получателям ярлыка: „Если вы, говоря, что мы стали тарханами, не будете нести нашу службу, также службу последующих за нами ханов, то не будете [далее] тарханами" (№ 15).

Особенность данной клаузулы объясняется тем, что ярлык этот является изначальным, и он выдан на условии несения конкретного вида военной службы в качестве стрельцов.

Отсутствие такой предупреждающей санкции в других служебных ярлыках, данных *карачи-бекам* рода аргын (№№ 25, 40, 48), вполне закономерно, так как все они, во-первых, были подтвердительными, во-вторых, должность *карачи-бека* являлась наследственной. Поэтому в них представлены различные варианты лишь одной разновидности, адресованной подданным в целом — **Б**.

Санкции других поздних служилых ярлыков составлены по иным формулам. Например, если в ярлыке Ислам-Гирая II, утверждающем аталыком Абдурахман-шайха, предписывается единодушно соблюдать законы, приличие, установившиеся порядки (№ 49), то в указе Газы-Гирая II, при назначении Ахмад-паша-бека правителем Крык-Ера, приказывается управлять делами „по соответствии с данным канун-наме", то есть „законником" (№ 54).

Д. Из клаузул-санкций изучаемых документов в особую разновидность следует выделить статью шертной грамоты Менгли-Гирая (№ 10). Претендент на престол за признание его законным ханом обещает не чинить никакого зла ни населению Крык-Ера, ни их имуществу и дает клятву на Коране; в случае же нарушения клятвы ему грозит отлучение от веры, от заступничества пророка и т. д. Одним словом, это наиболее общая религиозная форма клаузулы, приближающейся к разновидности крестоцеловальных формул христианских правителей [202, 101 и др.]. Обычай давать клятву на Коране крымские ханы практиковали и позднее, даже в тех шертных ярлыках, которые давались правителям немусульманских стран [35].

Подведя итоги всему изложенному по санкциям ранних ярлыков, следует указать, что последовательность статей при наличии двух разновидностей клаузул устойчива и соответствует условным формулам **АБ** (№№ 4—7, 12—14) или **АВ** (№№ 1, 3). Устойчивость несколько нарушается при трехчленных санкциях: **ВАБ** (№ 8), **АБВ** (№ 11) и **АГВ** (№ 15).

В крымско-суюргальных ярлыках, оформленных при Сахиб-Гирае (№№ 16—24), нет специальных статей санкций, подобных описанным выше. Если не принимать за особую клаузулу указание на подведение коня „за печать" или уплату денег вместо коня, содержащееся внутри диспозиции, то роль своеобразной санкции выполняла следующая статья: „кто бы то ни был из правящих старших и младших султанов и огланов, называемых бийями, из мирз пусть не чинят препятствие и насилие, вред и притеснение [держателям ярлыка]". Дальше следуют корроборация и конечный протокол. Таким образом, при этом правителе был прекращен не только институт тарханства, старого суюргала, но и исчезли отдельные специальные формулы, характерные для подобных жалований. „Всеобъемлющие" санкции, призванные уточнить не только обязанности ленника-правителя старого типа, но и подчеркнуть широкий размах тарханных прав („где бы ни был... где бы ни торговал..., кто бы ни был...") заменяются конкретными земельными, то есть инвеститурными жалованиями со строго очерченными границами владения.

Держатель ярлыка был полновластным хозяином лишь в своих владениях. Вне их территории действовали общие законы, ибо жалование являлось строго конкретным. Это был существенный, даже поворотный, момент в истории развития джучидского суюргала в Крыму.

Правда, после Сахиб-Гирая отдельные правители пытались восстановить традиционные виды тарханных жалований, составляли подобные акты. Но как видно из анализа диспозиции — раздела, излагающего суть жалования, — полноценные тарханные ярлыки уже не появлялись. Поэтому отдельные

образцы традиционных санкций, содержащиеся в некоторых документах второй половины XVI в., необходимо рассматривать в одних случаях как общие анахронизмы и реликты, а в других, подтвердительных, как влияние формы ярлыка-предшественника.

4. Сведения об удостоверении

Одним из важных пунктов, на что обращали постоянное внимание джучидские делопроизводители, являлась корроборация.

Формула удостоверения следует сразу же за санкцией и выражается конструкцией типа „говоря так, на держание дан ярлык с таким-то (называется цвет, позднее и форма печати) нишаном (~ такой-то тамгой)". Если отбросить предикативные части предложений („говоря так, на держание дан..."), остается ядро формулы — цвет и форма удостоверительного знака.

Как мы видели из анализа функции и назначения различных печатей, представлено около пятнадцати редакций таких формул, в которых отличие касается в основном указаний на разновидности самих удостоверительных знаков — цвета и формы печатей.

Если учитывать, что термины *нишан, тамга* и *мухр* были синонимами, означающими печать вообще, то параллельное их употребление в одной и той же формуле было результатом лишь стилистического приема. Поэтому формулы „ярлык с алой тамгой" (№ 1), „ярлык с нишаном" (№№ 5, 7, 8, 9), „ярлык с алым нишаном" (№ 14), „ярлык с золотой тамгой" (№ 11) объединяются в одну группу; формулы вроде „ярлык с золотым нишаном, алой тамгой" (№№ 2, 3, 4, 6, инверсионные вариации — №№ 13, 15), „ярлык с синим мухром, алой тамгой" (№№ 16—24, 27, 33, 35, 41, 58, 59, вариации №№ 26, 43, 52) — в другую; в третью „смешанную" группу следует объединить те формулы, в которых наравне с тамгами двух цветов — алой и синей — отмечается наличие и перстневой печати (№№ 27, 32, 34, 38, 39, 42, 45, 46, 50, 53, 61); в четвертую — только лишь „ярлык с перстневым нишаном" (№№ 12, 25, 28, 30, 36, 37, 40, 48, 55, 56).

Как видно из порядковых №№, для ранних актов характерны первые две подгруппы формул — краткая с указанием на одну печать и пространная — на два знака („золотой... и алый..."). Историческая первичность краткой редакции подтверждается аналогичными формулами „митрополичьих" ярлыков: „ярлык с алою тамгой" (Бердибек, 1357 г., Туляк, 1379 г.) и „нишанная грамота" (Тайдула 1347, 1351, 1354 гг.).

Правда, не были чужды ранним жалованиям и двухкомпонентные формулы типа „ярлык с золотым нишаном и алой

тамгой". Однако нет уверенности в том, что эта формула всегда свидетельствует о наличии печатей двух цветов. Если ярлыки №№ 2, 3, 4, будучи копиями, не дают достоверного материала, то документы №№ 6, 13, 15 содержат оттиски тамги лишь одного цвета: синей у Менгли-Гирая, его сына Мухаммад-Гирая и алой у Саадат-Гирая. Поэтому вполне возможно, что в этих жалованиях выражение „золотой нишан" могло означать также золотом написанные слова — адресант, имена ханов. Однако все же основное содержание слова *нишан* — печать, о чем говорят обороты „с алым нишаном", „перстневой нишан" и др. И с таким значением термин этот был заимствован из уйгурской делопроизводственной лексики XII—XIII вв., для которой он является заимствованием из среднеперсидского языка [471, №№ 1-8].

Можно уверенно сказать, что именно на базе ранних двухкомпонентных формул при Сахиб-Гирае оформилась ясная по выражению и соответствующая оттисковым данным редакция с составом „синий..., алый...". Вполне возможно, что наиболее ранними образцами документов с двумя различными тамгами мы пока не располагаем. Поэтому, выводя редакцию формулы „синий..., алый..." из „золотой..., алой...", эту эволюцию следует рассматривать ограниченно, применительно лишь к жалованным ярлыкам.

В пользу такой осторожности говорит история четвертой редакции формулы: „ярлык с перстневым нишаном". Если судить по данным лишь жалованных документов, то формула эта характерна прежде всего для некоторых султанских ярлыков (№№ 12, 28) и жалований поздних Гираев (№№ 25, 36, 55 и др.). Однако особенность удостоверения Тайдулы свидетельствует о другом: перстневые печати были также у ранних джучидов, но в XV—XVI вв. происходит их повторная активизация.

В этом плане показательна история третьей „смешанной" редакции удостоверения „синий..., алый..." и плюс „перстневой". Параллельное приложение печатей двух типов — квадратной и миндалевидной перстневой — началось во времена Менгли-Гирая. Так, если для ярлыков-посланий этого хана до середины 90-х годов XV в. характерны удостоверения типа „ярлык (грамота) с синим нишаном" (более 50 случаев), то начиная с этого периода корроборация его посланий становится двухсоставной: „жиковиною запечатав да с синим нишаном ярлык (грамоту) послал есми" — около 30 случаев. Переход был, однако, не резким, проявлялся он лишь в тенденции, сначала квадратная тамга заменялась лишь одной перстневой печатью (около 10 случаев), затем применялись оба типа знаков одновременно; причем факты применения трех редакций формул, соответствующих трем способам удостоверения, отмечены в документах, составленных в одном

и том же году [338, т. 41: №№ 28, 32, 39, 41, 48, 51, 59, 61 и др.].

Тенденция одновременного приложения и квадратной синей тамги и миндалевидной печати становится преобладающей при Мухаммад-Гирае I: из 65 случаев сорок раз применена двухсоставная формула, пять раз упоминается лишь „синий нишан", восемь раз—„жиковина", причем и у него, как у отца его, нет четко выраженного перехода из формы в форму [338, т. 95, №№ 10, 14, 16, 21, 22 и др.].

Эти материалы говорят о том, что текстовое удостоверение ярлыков, являясь одной из обязательных статей, развивалось. Основная тенденция развития заключалась в переходе от кратких, однокомпонентных формул к более пространным статьям. С другой стороны, для этой тенденции свойственна неустойчивость, отсутствие последовательности, дублирование. Например, если для всех ранних ярлыков, включая жалования Сахиб-Гирая, типично лишь однократное удостоверение в самом конце основной части текста, то после названного правителя параллельно с такой специальной корроборацией, следующей после санкции, дополнительные сведения приводятся во вступительно-преамбульной части или в самом распоряжении.

Так, в ярлыке Даулят-Гирая после изложения обстоятельств выдачи жалования сообщается, что „на держание дал я ярлык с синим мухром и алым нишаном"; далее следует предписание всем старшим и младшим султанам, огланам, бекам и мирзам не оказывать насилия над держателем жалования, а ему же — возносить молитвы, благословения, далее опять следует удостоверение: „на держание в руки дан владенный ярлык с синим нишаном, алой тамгой". После этого следует конечный протокол (№ 26).

Дублированные и противоречивые по составу двукратные удостоверения: в первый раз—„в руки дал я этот благославенный ярлык с синим мухром и алым нишаном", во второй — „в руки дан перстнево-нишанный ярлык" — представлены в ряде поздних жалований (№ 32, также №№ 33—35, 38, 41, 42, 45); имеются факты употребления трех- и четырехкратных формул (№№ 43, 50, 53 и 39, 46, 61).

Наравне с такими многословными удостоверениями имеются случаи однократного применения корроборации старого типа (№№ 52, 55), когда своеобразие подтвердительных жалований предопределено особенностями протографов; есть факты отсутствия корроборации в конце основной части, но сохранения ее в распоряжении (№№ 56, 58, 59, 60).

Одним словом, во второй половине XVI в. удостоверительные формулы крымских жалований полностью теряют вышеотмеченную стройность, последовательность, характерные для

ранних ярлыков, что еще раз свидетельствует о наступившем кризисе делопроизводства.

Если эти противоречия и непоследовательность свидетельствуют о кризисе традиционной практической дипломатики, то многократное дублирование корроборации говорит о падении престижа официального акта. Потому что и тройное заверение одного и того же акта оттисками печатей различных типов, словесное подчеркивание значения этих печатей — результат девальвации авторитета государевых знаков и заверяемых ими указов.

Все это связано как с деградацией ханской власти в Крыму в процессе усиления турецкого влияния, так и последствиями аграрных преобразований Сахиб-Гирая, в результате которых был нанесен удар по институтам тарханства, старого суюргала, то есть по позициям влиятельных, сепаратистски настроенных феодалов.

Среди документов есть образцы, в которых корроборационных формул нет вообще. Нет упоминаний о печатях в шертном ярлыке Менгли-Гирая (№ 10). Это объясняется, видимо, тем, что документ составлен до вступления на престол, когда еще не было квадратной тамги с его именем. Был ли оттиск перстневой печати — удостоверения личности, — об этом в копии нет сведений. Вполне допустимо, что в подлиннике такой оттиск имелся.

Правомерность такого предположения объясняется тем, что в султанских ярлыках, когда жалующая сторона не является олицетворением верховной власти, текстовое заверение не было обязательным, достаточно было лишь наличия печати — удостоверения личности. Таковы, например, ярлыки №№ 31, 51, 57, имеющие оттиски, но не содержащие специальной корроборации (правда, в ярлыке № 51 отсутствие формулы компенсируется выражением внутри распоряжения *ушбу мəмһур йарлыг...* — „сей ярлык с печатью...“). Наличие же формул в других султанских ярлыках (№№ 12, 28) не противоречит этому, так как, говоря о необязательности, не отвергается возможность.

Корроборационные формулы не были обязательны и для тех собственно ханских ярлыков, которые имели силу не всеобщего закона-жалования, а носили частный, в некоторой степени сугубо служебный характер. Именно по этой причине, на мой взгляд, не содержатся анализируемые формулы в некоторых служилых ярлыках (№№ 49, 54), из которых в первом речь идет о назначении аталыка, а во втором — правителя Крык-Ера.

К категории частного жалования относится охранная грамота Даулят-Гирая (№ 29), адресованная населению тех земель, на которые не распространялась власть крымского

правителя, в результате чего грамота являлась всего лишь частным документом или авторитетным ходатайством.

По сравнению с тарханными, ранними и поздними суюргальными жалованиями, более или менее частный характер носят некоторые льготные ярлыки, не имевшие общегосударственной силы (№№ 44, 47), например, освобождение от обязанности выдавать долю от военной добычи, носящей название *саука*.

Таким образом, отсутствие специальных формул не всегда равносильно отсутствию оттисков печатей: на документах с частным или сугубо служебным назначением не обязательно указание в тексте на наличие знаков. Корроборационные формулы обязательны прежде всего для жалованных и официальных актов, имевших силу закона в общегосударственном масштабе.

Наконец, еще несколько слов о содержании удостоверительных терминов. Как было уже отмечено, слова *нишан, тамга, мухр* являются синонимами. В то же время из них *тамга* и *нишан* являются полисемантичными, многозначными: первая из них, кроме печати, означает разновидность побора, вернее целый комплекс пошлин с купли-продажи и таможенную пошлину, а второй, наравне с печатью, — монаршего знамения вообще (символическое выделение ханского имени и т. д.). Поэтому в сугубо лексическом отношении точно и четко означал понятие печать лишь *мухр*, который мог бы быть признан доминантным в указанном синонимическом ряду.

Однако учитывая то обстоятельство, что при определении доминанты общественно-социальных терминов необходимо брать не только лексико-семантическое значение, но также важно иметь в виду историческую исконность, терминологическую активность слова, в данном случае доминантой следует признать не *мухр,* а *тамгу,* означающую наравне с пошлиной удостоверительную печать вообще, как официально-государственную, так и частную.

Все это в определенной степени осложняет исследовательский процесс, но все это необходимо помнить и учитывать при анализе как делопроизводственной номенклатуры, так и общественно-социальной терминологии тюрко-татарских ханств Восточной Европы в целом.

Глава третья

КОНЕЧНЫЙ ПРОТОКОЛ

В специальной литературе по дипломатике к конечному протоколу, или эсхатоколу, относят датум (выходные данные, место выдачи) и апрекацию; то есть заключение [200, 27]. Учитывая своеобразие эсхатокола тюрко-татарских официаль-

ных актов, следует рассматривать его, применяя особую терминологию, в следующей последовательности: дата, место выдачи и исполнители оформления акта. К этому же разделу по функции и месторасположению примыкает и дополнительное удостоверение, содержащее сведения о ходатаях и свидетелях. (Ввиду того, что указывание на свидетелей не влияло на сущность государева жалования, а уточняло лишь канцелярскую историю конкретного акта, эту формулу целесообразнее рассматривать при анализе конечного протокола).

1. Дата и место выдачи

Сведения о дате составления акта содержатся во всех без исключения жалованиях. Например, из 61 документа дата отсутствует лишь в двух: №№ 35, 56 и то по той причине, что в процессе позднейшей бытовой „реставрации" были срезаны последние строки, содержащие эсхатокол, то есть конечный протокол.

В относительно ранних документах сведения о дате и месте выдачи ярлыков являлись, видимо, равноправными компонентами одной и той же статьи-формулы, иногда могли меняться местами. Например, в ярлыке Токтамыша № 1 сначала приводятся сведения о месте дачи акта, затем—дата; причем обе части статьи оформлены грамматически как самостоятельные предложения.

В послании же его к Ягайло компоненты расположены в обратном порядке, но как равноправные обороты в составе одного и того же предложения. Аналогичная картина наблюдается у Улуг-Мухаммада: сначала называется дата, затем — место выдачи ярлыка (№ 3); а в его послании к Мураду (1428 г.), в середине даты вклинивается сообщение о месте: „Написан в год обезьяны, в бытности орды на берегу Днепра, двадцать седьмого дня месяца джумада ал-авваль, года восемьсот тридцать первого..." [468, 10].

В дальнейшем наблюдается стабилизация формы: сначала дата, затем место; нарушение, несколько повторяющее особенности послания Улуг-Мухаммада к Мураду, встречается лишь в ярлыке Менгли-Гирая 1485 г. (№ 11: „Написан в восемьсот девяностом году, двадцать первого дня благословленного месяца раджаба, в пятнице, в бытности Великой Орды в юрте Турбуга, в змеином году").

В позднейших ярлыках, содержащих оба компонента, установившийся порядок почти не нарушается, поэтому рассмотрим их по порядку.

Строгая обязательность датировки официальных актов у джучидов подтверждается многочисленными фактами и ярлыков-посланий XV—XVI вв., тексты которых сохранились

в оригинале или в средневековых русских переводах [250; 336; 338; 468 и др.].

Способ датировки не всегда одинаков. Наиболее ранним в наших документах является название года по хиджре, также по циклическому „животному" календарю [о нем см.: 408, 207—209] и указание на числа, даже дни недели. Год иногда назывался словами по-арабски (№№ 1, 3), иногда — по-тюркски (№№ 2, 4, 11, 12). Названия годов по циклическому календарю, разумеется, всегда приводились по-тюркски. Наименования месяцев даются арабские, соответствующие номенклатуре мусульманского лунного календаря. Дни месяца, даже недели указываются иногда точно (№№ 1, 4, 6, 7, 11, 14, 21, 24 и т. д.), в отдельных случаях — приблизительно: названы лишь начало, середина или конец месяца (№№ 5, 9, 13, 15, 17, 19, 25—28 и т. д.).

Обычай параллельно называть год по циклическому календарю прекращается в самом начале XVI в.: последним таким документом является ярлык Мухаммад-Гирай-султана I 1502 г. (№ 12); последняя грамота Менгли-Гирая, датированная одновременно по циклическому календарю, относится к 1503 г. [338, т. 41, 420].

В результате этого вырабатывается новый способ датировки: годы по хиджре называются по-тюркски и указывается на дни месяцев (№№ 5—9, 13—15, 42). В целом до середины XVI в. характерна тенденция отказа от прежнего „языческого" обычая обозначения годов и возможная тюркизация словесного оформления даты.

От подобного приема датировки отказался Сахиб-Гирай, который во всех ярлыках крымского периода (№№ 16—24) даты называл строго однотипно: словесно и по-арабски, чему иногда следовали позднейшие правители (№№ 26, 27, 44, 55, 58—61). Однако типичным для второй половины XVI в. является обозначение года цифрами, примеры чего представлены в более чем двадцати пяти документах (№№ 25, 28—34, 36—41, 43, 45—51, 53, 54); в указаниях на числа изменений не происходит. Годы названы и словесно и цифрами лишь в двух документах №№ 10, 52; только цифрами, без указания на числа — в одном ярлыке, № 57.

Таким образом, способ датировки официальных актов у джучидов изменялся. В то же время, будучи строго обязательной статьей по своей нагрузке и назначению (хронологическое удостоверение достоверности акта) — датировка оставалась пестрой, смешанной по форме, что соответствовало синкретичному характеру истоков данной делопроизводственной культуры.

Основным признаком такой синкретичности является длительное сосуществование двух систем летоисчисления: циклического „животного", восходящего к древнему лунно-сол-

нечному календарю, и арабского лунного — хиджры [о них см.: 195; 357; 408]. Если употребление мусульманского летоисчисления было обусловлено первоначально наличием в составе Джучиева Улуса таких давно исламизированных областей как Хорезм, Булгары, и культурными связями с мусульманскими странами (Иран, Египет), затем усилением позиции ислама после его официального принятия, то применение циклического календаря восходит непосредственно к уйгурскому влиянию [примеры см.: 468].

Разумеется, что монголы и до Чингиз-хана были знакомы с лунно-солнечной системой летоисчисления. Однако, как показал анализ лингво-графической ситуации в Джучиевом Улусе, делопроизводственная культура джучидов образовалась под непосредственным влиянием и участием представителей домонгольской уйгурской письменной традиции. Поэтому вряд ли возможно считать циклический календарь в Золотой Орде прямым результатом китайского влияния, как это делает, например, М. Я. Сюзюмов [357, 843]. Против такого упрощенного толкования говорит неполное соответствие всей системы китайского классического циклического календаря из 60 лет, состоящего в свою очередь из пяти двенадцатилетних периодов, в котором каждый год имеет двойное название, с данными „животного" календаря тюрков средневековой Восточной Европы.

Номенклатура „животного" календаря золотоордынских документов, наоборот, имеет полное тождество с терминологией уйгурского летоисчисления. На использование уйгурских версий названий в „митрополичьих" ярлыках — таких как *арам, сылгат* (наименования месяцев), *йонт (юнд* — лошадь) — ученые обращали внимание и в прошлом [114, 13—14; 129, 527—534]. К этим уйгуро-золотоордынским соответствиям следовало бы добавить и фонетическое тождество наименований годов *бичин* (обезьяна), *барс* (барс), *йылан* (змея), *ит* (собака), *такыгу* (курица), которые представлены как в оригиналах, так и ранних русских переводах джучидских ярлыков [ср.: 289, 470; 316, 16; 471, №№ 2, 13, 20, 28 и др.].

Если добавить к этим фактам многочисленные данные уйгуро-золотоордынских соответствий в области налоговой номенклатуры, то вывод становится еще более аргументированным.

Все это говорит о том, что в Джучиевом Улусе до принятия ислама в ходу был не вообще „китайский" циклический календарь, как утверждают отдельные авторы [357, 843], а его давно тюркизированная версия, представлявшая из себя простой двенадцатицикличный период с одинарными „животными" названиями (например, если в китайском 1-ый год — дерево и крыса, 2-ой год — дерево и корова, 3-ий год — огонь

и тигр..., то в тюркском проще: 1-ый год — мышь, 2-ой — корова, 3-ий — барс и т. д.). В целом тюркская версия является в некоторой степени переделанной.

Естественно, при освещении истории календарей вообще здесь нет предмета для спора, ибо родство календарей китайцев и древних тюрок VIII в. — предтеч уйгуров — не подлежит сомнению [245, 43; 204, 42—43], хотя есть сторонники и более раннего знакомства тюрок с этой системой календаря, например, в гуннское время [39, 191—192]. Однако при решении конкретных проблем культурного развития, вопросов документоведения и хронологии, принципиальное значение имеет не только выяснение дальних истоков явлений, но также важно уточнение и постоянный учет связывающих звеньев. Учитывая эти обстоятельства, анализируемая версия летоисчисления, имея все атрибуты автономного развития в эпоху древних тюрок, домонгольских уйгуров, может иметь свое конкретно-историческое название: тюрко-монгольский циклический календарь.

Активное применение тюркской версии циклического календаря в раннеджучидских актах подтверждается данными „митрополичьих" ярлыков. Например, жалование Менгу-Тимура дано в „заячьем", Бердибека — в „курином" году. Если в этих двух актах, также в ярлыках Тайдулы дата названа лишь по циклическому летоисчислению, то в жаловании Туляка параллельно называется и дата по хиджре: „семьсот осьмое лет" [289, 466—470].

Однако здесь допущена описка, так как 708 г. по хиджре соответствует периоду с 21 июня 1308 г. по 11 июня 1309 г. Исходя из этого, данную дату некоторые ученые ошибочно относят к выходным данным недошедшего ярлыка Тохты от 12 апреля 1308 г., жалованного якобы митрополиту Петру [289, 471—472]. Такое решение ошибочно потому, что до сих пор неизвестен ни один случай, когда акты одних ханов датировались бы ярлыками предыдущих. И это вполне закономерно, так как отказ от „своей" даты равносилен признанию юридической неполноценности своего эдикта.

На самом деле дата 708 является простой опиской переводчика от 780, который действительно соответствует периоду с 30 апреля 1378 по 20 марта 1379 г. Параллельная дата „овечье лето" соответствует именно 1379 г. Следовательно, исправление 708 на 780 вполне оправдано хронологически, поэтому нет никакой нужды для „косвенной" датировки через неизвестный ярлык Тохты. В противном случае получается вопиющее противоречие: один и тот же ярлык датируется двояко: 1308 г. по хиджре и совершенно другим по циклическому календарю, ибо 1308 соответствует году обезьяны.

Чтобы не только проверить правильность предложенного исправления, но также для контроля над другими параллельно-двойными датами, остановимся на вопросе синхронизации тюрко-монгольского циклического календаря с новым летоисчислением. Наиболее популярное решение этого вопроса описано у Н. Ф. Катанова [195, 87—88[, суть его вкратце заключается в следующем.

Годы по тюрко-монгольскому циклическому календарю следуют в таком порядке: 1-ый — год мыши, 2-ой — коровы, 3-ий — барса, 4-ый — зайца, 5-ый — дракона, 6-ой — змеи, 7-ой — лошади, 8-ой — овцы, 9-ый — обезьяны, 10-ый — курицы, 11-ый — собаки, 12-ый — свиньи. Начало христианского летоисчисления падает на 10-ый год — год курицы. Перестроив порядок цикла, то есть начав счет именно с этого года, но не нарушая последовательности, мы получим новый условный цикл: 1-ый — год курицы, 2-ой — собаки, 3-ий — свиньи, 4-ый — мыши, 5-ый — коровы, 6-ой — барса, 7-ой — зайца, 8-ой — дракона, 9-ый — змеи, 10-ый — лошади, 11-ый — овцы, 12-ый — обезьяны. При делении любой даты по григорианскому, или юлианскому летоисчислению на 12, полученное частное дает общее число прошедших полных циклов, а неделимый остаток будет указывать на порядковый номер года этого условного цикла; нулевой же остаток равносилен 12, что соответствует году обезьяны.

Для контрольной проверки проделаем опыт с бесспорно достоверными датами. Например, Чингиз-хан умер в 1227 г. При делении этого числа на 12 получается остаток 3, что указывает на год свиньи. Действительно, этот грозный мирозавоеватель умер именно в год свиньи [208, 191; 318, т. I, 233—234].

Ярлык-послание Токтамыша к Ягайло датируется годом курицы, 8-ым днем месяца раджаба 795 г. х., что соответствует 20 мая 1393 г.; остаток при делении равняется единице, следовательно, видим полное соответствие двух дат. Его же тарханный ярлык (№ 1), датируемый 24 зулькаада 794 г. х.— 12 октябрем 1392 г. по новому летоисчислению, действительно выдан в год обезьяны (остаток — 0).

Как было отмечено при рассмотрении переатрибуции ярлыка № 3, 823/1420 г. соответствует (остаток — 4) году мыши, что подтверждает правильность цифровой даты и говорит о принадлежности данного ярлыка не Мухаммад-Гираю I, как ошибочно полагал И. Н. Березин, а Улуг-Мухаммаду. Наконец, соответствие года курицы дате 857/1453 подтверждает наше предположение, что в основе турецкого списка ярлыка Хаджи-Гирая (№ 4), наравне с другими документами, привлеченными для „обогащения“ текста, лежит тарханное жалование этого же правителя, выданное в указанном году.

Так анализируя все хронологические данные, содержащие двойную датировку, можно было бы убедиться в правильности описанного здесь приема синхронизации двух систем календаря, также установить соответствие или нетождественность имеющихся двойных дат вообще. В этом и заключается преимущество параллельных датировок ранних ярлыков. Именно поэтому было предложено исправление даты 708 на 780 в переводе ярлыка Туляка.

Разумеется, данные циклического календаря имеют неоспоримое значение при наличии дополнительных дат по другим системам или же при датировке документа внутри небольшого отрезка времени, когда известна, по крайней мере, конкретная половина столетия. При отсутствии же таких ориентировочных данных вопрос осложняется; особенно когда дело касается большого промежутка времени. В этом и заключалась ограниченность, слабость циклического календаря: она не смогла выдержать конкуренции с более точной и стройной системой — хиджрой, чему способствовал и религиозно-идеологический фактор.

Правда, в быту тюркоязычных народов Восточной Европы, в том числе и татар, циклический календарь продолжал применяться и позднее — в XVII, XVIII, даже XIX вв., что подтверждается данными историко-литературных памятников [391, 48—49, 111 и др.], однако он уже никогда не смог отвоевать прежних позиций.

Одна из особенностей „животного" календаря в Джучиевом Улусе заключалась в счете дней месяцев. Как во всяком лунно-солнечном календаре, чередование месяцев согласовывалось со сменой лунных фаз. Даже внутри месяца осуществлялось деление количества дней по состоянию луны: первая половина, до полнолуния, определялась как „новая луна", а вторая, после полнолуния — как „старая луна". Порядковые числа по „новолунию" соответствуют обычному счислению календарных дней. Если же речь идет о „четвертом дне старой луны", то подразумевается четвертый день второй половины месяца. Следовательно, чтобы установить число месяца по нашему представлению к 4 необходимо прибавить 14 или 15 — количество дней первой половины, в зависимости от количества дней в конкретном месяце.

Именно с таким обычаем сталкиваемся в джучидских ярлыках, данных русским митрополитам: „осеннего пръваго месяца четвертыи ветха" в ярлыке Менгу-Тимура, „сылгата месяца в десятыи нова" у Бердибека, „осмаго месяца в 5-и ветха", „арама месяца во осмыи нового" и „арама месяца в вторыи ветха" в жалованиях Тайдулы [289, 467—471].

Такой обычай вести счет дням месяца, восходящий к календарной традиции домонгольского тюркского периода, становился архаичным после официального принятия ислама,

что подтверждается постепенным вытеснением его арабской системой счисления дней месяцев.

Нарушение былой традиции наблюдается даже в актах одного и того же правителя. Например, если Токтамыш свое уйгуропись менное послание к Ягайло датирует „куриным летом, семьсот девяносто пятым годом, восьмым новолунием раджаба" — 20 мая 1393 г. [316, 5—6], то в его арабописьменном жаловании (№ 1) летоисчисление ведется строго помусульмански: двадцать четвертое зу-ль-каада семьсот девяносто четвертый год — 2 октября 1392 г. Дань традиции нашла отражение лишь в названии года — обезьяны.

Один из последних примеров счисления дней месяцев по-старому относится к 1465—66 гг. Так, астраханский Махмуд свое послание к султану Мехмеду II датирует следующим образом: „Написано в куриное лето, в восемьсот семидесятом году, в пятом старолунии благословенного месяца барата, в бытности Великой орды на берегу реки Азуглы (?), во-вторник" [468, 38 и 41].

870 г. х. соответствует периоду с 24 августа 1465 г. по 12 августа 1466. Месяц барат в данном случае равнозначен месяцу шаабану по хиджре, так как согласно мусульманскому преданию в ночь на 15 шаабана была „ниспослана" пророческая миссия Мухаммаду, поэтому у некоторых мусульманских народов, например, уйгуров, барат, означая восьмой месяц лунного календаря, является синонимом шаабана [см.: 140, т. I, 99; 277, 186].

Следовательно, послание Махмуда написано 20 шаабана /7 апреля 1466 г. Однако куриный год приходился на 1465 г., а 1466 — год собаки. В чем причина такого расхождения? По-моему, оно произошло в силу следующих обстоятельств. Началом года по циклическому календарю является 21 марта — день весеннего равноденствия. Следовательно, 20 марта 1466 г. кончается куриный, а 21 — начинается год собаки. От конца куриного года до дня составления послания прошло каких-нибудь 17 дней. Вполне возможно, что писец-исполнитель, в течение всего прошлого года привыкший к выражению „год курицы", автоматически написал его в конце составленного им текста.

Нет оснований полагать, что вместо 869, шаабан которого действительно падает на „куриное лето", ошибочно написан 870. Потому что уже прошедших семи месяцев было вполне достаточно для того, чтобы привыкнуть к дате 870. Таким образом, „год курицы" в данном документе является результатом механической описки.

Послание Махмуда является последним по времени известным мне официальным документом, содержащим архаичный метод счисления дней месяцев. В изучаемых нами жалованных ярлыках не зафиксировано ни одного такого случая.

Следовательно, есть все основания полагать, что он был вытеснен из официального делопроизводства еще в XV в.

Естественно, в быту отдельных тюркоязычных народов указанный метод продолжал применяться и позднее. Убедительным доказательством этого является обнаружение его реликтов, например, деление месяца на „новую" и „старую луну", в недалеком прошлом в народном календаре у татар [362, 318]. В быту же казахов Илийского округа в Синь-Цзяне, сохранивших до середины XX в. старый кочевой уклад жизни, такой метод, по личному наблюдению автора, активно применялся еще недавно — в первой половине 50-х гг.

В целом, данные о дате в тюрко-татарском официальном делопроизводстве представляли из себя как строго обязательное, так и весьма развитое подразделение. Развитость его определяется не только наличием нескольких способов датировки, но и тем, что имеющиеся даты отличаются, за редким исключением, большой точностью и подробностью, позволяющей вести речь не только о годе, но также о конкретных днях месяца, недели. Такая особенность была свойственна и ранним образцам, например, „митрополичьим" ярлыкам. Это в свою очередь свидетельствует о качестве истоков традиции, например, об особенностях конечного протокола домонгольско-уйгурского и раннечингизидского делопроизводства.

Именно различием истоков традиции можно объяснить отличие конечного протокола изучаемых документов от эсхатокола, например, русских грамот, в которых он является наиболее слабо развитой частью [202, 111—112 и 116]. Поэтому перед исследователями тюрко-татарских актов, в отличие от специалистов по русской дипломатике, уделяющих самое пристальное внимание вопросам датировки и передатировки раннерусских грамот [см.: 410, ч. 1, 13—38 и т. д.], не стоит подобных задач. В этом и заключается одна из особенностей джучидской дипломатики.

Эсхатокол изучаемых ярлыков представляет ученым сравнительно богатую в количественном и весьма надежную в качественном отношениях информацию для разработки вопросов тюркской хронологии.

Сведения о месте выдачи ярлыков содержатся в подавляющем большинстве документов. Из 61 ярлыка этих сведений нет только в 7: №№ 9, 10, 14, 32, 34, 41, 50 (ярлыки №№ 35, 56, в которых концы срезаны при реставрации, в счет не входят; в жаловании № 33 место выдачи названо, хотя не читается). Однако из этих семи ярлыков в подлинниках представлены лишь два — № 14 и № 41. Следовательно, вполне возможно, что первоначально и некоторые из них, сохранившиеся в испорченных поздних копиях (№№ 32, 34, 50), имели данные о месте составления.

В то же время некоторые из названных актов содержат, видимо, косвенные сведения о месте выдачи. Например, в ярлыке Ибрагима № 9 говорится о выдаче акта „в крепости“ — *эркдэ*, что явно намекает на кремль Казани. В жаловании Сахиб-Гирая 1523 г. № 14 также содержится такое косвенное указание: *вилайати Казан*. Если иметь в виду, что постоянным местопребыванием казанских ханов была одноименная столица государства, то предположение это получает определенное подкрепление.

В целом, как видно из этих количественных данных, называть место выдачи ярлыков было общепринятым в официальных актах, иначе говоря, этот раздел конечного протокола являлся достаточно обязательным компонентом конкретного формуляра.

Исконная обязательность его для жалованных актов подтверждается данными „митрополичьих“ ярлыков. Например, у Менгу-Тимура 1267 называется Талы; у Бердибека — „орда кочевала на Каонге“; три ярлыка ханши Тайдулы имеют такие формулы: „На Желтой Трости орда кочевала“ (1347 г.), „в Сарае орда кочевала“ и „Орда кочевала на Гулистане“; наконец, в ярлыке Туляка: „на Веколузе на речном орда кочевала“ [289, 466—470].

Нет сомнения в том, что приведенные здесь топонимы указывают на местопребывания ханской ставки в момент составления актов [локализацию топонимов см.: 129, 536], что говорит о ведении золотоордынскими ханами, вместе со своей ставкой, кочевого образа жизни.

Вместе с тем, как мне кажется, средневековая русская передача предикатива „кочевала“ является не адекватным переводом тюркского оригинала *ирүрдэ* — „во время нахождения“, точнее: „в бытность“, а представляет из себя перевод-осмысление. Дело в том, что трудно грамматико-стилистическое толкование фразы „в Сарае (или Гулистане) орда кочевала“, так как речь идет о стольных г о р о д а х, поэтому в оригиналах этих ярлыков могло быть лишь вышеуказанное слово *ирүрдэ* — „в бытность в Сарае“.

Предположение это подтверждается данными оригиналов золотоордынских ярлыков. Например, жалование Токтамыша „написано в бытность орды в Ур-Тубе на Доне“ — *орда Тын Өр-Төбәдә ирүрдә битилди* (№ 1). Ярлык Тимур-Кутлуга написан „в бытность [орды] в Муджавиране на берегу реки Днепра“ — *Узу суының кәнаридә муҗавиранда ирүрдә битилди* — № 2 [179]. У Улуг-Мухаммада читаем: „Написано в бытность благословенной орды в Крыму“ — *орда- и мубарәк Крымда ир[үрдә] битилди* (№ 3).

Характерность предикативного понятия *ирүрдэ* для ранних джучидских актов подтверждается и крымскими ярлыками второй половины XV и начала XVI вв. Так, жалование Хаджи-

Гирая 1459 г. сообщает, что оно „написано в бытность Великой Орды в Крык-Ере" — *орду-и-л-му'аззам Крык-Йирдә ирүрдә битилди* (№ 5). *Ирүрдә* представлено также в выходных данных ярлыков №№ 6, 8, 11, 12, первый из которых составлен в том же Крык-Ере, второй — в Мараше, третий — в юрте Турбуга, а четвертый — на берегу Зайу (?).

Если добавить ко всему сказанному, что слово это представлено в выходных данных золотоордынских посланий, например, Токтамыша к Ягайло, Улуг-Мухаммада к султану Мураду, то предположение об исконности предикативного понятия „в бытность" доказывается полностью.

Архаичностью указанного элемента для формулы можно объяснить те изменения, которые произошли в начале XVI в. Например, в ярлыке Мухаммад-Гирая I (№ 13) о месте выдачи сообщено весьма лаконично: *бе-мәкам-и Дәүләт-Сарай,* то есть „в местности Даулят-Сарай". Сказуемое „написано" находится в обороте собственного датума; других предикативных выражений, примыкающих к указанию места выдачи, нет. В дальнейшем этот вариант формулы находим в ярлыках Саадат-Гирая (№ 15), Сахиб-Гирая (№№ 16-24) и последующих правителей. У всех одна и та же формула, отличие заключается лишь в конкретных топонимах. Следовательно, В. Д. Смирнов, рассматривавший данную формулу как нововведение второй половины XVI в. [348, 14—15], не точен. Но он прав в том, что в более поздних ярлыках старый вариант формулы уже не встречается.

Разумеется, что новый вариант формулы подвергался иногда изменениям. Например, один раз находим „в богохранимой местности Бакча-Сарае" (№ 27); в другой — „в городе Кафе богохранимом" (№ 47). Со второй половины XVI в. встречаются и новые версии: „в юрте Камышлы" (№ 26), „в юрте общины Араб-бека" (№ 55), „в юрте Казаклар" (№ 60). Одно жалование дано в походных условиях на Кавказе: „в городе Шемаха в области Аджам" (№ 44).

Основная масса крымских ярлыков середины и второй половины XVI в. дана в таких городах, которые были официальными резиденциями правителей. Например, кроме упомянутого Крык-Ера, также прежнего административного центра улуса города Крыма (№№ 29, 49), фигурируют позднейшие резиденции: Бакча-Сарай (№№ 16—20, 25, 27, 42, 43, 45—47, 51—54, 58, 59, 61 — всего девятнадцать случаев), Алма-Сарай (№№ 21—24, 30, 36—40 — десять случаев).

Учет местопребывания резиденции правителей имеет значение не только для установления количества выданных там ярлыков, но представляет интерес и для выяснения отдельных моментов политической истории, в том числе вопросов административного устройства. При этом следует отличать подлинные резиденции от простого местопребывания в той или

иной местности в момент составления ярлыка („юрты" Камышлы, Казаклар). Вообще можно утверждать, что ярлыки выдавались и во время походов, поездок правителя по стране. Это свидетельствует о наличии походной канцелярии при ханах.

2. Об исполнителях оформления актов

Самой последней, завершающей весь текст статьей, представляющей собой особое канцелярское удостоверение, является формула, сообщающая о ходатаях и писцах, принимавших участие в составлении актов.

О писцах и ходатаях, также о соответствующей терминологии уже подробно говорилось, поэтому целесообразно сосредоточить внимание лишь на тех вопросах, которые имеют прямое отношение к дипломатике.

Сведения об исполнителях состоят из двух основных компонентов: имен, титулов ходатаев и секретарей-писцов. В полном виде статья выглядит так: „Прошение доложил Мухаммад-бек, писал я, главный секретарь Муртаза-бахший" (№ 11).

Если первый компонент, оборот с именем и титулом ходатая, обозначим литерой **х**, а второй — имя и титул писца—**п**, то получим следующие сиглы: **хп**.

Кроме названного ярлыка Менгли-Гирая, аналогичную формулу типа **хп** содержат жалования №№ 4, 15, 18—24. Имеются статьи, в которых представлен лишь один из элементов, например, в ярлыке Ибрагима сообщается лишь о секретаре-писце (№ 9 — „написал Хаджи-Курбан-хафиз"), а в одном жаловании Сахиб-Гирая — только о ходатае: „Доложивший прошение Кун-Туган-бий..." (№ 16).

Формула ибрагимовского ярлыка, возможно, дошла лишь частично; делать более определенное предположение пока трудно, ибо мы не располагаем другими образцами казанских жалований, а ярлык Сахиб-Гирая 1523 г. (№ 14) вообще не содержит аналогичной статьи. Однако можно с уверенностью сказать, что первый известный нам ярлык Сахиб-Гирая крымского периода правления (№ 16), дошедший до нас также в копии XIX в., первоначально имел сведения и о писце, утерянные до или во время копирования акта. То же относится к ярлыку № 17. Остальные восемь жалований Сахиб-Гирая содержат статью типа **хп** и причем в весьма устойчивой форме.

Имеются ярлыки, в которых завершающая статья называет двух ходатаев и двух писцов. Так, тарханное жалование № 6 содержит следующую формулу: „Просили диван Илаке, Мухаммад-бек, писал я, Ахмад-хафиз, писал я, Мауляна-Байрам-шах", ей соответствуют сиглы: **ххпп**.

Развернутый тип формулы содержится в жаловании Мухаммад-Гирай султана I (№ 12), где кроме ходатая аталыка Шайх-Олак-бека (искаженное от Шайхуллах-бек?), названы имена свидетелей: Тауаккаль-мирза, Мухаммад-бек, аталык Джабляк-бек, Бау-бек, затем даются сведения о писце. Принимая литеру **с** за имя каждого свидетеля, мы получили бы следующую условную формулу: **хссссп**. После оборота с титулом писца (само имя в копии пропущено) добавлено: „и еще [при?] Али-суфи [сына] Баба-Шайха"; если это имя одного из свидетелей, то общее количество их доходит до пяти — **хсссссп.**

Следует сказать, что подобная формула представлена пока лишь однажды. Поэтому можно полагать, что включение в формулу имен свидетелей не было характерным для джучидских ярлыков. Анализируемый же случай объясняется, видимо, тем, что изначальное тарханное жалование исходило от нецарствующего султана, следовательно, такое же дополнительное удостоверение усиливало авторитет акта.

Исходя из приведенных примеров по ярлыкам XV—XVI вв., не следует делать вывод, что обычай называть писцов и ходатаев возник лишь в Крыму. Против этого говорит казанский ярлык (№ 9).

Аналогичные формулы содержатся также в ранних образцах золотоордынских жалований, данных русским митрополитам. Например, в ярлыке Тайдулы читаем: „А жалобу положил Тааббога, Акъхочя мухтар Учюгуи карапчий. Писано" [289, 469]. Тождественность фразы „жалобу положил" с тюркским *үтүл тигүрди* — „доложил прошение", как уже отмечал Н. И. Веселовский, бесспорна [133, 122].

Развивая дальше мнение названного востоковеда об искаженности конечных протоколов „митрополичьих" ярлыков, хотелось бы отметить следующее. Во-первых, *мухтар* не является титулом „старшина", как полагает А. А. Зимин [289, 478], а есть собственное имя Мухтар, потому что второстепенному чиновнику, главе сельских старост, нечего делать рядом с ходатаями-сановниками, имеющими доступ к монархам.

Если верно предположение А. А. Зимина, что *мухтар* — старшина, то теряет почву по указанной причине и объяснение слова *карапчии* (варианты других списков — *каранчии, карабчи, Корабчии, корабын*) как *карачий* — „приближенный хана" [289, 486 и 478].

Во-вторых, принятое за собственное имя слово *учюгуи* (варианты в списках — *учагуи, учягуи, учагаи* и др.) является не чем иным как архаичной формой собирательного числительного *үчәү*, то есть *үчәәү* — трое. Числительные типа *брәү, икәәү, үчәәү*, весьма активны были в языке казанского

поэта первой половины XVI в. Мухаммадьяра [439: 30, 42, 68 и др.].

В-третьих, вполне возможно, что *карапчии* является не титулом, а собственным именем, как это интерпретировано, например, в списках С и У. В пользу такого предположения говорит наличие предиката „писано" в конце формулы (варианты в списках: писан, писал, писах).

Учитывая все это, можно было бы предложить, не касаясь правописания всех имен, такие реконструированные варианты перевода анализируемой формулы: а) „прошение доложили Тааббога, Акходжа, Мухтар — трое карачий. Писано"; б) „прошение доложили трое — Тааббога, Акходжа, Мухтар, писал Карабчи".

Если верен первый вариант реконструкции, то следует считать утерянным имя писца в процессе перевода, потому что наличие слова „писано (писал)" не дает возможности другого толкования. Если же ближе к истине второе предположение, то перед нами вполне знакомая условная формула: **хххп**.

Завершающая статья ярлыка Бердибека — „Мувалбога усяин сараи ягалтаи Кутлубугаи. И те головные князи жалобу клали, сеунчь Темурь мюрь бакший писал" [289, 470 и 488] — лишний раз подкрепляет правильность предложенной реконструкции. Правда, и в ней имеются искажения. Например, слова „усеин, сараи ягалтаи" являются одними или двумя собственными именами, скажем, Усеин (от Хусаин), Ягалтаи; труднее приурочить слово „сараи".

Нет сомнения в том, что выражение „сеунчь Темурь" представляет из себя двусоставное собственное имя бахший — Сеунич-Тимур. По аналогии оригиналов жалованных ярлыков полное имя и титулование писца выглядело бы так: писал Сеунич-Тимур-бахший. Труднее со словом *„мюрь"*, формально напоминающим по произношению термин *мухр* (печать). Если оно, отсутствующее в некоторых списках [289, 485, прим. 85], не является повторным написанием конца имени „Темур" (по-моему, скорее всего так), то перед нами новая разновидность титула канцеляриста — *мухр-бахший*, то есть вроде „бахший, ведающий печатью". Однако предположение это весьма уязвимо: если Сеунич-Тимур был ответственным за печать (то есть по должности был выше любого секретаря-писца), то к какому имени относится сказуемое „писал"? Поэтому вполне возможно, что „мюрь" является результатом интерполяции. Тем более, что аналогичных терминов-титулов, подобных *мухр-бахши*, мы больше не имеем.

В целом, и завершающая формула ярлыка Бердибека по своей основе близка к аналогичной формуле Тайдулы — **хххп**.

В ранних ярлыках джучидов имеются случаи наличия в конце конечного протокола лишь сведений о ходатае. Например, в жаловании Тайдулы 1354 г. читаем такую фразу: „Темир ходчя жалобу положил" [289, 470].

В ярлыках Менгу-Тимура, Тайдулы 1347 г. и Туляка завершающей статьи конечного протокола нет. Как уже было отмечено, данная формула перестала употребляться, начиная с Даулят-Гирая I. Все это дает основание полагать, что формула со сведениями о ходатаях и писцах была обязательной для ранних жалованных актов и просуществовала лишь до середины XVI в.

Теперь становится возможным осуществить абстрактную классификацию конечного протокола ярлыков в целом. Обозначая литерой **д** статью-датум, и **м**—статью о месте составления акта, получим следующую картину (все однородные члены обозначаются одним знаком, например, не **ххпп**, а просто — **хп**): формула полного конечного протокола относительно ранних ярлыков **дмхп** (№№ 4, 6, 11, 12, 15) и неполных, имеющих лишь краткую версию завершающей статьи — **дм** (№№ 1, 2, 3, 7, 13 и т. д.), для жалований Сахиб-Гирая характерна **дхпм** (№№ 19—24). В крымских ярлыках второй половины XVI в. чаще представлена лишь краткая формула — **дм** (№№ 25, 26, 27 и т. д.).

Таким образом, если не считать отдельных отклонений или исключений, наиболее обязательными компонентами конечного протокола джучидских жалованных ярлыков, в частности, официальных актов, вообще, были **д** и **м**.

В то же время эволюцию переживал не только конечный протокол в целом, но и каждый самостоятельный компонент его в отдельности. Особенности эволюции датировки свидетельствовали о развитии календарной системы, связанной с изменениями в области духовной культуры, идеологии, а изменения же завершающей формулы, вернее ее исчезновение, объяснилось введением новой системы регистрации выдаваемых жалований, то есть регистрацией данных о ходатаях и писцах в специальных книгах, например, в так называемых кази-аскеровых тетрадях.

Все это дает полное основание утверждать, что конечный протокол жалованных ярлыков являлся таким разделом текста, который сравнительно чутко реагировал на существенные изменения общественной жизни, административного устройства внутри страны.

* * *

Таковы в целом результаты более или менее общего анализа основных статей формул, а внутри них — оборотов и специальной терминологии жалованных ярлыков в плане дип-

ломатики. На этом можно было бы завершить данное исследование и подвести частные и общие итоги всей работы.

Однако ввиду того, что дипломатическое исследование не самоцель, кроме того приемы подобного анализа дали возможность получить некоторое представление о подвидах и разновидностях изучаемых документов, также дали возможность выявить основные этапы развития джучидского делопроизводства, необходимо кратко остановиться на таких теоретических проблемах, как классификация официальных актов ханств Джучиева Улуса, некоторые особенности и степень отражения реальной действительности в судьбах и формах изучаемых материалов.

Глава четвертая

ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЖАЛОВАННЫХ ЯРЛЫКОВ

Классификация материала внутри отдельного вида или комплекса источников, то есть частная классификация предполагает как установление места того или иного памятника внутри самого вида, так и выяснение связей между отдельными частями его. При этом, наравне с решением таких общих вопросов теоретической классификации, как определение типов, родов изучаемых источников, необходимо осмысление формы и содержания, функции и назначения всего вида, в целом, каждого памятника, в частности. В конечном счете, научная классификация рассматривает памятники „как различные части общей системы" и „отражает собою связь внутри самих источников" [313, 238].

Частная классификация начинается с практического осмысления сути изучаемого комплекса, определения его общего круга и составных частей. Так получилось и относительно ярлыков. При этом, однако, для исследователей наиболее трудным, запутанным оказалось осмысление самого понятия „ярлык". Поэтому своей попытке классификации официальных актов Джучиева Улуса предпошлем небольшую историографическую справку и анализ термина „ярлык". (Предварительный вариант этих наблюдений опубликован в составе отдельной статьи [392], здесь дается переработанная редакция).

1. Классификация джучидских официальных актов

Попытка определения „вида" ханских ярлыков и посланий была предпринята В. В. Григорьевым, который в связи с осмыслением содержания термина „ярлык", в общих чертах

обозначил круг чингизидско-ханских официальных актов. Он писал так: „...всякая бумага, получившая существование в монгольских канцеляриях, исходившие от высочайшей власти — был ли это указ, приказ, диплом, паспорт, прокламация, грамота дарственная или охранная, письмо или иного рода писание — получила *одинаковое название* ярлыка — „повеления", „приказания". Другого названия государственным бумагам разного рода не было: *ярлык вмещал в себе все виды их,* также как иногда у нас грамота". Это положение еще более сжато и четко сформулировано автором в выводах книги: „Ярлыками назывались в монгольских государствах не одни жалованные или инвеститурные грамоты, а *всякого рода* и содержания бумаги, исходившие от верховной власти" [153, 18 и 131; курсив мой — *М. У.*].

Таким образом, у В. В. Григорьева, с одной стороны, ярлык связан с верховной властью, что вполне правильно; с другой стороны, он чрезмерно расширил содержание термина, подогнав под него многие разновидности официальных документов. К тому же исследователь допустил субъективность, объясняя полисемантичность термина результатом „бедности кочевых языков" и следствием высокомерия, претенциозности монгольских ханов [153, 18—19].

С подобным толкованием смысла слова не был согласен И. Н. Березин. Он, справедливо оспаривая этимологию В. В. Григорьева, считавшего *ярлык* монгольским словом, и, доказывая его тюркское происхождение, дал такое толкование: *ярлык* — это „повеление, имеющее быть публичным; все, что имеет силу публикации" [431, 67—68]. Следовательно, И. Н. Березин ушел в иную сторону, подчеркивая лишь публичность „повеления", разделяя позицию своего предшественника во второй части определения.

Ошибочность этих определений и связанных с ними попыток классификации подобных документов заключается в следующем. Если все бумаги ханских канцелярий назывались ярлыками — „повелениями, приказаниями", то как же именовались тогда письменные отношения ранних золотоордынских, хулагуидских ханов, адресованных верховным каганам в Каракорум, или документы переписки между государями юридически равноправных улусов? Чрезмерное расширение границ термина приводит к противоречию.

Мысль о претенциозном высокомерии монгольских ханов, которое, якобы, обеспечило полисемантичность термина, так же не выдерживает критики, потому что она чрезвычайно сужает хронологию вопроса. Вряд ли все ханы-чингизиды разных эпох и регионов придерживались таких убеждений. Распад единой империи, постоянная необходимость установления союзнических отношений с другими независимыми странами — все это способствовало тому, что прыть и спесь

ханов первого и второго поколений, эпохи военного триумфа, постепенно сменялись более реальными чувствами.

Что же касается замечания о мнимой „бедности кочевых языков", то оно является результатом действительной бедности научных знаний того периода о предмете исследования (действительно, до 1842 г., когда публиковалось исследование В. В. Григорьева по „митрополичьим" ярлыкам, научному миру в тюркском оригинале было известно лишь одно тарханное жалование № 2). Все же В. В. Григорьеву удалось установить одно существенное явление в природе *ярлыка* — его принадлежность к верховной ханской власти.

Развернутое и близкое к содержанию термина определение ярлыкам дал Я. И. Гурлянд: ярлык это — „во-первых, всякое ханское повеление — указ, в форме которого излагался закон, представляющий собою волю хана — верховного вождя племени...; во-вторых, ярлыком назывался акт законодательный, подвергавшийся „публикации" — обнародованию, для принятия к сведению его отдельными личностями или группой их, или племенем, или даже целым народом" [158, 81]. Это определение — безусловный шаг вперед.

Я. И. Гурлянд пытался также классифицировать официальные акты тюрко-монгольских ханств, выделяя шесть „видов" ярлыков: „1) Указ в собственном смысле, представляющий собою указание в дополнение к основным фрагментам Ясы. 2) Временные или постоянные административные распоряжения, „наряды". 3) Договорные грамоты. 4) Тарханные грамоты. 5) Льготные грамоты и 6) Служилые грамоты (на занятие должностей) и др.". К последнему пункту автор дал такое пояснение: „К служилым относятся ярлыки, даваемые русским князьям на княжение" [153, 82].

Хотя данная группировка Я. И. Гурлянда является более четкой по сравнению с представлением В. В. Григорьева, она также не лишена недостатков. Во-первых, она не охватывает все подвиды официальных актов, так как построена не на реальной источниковой базе, а априорно; во-вторых, как самостоятельные „виды" квалифицируются части одного и того же подвида или разновидности.

Х. Абдуллах-оглу, перепечатывая тексты документов из публикаций И. Н. Березина, В. В. Радлова и пытаясь определить содержание понятия „ярлык", ограничился перечислением разновидностей, например, дипломатические, тарханные, охранные и т. д. [443, 99—100].

А. Н. Курат содержание термина определил следующим образом: „Когда речь идет о ярлыках, то здесь имеются в виду приказного характера письма золотоордынских, крымских и казанских ханов, адресованные ими правителям иноземных государств; также [ярлыками] называются жалован-

ные грамоты, выданные ханами своим подданным или какому-либо лицу вообще". Также он отличает ханские письма, адресованные, например, турецким султанам, для них предлагает другое название — *битикләр*, то есть письма, послания [468, 3 и 4], что правомерно. Однако автор не последователен, называя „ярлыками" в ряде слунаев послания.

В целом у последних двух авторов определение содержания понятия подменяется простым перечислением некоторых разновидностей официальных актов. И это вполне закономерно, так как, хотя чисто лексическое значение слова „ярлык" (приказ, указ, повеление, предписание, фирман и т. д.) в общем известно, до сих пор продолжает оставаться неосмысленным до конца социально-политическое, документоведческое содержание термина, специфическая особенность документов под названием „ярлыки" и их место в системе джучидских официальных актов.

В позднейших работах вопрос о смысле термина не ставился; а если и ставился, то решался в духе знакомых нам толкований. Зато наблюдается некоторая тенденция к деконкретизации значения термина. Так, академик М. Н. Тихомиров именовал „ярлыком" рядовое челобитное письмо казанских вельмож к турецкому султану [373, 490], тем самым придавая термину функции расплывчатого понятия „грамота". Его примеру последовали и другие, называя ярлыком как это письмо, так и другие ханские послания [269, 104—105; также см.: 149; 150; 151 и т. д.].

Итак, до сих пор, если не считать отдельных попыток, еще нет четко выраженного определения понятия „ярлыки" как особой разновидности тюрко-татарских документальных источников; еще не разработаны вопросы классификации официальных актов Джучиева Улуса. Вообще подобные задачи еще не ставились специально, а если ставились, то решались они частично, лишь в той степени, в какой необходимо было при разработке других задач.

Следовательно, чтобы более или менее удовлетворительно решить проблему в целом, необходимо обратиться к самим первоисточникам, привлекая документы различных эпох, регионов и „жанров". При этом необходимо обратить внимание на то, где и какое содержание **вкладывалось** в отдельные термины в самих источниках, то есть что и как осознавалось современниками, потому что не термины создавали подвиды, разновидности документов, а, наоборот, содержание и назначение документов привели к появлению различных терминов, к изменению их значения. Все это предполагает рассмотрение формуляров, видоопределяющих компонентов их и терминов исторически, во взаимосвязи.

К видоопределяющим компонентам конкретных формуляров со специальной терминологией относятся адресант, адресат, диспозиция, санкция и текстовое удостоверение. Из них для нас наиболее ярко выраженное значение имеют адресант и удостоверение, однако не в отдельности, а вместе взятые.

Как показал анализ адресанта, основную смысловую нагрузку в формулах типа „Мое — Токтамышево слово", с его множеством вариантов и вариаций, нес компонент *сөзүм* — „слово мое". Все дошедшие до нас адресанты жалованных ярлыков без исключения содержали этот основной компонент. *Сөзүм* в таком контексте всегда означал высочайшее повеление, указ, приказ.

Во всех ярлыках, содержащих в интитуляциях *сөзүм*, ему соответствовала в корроборации формула типа „дан ярлык с такой-то тамгой". Нет ни одного случая, когда какой-нибудь из жалованных ярлыков, изданных до середины XVI в., определялся бы иначе. Да и во второй половине этого столетия все жалования в корроборациях величались „ярлыками", хотя в основной части текста употреблялись термины *мульк-наме, берат, ма'аф* как синонимы или уточняющие названия.

Если же отдельные образцы жалований, составленных позднее по образцам турецких грамот, не содержали типично джучидского определения в корроборации, то все равно его имели внутри основной части; таковы, например, *канун-наме* — служилое жалование Газы-Гирая II (№ 54) и *мульк-наме* Мехри-султан (№ 51).

Таким образом, параллельное применение терминов *сөзүм* в адресанте и *ярлык* в корроборации характерно для всех жалованных ярлыков, являющихся одним из основных подвидов официальных актов.

Чтобы проверить этот вывод, обратимся к другому подвиду джучидских актов, к ярлыкам-посланиям, в которых отношение современников к терминам выражено еще рельефнее.

От Менгли-Гирая сохранилось более 120 ярлыков-посланий, адресованных московским правителям. Все они, содержащие „слово мое" в адресанте, в конце имеют удостоверительную формулу, где дается определение разновидности документа и называются приложенные печати. Например, 50 с лишним посланий имеют следующую формулу: „Молвя, жиковиною запечатав, с синим нишаном ярлык послал есми"; 30 — „Молвя, с синим нишаном ярлык послал есми"; в 20 представлены различные вариации этих двух основных редакций и лишь в остальных 20 документах вместо „ярлыка" стоит „грамота": „С синим нишаном грамоту послал есми" [примеры см.: 338, т. 41: №№ 28, 29... 48, 51, 58 и т. д.].

Таким образом, Менгли-Гирай подавляющее большинство своих посланий к великим князьям называл „ярлыками“ и лишь небольшую часть — иначе.

Что соответствовало в татарских оригиналах русской „грамоте“, сказать категорически пока трудно. Возможно, что в них были такие термины, как *намә, хат, йазу* в значении „письмо“.

Послания Менгли-Гирая к польско-литовским государям, в которых по известным нам причинам не применялся адресант с термином „слово мое“, называют себя „листами“ или „грамотами“, но не ярлыками; в то же время к панам и воеводам посылались только „ярлыки“ [337, 24—29 и др.]. Такой дифференцированный подход к разновидности документов в корроборации наблюдается и в других крымских посланиях [336, т. I, 23—27, 45, 67—68].

Все письма Мухаммад-Гирая I, адресованные великим князьям, названы лишь „грамотами“, хотя свои послания к второразрядным князьям и этот хан называл „ярлыками“ [338, т. 95, № 10].

Таким образом, татарские делопроизводители вкладывали разное содержание в термины „ярлык“ и „грамота“. В великокняжеской канцелярии также соблюдали такое соотношение понятий, чего не всегда придерживались польско-литовские грамотчики, называвшие ярлыками „листы“ Сигизмунда, Казимира и Александра [43, т. I, 125; 336, т. I, 82; 337, 29]. Видимо, в Литве под „ярлыком“ подразумевали монаршее письмо вообще.

В связи с этими данными возможен такой вопрос: почему великому князю Василию, писавшему постоянно „челом бьет“, Мухаммад-Гирай I адресовал „грамоту“, а не „ярлык“? Видимо, здесь допустимо следующее объяснение: в посланиях-ярлыках, адресованных вассалам или нижестоящим по официальному рангу правителям, наличие адресанта с *сөзүм* компенсировало отсутствие определения в удостоверительной формуле. Однако наиболее характерным для ярлыков-посланий и ярлыков вообще является параллельное применение „слово мое“ в интитуляции и „ярлык“ в корроборации. Если они отсутствуют одновременно, то получается другой подвид официальных документов — послание к равноправному адресату.

Примерами этого могут служить, кроме менглигираевских грамот к польско-литовским и казанским правителям, уже упомянутые послания Улуг-Мухаммада, Ахмада и др. к турецким султанам.

Наличие же „челом бьет“ в татарских грамотах, при отсутствии как „слова“ в интитуляции, так и „ярлыка“ в удостоверении, свидетельствует о зависимости адресанта от ад-

ресата или более низком ранговом положении первого по сравнению со вторым, о чем говорят уже рассмотренные послания казанского Мухаммад-Амина Ивану III, Менгли-Гирая после 1475 г. к турецкому султану и многочисленные письма беков, мирз к великим князьям. Все это можно подкрепить дополнительными материалами.

Например, в послании Улуг-Мухаммада турецкому султану корроборация содержит определение: *битик сәлам*, которое можно толковать и как сложное понятие „послание-приветствие", и как однородные члены предложения — „послание, приветствие" [468, 8 и 10].

В письме астраханского Махмуда применено нейтральное определение: „тяжелое приветствие, легкие поминки"; что касается Ахмада, то он, дважды употребляя (внутри основного текста и в корроборации) „тяжелое приветствие...", на полях дал дополнительное определение: *тәхийәт-үл-мүһәббәт* — „дружественное приветствие", а Менгли-Гирай до 1475 г., пока был независим от Турции, писал: *тәхийәт-намә* — „приветственное послание" [468: 38, 50, 84 и 88].

Одним словом, для всех ярлыков-жалований без исключения и ярлыков-посланий в подавляющем большинстве случаев характерно параллельное присутствие „слово мое" в начальном протоколе и „ярлык" в удостоверении или внутри основного текста. Следовательно, они как вместе, так и раздельно, выполняют функцию определителя подвидов и разновидностей официальных государевых документов повелительного, указного, приказного характера, адресованных подданным и вассалам. При одновременном отсутствии их официальные письма лишаются своей указно-повелительной — собственно ярлыковой сущности, превращаясь в документы равноправной межгосударственной переписки.

Таким образом, **ярлыками** применительно к джучидским официальным документам следует назвать не все, что выданы от имени хана, а лишь „высочайшие" повеления, указы, приказы — все те предписания, которые должны были быть исполнены или приняты к сведению со стороны подчиненных, подданных или нижестоящих по официальному рангу правителей.

Рассмотренный таким образом материал дает возможность разделить официальные актовые источники тюрко-татарских ханств на два подвида: **собственно ярлыки** и **письма-послания.**

Однако это лишь предварительное деление, при котором из поля зрения выпадает группа документов, носящих одновременно характер ярлыка-указа по форме и послания по содержанию. Речь идет о грамотах ханов, адресованных как действительным, так и мнимым вассалам. Они составляют особый подвид: **ярлыки-послания.**

При выделении названных подвидов официальных актов необходимо иметь в виду и следующие видоопределяющие данные конкретных формуляров. Например, если особенности адресанта (интитуляции) и корроборации позволяют отличить послания от собственно ярлыков и ярлыков-посланий, то состав и форма адресата, то есть инскрипции дают возможность провести разделительную черту между жалованными ярлыками и ярлыками-посланиями.

Как выяснилось при анализе компонента „слово мое" из татарско-русской переписки, в ярлыках-посланиях адресант и адресат составляют одну статью: „Менгли-Гиреево слово. Великому князю Ивану, брату моему (~ поклон; ~ ведомо бы было)" и т. д. Здесь достойно внимания то, что, во-первых, в отличие от группово-всеобщего адресата жалованных ярлыков, инскрипции ярлыков-посланий строго персонифицированы; во-вторых, в своем составе могут содержать салютацию, чего не имеют жалованные акты.

Различное содержание имеют также основные части, прежде всего диспозиции этих двух подвидов: если жалованные ярлыки излагают суть той или иной привилегии, получаемой держателем, то диспозиции ярлыков-посланий содержат информацию о том или другом событии, явлении, намерении или желании адресанта. Именно эти черты ярлыков-посланий сближают их с подлинными посланиями. Отличие же от последних состоит в особенностях интитуляции и корроборации, что и показывает „гибридную" сущность подвида ярлыков-посланий.

Наконец, особый подвид составляют **договорные** грамоты, к которым относятся шертные. Ввиду того, что договоры составлялись между различными по положению и рангу контрагентами, адресант, инскрипция и корроборация их не всегда могли быть видоопределяющими показателями. Таковыми для этого подвида актов являлись компоненты и особенности санкции, например, виды клаузул — клятвенных формул. Выявление новых источников по этому подвиду, возможно, даст дополнительные материалы для полной характеристики.

Таким образом, дипломатико-документоведческий анализ формуляров тюрко-татарских официальных актов позволяет выделить следующие основные подвиды:

I. **Собственно ярлыки** (жалования, предписания подданным, указы, в том числе подданным вассальных стран).

II. **Ярлыки-послания** (адресованные государям-вассалам).

III. **Послания, письма** (предназначенные главам равноправных, независимых стран и монархам, вышестоящим по рангу или положению).

IV. **Договоры и шертные грамоты** (заключенные между главами различных стран, как равноправных, так и неравноправных).

Несколько слов об исконных названиях этих подвидов. Традиция называть „ярлыками" документы указного характера существовала и в домонгольский период. Например, в актах уйгурских князей X—XI вв. этот термин применялся как название разновидности официальных предписаний носителя верховной власти: *ичтинки йарлыг Арслан Өгә (гә)* — „Внутренний ярлык Арслану Уге"; и в выражении конечного протокола другого акта: *анын йарлыг йарлыкайу әйдтимиз* — „поэтому сказали, жалуя ярлык" [378, 247—248],— указной характер термина выступает рельефно, хотя значение определения „внутренний" остается пока неясным.

Ярлыками именовались все изучаемые здесь жалованные акты. Следовательно, исконность и доминантность данного термина для первого подвида тюрко-татарских официальных актов не вызывает никаких сомнений.

Термин *битиг (битик)* в значении „письмо, книга, документ" зафиксирован во многих тюркских письменных памятниках домонгольской эпохи [167, 103]. В значении „послания" его находим в письме Улуг-Мухаммада [468, 8]. При учете того обстоятельства, что производные от корня *бити* — „писать" слова часто встречаются в других подвидах джучидских актов (например, *битилди* — написано, *битикчи, биткәчи* — писец, секретарь), также не приходится сомневаться в обыденности термина *битиг* для тюрко-татарского делопроизводства.

Несколько условным является определение „ярлыки-послания", которому нет буквального соответствия в самих тюркских оригиналах, ибо в представлении ханов и их делопроизводителей документы этой группы примыкали к собственно ярлыкам. Возможно, лишь позднее их стали отличать от исконных ярлыков, называя в канцелярском быту иначе, но начальный протокол, частично и корроборацию, оформляя по прежним образцам.

Ранними образцами договорных ярлыков мы не обладаем. Судя по данным поздних подобных актов, например, Менгли-Гирая 1479 г. (№ 10), Газы-Гирая II 1592 г., такие договора иногда назывались: *'ahd-намә йарлык* — „договорный ярлык"; аналогичная по форме и содержанию грамота Мухаммад-Гирая I, выданная в 1520 г., имеет формулу: *алтун нишанлы шарт-намә* — „золото-нишанный договор" [250, 4 и 12]. При учете того обстоятельства, что в русском делопроизводстве применительно к подобным документам активно употреблялось выражение „шертный ярлык", из указанных двух вариантов сравнительно ранним и более распространенным следует признать *шарт-намә* — „договор", как относительно доми-

нантный термин (наличие уточнения *ярлык* указывало на неравноправность контрагентов).

Таким образом, выделение четырех основных подвидов тюрко-татарских официальных актов обосновывается не только результатами теоретической дипломатики, но также и материалами практического делопроизводства, в данном случае — терминологией.

В свою очередь, внутри установленных четырех подвидов можно выделить разновидности. Если определению подвидов помогли данные адресанта и корроборации — эти, образно говоря, „внешние" компоненты официальных актов, то выявлению разновидностей внутри подвидов способствуют особенности диспозиций, санкций — своего рода стержневых компонентов текста. Чтобы убедиться в этом, возьмем жалованные ярлыки.

Адресант и корроборация для всех жалованных актов в принципе одинаковы, поэтому они как видоопределяющие показатели внутри подвида нейтральны. Зато для каждой разновидности характерны специальные распорядительные формулы. Например, диспозиции тарханных ярлыков содержат прежде всего обороты-освобождения от различных поборов, действие же жалования имеет широкое распространение („где бы то ни было..."), а распоряжения служилых и старого типа суюргальных ярлыков содержат указания, наравне с освобождением держателя от некоторых поборов, на территорию владения, на порядки для взымания налогов и повинностей с подвластного ему населения.

Классическим тарханным ярлыкам свойственна санкция, адресованная „власть имущим", выраженная всеобъемлюще-обобщающим обращением („кто бы то ни был пусть не чинят..." и т. д.); в ранних служилых и суюргальных актах, наравне с такими предписаниями, предупреждение получает и держатель суюргала — правитель определенной территориально-административной единицы. В силу всего этого ранние служилые и суюргальные ярлыки имеют много общего между собою, также ряд общих подразделений с тарханными; отличия их прослеживаются не четко и не всегда последовательно.

Что же касается поздних суюргальных ярлыков, оформившихся как разновидность в период правления Сахиб-Гирая, то их диспозиции становятся весьма четкими, с подробными описаниями пределов владения; однако в них ни слова не говорится об освобождениях от поборов в пользу казны. Поэтому можно сделать такой вывод: если ранние суюргальные и служилые ярлыки представляли из себя сплав жалованных и инвеститурных актов, то поздние превратились в собственно инвеститурные грамоты.

Так анализируя общие черты и отличия диспозиций и

санкций жалованных ярлыков, в частности, официальных актов, в целом, можно было бы документально обосновать реальность существования и других разновидностей внутри как этого, так и других подвидов. Однако это заняло бы много места, поэтому ограничимся представлением перечня установленных подвидов и их разновидностей.

I **Подвид собственно ярлыки** включает в себя такие основные разновидности:

1) тарханные ярлыки, дающие судебный, налогово-податный иммунитет;

2) суюргальные ярлыки, то есть инвеститурные акты, вводящие в земельное владение;

3) тарханно-суюргальные ярлыки, имеющие атрибуты как собственно тарханных, так и суюргальных жалований;

4) судебно-суюргальные, рассматривающие споры по суюргалам;

5) льготные ярлыки, освобождающие от тех или иных конкретных налогов, повинностей или подтверждающие право на специальные привилегии, например, ежегодные денежные пособия, пенсии;

6) служилые ярлыки, то есть служебно-инвеститурные акты, утверждающие право на княжество, бекство, правление, короче — на занимание официальных должностей и т. д.;

7) охранные ярлыки, оберегающие иностранных послов, купцов или выдаваемые своим подданным при их дальних поездках;

8) арендные ярлыки, предоставляющие права заведования казенными предприятиями (например, монетными дворами) и др.

II **Подвид ярлыки-послания** содержит следующие разновидности:

1) действительные ярлыки-послания, данные фактическим вассалам;

2) фиктивные ярлыки-послания, являющиеся следствием традиции былых взаимоотношений и претензий на утраченные права.

III **Подвид письма-послания** имеет такие разновидности:

1) послания, предназначенные равноправным по положению лицам;

2) послания, адресованные вышестоящим, юридически, по рангу и положению государям.

IV **Подвид договоры** состоит из следующих разновидностей:

1) договоры между равноправными контрагентами;

2) письма-обязательства, данные вышестоящим по рангу или положению монархам;

3) шертные ярлыки, данные вассалам (действительным или фиктивным) и т. д. и т. п.

Естественно, эта классификация по разновидностям носит постановочный характер. Предложена она, как это видно из аргументов и приемов группировки актов, по принципу дипломатики, то есть по формальным данным конкретных формуляров, косвенно или прямо отражающих суть и содержание актов.

Основным можно считать деление всего комплекса тюркотатарских официальных актов на четыре подвида. Вполне возможно, что нами не охвачены все бытовавшие в свое время подвиды официальных документов; если в будущем обнаружатся образцы неучтенных подвидов, то это будет лишь приобретением для науки.

Группировка документов по разновидностям внутри подвидов также не претендует на полноту, ибо могут быть обнаружены новые образцы. Если приемы дипломатики позволили обособлять не только завершенные по форме и содержанию разновидности, но также и промежуточно-переходные типы, то в результате дальнейшего развития ярлыковедения возможно выявление новых подгрупп внутри самих учтенных документов.

Ввиду того, что здесь предпочтение дано классификации по принципу дипломатики, я нашел возможным не анализировать, тем более дискутировать с другими принципами группировки тюрко-татарских официальных актов, содержащихся, например, в исследованиях Ф. Ф. Лашкова, С. М. Шапшала, Ш. Ф. Мухамедьярова и др., осуществленных на базе ограниченного фактического материала.

Наконец, в предложенной классификации не делается попытка отделить „акты“ в узком смысле слова от „грамот“ в широком значении, а все они рассматриваются как единый комплекс тюрко-татарских официальных документальных источников. Ибо на данном этапе состояния ярлыковедения, когда осмысление сути источников сопровождается выявлением новых разновидностей, накоплением материала, такой подход представляется наиболее справедливым: он дает возможность осмыслить объект исследования внутри самого комплекса.

2. Некоторые особенности развития жалованных ярлыков

Анализ формуляров показывает, что жалованные ярлыки XIV—XVI вв. прошли три этапа развития: до середины XVI в., затем — период правления Сахиб-Гирая и, наконец, вторая половина названного столетия и более поздний период. Если для первого этапа развития жалованных ярлыков характерна типологическая общность почти всех видоопределяющих формуляров, например, адресанта, адресата, публичного объяв-

ления, основных элементов диспозиции, санкции, корроборации и, наконец, всех подразделений конечного протокола, то на втором этапе были разработаны новые устойчивые редакции формул адресата, оповещения, диспозиции и санкции.

Что же касается актов третьего периода, то для них характерна, во-первых, „смешанность" типов и редакций формул внутри одного и того же документа, во-вторых — переплетение тенденций различных школ официального делопроизводства, например, собственно тюрко-татарского и османско-турецкого. Иначе говоря, на третьем этапе развития джучидских жалованных актов шел процесс перерождения тюрко-татарского делопроизводства в Крыму в крымско-татарское, что сопровождалось из-за усиления турецкой протекции непосредственным участием другого компонента — османско-турецкой практической дипломатики. Причем последний компонент оказался активной, мощной, ассимилирующей стороной.

Поэтому синкретичность собственно крымско-татарского делопроизводства конца XVI—XVIII вв. — явление вполне объяснимое как исторически, так и логически. Здесь важно не только признание значения ассимилирующего компонента, но необходим постоянный учет ассимилированной, иначе говоря, субстратной стороны. Потому что если игнорирование первого приводило бы к умалению особенностей формы, то отказ от учета второго послужил бы причиной подмены одних понятий и явлений другими.

Результаты влияния османско-турецкого делопроизводства оказались прежде всего в языке, стиле, внешнем оформлении поздних крымских актов; но содержание и специальная терминология, раскрывающая суть этих актов, отражают ту действительность, которая сама создавала эти акты.

Следовательно, крымско-татарские ярлыки второй половины XVI, также XVII—XVIII столетий, должны рассматриваться не как часть турецкого официального делопроизводства [например, см.: 348, 14—15], а как более сложное по своему происхождению и самобытное по своей исторической судьбе явление. При этом необходимо постоянно учитывать степень отдаленности формы и содержания отдельных разновидностей поздних актов от их генетических истоков: раннеджучидских, в целом, раннекрымских, в частности.

Необходимость такого диалектического и конкретно исторического подхода обусловлена тем, что официальные актовые источники, сколь ни являлись бы они надстроечными категориями, были теснейшим образом связаны с базисными факторами — с социальным, общественным развитием, поэтому отражали особенности экономических и исходящих из них юридических отношений.

Непосредственная связь развития формы и содержания жалованных ярлыков с конкретной действительностью подтверждается особенностями суюргальных актов в Крыму при Сахиб-Гирае. Основное отличие его жалованных актов от прежних ярлыков заключается в диспозиции и санкции, то есть в тех подразделениях, в которых излагается суть жалования.

Отличие это сводится к тому, что если в ранних тарханных и суюргальных актах их держатели освобождались от ряда налогов и повинностей, что оформлялось оборотами-запретами диспозиций, то в жалованиях Сахиб-Гирая при помощи оборотов-утверждений осуществлялось закрепление земельных владений за держателем акта. Если в ранних актах говорилось о действии указа везде и всюду, о его распространении на всех („где бы то ни было...“ и „кто бы то ни был...“ — разумеется, в пределах государства и вассальных стран), то ярлыки Сахиб-Гирая ограничивали права и привилегии держателей жалований границами суюргальных владений и предписывали принять это к сведению старшим и младшим султанам, огланам, мирзам, да всяким чиновникам, обязанным исполнять волю государя.

Все дошедшие до нас ярлыки этого правителя, изданные в период от середины 1549 до середины 1550 г., то есть в течение одного года по этим показателям идентичны. Судя по косвенным данным, этому не противоречили и другие недошедшие до нас в оригиналах акты Сахиб-Гирая [144, 260; 232, № 4]. Поэтому вполне закономерны следующие вопросы: почему он издавал лишь однотипные жалованные ярлыки? Почему в его актах ни разу не упоминается освобождение от налогов, повинностей, что столь характерно для ярлыков, выданных во всех ханствах джучидов до середины XVI в.?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к деятельности этого правителя в области аграрных и общественно-социальных отношений.

Все тюркоязычные нарративные источники, в которых более или менее подробно излагаются события в связи с правлением ранних Гираев, мало что сообщают об их мероприятиях в сфере экономической жизни. Все, как правило, сводится к изложению отдельных фактов из сугубо династической или некоторых аспектов военно-политической истории. Исключение делается впервые лишь по отношению к Сахиб-Гираю. Так, например, Раммаль-ходжа (или Надаи-эфенди), в свое время пострадавший от произвола подозрительного, жестокого хана [17, лл. 58—59], в своей специальной „Истории Сахиб-Гирай-хана“, составленной после смерти правителя по заказу его дочери, наравне с подробным описанием „добродетелей“ — красоты, ума, меценатства и мусульманского „благочестия“ — уделяет немало внимания его деятельности в об-

ласти общественно-административных преобразований в ханстве [26].

На последнюю сторону деяний Сахиб-Гирая обращали внимание и последующие, малозависящие от Раммаль-ходжи, авторы. Так, в подробной „Истории крымских ханов" *(Крым-ханан тарихи)* читаем следующее: „После того как [Сахиб-Гирай] достиг полновластия, приобрел он известность тем, что дал законное устройство татарскому народу", потому что до этого жители Крыма не имели постоянного местопребывания, а вели кочевой образ жизни между Эмбой и Яиком, на Волге, Тереке, Кубани и Днепре. „Хан-законодатель Сахиб-Гирай-хан велел рубить их телеги, служившие этому населению средством передвижения, и назначал каждому из них постоянные места жительства" в пределах Крымского полуострова; „давая каждому достаточное количество земли, [заставил их] построить [постоянные] жилища и деревни"; построив крепость Фарх-Кирман, чтоб соединить его с обоих сторон с морем, прорыл ров под названием Ор; встречающиеся „ныне с алыми и зелеными чингизовскими тамгами старинные владельческие грамоты, написанные на татарском языке, являются ярлыками" этого правителя [17, л. 57 об]. Аналогичные известия содержатся и в „Краткой истории крымских ханов" [20, лл. 6—7].

В этих известиях спорным является, во-первых, то, что все население Крымского ханства изображается кочевым, против чего, кроме всего прочего, говорят налоговые данные жалованных ярлыков, выданных до середины XVI в.; во-вторых, стремление приписать Сахиб-Гираю превращение в оседлых всего подвластного ему населения, обитавшего даже на Эмбе и Яике, чего на самом деле не случилось. Правда, переселение известной части побежденных и разогнанных астраханцев в Крым в результате победы Сахиб-Гирая над ханом Ямгурчи [17, л. 57 об.] вполне реально, ибо именно эта акция крымского правителя послужила причиной окончательного ослабления Астрахани и объективно способствовала тому, что названное ханство сравнительно легко пало в 1556 г.

Однако сведения источника относительно прикрепления большинства прежних кочевых феодалов внутри Крыма к точно определенным земельным территориям не вызывают сомнения: известие цитированного памятника по этому вопросу находит полное подтверждение в значительном количестве актовых документов — инвеститурных ярлыках Сахиб-Гирая (№№ 16—24).

В приведенном отрывке достойно внимания то, что автор широкое распространение в Крыму двутамговых суюргальных ярлыков связывает с именем Сахиб-Гирая, что прямо свидетельствует о массовом распространении подобных жалований при этом правителе. Наконец, примечательно указа-

ние источника на чингизидскую „исконность" этих ярлыков по оформлению, на отличительные особенности их по языку — „написанные на татарском языке".

Вместе с тем, как показал анализ диспозиций ярлыков Сахиб-Гирая, его жалования существенно отличались по этому основному показателю содержания от всех прежних жалованных актов и, как видно сейчас, они соответствовали его аграрно-административным преобразованиям, направленным против неограниченных прав татарских феодалов, в особенности против их тарханно-суюргальных привилегий старого типа, жалованных по принципу „где бы то ни было" и „кто бы то ни был...". Теперь права и привилегии феодалов ограничивались пределами их владений. Они получали конкретные земельные участки — пастбища, пашни, колодцы; получали права эксплуатации этих земель, находившегося на них населения, но лишались привилегии не платить налоги и поборы в пользу казны.

Если все это было благом для традиционно оседлых феодальных хозяйств, так как оберегало их владения от посягательств экспансивных кочевых соседей, находившихся со своими скотоводческими хозяйствами в постоянном циклическом движении, при котором не останавливались перед потравой возделанных земель, то оно же оказалось не выгодным для кочевников. Потому что они были лишены не только „благ" прежней вольницы, но вынуждены были, чтобы извлекать максимальную выгоду из своих владений, принимать участие, хотя бы в организационном плане, в производстве. К тому же они были лишены тех конкретных экономических поблажек — освобождения от налогов и повинностей, которыми располагали раньше.

Все это не могло не вызывать сопротивления со стороны кочевых феодалов и результаты такого сопротивления сказались быстро и стоили жизни „хану-законодателю".

Естественно, и сам правитель не мог не предвидеть такой опасности. Его некоторые мероприятия по ограничению мощи известных родо-племенных кланов Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак, являвшихся олицетворением феодально-кочевой вольницы, и поднятие до ранга этих „четырех карачи" новых родов — Мансур и Сиджеут [17, л. 58; так же см.: 346, 413—414] — говорит о его попытках ослабить оппозицию. Однако, кроме феодальной оппозиции внутри страны, нашлись и более мощные внешние противники начинаний Сахиб-Гирая.

В связи с последним обстоятельством необходимо остановиться на следующем. В. Д. Смирнов, отдавая предпочтение тем сведениям, которые отражали лишь поверхностно-надстроечные явления, пришел к выводу, что Сахиб-Гирай был активным проводником туркизации Крыма, вел эпигонско-подражательскую политику и в качестве подтверждения своих

тезисов указывал на введение новых должностей при ханском дворе как *капу-кулу* и др. [346,414—415]. Такое же мнение в несколько более осторожной форме высказывает и современный турецкий историк Х. Иналджик, следующий за Смирновым [459, 785].

Возможно, что Сахиб-Гираю, получившему трон из рук турецкого султана, проведшему до этого длительное время в Турции, не были чужды элементы дворцовых вкусов своих сюзеренов. Однако, как показывают материалы его ярлыков, отличающихся не только золотоордынско-кыпчакской „чистотой" речи, самобытностью стиля, внешней формы, но также и традиционностью формул-статей, он во внутренней политике старался вести самостоятельную линию. Содержание, внешняя форма его ярлыков говорят о том, что именно при этом Гирае была сделана последняя, возможно, отчаянная попытка сохранения делопроизводственной самобытности. Поэтому изображение Сахиб-Гирая слепым исполнителем воли и желаний турецкого султана вызывает сомнения, даже, как мне представляется, является ошибочным.

Это подтверждается, между прочим, гибелью Сахиб-Гирая в результате коварных действий султана Сулеймана и его слуг в Крыму как из числа турецких эмиссаров, так и крымских феодалов. Например, тот же В. Д. Смирнов, убежденный в эпигонском характере внутренней политики Сахиб-Гирая, был вынужден признать, во-первых, его неприязнь к государственным деятелям Оттоманской Порты, во-вторых, ответное недовольство „стамбульских пашей" поведением крымского хана, в результате „ябеды" которых и погиб последний [346, 418—420]. Вместе с тем такой узкоперсонифицированный подход Смирнова к истории Крыма обусловлен крайней субъективностью его классового мировоззрения. Не только факты и явления им объясняются так однобоко, но и симпатия и антипатия его носят сугубо классовый характер. Например, он, „сумевший" усмотреть в деятельности ряда ханов достойные восхищения и положительной оценки черты [см.: 346: 117, 250, 389, 436, 444, 445 и т. д.], народные массы характеризует огульно собирательно и исключительно с отрицательной стороны. Не только простые татары представляются ему „черной толпой", „голытьбой", „скотами", но и восставшие народные массы турок именуются им „мятежниками", „бандой", а казачество квалифицируется как „шайка" [там же: 408, 424, 426, 456, 475, 481]; при этом исследователь с большой охотой и удовольствием пользуется высокомерной терминологией дворцовых сановников и ханов.

Вопреки мнению В. Д. Смирнова, который все сводит лишь к личным отношениям, сложившимся между турками, с одной стороны, и крымским правителем, с другой, я склонен здесь видеть и результат недовольства местных феода-

лов действиями хана в сфере экономических отношений, затрагивавших прежде всего их интересы. Та жестокая, чрезвычайно последовательная резня, сопровождавшая свержение Сахиб-Гирая, заставила содрогаться и привыкших к кровавым дворцовым переворотам восточных авторов [17, лл. 59—60]. Такая целеустремленная жестокость свидетельствует о бескомпромиссности интересов борющихся сторон. Вся дальнейшая деятельность победившего Даулят-Гирая говорит в пользу этого вывода.

Результаты кровавого переворота были выгодны и окружению султана: радикальные мероприятия свергнутого хана в области аграрных отношений, направленные прежде всего к ограничению сепаратизма и вольницы крымских феодалов, среди которых сильны были кочевнические традиции, объективно привели бы к усилению государственной власти, росту ее казны, развитию производительных сил, а в конечном счете — к упрочению экономической базы страны, что, в свою очередь, способствовало бы усилению позиции сторонников суверенитета Крыма. Такая тенденция противоречила интересам сюзерена.

Направленность действий Оттоманской Порты против аграрных преобразований Сахиб-Гирая проявилась не только в том, что она не препятствовала продолжительным кровавым репрессиям Даулят-Гирая I (до этого свергнутые с престола ханы лишь отзывались в Турцию и пользовались убежищем у султана, а его сторонники не уничтожались физически), но и в том, что именно при этом правителе в Крыму жалованные ярлыки стали оформляться под сильным влиянием турецкого делопроизводства.

В сущности только после прихода к власти Даулят-Гирая крымское официальное делопроизводство внутреннего назначения переживает период „документоведческой чехарды" и постепенно теряет свои исконно татарские качества формы и содержания.

Если влияние турецкой традиции на форму поздних ярлыков сказывалось в языке, стиле изложения, внешнем оформлении, то результаты этого влияния на содержание прослеживаются, во-первых, в формулярах, обновлении терминологии и, во-вторых, в смешении собственно джучидских по форме привилегий с турецкими. Наконец, для этого периода характерна попытка восстановления элементов прежних тарханных жалований, что отражало устремления местных феодалов, недовольных преобразованиями середины XVI в.

Однако реформы Сахиб-Гирая оказались настолько радикальными, что и после его гибели прежнее тарханство и старая форма суюргала не были восстановлены полностью. Одним словом, в середине XVI в., точнее в течение 1549—1550 гг. был нанесен сокрушительный удар по институтам

тарханства и старого суюргала, что, в свою очередь, свидетельствует о длительной подготовке в Крыму к этим мероприятиям. В противном случае нетрудно было бы ликвидировать последствия реформы, осуществленной за короткий срок. Отсутствие новых суюргальных жалований Сахиб-Гирая до 1549 г. (на престол он сел в 1532 г.) говорит о решительном характере его мероприятий, базу для которых он, возможно, создавал в течение нескольких предыдущих лет. Все это дает основание полагать, что эти реформы являлись ответом на реальные потребности общественной жизни, поэтому форму и содержание его ярлыков следует квалифицировать не только как результат развития канцелярской культуры, но и как следствие социальных сдвигов, хотя бы в области аграрно-правовых отношений.

Таким образом, как показывают эти выводы, изменение формы и содержания джучидских жалований в середине и второй половине XVI в. отражают сдвиги в реальной действительности, сдвиги в базисных отношениях. Поэтому и развитие структуры, терминологии ранних ярлыков безусловно соответствовало изменениям отображаемой ими действительности. Борьба старой формы с новой в составе текста ярлыков была обусловлена борьбой новых тенденций общественного развития со старым укладом хозяйственного быта.

В этой глубокой взаимосвязи формы и содержания жалованных актов как единого комплекса, с одной стороны, в обусловленности их развития базисными изменениями, с другой, и заключается непреходящая ценность изучаемых документов как источников.

* * *

Подведя итоги анализу жалованных ярлыков в плане дипломатики, можно сказать, что приемы этого метода исследования позволили понять смысл, назначение и функции основных разделов, подразделов, статей, формул, оборотов и терминов, то есть всего содержания изучаемых материалов как по частям, так и в целом. Иначе говоря, стало возможным получение конкретных представлений не только по тем или иным частным вопросам, но также по общим проблемам источниковедческой оценки. В результате всего этого мы теперь располагаем не просто отдельными фактами, зафиксированными в том или другом документе, а имеем возможность оперировать этими документами исторически последовательно, во взаимосвязи и развитии. Все это дает возможность отличить частное от общего, индивидуальное от типичного, эпизодическое от систематичного.

Приемы дипломатики позволили, несмотря на свои внешне-формальные методы анализа, глубже проникнуть в содержание не только отдельных терминов, формул, но при помощи их установить конкретно-официальное значение целых статей и разделов документов. А это дало возможность осмыслить содержание актов не только вообще, как письменных памятников, но и как специальных документов, в которых каждый раздел, каждая формула выполняли определенную функцию. Следовательно, при помощи дипломатики мы смогли сделать поворот в сторону углубленного осмысления сути и содержания материалов — в сторону реализации собственно источниковедческой, в том числе и текстологической критики документов.

Анализ актов по формулярам, то есть определение характерного и случайного, а исходя из этого, возможного и недопустимого в формулах, оборотах, значительно способствует осуществлению индивидуальной критики отдельных текстов в плане оценки их достоверности, особенно тех, которые дошли до нас в поздних копиях. Теперь имеется реальная база для реставрации испорченных позднее текстов и реконструкции утерянных разделов в списках.

Одновременно данный метод анализа создал условия для проведения сравнительного изучения тюркоязычных оригиналов вместе с теми документами, которые сохранились лишь в переводах; это позволило не только углубить анализ, но и значительно расширить источниковую базу исследования и выявить должным образом неоцененные еще качества или явные ошибки старинных переводов, выполненных на Руси.

Существенным преимуществом метода дипломатики следует признать то, что только при его помощи была сделана попытка отделить основные виды налогов и повинностей от их редких или разовых разновидностей. Лишь при определении круга общераспространенных поборов можно будет установить степень реальной эксплуатации трудового населения, что дает возможности перейти от декларативных утверждений к осмыслению явлений.

Специальные приемы анализа документов по формулярам позволили также рассматривать их в плане типологии, видоопределения, то есть классификации, что весьма необходимо для осмысления формы, содержания анализируемых актов и чрезвычайно важно для уточнения метода исследования их в будущем. Потому что успешное развитие источниковедения зависит как от объема накопленного фактического материала, так и от усовершенствования качества анализа.

Наконец, исследование ярлыков по частям и разделам, даже по таким сугубо вспомогательным компонентам, как текстовое удостоверение и статьи конечного протокола, дало возможность накопить значительный материал для разра-

ботки других конкретных историко-вспомогательных дисциплин — тюрко-татарской сфрагистики и хронологии.

Можно быть вполне уверенным в том, что при дальнейшем усовершенствовании методов анализа тюрко-татарской дипломатики — настоящее исследование является лишь первым опытом в области комплексного ярлыковедения — изучаемые документы „заиграют“ новыми гранями и сообщат дополнительно новые сведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в настоящей монографии специальному анализу в плане археографии, палеографии, сфрагистики и дипломатики подверглись так называемые жалованные ярлыки — значительная и существенная часть тюрко-татарских официальных актов XIV—XVI вв. Была сделана попытка рассмотреть изучаемые документы с разных сторон: со стороны как внешней, так и внутренней, то есть формы и содержания.

Тюрко-татарское официальное делопроизводство за изучаемый период прошло сложный путь развития. В истоках его, согласно данным письменности, языка, внешней формы, формуляров, также общественно-социальной, делопроизводственной номенклатуры, лежали традиции письменной культуры домонгольских тюрок, например, уйгуров и официального делопроизводства ранних чингизидов. Если учитывать, что делопроизводство последних также зависело от письменной культуры тех же уйгуров, то удельный вес домонгольской тюркской письменной традиции в сложении канцелярской культуры джучидов вырисовывается еще более рельефно. На традиции этой культуры отложили отпечаток и этнические особенности среды, в которой она сложилась и развивалась.

Разумеется, акцентируя внимание на преобладающем значении раннетюркского компонента, не следует умалять значение и других истоков — дальневосточной, собственно монгольской и ближневосточной культур. Если одни из них, например первые, сыграли видную роль в период становления, то ближневосточный, так называемый „мусульманский" компонент оказывал постоянное влияние при дальнейшем развитии.

Период сложения тюрко-татарского официального дело производства как специального раздела конкретной этнорегиональной письменной культуры падает на ранний этап развития империи джучидов — на середину и вторую половину XIII в. Развивалось оно далее, до середины XVI в., в основном, по своим традиционным нормам, как самобытное по форме и содержанию явление общественно-политической, государственно-административной жизни.

Особенности развития формы и содержания официальных актов этого периода обусловлены теми общественными, в

том числе идеологическими, и социальными сдвигами, которые происходили в структуре, составе того общества, социально-политическое положение, интересы которого акты фиксировали и отображали. Своеобразие развития поздних крымско-татарских жалованных актов — этих памятников одной ветви тюрко-татарского официального делопроизводства — свидетельствует именно о такой теснейшей связи формы и содержания изучаемых документов с судьбой господствующих классов, сословий, чьи интересы они обслуживали административно и защищали юридически. В этом и заключается документальная ценность актов — источников по общественной и социальной истории.

Детальная разработанность формуляров изучаемых актов, в целом, дифференцированность, устойчивость содержания и значения специальных формул и терминов, в частности, обеспечивают их относительную надежность как источников информации.

Правда, как показывает анализ ряда компонентов формуляра, прежде всего статей начального протокола, актам свойственны и архаичные элементы, своего рода „застывшие" формулы и статьи. Однако это является не случайным, не результатом „отставания" делопроизводства от изменений общественной жизни, а есть следствие многоукладности отображаемой ими действительности, в которой шла борьба различных тенденций даже внутри одного и того же господствующего класса. Поэтому соседство старого и нового в этих документах должно квалифицироваться как информационное достоинство их.

Вообще, как показывает совокупность данных археографии, палеографии, сфрагистики и дипломатики жалованных ярлыков и других разновидностей официальных актов, тюрко-татарское делопроизводство XIV — первой половины XVI вв. достигло значительного развития и представляло из себя детально разработанный, доведенный до логической завершенности по форме и структуре раздел документной культуры.

Доступность основных статей и формул для обобщенно-абстрагированного анализа, строгая дифференцированность их содержания и функций, полная осмысленность этой дифференциации в представлении современников как собственно тюркских, так и иноземных делопроизводителей тех времен, наконец, и факты проникновения собственно джучидских актовых формул и документоведческих терминов в официальное делопроизводство иноязычных соседей как вассально-зависимых в прошлом (например, Руси), так и самостоятельных стран (Турции) — все это вместе взятое полностью подтверждает справедливость и объективность данного вывода.

Поэтому вполне прав советский филолог А. С. Демин, когда он, объясняя факты русских заимствований из тюрко-

татарской письменной традиции, отмечает „высокий уровень организации делопроизводства в Золотой Орде, более совершенной, чем на Руси" и в других соседних государствах того времени [161, 518—519]. Однако факты влияния тюрко-татарского делопроизводства на русскую канцелярскую традицию, рассмотренные частично только что названным автором и др., необходимо ограничить прежде всего сферой документов русско-татарской переписки и, возможно, кругом тарханных жалований на Руси. Одновременно нуждаются в разработке до сих пор не затронутые вопросы обратного влияния, например, факты заимствования русских по характеру формул и оборотов в документах татарско-русской переписки.

Разумеется, высокий уровень развития официального делопроизводства Джучиева Улуса определялся, наравне с ролью высокоразвитых истоковых компонентов периода его становления, влиянием письменно-деловой культуры ближневосточных стран, непосредственным вкладом и представителей тюркоязычных народов самой империи в его дальнейшее существование; большое значение имела и интенсивность внешней и внутренней политики джучидов, то есть потребность в ведении межгосударственной переписки и в осуществлении документального контроля над хозяйственной деятельностью внутри страны. Ибо, если высокий уровень разработанности документов внешнего назначения объясняется внешнеполитической активностью, то развитость формы и структуры жалованных актов свидетельствует о детальной разработанности, целенаправленности экономической политики в плане эксплуатации трудового населения и покоренных народов: жалованные ярлыки, непосредственно сообщающие о конкретных привилегиях части господствующих классов, в такой же степени информируют нас об угнетенном положении основной массы населения, на которую не распространялись льготы держателей жалований.

Таким образом, не только содержание, но и форма, структура изучаемых ярлыков имеют источниковедческую ценность, свидетельствуя о социальных отношениях внутри общества.

Все это определяет документальное значение жалованных ярлыков для изучения истории периода феодализма тех народов, которые входили в состав Джучиева Улуса.

Изучаемые ярлыки большую источниковедческую ценность представляют и в историко-культурном плане. Ко всему сказанному выше можно было бы добавить следующее: как свидетельствуют археографо-палеографические, филологические и собственно документоведческие данные, официальное делопроизводство Джучиева Улуса развивалось, в целом, в едином

русле с письменно-канцелярскими культурами развитых сопредельных стран того времени, с которыми народы Поволжья находились в постоянных торгово-экономических и культурных контактах. Это одновременно вполне соответствовало и общему уровню развития городской культуры, в том числе архитектуры и ремесленного производства, литературы и прикладного искусства ведущих регионов, прежде всего стольных городов Джучиева Улуса [395, 105—120; также см.: 71, 712—715].

Уровень развитости официального делопроизводства — составной части духовно-письменной культуры господствующих классов — лишний раз подтверждает правильность этого вывода.

В то же время необходимо помнить, что сугубо классовая по природе культура была продукцией не какого-то изолированного этнико-общественного развития. Она являлась первоначально следствием своеобразного симбиоза нескольких культур, из которых роль ассимилирующих компонентов сыграли родственные тюркские культуры — уйгуров Центральной Азии и кыпчаков Восточной Европы, а также оседлого тюркоязычного населения Булгара и Хорезма.

Но эта культура, сложившаяся в процессе бурных военно-политических событий, в результате становления нового феодального государства на обломках и развалинах прежних этнико-государственных образований, быстро обособилась, приобретая свойственные ей специфические черты, и развивалась далее как часть господствующей культуры высших сословий огромной по территории, пестрой в этническом отношении империи, благополучие и культурное развитие которой сопровождались, как во всех классовых обществах, жестокой эксплуатацией трудового населения подвластных и покоренных народов.

Короче говоря, развитость господствующей духовно-письменной культуры, материальное благополучие высших сословий государства обусловлены интенсивностью экономического гнета, которому подвергались трудящиеся. Следовательно, и высокий уровень развития официального делопроизводства Джучиева Улуса — явление вполне объяснимое.

В дальнейшем, при распаде этой „лоскутной" по этническому составу, многоукладной по хозяйственному быту империи на самостоятельные ханства, господствующие сословия последних унаследовали как духовно-письменную культуру Джучиева Улуса, в целом, так и официальное делопроизводство его, в частности.

Этому способствовали не только династийно-политические факторы и последствия двухсотлетнего подчинения народов различных регионов верховной власти одного государства, но также и специфика этнической основы, родственности населения этих государственных образований.

Таковы основные выводы, которые получены в результате комплексного изучения и системного осмысления жалованных ярлыков в плане археографии, палеографии, сфрагистики и дипломатики.

Естественно, источниковедческие возможности тюрко-татарских официальных актов не ограничиваются перечисленными здесь и выше качествами. Однако, чтобы полностью ввести эти ценнейшие автохтонные и аутентичные отображаемой действительности первоисточники в активный научный обиход и для извлечения из них дополнительных сведений по различным вопросам социальной и культурной истории, необходимо решить в будущем следующие конкретные задачи:

во-первых, осуществить публикацию корпуса ярлыков XIV—XVI вв. на языке оригинала и в переводе, сопровождая издание соответствующими текстологическими комментариями и исследованиями;

во-вторых, провести на основе привлечения обширного круга сравнительных историко-филологических материалов собственно источниковедческий анализ, задачами которого являются как установление социально-политического, историко-юридического содержания специальных формул, номенклатуры, конкретных реалий жалованных актов, так и общая оценка состава информации документов в целом.

Лишь при осуществлении этих конкретных и насущных задач будут созданы реальные условия для проведения других не менее важных исследований: историко-сравнительного в широком плане, историко-филологического и собственно исторического.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Архив востоковедов, Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
АДД	— Автореферат докторской диссертации.
АЕ	— „Археографический ежегодник".
АКД	— Автореферат кандидатской диссертации.
АН	— Академия наук.
Библ.	— Библиотека.
ВИ	— „Вопросы истории".
ВИД	— „Вспомогательные исторические дисциплины".
ВНОТ	— „Вестник научного общества татароведения".
ГБ им.	В. И. Ленина — Государственная библиотека им. В. И. Ленина.
ГМТР	— Государственный музей Татарской республики.
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДАН	— „Доклады Академии наук".
ДТС	— Древнетюркский словарь.
ЖМНП	— „Журнал министерства народного просвещения".
ЖС	— „Живая старина".
ЗАН	— „Записки Академии наук".
Зап.	— Записки.
ЗВО	— „Записки Восточного отделения Русского археологического общества".
ЗКВ	— „Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР".
ЗООИД	— „Записки Одесского общества истории и древностей".
ИВАН	— Институт востоковедения Академии наук.
ИАН	— „Известия Академии наук".
ИЗ	— „Исторические записки".
Избр.	— Избранные.
Изв.	— Известия.
Изд.	— Издание.
Изд-во	— Издательство.
ИОАИЭ	— „Изв. Общества археологии, истории и этнографии" при КГУ (Казань).
ИТУАК	— „Изв. Таврической ученой архивной комиссии" (Симферополь).
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР (Казань).
КГУ	— Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина.
КОГА	— Крымский областной государственный архив (Симферополь).
КСИНА	— Краткие сообщения Института народов Азии.
КУ	— „Казан утлары" (журн. „Огни Казани").
КФАН	— Казанский филиал АН СССР.
ЛГУ	— Ленинградский университет им. А. А. Жданова.
ЛО	— Ленинградское отделение.

МГИАИ — Московский историко-архивный институт.
МГУ — Московский университет им. М. В. Ломоносова.
НАА — „Народы Азии и Африки".
НБ — Научная библиотека.
НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики.
ОИАЭ — Общество истории, археологии и этнографии.
ООИД — Одесское общество истории и древностей.
Оп. — Опись; описание.
ОРРК — Отдел рукописей и редких книг при Научной библиотеке КГУ.
Отд. — Отдельный; отделение.
Отт. — Оттиск.
Прим. — Примечание.
РАО — Русское археологическое общество.
Рец. — Рецензия.
РО — Рукописный отдел.
СА — „Советская археология".
СВ — „Советское востоковедение".
СИЭ — „Советская историческая энциклопедия".
СНВ — „Страны и народы Востока. География, этнография, история".
Собр. — Собрание.
Соч. — Сочинения.
СТ — „Советская тюркология" (Баку).
Ст. — Статья, статьи.
Табл. — Таблица.
ТВОАО — „Тр. Восточного отд. археологического общества".
Тр. — Труды.
ТС — „Тюркологический сборник".
ТУАК — Таврическая УАК.
УАК — Ученая архивная комиссия.
УЗ — „Ученые записки".
ФВЯ — Факультет восточных языков ЛГУ.
ЦАУ — Центральное архивное управление.
ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов (Москва).
ЦГИА — Центральный гос. исторический архив СССР (Ленинград).
ЦНБ — Центральная научная библиотека АН УССР (Киев).
ЭВ — „Эпиграфика Востока".
C — Cilt.
FO — „Fundgruben des Orients".
IA — Islam Ansiklopedisi (Istanbul).
PhTF — Philologiae Turcicae Fundamenta (Wiesbaden).
M — „Türkijat mecmuasl" (Istanbul).
TTKB — „Türk Tarih Kurumu. Belleten", (Ankara).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857 — 1858 годов) — (т. 12)*.
2. Маркс К. К критике политической экономики. Предисловие (т. 13).
3. Маркс К. Хронологические выписки. Тетради I-IV—Архив Маркса и Энгельса (тт. V — VIII).
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология (т. 3).
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг (т. 20).
6. Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту от 5 августа 1890 г. (т. 37).
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства (т. 21).
8. Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции (т. 33).
9. Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина (т. 42).
10 Ленин В. И. О государстве (т. 39).
11. Ленин В. И. О праве нации на самоопределение (т. 25).
12. Ленин В. И. Письмо И. Ф. Арманд от 30 ноября 1916 г. (т. 49).
13. Ленин В. И. Письмо Е. С. Варге от 1 сентября 1921 г. (т. 54).
14. Ленин В. И. Статистика и социология (т. 30).

*
* *

15. Два ярлыка иранского ильхана Аба-Саида** — Матенадаран (Ереван), фонд каталикосов, №№ 1011 и 1012.
16. Добавление к „Родословной тюрок" Абу-л-Газы—ЦНБ АН УССР, РО, ф. 5, № 49133, лл. 86—87.
17. История крымских ханов (Крым-ханан тарихы). Список с рукописи мирзы Аргинского.—ЦНБ АН УССР, РО, ф. 5, № 49194.
18. Кадыр-Али-бек. Сборник летописей (Джами'ат-таварих) — ОРРК НБ КГУ, № Т. 40.
19. Копии крымских ярлыков В. Д. Смирнова.—АВ ЛО ИВАН СССР ф. 50, оп 1, №№ 6; 76; 87; 89.
20. Краткая история Крымского ханства (без заглавия).— ЦНБ АН УССР, РО, ф. 5, № 49176.
21. Крымские ханы (Крым ханлары).— ЛО ИВАН СССР, РО, № С. 861.

---

* Произведения Маркса и Энгельса, за исключением „Хронологических выписок", указаны по второму изданию „Сочинений", а Ленина—по „Полному собранию сочинений".

** Ввиду того, что документальные источники здесь описаны не поштучно, а в групповом виде по месту хранения, предлагаемые названия являются собирательными, и они не всегда совпадают с условными и неточными названиями единиц хранений (названия каждого документа даны в описании его и внутри исследования).

22. О ярлыках.— ЦГИА СССР, ф. 853, оп. 1, № 218 (Бумаги В. В. Григорьева).
23. Отрывок по истории Золотой Орды и Крыма.—ЦНБ АН УССР, РО, ф. 5, № 49194, лл. 143—152.
24. Перевод ярлыка Сахиб-Гирая 1523 г.—ЦГИА СССР, ф. 1350, 1823 г., оп. 56, № 563, ч. 1, л. 439.
25. Письмо М. А. Оболенского от 13 августа 1840 г. к. Х. Д. Френу.— Архив АН СССР, ф. 778, оп. 2.
26. Раммаль-ходжа. История Сахиб-Гирай-хана (Тарихи Сахиб-Гирай-хан).—ЛО ИВАН, РО, № В. 767.
27. Русские переводы ханских ярлыков Я. О. Ярцова.—ЦНБ АН УССР, РО, ф. 6, №№ 868—886.
28. Сайид Мухаммад-Риза. Семь планет в известиях о правителях татар (ас-Саб-ас-сийар фи ахбар мулук ат-татар).— ЛО ИВАН СССР, РО, № В. 756.
29. Татарские шаджара.—АВ ЛО ИВАН СССР, ф. 131 (Р. Фахрутдинов), оп. 1, № 1.
30. Турецкие документы.—ГПБ, РО, „Собрание А. С. Фирковича".
31. Турецко-татарские рукописи из коллекции В. В. Григорьева. —ЛГУ, ФВЯ, НБ, РО, №№ M_S. О. 903—904.
32. Ханские ярлыки.—ЛГУ, ФВЯ, НБ, РО, № M_S. О. 1231.
33. Ярлыки золотоордынских и крымских ханов.—ЛО ИВАН СССР, РО, №№ D 222/I, D 222/II; Т. 306, Т. 307, Т. 308, Т. 309, Т. 310, Т. 311, Т. 312, Т. 313, Т. 314, Т. 315, Т 317, Т. 318, Т. 319, Т. 320, Т. 322, Т. 323, Т. 327, Т. 340, Т. 373[а], Т. 373[б], Т. 373[д].
34. Ярлык Ибрагим-Хана. —ЦГАДА, ф. 1173/I, оп. 1, № 196.
35. Ярлыки-послания крымских ханов.—ЦГАДА, ф, 123, оп. 2, №№ 36, 39, 41; оп. 3, №№ 1, 3, 4, 5.
36. Ярлыки и сопровождающие их документы.—КОГА, ф. 24 (Комиссия по разбору споров о землях Таврической губернии, 1800—1810 гг.), оп. 1, №№ 8, 29, 50;
КОГА, ф. 49 (Таврическое губернское дворянское депутатское собрание, 1803—1919 гг.), оп. 1, №№ 5, 13, 21, 125, 133, 634, 1436, 6436, 6449, 6462, 6466, 6527, 6495, 6518, 6540, 6548.
37. Ярлыки крымских ханов.—ЦНБ АН УССР, РО, ф. 5, №№ 48245, 49249, 49250.
38. Ярлык Сахиб-Гирай-хана 1523 г.—ГМТР, редкий фонд, № 5757.

* * *

39. Абрамзон С. М. А. Н. Самойлович—этнограф.—ТС 1974, М., 1978.
40. Абул-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань, 1906.
41. Аграрный строй Османской империи XV — XVII вв. Документы и материалы. М., 1963.
42. Акимушкин О. Ф. Искандер Мунши о каллиграфах времен шаха Тахмаспа I.— КСИНА, 1963, т. 39, с. 20—32
43. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. тт. 1—3, СПб., 1846—1848.
44. Али-заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956.
45. Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода. —В кн.: Тюркизмы в восточно-славянских языках, М., 1974, с. 112 148.
46. Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII—XV вв.— СТ, 1973, № 3, с. 28—37.
47. Ардашев Н. Н. Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVII в. о ясашных землях. М., 1908 (отд. отт. из „Зап. Москов. археологического общества).

48. Бабаян Л. О. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII—XIV веках. М., 1969.
49. Бабур-наме. Записки Бабура, Ташкент, 1958.
50. Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
51. Базилевич К. В. Ярлык Ахмад-хана Ивану III. —„Вест. МГУ", № 1,1948, с. 29—46.
52. Банзаров Д. Замечания о монголизмах в ярлыке Тохтамыш-хана.—Собр. соч. М., 1955, с. 207—208.
53. Банзаров Д. Пайзе или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов.—Собр. соч. М., 1955, с. 140—160.
54. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скрижинской. Л., 1971.
55. Бартольд В. В. Бахши.— Соч., т. V, с. 501***.
56. Бартольд В. В. Бег.— V, с. 502.
57. Бартольд В. В. Беркай.— V, с. 503—507.
58. Бартольд В. В. Битикчи.— V, с. 508.
59. Бартольд В. В. Болгары.— V, с. 509—520.
60. Бартольд В. В. Гирей.— V, с. 522—523.
61. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — V, с. 19—192.
62. Бартольд В. В. И. Н. Березин как историк.— VIII, с. 737—756.
63. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— VIII, с. 197—482.
64. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— II, кн. 1, с. 169—433.
65. Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов.— V, с. 195—229.
66. Бартольд В. В. Калга.— V, с. 537.
67. Бартольд В. В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов.—V, с. 365—368.
68. Бартольд В. В. Крым.— III, с. 467—469.
69. Бартольд В. В. Культура мусульманства. —VI, с. 143—204.
70. Бартольд В. В. Менгу-Тимур.— V, с. 557—558.
71. Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира.—II, кн, 1, с. 651—772.
72. Бартольд В. В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. —II, кн. 2, с. 199—260.
73. Бартольд В. В. Образование империи Чингиз-хана.— V, с. 253—265.
74. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан.— VIII, с. 119—210.
75. Бартольд В. В. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче.— IV, с. 313—338.
76. Бартольд В. В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов.— V, с. 468—472.
77. Бартольд В. В. Токтамыш.— V, с. 564—567.
77а. Бартольд В. В. Туман.— V, с. 570—571.
78. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. —I,
79. Бартольд В. В. Тюрки (историко-этнографический обзор).— V с. 576—595.
80. Бартольд В. В. Улугбек и его время.— II, кн. 2, с. 25—196.
81. Бартольд В. В. Хаджи-Гирей.— V, с. 591.
82. Бартольд В. В. Хакан.— V, с. 602.
83. Бартольд В. В. Халиф и султан.— VI, с. 15—80.
84. Бартольд В. В. Хан.— V, с. 604.

*** Исследования В. В. Бартольда даются по его „Сочинениям" в 9-и томах (10-и книгах), М., „Наука", 1963—1977.

85. Бартольд В. В. Хранения документов в государствах мусульманского Востока.— VIII, с. 350—351.
86. Бартольд В. В. Чагатайская литература.— V, с. 606—610.
87. Бартольд В. В. Чингиз-хан.— V, с. 615—628.
88. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-ое, М., 1969.
89. Баскаков Н. А. Предисловие.— В кн.: Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974, с. 5—8.
90. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.—В кн.: Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, с. 15—160.
91. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи.—ЗООИД, т. II, отд. 2—3, 1850, с. 489—520.
92. Беленицкий А. М. К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху.— СВ, 1948, т. V, с. 111—128.
93. Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906.
94. Бережков М. Древнейшая книга крымских посольских дел (1474—1505 гг.).— ИТУАК, 1894, № 21, с. 27—55.
95. Бережков М. Нур-салтан, царица Крымская (Историко-биографический очерк).— ИТУАК, 1897, № 27, с. 1—17.
96. Березин И. Н. Библиотека восточных историков, тт. I—II, Казань, 1849—1854.
97. Березин И. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб., 1850.
98. Березин И. Нашествие Батыя на Россию.— ЖМНП, 1855, ч. 86, отд. II, с. 79—114.
99. Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева.— ЗВО, т. VIII, СПб., 1864 (отд. отт.).
100. Березин И. Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству. —„Казанские губернские ведомости", 1852, № 22 (отд. отт.).
101. Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.
102. Березин И. Тарханные ярлыки крымских ханов.— ЗООИД, т. 8, 1872, Приложение № 22, с. 1—9.
103. Березин И. Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея.— ЗООИД, т. 8, 1872, Приложение № 22, с. 10—23.
104. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.—Л., 1946.
105. Бернштам А. Н. Уйгурские юридические документы.—„Проблемы источниковедения", т. III, М.—Л., 1940, с. 61—84.
106. Бессмертный Ю. Л., Каштанов С. М. Грамоты.— СИЭ, т. 4, с. 690—692.
107. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974.
108. Благова Г. Ф. Вариантные заимствования *турок-тюрк* и их лексическое обособление в русском языке.— ТС 1972, М., 1973, с. 93—140.
109. Бобровников А. А. О монгольских надписях на русских актах— Изв. РАО, т. III, вып. 1, 1861, с. 19—29.
110. Бобровников А. А. Памятники монгольского квадратного письма. СПб., 1870.
111. Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство. —„Тр, гос. Эрмитажа", т. X, Л., 1969, с. 142—156.
112. [Борзенко А. А.]. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи.— ЗООИД., т. II, отд. 2—3, 1850, с. 489—528.
113. Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963.
114. Боровков А. К. Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам.— ИАН СССР. Серия литературы и языка. 1966, т. XXV, вып. 1, с. 13—24.

115. Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971.
116. Буганов В. И. Золотая Орда.— СИЭ, т. 5, с. 700—703.
117. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, тт. 1—2, СПб., 1869.
118. Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
119. Валеев Ф. Х. Орнамент казанских татар. Казань, 1969.
120. Валиханов Ч. Ч. [Заметки при чтении книги) проф. И. Н. Березина „Ханские ярлыки".— Собр. соч. в 5 тт. Т. I, Алма-Ата, 1961, с. 131—141,
121. Валиханов Ч. Ч. Письмо профессору И. Н. Березину.— Собр. соч. в 5 тт. Т. 1, Алма-Ата, 1961, с. 121—130.
122. Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта.— ВИД, М.— Л., 1937, с. 285—317.
123. Васильев В. П. К хронологии Чингисхана и его преемников.— ЗВО, т. IV, с. 375—378.
124. Вахидов С. Г. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей-хана.—ИОАИЭ, т. XXXIII, вып. 1, 1925, с. 61—92.
125. Вахидов С. Г. Ярлык хана Сахиб-Гирея.— ВНОТ, № 1—2, Казань, 1925, с. 29—37.
126. Веймарн Б. В. Искусство арабских стран и Ирана VII—XVII вв. М., 1974.
127. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах, чч. I—IV, СПб., 1863—1887.
128. Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями.— Приложение к ЗАН, т. IV, № 6, СПб., 1864.
129. Веселовский Н. И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству.— Сб. в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, СПб., 1909, с. 525—536.
130. Веселовский Н. И. Объяснение некоторых восточных слов в ярлыках, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству.— ЗВО, XIX.
131. Веселовский Н. И. О турецко-татарском слове *тыш* („зуб") в дипломатических документах.— ЖМНП, Новая серия, 1915, ч. 56.
132 Веселовский Н. И. Погрешности и ошибки при издании документов по сношению Русских государей с азиатскими владельцами.— ЖС, 1909, вып. II—III, с. 237—268.
133. Веселовский Н. И. Рец. на кн.: М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам.— ЖМНП, Новая серия, 1917, ч. 68, № 3—4, с. 118—130.
134. Владимирцов Б. Я. Арабские слова в монгольском.— ЗКВ, 1930, т. V, с. 73—82.
135. Владимирцов Б. Я. Монгольские титулы *„беки"* и *„беги"*.— ДАН, 1930, Серия В, № 9, с. 163—167.
136. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
137. Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке.— ЗВО, т. X, с. 153—184.
138. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVIII века, Л., Издво ЛГУ, 1974.
139. Галстян А. Г. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. М., 1962.
140. Гаффаров М. А. Персидско-русский словарь, тт. I—II, М., 1976.
141 Георгиевский В. Г. Материалы по истории применения пигментов для книжного письма и печати в России. —„Тр. совещания по истории естествознания". М—Л., 1948, с. 235—248.

142. Гераклитов А. А. Мордовский „беляк".—„Изв. краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском гос. университете". Т. II, Саратов, 1927, с. 101—112.
143. Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941.
144. Гордлевский В. А. Рукописи Восточного музея г. Ялты.— Избр. соч., т. IV, М., 1968, с. 257—261.
145. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.
146. Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.
147. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1968.
148. Григорьев А. Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма.— В кн.: Материалы по истории Татарии, вып. I, Казань, 1948, с. 226—285.
149. Григорьев А. П. „Вышняя троица" в ярлыке золотоордынского хана Монгке-Темюра.— В кн.: Востоковедение, вып. 1, Изд-во ЛГУ, 1974, с. 188—200.
150. Григорьев А. П. Жалованная грамота Улуг-Мухаммада.— В кн.: Вопросы филологии стран Азии и Африки, вып. I, Изд-во ЛГУ, 1971, с. 170—177.
151. Григорьев А. П. Конкретные формуляры чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв. (ч. I), — ТС 1974, М., 1978, с. 198—218; (ч. II),—В кн.: Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки, вып. IV, Изд-во ЛГУ, 1975, с. 36—49; (ч. III),—В кн.: Востоковедение, вып. 2, Изд-во ЛГУ, 1975, с. 156—166; (ч. IV), — В кн.: Востоковедение, вып. 4, Изд-во ЛГУ, 1977, с. 43—62.
151а. Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII—XIV вв. Изд-во ЛГУ, 1978.
152. Григорьев А. П. Налоговый термин „кубчир".—В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 235—240.
152а. Григорьев А. П. Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII—XV вв.— В кн.: Востоковедение, вып. 3, Изд-во ЛГУ, 1977, с. 132—156.
153. Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842.
154. Григорьев В. [Ярцов Я. О]. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея.—ЗООИД, т. I, 1844, с. 337—346.
155. Гузев В. Г. О ярлыке Мехмеда II.— ТС 1971, М., 1972, с. 227—243.
156. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
157. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (легенда о „Государстве пресвитера Иоанна"). М., 1970.
158. Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие.— ИОАИЭ, т. XX, 1904, с. 49—158.
159. Гурлянд Я. И. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1906.
160. Данияров Х. Д. Об этапах формирования староузбекского письменно-литературного языка и об участии кыпчакских диалектов в этом процессе.—СТ, 1976, № 6, с. 66—69.
161. Демин А. С. Элементы тюркской культуры в литературе древней Руси XV—XVII вв. (К вопросу о видах связей).— В кн.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974, с. 517—549.
162. Димитриев В. Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI—начало XVII вв.— УЗ НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чув. АССР, вып. 22, Чебоксары, 1963, с. 106—144.
163. Димитриев В. Д. Земельный документ времен Казанского хана Сафа-Гирея.—УЗ НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чув. АССР, вып. 31, Чебоксары, 1966, с. 266—277.

164. Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии, ч. I, М., 1965.
165. Дмитриева Л. В., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения, ч. II, М., 1975.
166. Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. М., 1967.
167. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
168. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950.
169. Жамцарано Ц. Пайзы у монголов в настоящее время.—ЗВО, т. XXII, вып. I—II, с. 155—159.
170. Зайончковский А. К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI—XVI вв.).— „Вопросы языкознания", 1967, № 6, с. 80—89.
171. Закиев М. З. О периодизации истории тюркских письменных литературных языков.— СТ, 1975, № 5, с. 3—11.
172. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966.
173. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, тт. I—II, М., 1962—1967.
174. Зимин А. А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам.—АЕ за 1961 г. М., 1962, с. 28—40.
175. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
176. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.
177. Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1858.
178. Иностранцев К. А. К вопросу о басме.— ЗВО, т. XVIII, 172—179.
179. Иностранцев К. А. О месте выдачи ярлыка Тимур-Кутлуга.— ИАН, 1917, с. 49—50.
180. История первых четырех ханов из дома Чингизова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829.
181. История и социология. М., 1964.
182. История Татарии в материалах и документах, М., 1937
183. История Татарской АССР, т. I. (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Казань, 1955.
184. История Татарской АССР. (С древнейших времен до наших дней). Казань, 1968.
185. Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961.
186. Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867 годы). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.
187. Кази-Ахмед. Трактат о каллиграфах и художниках. 1596—97/1005. Введение, перевод и комментарий Б. Н. Заходера. М.—Л., 1947.
187а. Казиев А. Ю. Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XIII—XVII вв. М., „Книга", 1977.
188. Казиев А. Ю. Художественно-технические материалы и терминология средневековой книжной живописи, каллиграфии и переплетного искусства. Баку, 1966.
189. Калинин Н. Ф. Булгарская перстневая печать XIV века в фондах музея. Доклад на „Краеведческих чтениях 1955 г." Казань, 1956.
190. Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. Изд. 2-ое. Казань, 1955.
191. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика, М. 1963.
192. Каменцева Е. И. Хронология. М., 1967.
193. Кара Д. Книга монгольских кочевников. (Семь веков монгольской письменности). М., 1972.

194. Джиовани дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957.
195. Катанов Н. Ф. Восточная хронология. Казань, 1920.
196. Каштанов С. М. Богословная преамбула жалованных грамот.— ВИД, т. V, Л., 1973, с. 81—107.
197. Каштанов С. М. Дипломатика.—СИЭ, 5, с. 229—232.
198. Каштанов С. М. Дипломатика как специальная историческая дисциплина.— ВИ, 1965, № 1, с. 39—44.
199. Каштанов С. М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI века (по актовому материалу).—В кн.: Из истории Татарии, сб. IV, Казань, 1970, с. 164—203.
199а. Каштанов С. М. Интитуляция русских княжеских актов X—XIV вв.—ВИД, т. VIII, Л., 1976, с. 69—83.
200. Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.
201. Каштанов С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики.— В кн.: Источниковедение. Теоретические м методические проблемы. 1969, с. 134—170.
202. Каштанов С. М. Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г).— АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 94—116.
203. Каштанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте.—В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 148—199.
204. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
205. Книга Марко Поло. М., 1956.
206. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
207. Козин С. А. К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских иль-ханов. — ИАН, Серия VII, Отд. общественных наук. 1935, № 7, с. 645—655.
208. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I, М. — Л., 1941.
209. Козин С. А. Язык первого периода истории монгольской литературы. (По письмам персидских ильханов 1289—1305). —ИАН, Серия VII, Отд. общественных наук, 1935, № 5, с. 477—500.
210. Колли Л. Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам). —ИТУАК, № 50, 1913, с. 99—139.
211. Кононов А. Н. В. В. Бартольд — выдающийся востоковед. — СТ, 1970, № 6, с. 57—61.
212. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972.
213. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Газы, хана хивинского. М.—Л., 1958.
214. Кононов А. Н. Ценный труд по грамматике староузбекского языка (рец. на кн.: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962).—„Общественные науки в Узбекистане", 1963, № 8, с. 63—71.
215. Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974.
216. Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в.—ВИД, т. VI, Л., 1974, с. 142—160.
217. Костыгова Г. И. Жизнь и творчество таджикского каллиграфа-художника Султан-Али Мешхеди (1432—1520). АКД, Л., 1954.
218. Костыгова Г. И. Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеди.—Тр. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II (V). Восточный сборник. Л., 1957, с. 103—163.
219. Котвич В. Л. Поправки к разбору монгольских писем персидских ильханов.—ЗКВ, т. I, Л., 1925, с. 342—344.
220. Крачковская В. А. Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в.—ЭВ, т. VI, 1952, с. 46—100.
221. Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии.—ЭВ, т. III, Л., 1949, с. 4—27.

222. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература.—Избр. соч., т. IV, М.—Л., 1957.
223. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. тт. I—II (чч. 1—2), III—IV, М., 1954—1962.
224. Кузеев Р. Г. Башкирские шеджере. Уфа, 1960.
225. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.
226. Кузеев Р. Г., Усманов А. Н, Усманов Х. Ф. Новые сведения о численности башкир в XVIII—XIX вв. —В кн.: Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 год. Уфа, 1966, с. 76—79.
227. Кучкин В. А. Ярлыки ханские.—СИЭ, т. 16, с. 977.
228. Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973.
229. Лакиер А. История титула государей России.—ЖМНП, 1847, № 10—11.
230. Лашков Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897.
231. Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве министерства иностранных дел. Симферополь, 1891.
232. Лашков Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897.
233. Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962.
234. Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
235. Лихачев Н. П. Дипломатика. (Из лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте). СПб., 1901.
236. Лихачев Н. П. Древнейшая сфрагистика. Из лекций по дипломатике, читанных в имп. Археологическом институте за 1904—5 уч. год. СПб., 1906.
237. Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, чч. I—III, СПб., 1899.
238. Лубсан Данзан. Алтан тобчи („Золотое сказание"). М., 1973.
239. Лызлов Андрей. Скифская история, чч. I—III, М., 1787.
240. Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л. 1955.
241. Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969.
242. Малиновский Алексей. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год.—ЗООИД, т. V, 1863, с. 178-419.
243. Малкин И. Т. История бумаги. Б. м. Изд-во АН СССР, 1940.
244. Малов С. Е. Изучение ярлыков и восточных грамот.—В кн: Академику В. А. Гордлевскому, к его семидесятилетию. М., 1953, с. 187—195.
245. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.
246. Маркевич Арсений. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще.—ИТУАК, № 20, 1894.
247. Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896.
248. Массэ А. Ислам. Очерк истории. М., 1961.
249. Мастера искусства об искусстве. т. I, М., 1965.
250. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению имп. Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Издал В. В. Вельяминов-Зернов. Спб., 1864.
251. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
252. Материалы по истории Татарии. Вып. I, Казань, 1948.

253. Материалы по истории туркмен и Туркмении, тт. I—II, М.—Л., 1939.
254. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Л., 1932.
255. Мелиоранский П. М. Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха.—ЗВО, т. XVI, с. 01—012.
256. Мелиоранский П. М. Что такое „басма" золотоордынских послов хана Ахмета?—ЗВО, т. XVII, с. 129—140.
257. Мельников С. Я. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, т. 1, Казань, 1859.
258. Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Чингисхан и его наследие.—„История СССР", 1962, № 5, с. 92—119.
259. Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, М.—Л., 1937.
260. Миллер Ю. А. Искусство Турции. М—Л., 1965.
261. Можаровский А. Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М., 1880.
262. Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.
263. Мурадов А. Из истории каллиграфии в Средней Азии. АКД, Ташкент, 1967.
264. Мурзакевич Н. *Письменные памятники Тохтамыш-хана.— ЖМНП, 1840, ч. 27, отд. II, с. 143—148.
265. Мухамадиев А. Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г.—В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 80—88.
266. Мухамедьяров Ш. Ф. Земельныеправоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958.
267. Мухамедьяров Ш. Ф. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве.—УЗ КГУ, т. 122, кн. 2. Казань, 1962, с. 143—161.
268. Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV—первая половина XVI вв.). АКД. М., 1950.
269. Мухамедьяров Ш. Ф. Тарханный ярлык Казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г.—В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, с. 104—109.
270. Мэн-да бей-лу („Полное описание монголо-татар"). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975.
271. Наджип Э. Н. Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV века. АДД, М., 1965.
272. Наджип Э. Н. О новонайденных арабописьменных списках „Мухаббат-наме" Хорезми.—СТ, 1973, № 3, с. 92—103.
273. Наджип Э. Н. О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков.—СТ, 1970, № 6, с. 48—55.
274. Наджип Э. Н. О памятнике XIV века „Нахдж ал-фарадис" и его языке.—СТ, 1971, № 6, с. 56—68.
275. Наджип Э. Н. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках.—СТ, 1970, № 1, с. 87—92.
276. Наджип Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века „Гулистан" Сейфа Сараи и его язык, чч. 1—2, Алма-Ата, 1975.
277. Наджип Э. Н. Уйгуро-русский словарь. М., 1968.
278. Насилов М. В. Древнеуйгурский язык. М., 1963.
279. Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М—Л., 1940.
280. Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов.—ЗООИД, т. I, 1844, с. 379—392.
281. Недков Б. Османо турска дипломатика, тт. 1—2, София, 1966—1974.

282. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
283. Оболенский М. Восточные надписи на старинных русских грамотах.—Изв. РАО, 1861, т. II, вып. 1, с. 22—24.
284. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.
285. Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике. Отд. отт. из III т. „Тр. Московского нумизматического общества". М., 1903.
286. Д'Оссон А. К. История монголов. От Чингиз-хана до Тамерлана, т. I, Иркутск, 1937.
287. Очерки истории СССР, чч. I—III, М., 1953—1955.
288. Палладий О. Юань-чао-би.ши.—„Тр. членов Российской духовной миссии в Пекине", т. IV, Спб., 1866.
289. Памятники русского права, вып. III, М., 1955.
290. Папазян А. Д. Два новооткрытых ильханских ярлыка.—„Вест. Матенадарана", № 6, Ереван, 1962, с 379—401 (на армянском языке).
291. Патканов К. П. История монголов по армянским источникам, вып. 1-2, СПб., 1873—1874.
292. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
293. Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.
294. Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
295. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
296. Персидские миниатюры. XIV—XVI вв. М., 1960.
297. Петрунь Ф. Ханьскі ярлики на українскі зимлі.—„Східній світ", 1928, № 2, с. 170—187.
298. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960.
299. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. (Курс лекций). Л., 1966.
300. Петрушевский И. П. К истории института сойургала.—СВ, т. VI, 1949, с. 227—246.
301. Пискарев П. И. Опись делам Щацкого архива.—„Изв. Тамбовской УАК", вып. 22, Тамбов, 1889, с. 10—48.
302. Позднеев А. М. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899.
303. Позднеев А. М. Пять китайских печатей.—ЗВО, IX, с. 280—290.
304. Полное собрание русских летописей: т. X—Никоновская, М., 1965, т. XXV—Московский свод конца XV в., М.—Л., 1949; т. XXX—Владимирский летописец. М., 1965.
305. Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе. —В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-восточной и центральной Европы. М., 1964, с. 29—59.
306. Поппе Н. Н. Золотоордынская рукопись на бересте.—СВ, т. II, 1941, с. 81—134.
307. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1954.
308. Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951.
309. Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. П., 1916.
310. Протокол общего собрания членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 8 марта 1889 г.—„Изв. Тамбовской УАК", вып. 23, Тамбов, 1889.
311. Пучковский Л. С. Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна (1289 г.) и Ульдзэйту (1305 г.)—СВ, т. VI, 1949, с. 396—422.
312. Пучковский Л. С. Монгольская феодальная историография XIII-XVII вв.—УЗ ИВАН СССР, т. VI, М.—Л., 1953, с. 131—166.
313. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

314. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, тт. 1—4, СПб., 1893—1911.
315. Радлов В. В. Титулы и имена уйгурских ханов.—ЗВО, т. V, вып. III, с. 265—270.
316. Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга.—ЗВО, т. III, вып. I—II, с. 1—40.
317. Рашид ад-дин. Переписка. Перевод, введение и комментарий А. И. Фалиной. М., 1971.
318. Рашид ад-дин. Сборник летописей, тт. I—IV, М.—Л., 1946—1960.
319. Рашид-ад-дин Фазлуллах. Джами ат-таварих. (Сборник летописей), т. III, Баку, 1957.
320. Рипка Ян. История персидской и таджикской литературы. М., 1970.
321. Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния Кыпчакского царства. Изд. 2-ое Казань, 1895.
322. Савельев П. С. Монеты ханов Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша, вып. 1—2, СПб., 1857—1858.
323. Садик-бек Ашраф. Ганун ос-совар (Трактат о живописи). Баку, 1963.
324. Самойлович А. Н. И. Н. Березин как турколог (1818—1918).—ЗКВ, т. I, Л., 1925, с. 161—172.
325. Самойлович А. Н. К истории крымско-татарского литературного языка. ВНОТ, 1927, № 7, с. 27—34.
326. Самойлович А. Н. К истории среднеазиатско-турецкого литературного языка.—В кн.: Мир Али-Шир, Л., 1928, с. 3—25.
327. Самойлович А. Н. Китайская „пай-дзы" в старо-турецком толковании на арабский коран.—ВНОТ, 1930, № 9—10, с. 27—28.
328. Самойлович А. Н. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV—XVII веках.—Зап. ИВАН, т. I, Л., 1932, с. 123—128.
329. Самойлович А. Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана.—Изв. Таврического ОИАЭ, т. I (58), 1927, с. 141—144.
330. Самойлович А. Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга.—ИАН, 1918, № 11, с. 1109—1124.
331. Самойлович А. Н. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями.—СТ, 1973, № 5, с. 105—110.
332. Самойлович А. Н. Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика.—ЗВО, т. XXI, с. 038—047.
333. Самойлович А. Н. *Тийишь* (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков.—ИАН, 1917, с. 1277—1278.
334. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
335. Сахаров А. М. Крымское ханство.—СИЭ, т. 8, с. 208—209.
336. Сборник князя Оболенского, т. I, М., 1838.
337. Сборник Муханова. Изд. 2-ое, доп, СПб., 1866.
338. Сборник Русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПБ.,: т. 35, 1888; т. 41, 1884; т. 59, 1887; т. 71, 1892; т. 95, 1895.
339. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. Издание З. А. Фирковича. СПб., 1890.
340. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1975.
341. Семенов А. А. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои.—В кн.: Родоначальник узбекской литературы. Ташкент, 1940, с. 126—152.
342. Семенов А. А. Рецепты оформления восточных рукописей.—„Тр. Таджикского филиала АН. СССР", т. 29, Душанбе, 1951, с. 89—98.

343. Симони Павел. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV-XVIII столетий.—„Памятники древней письменности и искусства", вып. 161, СПб., 1906.

344. Смирнов В. Археологическая экспедиция в Крым летом 1886 года.—ЗВО, I, с. 273—302.

345. Смирнов В. Д. Грамота султана Османа II-го семейству иудейки Киры.—В кн.: Восточные заметки, СПб., 1895, с. 35—78.

346. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

347. Смирнов В. Крымско-ханские грамоты.— ИТУАК, № 50, 1913, с. 140—178.

348. Смирнов В. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии. — ИТУАК, № 54, 1918, с. 1—19.

349. Смирнов И. И. Восточная политика Василия III. — ИЗ, кн. 27, 1948, с. 18—66.

350. Советская историческая энциклопедия, тт. 1—16, М., 1961 – 1976.

351. Соколов Пл. Подложный ярлык Узбека митрополиту Петру.— „Русский исторический журнал", кн. 5, П., 1918, с. 70—85.

352. Среднеазиатские миниатюры XVI—XVIII вв., М., 1964.

353. Старинное китайское сказание о Чингизхане. Перевод с китайского архимандрита Палладия.—В кн.: Восточный сборник, т. I, СПб., 1877.

354. Степанов Р. Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения.—В кн.: Сборник научных работ. Казань, 1966, с. 94—110.

355. Султанов Т. И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II.—ТС 1973, М., 1975, с. 53—61, 282—283.

356. Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы.—УЗ МГУ, вып. 61, т. II, История, 1941, с. 3—71.

357. Сюзюмов М. Я. Календарь.— СИЭ, т. 6, с. 841—851.

358. Таварих-и гузида. Нусрат-наме. Ташкент, 1967.

359. Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей, М., 1970.

360. Татарские и турецкие акты, доставленные в Общество.—ЗООИД, т. 1, 1844, с. 638—640.

361. Татарские и турецкие акты, найденные в Крыму.—ЖМНП, 1839, ч. 21, отд. VII, с. 39—44.

362. Татары Среднего Поволжья и Приуралья, М., 1967.

363. Тенишев Э. Р. Уйгурская эпиграфика Синьцзяна.— В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 79—91.

364. Тизенгаузен В. Кульджинская монетная находка.— ЗВО, т. I, с. 222—223.

365. Тезенгаузен В. Восточные монеты Н. П. Лихачева.—ЗВО, т. IV, с. 289—320.

366. Тизенгаузен В. Нумизматические заметки.— ЗВО, т. III, вып. 3, с. 371—376.

367. Тизенгаузен В. „Пайзе" с арабской надписью.— ЗВО, т. IX, с. 279—280.

368. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинения арабских, т. I, СПб., 1884.

369. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, т. II, М.—Л., 1941.

370. Тифлиси Абу-л-Фазл Хубайш. Описание ремесел (Байан ас-сана'ат). М., 1976.

371. Тихомиров М. Н. Древняя Русь. Сб. статей. М., 1975.

372. Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. Сб. статей, М., 1973.
373. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
374. Тихонов Д. И. К вопросу о некоторых терминах.— СНВ, вып. XI, М., 1971, с. 78—84.
375. Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М.—Л., 1966.
376. Трутовский В. Нумизматический кабинет, вып. III. Каталог восточных монет. М., 1886.
377. Тугушева Л. Ю. Два уйгурских документа из рукописного собрания Ленинградского отд. Института востоковедения АН СССР.—СТ, 1975, № 4, с. 92—101.
378. Тугушева Л. Ю. Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР.—ТС 1971, М., 1972, с. 244—260.
379. Тумашева Д. Г., Усманов М. А., Хисамова Ф. М. Об особенностях развития старотатарской деловой письменности.—СТ, 1977, № 3, с. 51—66.
380. Тюркизмы в восточно-славянских языках. Сб. статей. М., 1974.
381. Усманов М. А. Актуальность комплексного изучения актовых источников Джучиева Улуса XIV—XVI вв.—В кн.: Южноуральский археографический сборник, вып. I. Уфа, 1973, с. 151—159.
382. Усманов М. А. А. Н. Самойлович и изучение актовых источников Джучиева Улуса.—ТС 1974, М., 1978, с. 256—262.
383. Усманов М. А. Внешнее оформление джучидских жалованных актов XIV—XVI вв.—В кн.: Конференция по истории средневековой письменности и книги. Тезисы докладов. Ереван, 1977, с. 98—99.
384. Усманов М. А. Источники книги Ш. Марджани „Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар".—В кн.: Очерки истории Поволжья и Приуралья, вып. II—III, Казань, 1969, с. 144—154.
385. Усманов М. А. О новых ярлыках ханств Джучиева Улуса XIV—XVI вв.—АЕ за 1978 год, М., 1979.
386. Усманов М. А. О средневековых турецких списках джучидских ярлыков XIV—XV вв.— В кн.: История и филология Турции. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976, с. 46—47.
387. Усманов М. А. Официальные акты ханств Восточной Европы XIV—XVI вв. и их изучение.—АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 117—135.
388. Усманов М. О языковых особенностях надписи из Нового Сарая.—СА, 1963, № 3, с. 246—248.
389. Усманов М. А. Рец. на кн.: Закиров. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.) М., 1966.—НАА, 1968, № 1, с. 210—212.
390. Усманов М. А. Рец. на кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.—НАА, 1972, № 5, с. 181—185.
391. Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Изд-во КГУ, 1972.
392. Усманов М. А. Термин „Ярлык" и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса.—В кн.: Актовое источниковедение. М., 1979, с. 218—244.
393. Фазылов Э. И. А. Н. Самойлович—исследователь тюркских памятников средневековья.—СТ. 1973, № 5, с. 58—65.
394. Фазылов Э. И. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. тт. I—II, Ташкент, 1966—1970.
394а. Федоров-Давыдов Г. А. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII веке.—Вестник МГУ, Серия IX. История. 1965, № 6.
395. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
396. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. Изд-во МГУ, 1966.

397. Федоров-Давыдов Г. А. Курганы, идолы, монеты. М., 1968.
398. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты рассказывают. М. 1963.
399. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. Изд-во МГУ, 1973.
400. Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С. О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая.— СА, 1963, № 3, с. 245—246.
401. Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг.—В кн.: Поволжье в средние века. М., 1970, с. 68—71.
402. Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского края в Новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869.
403. Френ Х. Д. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухамеданских династий. СПб., 1832.
404. Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.
405. Ал-Холи Амин. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. М., 1962.
406. Хорезми. Мухаббат-наме. М., 1961.
407. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.
408. Цыбульский В. В. Современный календарь стран Ближнего и Среднего Востока. Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964.
409. Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956.
410. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., чч. 1—2, М.—Л., 1948—1951.
411. Чернышев Е. Обзор материалов русско-нагайских отношений в XVI веке.—ВНОТ, № 1—2, 1925, с. 16—22.
412. Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам).—В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 272—292.
413. Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. М.—Л., 1957.
414. Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках.— В кн.: Академику В. А. Гордлевскому, к его семидесятилетию. М., 1953, с. 302—316.
415. Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы „Казанской войны" (1545—1549)—Тр. МГИАИ, т. 6. М., 1954, с. 187—256.
416. Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М., 1973.
417. Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения.—В кн.: Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969, с. 7—58.
418. Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
419. Штаден Генрих. В Москве Ивана Грозного. Записи немца-опричника. М—Л., 1925.
420. Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.
421. Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962.
422. Щербак А. М. Грамматический строй языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961.
423. „Эпиграфика Востока", тт. I—XV, 1947—1969.
424. Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.
425. Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.—В кн.: Очерки по истории русского востоковедения, сб. 1, М., 1953, с. 31—96.
426. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., тт. I—II. М., 1970.
427. Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
428. Янин В. Л. Сфрагистика.— СИЭ, т. 13, с. 993—994.

429. Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 г. [ч. I], — „Материалы и исследования по археологии СССР", № 42, 1954, с. 424—484; То же в 1953—1954 гг. [ч. II],—там же, № 61, 1958, с. 392—423; То же 1957 г. [ч. III],—там же, № 80, 1960, с. 210—223; То же [ч. IV],—Там же, № 111, 1962 с. 153—178.

430. Янина С. А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959—1962 гг.—в кн.: Поволжье в средние века. М., 1970, с. 194—222.

431. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу, 1392—1393 года. Казань, 1850.

432. [Ярцов Я. О.]. Ярлыки крымских ханов.—ЗООИД, т. II, 1850, с. 675—679.

* * *

433. Борынгы татар әдәбияты. Казан, 1963.

434. Булатов Ә. Ибраһим хан ярлыгын укуга карата кайбер фикерләр.— КУ, 1966, № 8, б. 135.

435. Госманов М. Тагын Ибраһим хан ярлыгы турында.— КУ, 1967, № 6, б. 151.

436. Госманов М., Мөхәммәдьяров Ш., Степанов Р. Яңа ярлык.— КУ, 1965, № 8, б. 146—150.

437. Кошгарий Махмуд. Девону луготит турк, тт. I—III, Тошкент, 1960—1963; Индекс, Тошкент, 1967.

438. Маллаев Н. М. Узбек адабиёти тарихи. Биринчи китоб. Тошкент, 1963; Кайта ишланган учинчи нашри, Тошкент, 1976.

439. Мөхәммәдьяр. Төхфәи мәрдан. Нуры содур. Поэмалар. Казан, 1967.

440. Татар халык мәкальләре. Төзүчесе Н. Исәнбәт. тт. 1—3, Казан, 1959—1967.

441. Таһирҗанов Г. Татар әдәбиятының катлаулы мәсьәләләре.—КУ, 1975, № 7, б. 143—154.

442. Таһирҗанов Г. Әдәби багланышлар һәм аларның нәтиҗәләре.—КУ, № 10, б. 125—135.

443. Abdullah oğlu Hasan. Birinci Mengli-Girey han yarlığı—TM, c. IV, 1934, s. 99—109.

444. Abdullah oğlu Hasan. Temir Kuflug yarlığı—TM, 1926—1933, c. III, 1935, s. 207—227.

445. Abrahamowicz Z. Katalog dokumentow tureckich. Warszawa.1959.

446. Doerfer G. Das Krimosmanische.— PhTF, t. I, 1959. s. 272—280.

447. Doerfer G. Das Krimtatarische.— PhTF, t. I, 1959. s. 369—390.

448. Codex Cumanicus. Cod. Marc. Lat. DXLIX. in Faksimile herausgegeben, mit Einleitung von K. Crönbech. Monumenta Linguartum Asiae Maioris. Kopenhagen. 1936.

449. Eckmann J. Das Cwarezmtürkische.— PhTF, t. I. 1959. s. 113—137.

450. Eckmann J. Das Tschaghataische.— PhTF, t. I, 1959. s. 138—160.

451. Erzi Adnan Sadık. Osmanlılarda „tarhanlık".— TTKB, 1950, c. 14, № 53, s. 91—95.

452. Fekete L. Türkische Schriften aus dem Archiv des Palatins Nikolaus Esterhazy. Budapest, 1932.

453. Gabain v. A. Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biogiaphie. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften Phil.—hist. Klass. 1938. XXIX. Berlin, 1938.

454. Guboglu M. Paleografia şi diplomatica turko-osmana. Bucureşti. 1958.

455. Hammer v. Joseph. Uigurisches Diplom Kutlugh Timur's vom Jahre 800 (1397) beiligend lithographisch nahgestochen und übersetz — FO, VI, b. Wien, 1818. s. 359—362.

456. Hammer-Purgstall v. J. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Pesth. 1840.
457. Hinz Walter. Zwei Steuerbefreiungs-Urkunden.—„Documenta Islamica Inedita.", Berlin. 1952. s. 211—220.
458. Huart Cl. Les Calligaphes et les Miniaturistes de l' orient musulman. Paris. 1908.
459. Inalcık Halil. Giray.—IA, c. 4, 1945, s. 783—789.
460. Inalcık Halil. Haci-Giray I—IA, s. 5, 1950, s. 25—27.
461. Ivanics Mary. Formal and Linguistic pecubiaritie of 17 th century Crimean tatar Letters adressed to princes of Transylvanis.—„Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae". Budapest, t. XXIX (2), p. 213—224.
462. Keenan Edward L. The yarlik of Axmed-xan to Iban III: a new reading. A. Study in Leteral Diplomatica and Literary Turcica.—„International Jornal of Slavic Linquistics and Poetics," XII, 1969, p. 33—47.
463. Klaporth v. I. Über die Sprache und Schrift der Uiguren.—FO, II. B. Wien, 1811, s. 167—195.
464. Köprülü M. Fuad. Altın Ordu'ya ait yeni arastırmalar.—TTKB, c. 5, № 19, 1941, s. 397—436.
465. Köprülü M. Fuad. Ortazaman türk-islam feodalizmi.—TTKB, 1941, c. 5, № 19, s. 319—334.
466. Kotwicz Wl. Formales initiales des documentes mongols aux XIII-e et XIV ss.—„Rocznik Orjentalistyczny", t. X, 1934, p. 131—157.
467. [Kurat A. N.] Kazan Hanı Ibrahim Han'ın yarlıgı.—„Ankara Universitesi Dil ve Tarih-Cografiya Fakültesi yayınları". Sayi 182, Ankara, 1972, s. 354—356.
468. Kurat A. N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Turkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. Istanbul, 1940.
469. Kurtoğlu Fevzi. Iik Kırım hanlarının mecktupleri—TTKB, c. I, № 3—4, 1937, s. 641—655.
470. Kurtağlu Fevzi. Son Altın Ordu hükümdarlarının Osmanlı hukumdari Mehmet IIye bir mektubu.—TTKB, c. II, № 5—6, 1938, s. 275—280.
471. Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Л. 1928.
472. Rahmeti R. Arat. Fatih Sultan Mehmedin yarlıgı.—TM, 1936—1939, c. VI. s 285—322.
473. Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223—1502). Leipzig, 1943. (und Wiesbaden, 1962).
474. Taymas A. Yarlıklara dair.—TM, 1940—1942, c. VII—VIII, cüzl, 1942, s. 356—362.
475. Thomsen Kaare. Das Kasantatarische und die Westsibirische Dialekte.—PhTF, t. I, 1959, s. 407—421.
476. Togan Velidi A. Zeki. Umumi türk tarihine giris. c. I. En eski devirlerden 16. asra kader. Istanbul, 1946.
477. Uzunçarşılı Ismail Hakkı. Osmanlı devleti zamanında kullanılmış olan bazi mühürler hakında bir tetkik.—TTKB, 1940, c. 4, № 16, s. 495—544.
478. Uzunçarşılı Ismail Hakki. Tugra ve pençeler ile ferman ve buyurubdulara dair.—TTKB, c. 5, № 17—18, 1941, s. 101—157.
479. Vàmbèry Hermann. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Innsbruck. 1870.
480. Zayaczkowski Ananiasz. Najastarsza wersja turecka Husäu u Sirin Qutba. Czesc I. Text; Czesc II, Facsimile; Czesc III, Slownik. Warszawa, 1958—1961.

481. ابوالغازی بهادرخان · شجرهٔ ترکی ، قزان ، ۱۸۲۴ ·
482. آطلاسف هادی · قزان خانلغی · انچی جلد ، قزان ۱۹۱۴ ·
483. آقچورین ع · توقتامش خان یارلیغی · — « شورا » ، ۱۹۱۲ · ۲ ، ۵۱-۵۹ ·
484. آقچورین ع · توقتامش خانلك ۲ نچی یارلیغی · — « شورا » ۱۹۱۲ · ۱ ، ۳۰۹ - ۳۰۷ ·
485. بطال عبدالله · قازان یوردنده بولونمش تاریخی بر وثیقه · صاحب کرای خان یارلیغی — « توركیات مجموعه سی » ایکنچی جلد ، ۱۹۲۶ · استانبول ۱۹۲۸ ·
486. بطال ع · تاتار تاریخی (درسلك) · توزه تلگان بوته یتلگان اوچنچی باصمه قزان ، ۱۹۱۲ ·
487. رحیم علی ، عزیز ع · تاتار ادبیاتی تاریخی · بورنغی دور · قازان ، ۱۹۲۳ ·
488. رحیم علی ، عزیز ع · تاتار ادبیاتی تاریخی · فیودالیزم دوری · قازان ۱۹۲۵ ·
489. رضاءالدین بن فخرالدین · التماس و رجا — « شورا » ، ۱۹۱۲ ، ۲۲ ، ۲ نچی تشلق بیت ·
490. رضاءالدین بن فخرالدین · صفا گرای خان · — « شورا » ، ۱۹۰۸ ، ۱۶-۱۵ ·
491. مرجانی شهاب الدین بن بهاءالدین · مستفاد الاخبار فی احوال قزان وبلغار · القسم الاول والثانی · قزان ۱۹۱۰-۱۸۸۵ ·
492. ولیدی احمد زکی · یارلیغلر مناسبتی ایله · — « شورا » ، ۱۹۱۲ ، ۱۵ ·

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

I. АРХЕОГРАФИЯ 20

Глава первая. **Основные коллекции ярлыков в СССР** 20

Глава вторая. **Описание жалованных ярлыков** 28

Глава третья. **Спорные вопросы подлинности, атрибуции и датировки некоторых актов** 58

Глава четвертая. **О количественном соотношении сохранившихся ярлыков по регионам** 72

II. ПАЛЕОГРАФИЯ 85

Глава первая. **Материал и орудия письма** 86
1. Бумага 86
2. Чернила 89
3. Калам 92

Глава вторая. **Язык и письменность** 94
1. О лингво-графической ситуации 94
2. О литературном языке Джучиева Улуса 101
3. О языковых особенностях ярлыков 107

Глава третья. **Письменность и основные почерки** 111
1. Уйгурское письмо 111
2. Почерки арабописьменных жалований 115

Глава четвертая. **Исполнители и внешнее оформление ярлыков** 125
1. Писцы и ходатаи 125
2. Внешнее оформление 131

III. СФРАГИСТИКА 139

Глава первая. **Характеристика удостоверительных знаков** . 139
1. Перстневые печати 140
2. Квадратные тамги 143

Глава вторая. **Функции и назначение печатей** 167

IV. ДИПЛОМАТИКА 183

Глава первая. **Начальный протокол** 184
1. Инвокация 184
2. Интитуляция 186
3. Инскрипция 205

Глава вторая. **Основная часть** 229
1. Вступительно-повествовательная часть 229
2. Диспозиция 233
3. Санкция 247
4. Сведения об удостоверении 252

Глава третья. **Конечный протокол** 256
1. Дата и место выдачи 257
2. Об исполнителях оформления актов 267

Глава четвертая. **Вопросы классификации и особенностей развития жалованных ярлыков** 271
1. Классификация джучидских официальных актов 271
2. Некоторые особенности развития жалованных ярлыков 282

Заключение 292

Список сокращений 297

Источники и литература 299

Миркасым Абдулхатович Усманов

ЖАЛОВАННЫЕ АКТЫ ДЖУЧИЕВА УЛУСА XIV—XVI вв.

Редактор *В. В. Аристов*
Техн. редактор *Л. И. Блашкова*
Обложка художника *Б. А. Чукомина*
Корректор *Н. Г. Шихобалова*

ИБ № 389

Сдано в набор 18/XII-1978 г. Подписано к печати 12/XI-1979 г. ПФ 10146. Формат бумаги $60\times90^{1}/_{16}$. Печ. л. 20,0. Учет.-изд. л. 21,6. Заказ А-79. Тираж 1450 экз. Цена без переплета 2 р. 56 к. Переплет 14 к.

Издательство Казанского университета, ул. Ленина, д. 2.

Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Государственного комитета Татарской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Казань, ул. Баумана, д. 19.